В. Д. РАК

РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СБОРНИКИ И ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

В. Д. Рак

РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СБОРНИКИ И ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

*Иностранные источники,
состав, техника компиляции*

Гуманитарное агентство
«Академический проект»
Санкт-Петербург
1998

Рецензенты:
Н. Д. Кочеткова, Ю. Д. Левин

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект 97–04–16060д

ISBN 5–7331–0125–3

ОТ АВТОРА

Путь к этой книге начался летним днем 1958 г., когда я, молодой человек, только что принятый, не окончив еще аспирантуры, на работу в Отдел систематизации ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне РНБ), с недоумением читал каталожную карточку, на которой знаменитый английский писатель Сэмюэл Ричардсон значился автором заведомо, как я хорошо знал, ему не принадлежавшего сочинения, переведенного на русский язык под заглавием «Индейцы». Владея к тому времени неплохо библиографией английской литературы, я довольно быстро установил настоящего автора и сумел доказать соответствие перевода предполагаемому подлиннику, хотя и не имел возможности сопоставить непосредственно их тексты. Это и некоторые другие мои уточнения к печатной карточке ГПБ не остались незамеченными: они привлекли внимание библиографов, начинавших в то время составление «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века». Евгения Алексеевна Павлович и Рахиль Григорьевна Бокк стали поручать мне решение отдельных затруднительных случаев, и, поскольку все они были в той или иной степени неординарными, нетипическими, выходя за рамки поиска по признаку сопоставления заглавий, эти «загадки» стали превосходной для меня школой, в которой нащупывались и оттачивались теперь уже привычные, а для того времени новые, нестандартные эвристические приемы. Накапливавшийся опыт подготавливал массированный «прорыв» в области установления подлинников и источников русской переводной литературы XVIII в. Это произошло позднее, когда, отчужденный в конце 1960-х гг. волею обстоятельств от того, к чему готовился, работая над кандидатской диссертацией о сатирико-нравоучительных журналах Дж. Аддисона и Р. Стиля, я возобновил, в период «междуделья», свои разыскания и они стали на два десятилетия едва ли не главным моим делом.

Результаты разысканий публиковались статьями, из которых и составилась в большей своей части эта монография. При сведении их воедино потребовалось внести некоторые

изменения. Исключен содержавшийся в них материал, не соответствующий обозначенной в подзаголовке проблематике, и опущены библиографические приложения, так как их регистрационная и справочно-информативная функции полностью исчерпаны однократной публикацией (при необходимости к ним обратиться их можно найти по списку, помещенному в конце книги). С другой стороны, многое уточнено и дополнено новыми сведениями. В частности, я счел целесообразным напечатать таблицы, относящиеся к источникам «Кратких замысловатых повестей» Н.Г.Курганова: по моему мнению, они могут оказаться полезными для изучения фацетийно-анекдотической литературы и в особенности для академического издания «Письмовника», которое, надеюсь, будет когда-нибудь предпринято. Необходимым счел я повторить схему «Источники русских переводов рассказа „Le Sauvage"», потому что при первой ее публикации (в кн.: История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь; XVIII век /Отв. ред. Ю.Д.Левин. СПб., 1995. Т.1. С.291) не было возможности дать все обязательные к ней пояснения.

Монография была завершена в 1984 г., а в 1990 г. представлена в качестве докторской диссертации. С тех пор в нашей жизни произошли важные события, которые, как одно время казалось, навсегда покончили с условиями, породившими в конце 1940-х гг. отвратительную «антикосмополитическую» кампанию, не имевшую ничего общего с подлинным патриотизмом и сохранением национальной самобытности. Однако сейчас уже ясно, что духовные наследники мерзавцев и палачей 1947—1953 гг. готовы в любой момент с удвоенной энергией развернуть идеологические и физические погромы под старым лозунгом «Россия — родина слонов». Вот почему мне кажется, что полемический аспект моей диссертации не потерял — увы! — своей актуальности, и я сохраняю его в полном объеме.

Мои разыскания были бы невозможны, если бы мне не были созданы идеальные условия для работы в отделе «Полиграфия» и так называемой «Иностранной отметке» Российской Национальной библиотеки, равно как и в Отделе редкой книги Библиотеки Академии наук. С неизменным участием и благожелательным вниманием следили за этими разысканиями, поддерживали их советом и делом, заслушивали на своих заседаниях и публиковали в своих сборниках Группа (ныне сектор) по изучению литературы XVIII в. и Сектор взаимосвязей русской и зарубежных литератур Института русской литературы (Пушкинского Дома). Всем

этим моим доброжелателям — коллегам, хорошим знакомым и друзьям — я выражаю искреннюю признательность.

Выпуская в свет свой в некотором роде итоговый труд, считаю долгом почтить светлую память моих учителей. Первой должна быть названа моя школьная учительница Ида Геннадиевна Соколова, на чьих уроках литературы в течение трех лет сидели и слушали ее, как завороженные, впитывая прекрасное и доброе, двадцать пять мальчиков, издерганных пришедшимися на самый их трудный возраст военными и первыми послевоенными годами. О силе воздействия и необычайной увлекательности уроков этой талантливейшей учительницы можно составить впечатление, прочитав о ее лекциях, которыми она поддерживала дух заключенных женщин в сталинском концлагере.[1] Как ни странно может показаться, но не менее в своих литературоведческих исследованиях я обязан моему школьному учителю математики Михаилу Исаевичу Гухману, который, готовя из меня также математика, нещадно муштровал и приучал к дисциплине мой ум, заставляя искать рациональные и красивые решения, требуя точно и сжато излагать мысль, сурово наказывая за каждый незначительный пробел в цепи доказательств и за непоставленную в должном месте запятую или употребленное ненужное слово. Математиком я не стал, и Михаил Исаевич на меня за это обижался, но без него вряд ли решил бы я загадку «Кратких замысловатых повестей». Хлесткая, но всегда жизнеутверждающая ирония Изабеллы Романовны Гербач, учившей меня английскому языку, вносила свежую, здоровую струю в университетскую атмосферу первой половины 1950-х гг. и помогала неокрепшему уму подвергать скептическому анализу многое из того, что официальная программа обязывала его усвоить в качестве непреложных истин. Профессор Екатерина Иннокентьевна Клименко, под чьим руководством я писал дипломную работу, а потом и кандидатскую диссертацию, обладала изумительным умением мелкими, как казалось начинающему исследователю, «придирками» выводить его на решение сложных и всегда конкретных историко-литературных проблем, осаживать его неумеренную резвость и отвлекать от разных бесплодных дискуссий и кампаний, которые навязывались науке вождями от идеологии.

Отдел пушкиноведения Института русской литературы, где я имею счастье и удовольствие ныне работать, принял на

---

[1] Швед С.А. Воспоминания // Урал. 1988. №2. С.79—80, 87—88.

себя основное бремя предварительных финансовых расходов и организационных хлопот, без чего моя диссертация была обречена пылиться в рукописи и никогда не увидеть света.

В связи с особенностями компьютерного набора некоторые сноски расположены не на одной странице с текстом, к которому они относятся, а на следующей.

ВВЕДЕНИЕ

Отправною точкою предлагаемой работы был предпринятый автором поиск иностранных подлинников, оригиналов и конкретных источников[2] русских переводов XVIII в. В общей сложности эти данные были установлены для многих переводных художественных произведений и других разнообразных сочинений, дошедших до русского читателя анонимными, с измененными заглавиями, без указания их переводного характера либо языка Пд или Ор, в виде отрывков, переделок, подражаний и т. п. Точную библиографическую «привязку» получили более 300 книг и 950 журнальных публикаций, большое число мелких сочинений, напечатанных в сборниках и альманахах, а также 300 с лишним анекдотов и фацеций из «Письмовника» Н.Г.Курганова. Этот достаточно представительный в рамках русской литературы XVIII в. материал убедительно показал, что отсутствие сведений о подлиннике, его авторе, а также — во многих случаях — о конкретных изданиях, по которым непосредственно работал русский переводчик или писатель, оборачивается неизбежно помехой, вносящей серьезные искажения в историко-литературную интерпретацию произведений, уходящих своими кор-

---

[2] Подлинником (Пд) будем называть печатный авторский текст произведения; авторские редакции и не отходящие от авторской воли переиздания могут при необходимости обозначаться $Пд_1$, $Пд_2$, и т. д., либо Пд', Пд'' и т. д., либо комбинациями этих значков.

Оригиналом (Ор) будем называть текст, переданный русским переводом. Если переводчик работает с авторским текстом, Ор совпадает с Пд; в других случаях в функции Ор выступает перевод-посредник, искаженное издание авторского текста либо переработка, принадлежащая другому лицу, вольное подражание и пр. Переиздания Ор могут при необходимости обозначаться $Ор_1$, $Ор_2$ и т. д. либо Ор', Ор'' и т. д. Ор всегда является посредником (Пс) между Пд и конечным русским переводом; в свою очередь между Пд и Ор может находиться цепь опосредствующих трансформаций (Тр) авторского текста в виде переводов на другие языки, переделок, подражаний и пр. При необходимости каждое звено в этой цепи может обозначаться цифрой или штрихом, подставляемым к сокращению ($Тр_1$, $Тр_2$ и т. п.).

Источником (Ис) будем называть конкретное издание, по которому выполнен перевод, или (в случае невозможности точного установления) стереотипные переиздания, по одному из которых он мог быть выполнен. Известны случаи, когда переводчик пользуется разными (в том числе и разноязычными) изданиями; множественность источников может быть показана теми же уточняющими значками.

нями в иноязычную почву. Во многих случаях библиографический поиск логически перерастал в литературоведческое исследование, поскольку выявляемые факты влекли за собой существенные уточнения, частичный или кардинальный пересмотр, либо вообще полное опровержение как полемических, дискутируемых, так и прочно устоявшихся суждений и точек зрения, которыми обросли в трудах ученых некоторые периодические издания и отдельные переводные сочинения.

В процессе работы четко выкристаллизовался и получил многократное подтверждение вывод, согласно которому *достоверная историко-литературная оценка переводного произведения в русском контексте, равно и любой иной русской трансформации иноязычного сочинения невозможна при отсутствии сведений о его Пд, Тр, Ор, Ис.*

Этот тезис до сих пор, несмотря на свою, казалось бы, неоспоримость и очевидность, отнюдь не признан в отечественном литературоведении обязательным методологическим принципом. Напротив, исторически сложилось равнодушное, а нередко переходящее и в нигилистическое, отношение к поиску Пд, Тр, Ор, Ис переводных сочинений, их переделок, подражаний и различных заимствований.

Библиография русских переводов XVIII в. пребывала вплоть до 1960-х гг. в неразвитом и крайне запущенном состоянии. Справочные пособия Сопикова (в том числе переиздание 1904—1906 гг. под ред. В.Н.Рогожина), Смирдина, Неустроева давали в большинстве случаев очень глухие сведения об авторах переводных сочинений, многие атрибуции были ошибочны, для тысяч книг и журнальных публикаций не были известны ни фамилии авторов, ни названия Пд и Ор. Сведения (не очень, впрочем, обильные), накапливавшиеся в частных литературоведческих исследованиях и библиографических списках, посвященных преимущественно отдельным, самым видным европейским авторам[3] и некоторым русским журналам XVIII в.[4], не суммировались и не

---

[3] Большинство из них учтено в кн.: Кандель Б.Л. Библиография русских библиографий по зарубежной художественной литературе и литературоведению. Л., 1962; История русской литературы XVIII века: Библиографический указатель / Сост. В.П.Степанов и Ю.В.Стенник; под ред. П.Н.Беркова. Л. 1968. С.105—134.

[4] Солнцев В.Ф. «Всякая всячина» и «Спектатор» // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. Ч.279. №1, отд.2. С.125—156; Солнцев В.Ф. «Смесь»: Сатирический журнал 1769 года. СПб., 1893; Лазурский В.Ф. «Le Spectateur» и «Всякая всячина» // Русский библиофил. 1914. №8. С.23—27.

находили выхода в сводную библиографию. В середине XX в. был издан каталог, который по сведениям о переводных книгах находился едва ли не на уровне справочников Сопикова и Смирдина.[5] Специальные библиографии существенно не меняли общей картины.[6] Среди литературоведов почти не было энтузиастов систематических разысканий в области переводной литературы XVIII в., и даже необходимость этой работы в должной мере не осознавалась, в результате чего считалось допустимым ограничиться лишь неопределенным указанием на переводной характер сочинения или предлагать его истолкование, не располагая о нем никакой историко-литературной информацией. Еще в 1967 г. Ю.Д.Левин имел полное основание заявить, что в отечественных литературоведческих работах «игнорирование вопроса об иностранных источниках стало некоей дурной традицией»[7]. Иллюстрируя это свое утверждение, он привел два ярких примера, хронологически разделенных точно столетним промежутком. В 1860 г. А.Н.Афанасьев, характеризуя статьи в «Опыте трудов Вольного российского собрания» (1774, ч.1), счел вполне достаточным отметить лишь то, что они представляют «две главы, переведенные из какого-то иностранного сочинения»[8]. «На том же уровне», констатировал далее Ю.Д.Левин, определение источников проводила в 1959 г. московская исследовательница Т.П.Чернышева, которая, рассуждая, в частности, об опубликованном в журнале «Доброе намерение» кратком пересказе философской

---

[5] Книги гражданской печати XVIII века: Каталог книг, хранящихся в Гос. публ. б-ке УССР / Сост. С.О.Петров. Киев, 1956.

[6] Например: Сиповский В.В. Из истории русского романа и повести: Материалы по библиографии, истории и теории русского романа. СПб., 1903. Ч.1; Вл. [Семенников В.П.]. «Модное ежемесячное издание», журнал 1779 года // Русский библиофил. 1913. №6. С.13—14 (список переводных повестей); Всеволодский-Гернгросс В.Н. Библиографический и хронологический указатель материалов по истории театра в России в XVII и XVIII вв. // Сборник историко-театральной секции. Пг., 1918. Т.1. Ст.8. С.1—71 (отд. паг.).

[7] Левин Ю.Д. Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века // Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С.5. В дальнейшем сокращенно: Левин. Англ. журналистика.

[8] Афанасьев А. Литературные труды княгини Е.Р.Дашковой // Отечественные записки. 1860. Т.129. №3, отд.1. С.184. Как сейчас установлено, это были отрывки из книги П.Гольбаха «Естественная политика» (см. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, 1725—1800. М., 1966. Т.4. С.159).

повести английского писателя С.Джонсона «Расселас, принц Абиссинский», не приложила никаких усилий, чтобы установить автора этого сочинения.[9]

В столетнем интервале между выбранными Ю.Д.Левиным датами не раз, вследствие небрежения поиском Пд, Тр, Ор, Ис, выдвигались ошибочные интерпретации и ложные атрибуции.

Например, А.Н.Пыпин занес — правда, не без колебания — в отдел «Русских опытов и подражаний» рукописную «Гисторию о Скифском принце Любиме», не заметив, что цитируемые им начальные ее строки почти дословно совпадают с началом рукописной «Сказки о принце Любиме», зарегистрированной им в отделе «Произведения переводные».[10] Источник же обеих рукописей один — «Детское училище» М.Лепренс де Бомон в переводе П.С.Свистунова.[11]

В довоенной статье А.Я.Кучерова небольшое анонимное «лирическое» сочинение «Путешествие в Мекку», напечатанное в брошюре «Плоды свободного времени, или Переведенные на досуге с французского две повести» (СПб., 1795), рассматривалось как «замаскированный отклик на события в Европе наименее реакционной части масонства»[12] и в подтверждение цитировались из «философской концовки» несколько фрагментов, содержащих предостережения правителям. Никем за полвека не оспоренное, это истолкование обнаруживает полную несостоятельность, как только становится известным, что подлинник входит в состав необычайно популярного во второй половине XVIII в. сборника «Восточные басни» («Fables orientales») французского писателя

---

9 Чернышева Т.П. Московский журнал 1764 г. «Доброе намерение» // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В.П.Потемкина. 1959. Т.98. С.50,52. Добавим, что, уделив большое внимание переводам из сочинения испанского писателя Антонио де Гевары «Часы правителей, или Золотая книга императора Марка Аврелия» (1529), исследовательница осталась при убеждении, что анализировала произведения античных классиков.

10 Пыпин А.Н. Для любителей книжной старины: Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII века. М., 1888. С.37, 71—72.

11 Сказка о принце Любиме // Лепренс де Бомон М. Детское училище, или Нравоучительные разговоры между разумною учительницею и знатными разных лет ученицами / [Пер. П.С.Свистунова]. СПб., 1761. [Ч.1]. С.19-54 (день 1, разговор 3).

12 Кучеров А.Я. Французская революция и русская литература XVIII века // XVIII век. М.; Л., 1935. [Сб.1]. С.296. В дальнейших ссылках на это хорошо известное научное издание частные заглавия выпусков не приводятся.

Ж.-Ф. де Сен-Ламбера, давшего это заглавие своим вольным переводам из «Гулистана» Саади, напечатанным вместе с его поэмою «Времена года» (1769).[13] Будь с самого начала проделан необходимый библиографический поиск, то обнаружилось бы, что до 1795 г. «Басни» выдержали большое число переизданий и переводились на другие западноевропейские языки, а многие отдельные из них «повести», в том числе, по-видимому, и «Путешествие в Мекку», перепечатывались в различных периодических изданиях и антологиях. Выступили бы и факты, свидетельствующие о широкой известности «Басен» в России; и уж во всяком случае не осталось бы незамеченным то обстоятельство, что интерпретируемое произведение появилось в двух переводах на русский язык еще за десять лет до того события, на которое в нем нашли отклик.[14]

Подобная же ошибка была допущена в отношении «Письма о воспитании юношества», напечатанного в тобольском журнале в 1793 г.[15] С легкой руки А.И.Дмитриева-Мамонова эта статья была признана без всяких к тому доказательств оригинальной[16], а затем, в связи с поисками следов участия в тобольских периодических изданиях ссыльного автора «Путешествия из Петербурга в Москву», в ней были обнаружены «мысли, сходные со взглядами Радищева»[17]. На самом деле это один из многих выполненных редактором журнала

---

[13] Le voyage de la Mecque // Saint-Lambert J.-F. de. Les saisons: Poème. Amsterdam, 1769. P.364—368. Ср.: Са'ди. Гулистан / Критич. текст, пер., предисл. и примеч. Р.М.Алиева. М., 1959. С.111—112. (Гл.II. О нравах дервишей. Рассказ [27].)

[14] Путешествие в Мекку: Пер. с нем. // Санктпетербургский вестник. 1778. Ч.1, апрель. С.290—293 (перевод неполный); Путешествие в Мекку // Басни восточные господина Сенть Ламберта, переведенные с французского. СПб., 1779. С.65—70.

[15] Библиотека ученая, економическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей. 1793. Ч.3. С.156—168.

[16] Дмитриев-Мамонов А.И. Начало печати в Сибири. 3-е изд. СПб., [1900]. С.55—56. Также без всяких оснований сочтены оригинальными статьи «Краткое повествование о происхождении художеств» и «О драматическом стихотворстве» (Там же. С.50). Недавно установлено, что последняя представляет собою «точный перевод раздела „Драматическая поэзия" из третьего тома „Принципов литературы" Ш.Батте» (см.: Янушкевич А.С. Проблемы критики в первых сибирских журналах // Литературная критика в Сибири. Новосибирск, 1988. С.56 (примеч.16).

[17] Шмаков А.А. Радищев и журналистика дореволюционной Сибири // Сибирские огни. 1952. №5. С.139. К выводам А.А.Шмакова привлек внимание П.Н.Берков в статье «Некоторые спорные вопросы современного изучения жизни и творчества А.Н.Радищева» (в кн.: XVIII век. М.; Л., 1959. Сб.4. С.192—193).

П.П.Сумароковым переводов из английского сатирико-нравоучительного листка «Зритель» («The Spectator»). [18]

Если в данном случае до прямой атрибуции статьи Радищеву не дошло, то в другом она была, к сожалению, безответственно предложена. Речь идет о высказанном Г.П.Штормом предположении, согласно которому А.Н.Радищеву принадлежит статья «Путешествия», напечатанная в 1797 г. в тринадцатой части журнала «Приятное и полезное препровождение времени». [19]

Выдвигая свою гипотезу, Г.П.Шторм не привел ни одного сколько-нибудь убедительного, с точки зрения текстологии, доказательства в ее поддержку. Главным основанием для того, чтобы приписать указанную статью Радищеву, послужил для него комплекс якобы радищевских идей, которые он в ней усмотрел. Из приводимых цитат и пересказа содержания статьи с полной очевидностью вытекает, что этот комплекс состоит из общих мест Просвещения XVIII в. Не убедительно звучит и ее сопоставление с девятым параграфом записки «О законоположении», так как в конечном итоге оказывается, что «удивительная общность их основных идей» сводится лишь к тому, что в обоих сочинениях говорится о пользе путешествий в целях самообразования и изучения чужеземных нравов и законов. Эта мысль была настолько банальна, что, наверное, в XVIII в. трудно было бы найти того, кто ее не разделял. При отсутствии серьезных доказательств ни в коей мере не придает весомости гипотезе указание на то, что в Илимске Радищев получал «Приятное и полезное препровождение времени» и что редактор этого журнала П.А.Сохацкий «был, видимо, близко знаком с Радищевым через своего земляка и приятеля М.И.Антоновского». Для большей убедительности своей точки зрения Г.П.Шторм лишил всех иностранцев, живших в XVIII в., способности любить свою страну, чтобы, исходя из этого ложного тезиса, сделать следующий вывод в подкрепление своей гипотезы: «Текст статьи как будто не вызывает сомнений в том, что это не перевод, а произведение оригинальное, русское и притом выстраданное. Иностранцы так о своей земле не писали».

Свою аргументацию Г.П.Шторм заключил словами: «От решающего вывода воздержусь только из принятой в таких

---

[18] Левин. Англ. журналистика. С.97. №241.

[19] Шторм Г. «Нам вольность первый прорицал...» // Лит. газ. 1973. №34. 22 августа. Цитаты из статьи приводятся далее в кавычках без ссылок.

случаях осторожности». Они, впрочем, не отвергают основной мысли статьи: «Итак, наиболее вероятно, что это все-таки Радищев, расширивший рамки избранного им жанра и одновременно заявивший о верности своему „Путешествию" как книге наилучшей „для тех, кто умеет ее читать"». Однако именно в данном случае осторожность не помешала бы исследователю, так как эта «неучтенная, скорее всего радищевская, необыкновенная статья» еще тринадцатью годами ранее была напечатана в журнале «Покоящийся трудолюбец» под заглавием «Общие примечания о путешествиях».[20] Достаточно самого беглого сличения текстов, чтобы установить, что в «Покоящемся трудолюбце» и «Приятном и полезном препровождении времени» напечатаны разные переводы одного и того же иностранного сочинения, которым была глава «Observations générales sur les voyages» из книги маркиза Масона де Пезе (Masson de Pezay, Alexandre-Frédéric-Jacque, 1741—1777) «Les soirées helvétiennes, alsaciennes et fran-comtoises» (1771). В «Приятном и полезном препровождении времени» эта глава была переведена, по всей вероятности, по перепечатке в многотомном французском издании «Занимательное собрание путешествий в стихах и прозе»[21].

В переводе, напечатанном в «Приятном и полезном препровождении времени», опущены все те места подлинника, которые в 1797 г. должны были звучать радикально. Так, например, не переведен занимающий в подлиннике несколько страниц проект, предлагающий искать мыслящих молодых людей, которых стоило бы посылать в путешествия за границу на счет государства, среди учащихся незнатного происхождения, выходцев из бедных семей. Попутно опущены также насмешки над дворянскими неучами и светскими шалопаями.[22] Вряд ли после этого можно говорить о верности идеям «Путешествия из Петербурга в Москву», которую Г.П.Шторм обнаружил в этой статье! Переводчик «Покоящегося трудолюбца» в свое время, напротив, воспроизвел все соответствующие места подлинника, причем в отдельных случаях их русифицировал, придав им тем самым большую полемичность и злободневность.[23]

---

[20] Покоящийся трудолюбец. 1784. Ч.2. С.125—134.

[21] Recueil amusant de voyages, en vers et en prose; faits par différens auteurs, auquel on a joint un choix des épitres, contes et fables morales qui ont rapport aux voyages. Paris, 1786. Vol.1. P.7—21; 2nd éd. Paris, 1787. Vol.1. P.7—21.

[22] Recueil amusant de voyages... Vol.1. P.9, 12—17.

[23] Покоящийся трудолюбец. 1784. Ч.2. С.126—128, 130—131.

В 1797—1798 гг. в «Приятном и полезном препровождении времени» было помещено несколько переводов, выполненных, по всей видимости, разными людьми, но из того же источника, из которого, в частности, была, очевидно, заимствована и статья «Путешествия». Среди них есть переводы, подписанные криптонимом «И», которым, по сведениям Д.Кобеко, пользовался В.С.Подшивалов[24] (в том числе этим криптонимом подписан перевод другой главы из книги Масона де Пезе[25]). Вопрос о переводах из «Занимательного собрания путешествий» и лицах, их осуществлявших, должен стать предметом самостоятельного исследования. Однако уже сейчас видно, насколько поспешным и необоснованным было следующее заявление Г.П.Шторма: «Ни редакторы журнала — П.А.Сохацкий и В.С.Подшивалов, ни кто-либо из его сотрудников, судя по их тематике и стилю, не могут оспаривать у Радищева авторство этого анонимного сочинения».

Ошибочных атрибуций переводов накопилось за рассматриваемый период немало, и собрания сочинений наших классиков были засорены произведениями западноевропейских писателей.

Так, в свое время Л.Н.Майков высказал предположение о том, что автором очерка «Модные торговки» в журнале «Утренние часы»[26] был И.А.Крылов.[27] Без какой-либо проверки его догадка была сочтена «убедительной», и очерк был включен в раздел «Произведения, приписываемые И.А.Крылову» полного собрания сочинений писателя[28], а тридцатью годами позже в академической коллективной монографии не только было заявлено, что эта атрибуция существует «не без основания», но и прямо утверждалось, что «это не перевод, а оригинальное сочинение»[29]. На самом деле «Модные торговки» — глава из многотомного собрания очерков Л.-С.Мерсье «Картина Парижа», и переведена она была, вполне вероятно, И.Г.Рахманиновым.[30]

[24] Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1956. Т.1. С.400.

[25] Восхождение солнца: Вид Женевского озера // Приятное и полезное препровождение времени. 1797. Ч.15. С.3-13. Оригинал: Lever du soleil, vu des bords du Lac de Genève. Promenade sur le lac // Recueil amusant de voyages... Vol.1. P.309—321.

[26] Утренние часы. 1789. Ч.4. Неделя 42. 1 февр. С.37—48.

[27] Майков Л.Н. Историко-литературные очерки. СПб., 1895. С.37.

[28] Крылов И.А. Полн. собр. соч. / Под ред. Д.Бедного. М., 1945. Т.1. С.424—428, 477.

[29] Иван Андреевич Крылов: Проблемы творчества. Л., 1975. С.61.

[30] Рак В.Д. Переводческая деятельность И.Г.Рахманинова и журнал «Утренние часы» // Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. Л., 1980. С.124—125. №77.

Г.П.Макогоненко включил в корпус сочинений Н.И.Новикова небольшую статью «Истины» из четвертой части журнала «Утренний свет».[31] В двадцати составляющих эту статью афоризмах Н.И.Новиков, как говорится в комментарии, «изложил главнейшие моменты своего этического учения»[32]. Есть, однако, очень веские основания считать эту подборку переведенной из французского журнала тверским знакомым Новикова, бывшим его соучеником по университетской гимназии, В.А.Приклонским.[33]

Поразительно живуча и небрежность по отношению к тому, что уже открыто и опубликовано в области разыскания иностранных источников.

Так, потребовалось двадцать лет, чтобы прочно утвердилось в нашем литературоведении и было доведено до читателей массовых изданий сенсационное открытие немецкого ученого Х.Грасхофа, установившего, что басня «Лисица-кознодей», которая всегда и всеми без малейшей тени сомнения признавалась оригинальным сочинением Фонвизина, представляет вольное, но передающее все детали подлинника и притом усиливающее сатирическую, социально-политическую остроту переложение прозаической басни без заглавия («In Lybien starb 'mal ein Löwe...») немецкого поэта, музыканта, журналиста Х.Ф.Д.Шубарта (1739—1791), напечатанной в №77 его журнала «Deutschen Chronik auf das Jahr 1774».[34]

Яркий пример безразличия и равнодушия к результатам проведенных исследований по установлению Пд, Тр, Ор, Ис содержит статья М.Л.Смусиной о «Письмах к наборщикам» А.А.Ржевского. Определяя 1760-е гг. как «время возникновения в литературе повышенного интереса к человеку, к его душевному миру», исследовательница развивает следующую мысль: «В поисках объяснения непонятного в человеческом характере, мыслях, чувствах писатели шли по пути, подсказанному философией века, по пути механического объяснения сложнейших проявлений психики. Именно на этом пути возникают различного рода „анатомии" (анатомия мозга петиметра и сердца кокетки в „Сне", обозначенном как

[31] Утренний свет. 1778. Ч.4. Октябрь. С.155—159; Новиков Н.И. Избр. соч. / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Г.П.Макогоненко. М.; Л., 1951. С.393—395.

[32] Новиков Н.И. Избр. соч. С.736, ср.: Макогоненко Г.П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.; Л., 1951. С.312.

[33] Рак В.Д. Переводчик В.А.Приклонский (материалы к истории тверского «культурного гнезда» в 1770—1780 годы) // XVIII век. Л., 1981. Сб.13. С.251.

[34] Grasshoff H. Eine deutsche Parallele der Лисица-кознодей: (Fonvizin und Schubart) // Zeitschrift für Slawistik. 1962. Bd 7. H.2. S.167—174.

перевод, но, скорей всего, самостоятельном произведении Сергея Домашнева, анатомические примечания о телодвижениях спорщиков, лекарей, подъячих и клеветников в <...> произведении М.Хераскова „О повадках“), приборы, позволяющие видеть „внутри человека“, и т. п.»[35] Между тем достаточно было навести справку в библиографии, приложенной к статье Ю.Д.Левина, чтобы установить, что в журнале «Полезное увеселение» были напечатаны под этим названием переводы двух очерков Дж.Аддисона из сатирико-нравоучительного журнала «Зритель» («The Spectator», Nos. 275, 281).[36] Все другие сатирические «анатомии» в европейской журналистике XVIII в. были не чем иным, как штампом литературного «остроумия», ведущим свое начало именно от этих двух знаменитых в эпоху Просвещения очерков, в которых впервые был использован этот прием.

Перечень всевозможных ошибок, подобных разобранным, можно было бы долго продолжать, но и приведенные примеры достаточно, кажется, убедительно, доказывают, что невнимание к Пд, Тр, Ор, Ис переводных сочинений действительно сложилось в традицию нашего литературоведения. Задача, однако, состоит не в «обличении» тех, кто внес так или иначе в нее лепту, а в том, чтобы проследить ее истоки и понять условия, в которых она сформировалась.

Труды русских ученых конца XIX — первых двух десятилетий XX в. (В.Ф.Солнцева, В.Ф.Лазурского, В.В.Сиповского, В.П.Семенникова) намечали путь исследованиям, которые потребовали бы кропотливых разысканий Пд, Тр, Ор, Ис и тщательных сопоставлений русских текстов с иностранными. По-видимому, если учесть достижения к тому времени и тенденции в других областях отечественного литературоведения, особенно в сравнительно-исторической и пушкинистике, эта ветвь изучения литературы XVIII в. имела все перспективы для активного цветения и плодоношения. Ее нормальное развитие было искусственно прервано введением директивного управления наукой и принудительной идеологизацией.

Существенную роль сыграла дискуссия, развернувшаяся в 1930-х гг. вокруг сформировавшегося в русле идей РАПП'а взгляда на литературу XVIII в. как на дворянскую, а потому классово чуждую, занимающую «в архиве прошлого» «один

---

[35] Смусина М.Л. Прозаический цикл А.А.Ржевского «Письма к наборщикам» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: От классицизма к романтизму. Л., 1976. Вып.2. С.30–31.

[36] Левин. Англ. журналистика. С.90. (№81, 82).

из отдаленных закоулков», представляющую «мало ценности» и «мало интересную».[37] Одной из прочных и главных опор этой трактовки было эклектически заимствованное у Белинского и академической науки XIX — начала XX в. представление об исключительно подражательном характере литературы XVIII в.[38] С этой старой, обрядившейся в тогу марксизма концепцией, использованной для того, чтобы лишить русскую культуру ее важного исторического этапа и образовать черный провал в ее развитии, полемизировали Г.А.Гуковский[39] и В.А.Десницкий[40], вынужденные обстановкой той эпохи гипертрофировать «выгодную», «обеляющую» от яростных нападок противников сторону в ущерб реальным пропорциям. Споры были прерваны войною, а после ее окончания, когда жизнь возвращалась в прежнее русло, в среде ученых, занимавшихся литературой XVIII в., существовали, по всей вероятности, опасения рецидивов нигилистического к ней отношения, и проблематика дискуссии 30-х годов представлялась, очевидно, по-прежнему актуальной. С другой стороны, в обстановке вызванного великою победою подъема русского национального самосознания акценты в восприятии отечественной литературы перемещались, естественно, на оригинальное и самобытное в ней, а заимствованное уходило в тень и вспоминалось с неохотою.

Акцентирование самостоятельности и оригинальности литературного процесса в России в XVIII в. (как, впрочем, и в любую другую эпоху) было полностью справедливо и выводило на обширное поле плодотворных исследований, отнюдь не подвергая сомнению и тем более не отменяя сопоставительные штудии, а, напротив, предъявляя к ним более высокие критерии, выполнение которых потребовало бы изощренного владения инструментарием сравнительного литературоведения. Неизбежные полемические «перекосы» в ту и в другую стороны были бы, несомненно, скорректированы, если бы дискуссия проходила в рамках подлинно научного обсуждения, имеющего целью лишь установление истины. Однако события, как известно, получили другой ход. Репрессивная политическая кампания борьбы с космополи-

[37] Мирский Д. О некоторых вопросах изучения русской литературы XVIII в. // Лит. наследство. 1933. Вып.9—10. С.501—509. О полемике см.: Берков П.Н. Введение в изучение истории русской литературы XVIII в. Л., 1964. Ч.1. С.196—207.

[38] Мирский Д. О некоторых вопросах... С.503.

[39] Гуковский Г.А. За изучение восемнадцатого века // Лит. наследство. 1933. Вып.9—10. С.296—300.

[40] Десницкий В.А. На литературные темы. Л., 1936. Кн.2. С.82.

тизмом приравняла к идеологической диверсии, а в отношении ряда ученых и к противоправному деянию любое упоминание о каких-либо связях русской литературы с западноевропейскими, если только при этом не декларировалась абсолютная ее независимость от иностранных влияний и не отрицалась даже возможность заимствований. Сами термины «влияние» и «заимствование» приобрели одиозный смысл.

Издавая в этой обстановке свою монографию, посвященную истории русской журналистики XVIII в., П.Н.Берков был поставлен перед необходимостью дать объяснение вынужденному преуменьшению действительной роли и значения огромного массива переводов, заполнявших страницы отечественных периодических изданий в эпоху Просвещения. Возможность компромисса между жестким идеологическим диктатом извне, предписывавшим «подгонку» истории под спускаемые сверху установки, и совестью ученого, требовавшей при всех обстоятельствах держаться истины, была найдена, как это ни парадоксально, в принципиальной, основополагающей концепции освистываемого и гонимого сравнительного литературоведения, а именно в разработанной до войны В.М.Жирмунским и давшей блестящие результаты в его историко-литературоведческих исследованиях «Гете в русской литературе» (1937) и «Пушкин и западные литературы» (1937) концепции восприятия художественного произведения в инонациональной среде.[41]

«Конечно, всякое литературное произведение по своему генезису принадлежит национальной литературе, исторической эпохе, общественному классу, его породившему, — писал В.М.Жирмунский. — Но в процессе международного литературного обмена <...> оно становится действенным фактором других литератур, претерпевая при этом более или менее значительную социальную трансформацию в переводах, подражаниях и творческих истолкованиях, оно включается в развитие этих литератур как явление общественной идеологии, в известном отношении равноправное с продуктами национального творчества. В этом смысле русский Гете есть проблема русского литературного и общественного развития»[42].

---

[41] Первоначально концепция была сформулирована в докладе, прочитанном в 1935 г. и опубликованном статьей «Сравнительное литературоведение и проблема литературных влияний» (Известия АН СССР, Отд. обществ. наук. 1936. №3. С.383—403), затем она уточнялась и дополнялась в последующих трудах. См. об этом: [Левин Ю.Д.]. В.М.Жирмунский — теоретик сравнительного литературоведения // Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Л., 1979. С.6—10.

[42] Жирмунский В.М. Гете в русской литературе. Л., 1981. С.14.

Под этим углом зрения любой перевод приобретает историко-литературную значимость прежде всего не как проводник иностранного влияния, не как посредник, способствующий усвоению идей и представлений, выработанных в других странах, а как факт русской общественной и культурной жизни, выражающий движение мысли, искания и запросы именно русских людей в те годы, когда он появился. Применительно к русской переводной литературе XVIII в. это положение обрело у П.Н.Беркова следующую формулировку: «...для истории русской журналистики и литературы вопрос о связи русской журналистики с иностранной имеет второстепенное значение, поскольку даже те статьи, которые являются переводными <...>, по материалу вполне совпадают с обильными показаниями мемуаров и аналогичных источников. Приноровленные к русским условиям, статьи эти уже отвечали местным требованиям и воспринимались литераторами и читателями как факты русской жизни и русской журналистики. Таким образом, для выяснения вопроса, в какой мере сатирическая журналистика отражала русскую действительность эпохи, наличие заимствованных статей не имеет большого значения»[43].

Данью обстоятельствам в этом методологическом пассаже было умаление роли переводов, а в главном своем содержании, подчеркивая необходимость их осмысления в русском контексте, тезис был справедлив. К сожалению, эволюцию в дальнейшем претерпевала не только его научная, рациональная суть.

Время показало, что самый большой урон изучению зарубежных связей русской литературы XVIII в. был нанесен не прямым запретом на публикацию уже подготовленных работ и продолжение исследований в этой области, а глубоким и прочным внедрением в сознание многих формировавшихся в конце 1940-х —1950-е гг. литературоведов сильного предубеждения против уже самой постановки вопроса об этих связях. Но поскольку нельзя было до бесконечности обходить вниманием огромный массив переводов, составлявших в XVIII в. бóльшую часть печатной продукции, а, с другой стороны, сравнительное литературоведение было «реабилитировано» с оговорками, не способствовавшими рассеять предубеждение[44], то методологическую опору это поко-

---

[43] Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С.221. В дальнейшем сокращенно: Берков. Рус. журналистика.

[44] См.: Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур: Материалы дискуссии 11—15 янв. 1960 г. / ИМЛИ. М., 1961.

ление ученых искало в односторонней интерпретации переводов лишь как «фактов русской жизни». На этой почве вырастало представление о принципиальной возможности дать историко-литературную интерпретацию любого переводного произведения безотносительно его подлинника и понять место перевода в русском контексте, ничего не зная о происхождении сочинения и его судьбе в других странах, прежде чем оно дошло до России. Эта концепция прокладывала в научном сознании глубокую пропасть между переводом и подлинником и стала индульгенцией, освобождающей от кропотливой черновой и не всегда кончающейся успехом подготовительной работы, навыки которой в отечественной традиции практически отсутствовали и которая поэтому была особенно трудна. Разумеется, ничего подобного не имел в виду сам П.Н.Берков, ученый необычайно широкой эрудиции, много внимания уделявший библиографии; он понимал необходимость установления источников, лично занимался разысканиями такого рода[45] и поддерживал трудившихся в этой области. Но в трудах других исследователей, соблазненных мнимой простотою интерпретации переводной литературы под углом зрения русского ее восприятия, игнорирование иностранных источников стало принципиальной методологической позицией, что и повлекло за собою прослеженную выше в отдельных звеньях цепь недоразумений, ошибок и нелепостей.

Показательной в этом смысле явилась статья В.Н.Кубачевой о «восточной» повести в русской литературе. Здесь тезис П.Н.Беркова получил следующее толкование и практическое приложение: «...в работе не всегда проводится различие между повестями оригинальными и переводными: во-первых, потому, что очень часто невозможно установить источник тех повестей, которые печатались анонимно и без каких бы то ни было пояснений; во-вторых, потому, что в XVIII в. переводились на русский язык обычно произведения, вполне соответствовавшие идеологическим воззрениям переводчика и читательской аудитории, на которую он рассчитывал. Правда, переводные повести были иногда тесно связаны с жизнью того общества, в котором они возникли. В „восточных“ одеждах они нередко выводили исторических лиц и изображали конкретные события. От русских читателей эта сторона большей частью ускользала. Но оставалась

---

[45] Например: Берков П.Н. «Драмматической словарь» 1787 года // Из истории русских литературных отношений XVIII — XX веков. М.; Л., 1959. С.52—65.

актуальность общих проблем, которая была вызвана сходством общественных условий. Факты же переосмысливались применительно к русской обстановке, и это делало данные повести явлением русской литературы»[46]. Произвольность толкования произведения в отрыве от подлинника немедленно обнаружилась в грубых фактических ошибках. Несколько выявил Ю.Д.Левин, указавший, что три повести, которые В.Н.Кубачева отнесла «к эпохе более ранней, чем XVIII век», сочтя их идеологию противоположной «духу века Просвещения»[47], принадлежат двум крупнейшим английским писателям именно этого времени — Джозефу Аддисону и Сэмюэлю Джонсону.[48] К этому можно добавить, что столь же неверной была оценка повести «О нужде любить»[49] как неудачной.[50] Обнаружив ее в журнале за 1792 г. и признав на этом основании поздней, а потому эпигонской, исследовательница прошла мимо того обстоятельства, что это небольшое сочинение переводилось на русский язык еще четырежды[51] и что упорство, с каким к нему возвращались, опровергает ее о нем мнение. Если же были бы проведены необходимые разыскания, то источник обнаружился бы в упоминавшихся выше «Восточных баснях» Сен-Ламбера — одной из любимых книг читателей второй половины XVIII в. Отсюда цепочка потянулась бы к детским хрестоматиям, из которых и была переведена эта повесть в трех из пяти случаев. Все эти свидетельства ее большой популярности в XVIII в., будь они в распоряжении исследовательницы, скорректировали бы quasi-историческое впечатление, сложившееся при прочтении этого произведения только лишь на фоне других (преимущественно тоже анонимных) «восточных» повестей.

Если бы П.Н.Берков переиздавал свою книгу, остающуюся заслуженно до сегодняшнего дня одним из важнейших, капитальных трудов по русской литературе XVIII в., то свое суждение о месте переводных статей в русской периодиче-

---

46 Кубачева В.Н. «Восточная» повесть в русской литературе XVIII — начала XIX века // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб.5. С.296.

47 Там же. С.300—301.

48 Левин. Англ. журналистика. С.6.

49 Новые ежемесячные сочинения. 1792. Ч.73. Июль. С.59—63.

50 Кубачева В.Н. «Восточная» повесть... С.315.

51 Надобно любить и быть любиму // Детское чтение, или Отборные небольшие повести. СПб., 1779. С.13—16; Любовь за любовь // Детское чтение для сердца и разума. 1785. Ч.1. №12. С.188—192; Потребность любить и быть любиму // Уединенный пошехонец. 1786. Ч.2. Декабрь. С.777—781; Нужно любить и быть любимым // Приятное и полезное препровождение времени. 1798. Ч.18. С.76—80.

ской печати 1769—1774 гг. он, конечно, изложил бы в уточненной редакции, обставив такими оговорками, которые не позволили бы истолковывать его в том неприемлемом для него смысле, что актуальное звучание переводных произведений в условиях русской общественной жизни освобождает исследователя от поиска и даже упоминания их иностранных источников. Но именно в этом примитивном понимании, как показывает, например, статья Г.П.Рычковой о журнале «Смесь»[52], воспринимается и функционирует тезис, сформулированный в «Истории русской журналистики XVIII в.». Оно поддерживается столь же упрощенным и односторонним толкованием основных методологических положений, высказанных советскими учеными в работах по проблемам восприятия художественного произведения в инонациональной среде, в которых внимание обращалось исключительно на трансформации и деформации восприятия[53], но совершенно была забыта другая сторона медали — отпечаток в инонациональном сознании какой-то стойкой, постоянной внутренней основы, позволяющей и в чужой среде распознать в разных обликах одно писательское лицо, например Шекспира («Определить, в чем она состоит, наука пока не умеет», — констатировал Ю.Д.Левин[54]). Не изживает себя, к сожалению, и давнее для нашего литературоведения негативное отношение к поискам заимствований и параллелей, получившее дополнительное теоретическое обоснование в яркой статье Б.Г.Реизова о «Недоросле».[55]

---

[52] Рычкова Г.П. Некоторые жанры сатирической прозы в журнале «Смесь» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1980. Вып.4. С.19—20.

[53] Кроме уже отмеченных выше, укажем еще некоторые: Алексеев М.П. Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия // Труды юбилейной научной сессии / [ЛГУ]. Секция филологических наук. Л., 1946. С.179—223; Реизов Б.Г. Шекспир в зарубежных литературах // Звезда. 1964. №10. С.208—217 (То же под загл.: Судьба Шекспира в зарубежных литературах (XVII—XX вв.) // Реизов Б.Г. Из истории европейских литератур. Л., 1970. С.353—372); Он же. Об изучении литературы в современную эпоху // Рус. лит. 1965. №1. С.8—9; Он же. Сравнительное изучение литературы // Вопросы методологии литературоведения. М.; Л., 1966. С.170—217 (То же // Реизов Б.Г. История и теория литературы. Л., 1986. С.276—310); Берков П.Н. Проблема влияния в историко-литературной науке // Рус. лит. 1972. №1. С.68—69 (То же // Берков П.Н. Проблемы исторического развития литератур. Л., 1981. С.62—64).

[54] Левин Ю.Д. Восприятие творчества инонациональных писателей // Историко-литературный процесс: Проблемы и методы изучения. Л., 1974. С.271.

[55] Реизов Б.Г. К вопросу о западных параллелях «Недоросля» // XVIII век. М.; Л., 1966. Сб.7. С.157—164. (То же // Реизов Б.Г. История и теория литературы. С.180—187).

Распространению односторонней трактовки переводной литературы XVIII в. способствовало, несомненно, в большой мере и то обстоятельство, что исследователям, поставленным перед задачей осмыслить в русском контексте огромный массив переводных анонимных сочинений, не была подготовлена необходимая фактическая база, так что прокладывать путь в библиографических джунглях предстояло едва ли не ощупью. В этом отношении много легче положение ученого, прослеживающего движение восприятия в России творчества определенного писателя. Он имеет дело с конкретным, опознанным материалом. Сравнивая выявленные им переводы, переделки и подражания с подлинником, он видит все трансформации и деформации оригинального текста, из которых выступают оттенки трактовки. Он собирает отзывы о писателе, свидетельства интереса к его произведениям или, напротив, их неприятия. Знание творческой истории произведения и приема, оказанного ему в разное время на родине и в других странах, оттеняет ему логику и специфику русского восприятия. Каждое предполагаемое им соответствие между переводом и русскими интересами и запросами может быть проверено сравнением с другими переводами того же произведения, других произведений того же писателя или сочинений родственных ему по духу авторов, круг которых может быть установлен с большою точностью. Наконец — и это очень важно, — с какими бы неожиданными и глубокими трансформациями оригинального произведения на русской почве он ни сталкивался, ни на минуту не теряется у него из поля зрения автор подлинника, чья рука ему остается видна даже при самых сильных искажениях. Вполне закономерно В.М.Жирмунский пришел к выводу, что «возможности критического истолкования прошлого, будучи достаточно широкими, небезграничны, так как пределы возможного истолкования заложены в объективных исторически обусловленных особенностях самого произведения или писателя»[56]. По мнению Ю.Д.Левина, «любое художественное произведение имеет некую инвариантную основу, которая остается постоянной при всех деформациях восприятия», «составляет стержень понятия „Шекспир“, или „Гомер“, или „Толстой“ <...> и позволяет отличать их друг от друга»[57]

Этого корректирующего контакта с подлинником и автором изучаемого произведения был лишен и до сих пор в

---

[56] Жирмунский В.М. Гете в русской литературе. С.13.

[57] Левин Ю.Д. Восприятие творчества инонациональных писателей. С.270.

очень-очень многих случаях остается лишен исследователь русской литературы XVIII в., и потому вполне закономерно, что, опираясь на концепцию восприятия художественного произведения, его мысль двигалась к признанию независимой от подлинника жизни перевода. Усматриваемые им в переводном сочинении созвучия с русской действительностью, часто многочисленные, укрепляли его в этом мнении, тем более что они представлялись абсолютными, неоспоримыми, так как не было возможности на сравнительном материале проверить, в какой степени они присутствуют в оригинале, в какой обязаны адаптации произведения к русской действительности, в какой выражают лишь общие места эпохи Просвещения (таких «созвучий» в переводной литературе XVIII в. особенно много!), а в какой являются ложными, рожденными восприятием самого исследователя.

В этом свете установление Пд, Тр, Ор, Ис переводных сочинений, напечатанных в России в XVIII в., имеет все основания быть отнесенным к фундаментальным исследованиям, без проведения которых невозможно определить место каждого перевода и разных их совокупностей в русском литературном процессе, а следовательно — и составить его полную и достоверную картину.

Положение в этой области начало меняться с конца 1950-х гг. Огромную работу проделал коллектив «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века» (т.1—[6]. М., 1962—1975)[58]. При подготовке этого капитального библиографического справочника были установлены авторы и подлинники огромного числа переводных книг, выявлены и исправлены ошибочные атрибуции, обобщены и критически использованы сведения из научных исследований и специальных библиографий.

Независимо от составителей СК и параллельно с ними очень плодотворно трудился на той же ниве Ю.Д.Левин, выявивший в журналах и сборниках XVIII в. свыше 400 переводов из английских периодических изданий и определивший авторство большинства из них.[59] Полемизируя с В.Н.Кубачевой, он справедливо указывал, что, хотя «уста-

---

58 В дальнейшем сокращенно: СК с указанием номера библиографической записи или тома и страницы.

59 Левин. Англ. журналистика. Приложение II. Материалы к библиографии английской журналистики в русских переводах XVIII века. С.84—109); дополнения в кн.: От романтизма к реализму: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1977. С.305—307. Библиография переиздана с дополнениями, исправлениями и уточнениями в кн.: Левин Ю.Д. Восприятие английской литературы в России: Исследования и материалы. Л., 1990. С.76—102

новление источников русских журнальных статей XVIII века — дело весьма трудное», отказываться от него нельзя, так как «пока это не будет сделано с достаточной мерой полноты, до тех пор наши исследования русской журналистики XVIII века будут лишены подлинной научной достоверности»[60]. Перенеся затем свои разыскания в английскую поэзию, Ю.Д.Левин и здесь собрал обильную жатву, результаты которой также оформил в виде солидной библиографии, включающей почти 300 записей.[61]

Обильный материал, относящийся к анонимным переводам, собран в работах П.Р.Заборова, Р.Ю.Данилевского, Р.М.Гороховой и др., опубликованных в сборниках и монографиях Сектора взаимосвязей русской и зарубежных литератур Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН[62]. Важные факты были введены в научный оборот Н.Д.Кочетковой[63], М.В.Разумовской, перевернувшей существовавшие представления о крыловской «Почте духов»[64],

---

60 Левин. Англ. журналистика. С.7.

61 Левин Ю.Д. Английская поэзия и литература русского сентиментализма. Приложение. Английская поэзия XVII—XVIII веков в русских переводах, 1745—1812: Материалы для библиографии // От классицизма к романтизму: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1970. С.269—296; дополнения в кн.: От романтизма к реализму. С.307—308; библиография переиздана в кн.: Левин Ю.Д. Восприятие английской литературы в России. С.203—230; Он же. Оссиан в русской литературе, конец XVIII — первая треть XIX века. Л., 1980. С.144—197. (Приложение. Оссиан в России, 1768—1833: Материалы к библиографии).

62 Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963; Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967; От классицизма к романтизму: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1970; Ранние романтические веяния: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1972; Россия и Запад: Из истории литературных отношений. Л., 1973; Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. Л., 1980; Взаимосвязи русской и зарубежных литератур. Л., 1983; Шекспир и русская культура / Под ред. М.П.Алексеева. М.; Л., 1965; Заборов П.Р. Русская литература и Вольтер: XVIII — первая треть XIX века. Л., 1978; Шарыпкин Д.М. Скандинавская литература в России. Л., 1980; Данилевский Р.Ю. Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII — XIX вв. Л., 1984.

63 Кочеткова Н.Д. Карамзин и Антон Валль //XVIII век. Л., 1969. Сб.8. С.245—258; Она же. И.Г.Рахманинов — переводчик немецких поэтов и творчество молодого Крылова // XVIII век. Л., 1975. Сб.10. С.251—257; Она же. Немецкие писатели в журнале Н.И.Новикова «Утренний свет» // XVII век. Л., 1976. Сб.11. С.113—124; Она же. О первых русских переводах книги Л.-С. Мерсье «Мой спальный колпак» // Там же. С.247—249. Ряд атрибуций опубликован в монографии: Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма: (Эстетические и художественные искания). СПб., 1994.

64 Разумовская М. В. «Почта духов» И. А. Крылова и романы маркиза д'Аржана //Рус. лит. 1978. №1. С.103-115.

О.Б.Кафановой, составившей полную библиографию переводов Н.М.Карамзина с указанием их источников[65]. Интересные результаты принесли и продолжают приносить разыскания немецких и английских литературоведов-русистов.[66] Объединенными трудами ученых Института русской литературы положено начало фундаментальному исследованию русской переводной художественной литературы.[67]

Итак, за последние тридцать лет в библиографии переводов и установлении Пд, Тр, Ор, Ис сделано много больше, чем за все предшествующее столетие изучения русской литературы XVIII в. Тем не менее, при всех эвристических успехах, переводная литература эпохи Просвещения служит еще благодатной почвой для поддержания старых и произрастания новых ошибок, искажений, недоразумений и ложных представлений. Особенно запущенным остается сложный конгломерат огромного множества переводных произведений малых жанров, печатавшихся в периодических изданиях, альманахах и разнообразных сборниках. В отличие от выходивших отдельными книгами переводных романов, пьес, эпических поэм, о большинстве которых известны хотя бы исходные библиографические сведения (фамилия автора, заглавие Пд или Ор), для этого массива не разработана, за немногими исключениями, база даже самых первичных фактических данных. Обеспечение этой основы для изучения на современном уровне явлений русской национальной литературы и культуры, вовлекающих в свою орбиту сочинения

---

[65] Кафанова О.Б. О статье Н.М.Карамзина «Оссиан» //Рус. лит. 1980. №3. С.160—163; Она же. «Юлий Цезарь» Шекспира в переводе Н.М.Карамзина // Рус. лит. 1983. №2. С.158—163; Она же. Переводы Н.М.Карамзина в «Московских ведомостях» // Проблемы метода и жанра. Томск, 1988. Вып.14. С.63—70; Она же. Библиография переводов Н.М.Карамзина (1783—1800 гг.) // XVIII век. Л., 1989. Сб.16. С.319—337; Она же. Библиография переводов Н.М.Карамзина в «Вестнике Европы» (1802—1803 гг.) // XVIII век. СПб., 1991. Сб.17. С.249—283.

[66] Brang P. A.M.Kutuzov als Vermittler des westeuropäischen Sentimentalismus in Russland: (Zum Problem der Attribuierung anonymer Werke des 18. Jahrhunderts) // Zeitschrift für slavische Philologie. 1962. Bd 30. H.1. S.44-57; Keipert H. Eine verkannte Wieland-Übersetzung in Novikovs «Utrennij svet» // Ibid. 1981. Bd 42. H.2. S.227-241; Idem. Deutsche Autoren in Novikovs Zeitschriften «Utrennij svet» und «Moskovskoe ežemesjačnoe izdanie» (Die «Moralischen Briefe zur Bildung des Herzens» von Johann Jakob Dusch). Beitrag zur Tagung «Russia and the West in the Eighteenth Century», Norwich, Juli 1981 (известно по указанию в предыдущей статье); Cross A.G. «S anglinskago»: Books of English Origin in Russian Translation in Late Eighteenth-Century Russia // Oxford Slavonic Papers. 1986. New Series, vol.19. P.62-87.

[67] История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь; XVIII век / Отв. ред. Ю.Д.Левин. СПб., 1995. Т.1. Проза.

непосредственно иноземного происхождения или хранящие в своем генезисе какую-то его степень, требует фронтальных исследований с целью максимально полного выявления цепочек от Пд до публикации перевода в русском журнале, альманахе и сборнике. Каждое звено цепочки может содержать историко-литературную информацию, полезную и необходимую для реконструкции восприятия рассматриваемого произведения в русской среде, причем отсутствие таковой информации в отдельных обнаруживаемых звеньях также является для исследователя немалозначащим сигналом.

Разыскания должны предприниматься не «в пику» и не в противовес методологической концепции самобытного восприятия художественного произведения в инонациональной среде, не для полемики с этой концепцией, а для фактической проверки, уточнения и дополнения выводов, к которым она приводит. Они должны проводиться не для того, чтобы вернуться к давно и справедливо осужденному бесперспективному, крохоборческому выискиванию источников и параллелей, замыкающемуся само на себя, а для того, чтобы через устанавливаемые факты рассмотреть потаенные связи, взаимодействия, процессы, познание которых углубляет или расширяет понимание закономерностей и особенностей функционирования в России того или иного иностранного произведения или группы произведений. А горизонты в этом плане часто открываются очень широкие, самые неожиданные и разнообразные.

Глава 1

РАБОТА Ф.А.ЭМИНА-САТИРИКА С ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

(«Адская почта» и ее французский источник)

Вопрос о западноевропейских образцах, на которые ориентировался Ф.А.Эмин, издавая «Адскую почту», имеет историю долгую, но, если так позволено сказать, дремотную, не знавшую настойчивых поисков, а потому скудную наблюдениями и лишенную открытий. Поднял его Н.Н.Булич: «...слог Эмина не завиден, — писал он, — напрасно в нем будут искать народности, которая заметна во многих наших журналах. Это что-то вроде плохого перевода с чужого языка. Содержание журнала также не выражает собою русской жизни <...>. Сатира <...> отзывается общими местами и носит на себе заметные следы подражания иностранным журналам <...> „Адская почта" много походит на известное сочинение минувшего века „Lettres juives" <...> Остроумие свое он <Эмин> хотел показать и в заглавии своего сочинения, на которое наведен он был известным романом Лесажа»[1]. Кроме этих двух выдающихся произведений французской литературы первой половины XVIII в., «отразились» в «Адской почте», считал Н.Н.Булич, и «Персидские письма», а через их посредничество сатира английских нравоучительных листков «Болтун» («The Tatler») и «Зритель» («The Spectator»), которую, по мнению ученого, эпистолярный роман Монтескье в себя впитал.[2] Прошедшие после выхода монографии Н.Н.Булича сто тридцать лет ничего не добавили к его соображениям и никак их не конкретизировали. Иностранным предшественникам «Адской почты» уделялись исключительно беглые, мимоходные фразы, содержавшие упоминание все тех же названий и обобщенные замечания о ее принадлежности к «обширному

[1] Булич Н.Н. Сумароков и современная ему критика. СПб., 1854. С.247—248.

[2] Там же. С.101.

сатирическому жанру писем, особенно представленному в произведениях французских писателей»[3].

Существовали некоторые специфические обстоятельства, которые сдерживали поиски западноевропейских источников русского журнала. По мере его внимательного изучения и тщательного чтения становилась очевидною ошибочность его характеристики в трудах Н.Н.Булича и А.Н.Афанасьева как бесцветного, полностью подражательного и ни в малейшей степени не выражающего духа народности. Полемизируя с этой точкою зрения в статье, напечатанной сразу после выхода книги А.Н.Афанасьева, Д.Л.Мордовцев рассматривал «Адскую почту» «в числе журналов 1769 года, в особенности отличавшихся обличительным направлением»; главным в ней было для него то, что не увидели два первых ее исследователя, — «честное служение <...> идеям добра и правды, злая ирония над всем, что носит маску благородства, а в сущности подло и вредно»[4]. Содержание журнала Эмина было, по его мнению, самым тесным образом связано именно с русскою проблематикою той эпохи и определялось развернутою передовыми людьми борьбою со всевозможными уродствами общественной жизни своей страны. С развенчанием односторонней, утрированной и «глубоко несправедливой репутации» «Адской почты», сложившейся на основе суждений Н.Н.Булича и А.Н.Афанасьева, выступил в начале нынешнего века В.В.Каллаш, считавший им в противовес, что это периодическое издание представляло «зеркало, в котором отразилась тогдашняя жизнь, со всеми ее угловатостями и шероховатостями»[5]. Амплитуда научной оценки, двигаясь в сторону, противоположную той, куда тяготело мнение Н.Н.Булича и А.Н.Афанасьева, достигла постепенно симметричной ему точки, когда «Адская почта» была названа «одним из лучших сатирических журналов XVIII века»[6]. Но чем рельефнее проявлялся в «бесовской переписке» национальный русский элемент, тем гуще закрывала тень признаки ее зависимости от произведе-

[3] Афанасьев А.Н. Русские сатирические журналы 1769—1774 годов: Эпизод из истории русской литературы прошлого века. М., 1859. С.16, 264; История русской литературы. М.;Л., 1947. Т.4. С.258 (автор главы — Г.А.Гуковский); Берков. Рус. журналистика. С.259; Западов А.В. Русская журналистика XVIII века. М., 1964. С.88—89; История русской журналистики XVIII — XIX веков / Березина В.Г., Дементьев А.Г., Есин Б.И. и др.; Под ред. А.В.Западова. — 3-е, испр. изд. М., 1973. С.45.

[4] Мордовцев Д.Л. Обличительная литература в первых русских журналах и стеснение гласности (1769—1775 г.) // Рус. слово. 1869. №2. Отд. I. С.355.

[5] Каллаш В.В. Очерки по истории русской журналистики: (К двухсотлетию нашей периодической печати). М., 1903. С.41.

[6] Месяцева Г.И. Сатирические журналы М.Д.Чулкова и Ф.А.Эмина: Автореф. дис. ...канд.филол.наук. М., 1953. С.11.

ний иностранных авторов, поскольку этот аспект перестал интересовать исследователей, обратившихся к изучению материала, который им представлялся — не без веских оснований — более значимым и плодотворным для истории русской общественной мысли и литературы. Давно уже обходится молчанием зарубежная тематика в «Адской почте», выявленная, причем неполно, еще Н.Н.Буличем: «...нападения на папу, иезуитов <...>, частые толки о современной европейской политике, преимущественно Франции <...>, выписки из древних писателей, что было совершенно неизвестно другим нашим сатирическим журналам»[7]. До сих пор не сопоставлена «Адская почта» с «Еврейскими письмами» — острыми публицистическими брошюрами маркиза д'Аржанса (Jean-Baptiste de Boyer d'Argens, 1704—1771), выходившими в 1736—1737 гг. дважды в неделю под маскою переписки путешествующего по Европе еврея с его корреспондентами в разных местах и впоследствии несколько раз переиздававшимися.[8] Никак не осмыслены ссылки в журнале на Американского (IX, 188)[9] и Хинского (X, 203—204) шпионов — не было сделано даже попытки установить, о каких авторах или произведениях вел Эмин речь.

1

Из двух бесов, участвующих в переписке, хромоногий пришел в журнал действительно из романа Лесажа, но не прямым путем. Второй тоже был выдуман не самим Эминым. Оба эти агента преисподней были персонажами серии памфлетов французского писателя Эсташа Ленобля (Lenoble, 1643—1711), которые и послужили непосредственным источником «Адской почты».

«Хромой бес» вышел в начале лета 1707 г. (привилегия датирована 5 июня), а уже начиная с сентября появились друг за другом несколько сатирических брошюр Ленобля, представлявших в совокупности отдельные части одного из самых ранних произведений, написанных по горячим следам этого моментально приобретшего знаменитость романа. Первая называлась «Разговор между хромым бесом и кривым бесом», за нею последовал «Второй разговор», в третьем и

---

7 Булич Н.Н. Сумароков и современная ему критика. С.247.

8 Это собрание, как недавно было установлено, представлено несколькими переводами в крыловской «Почте духов» (см.: Разумовская М.В. «Почта духов» И.А.Крылова и романы маркиза д'Аржана. С.108).

9 В ссылках на «Адскую почту» в тексте указываются: римской цифрой — месяц, арабской — страница, арабской со знаком № — порядковый номер письма (при необходимости).

дальнейших порядковый номер с относящимися к нему словами ушел во вторую часть заглавия, которое стало открываться обозначением места, посещаемого посланцами ада: «Бесы в Тюильри», «Бесы во Дворце правосудия», «Бесы на Аллее», «Бесы в сумасшедшем доме». В переиздании, экземпляр которого хранится в Отделе рукописной и редкой книги Библиотеки Российской Академии наук (шифр: 3334.о/13406), эти шесть памфлетов имеют сквозную нумерацию и составляют первый том[10], не обозначенный, правда, на титульных листах. Второй том, начавшийся седьмым выпуском («Бесы на таможне»), на нем же и остановился.[11]

В конволюте БАН к этим семи «Разговорам» приплетены еще два, имеющие общее заглавие («Лорнет кривого беса для узнавания прошедшего, настоящего и будущего») и сквозную нумерацию.[12] Так же они расположены и в конволюте Французской Национальной библиотеки, печатный каталог которой безоговорочно приписывает их Леноблю.[13] Атрибуция вызывает, однако, сомнения, даже при том, что

---

[10] Le Noble E. Dialogue entre le diable boiteux et le diable borgne. Amsterdam: E.Roger, 1708. P.1—64; Idem. Second entretien entre le diable boiteux et le diable borgne. Amsterdam: E.Roger, 1708. P.65—134; Idem. Les diables aux Tuileries, ou III entretien entre le diable boiteux et le diable borgne. Amsterdam: E.Roger, 1708. P.135—194; Idem. Les diables au palais, ou IV entretien entre le diable boiteux et le diable borgne. Amsterdam: E.Roger, 1708. P.195—256; Idem. Les diables au Cours, ou V entretien entre le diable boiteux et le diable borgne. Amsterdam: E.Roger, 1708. P.257—316; Idem. Les diables aux petites-maisons, ou VI entretien entre le diable boiteux et le diable borgne. Amsterdam: E.Roger, 1708. P.317—372. Ссылки на эти памфлеты даются в тексте: буква D с указанием страниц (выпуск при необходимости можно определить по страницам).

[11] Le Noble E. Les diables à la douane, ou VII entretien entre le diable boiteux et le diable borgne. Amsterdam: E.Roger, 1708. T.2. P.1—58. В ссылках: D_2 с указанием страниц. Издательская история памфлетов Ленобля не изучена детально; некоторые сведения о ней содержатся в статье: Vic J. La composition et les sources du «Diable boiteux» de Lesage // Revue d'histoire littéraire de la France. 1920. T.27. P.485—486; ср.: Jones S.P. A List of French Prose Fiction from 1700 to 1750. New York, 1939. P.14.

[12] La lorgnette du diable borgne, pour connoître le Passé, le Present et le Futur, par les entretiens entre le diable borgne et le diable boiteux. Amsterdam: E.Roger, 1708. P.1—50; La lorgnette du diable borgne: Second entretien pour connoître le Passé, le Present et le Futur. Contenant les Baccanales de Gentilly. Amsterdam: E.Roger, 1708. P.51—85. В дальнейшем изложении им присваиваются номера восьмой и девятый; в ссылках: L с указанием страниц.

[13] Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque Nationale: Auteurs. Paris, 1929. T.94. P.892. Вслед за «Каталогом» Леноблю атрибутированы эти памфлеты в авторитетной библиографии А.Чиоранеску, как явствует из сводного описания в ней всех брошюр (Cioranescu A. Bibliographie de la littérature française du dix-septième siècle. Paris, 1966. T.2. P.1265. №42505). Первое издание «Лорнетов»: Paris: Th.Guillain, 1708.

они были напечатаны тем же издателем. На титульном листе каждой из семи предшествующих брошюр была указана фамилия Ленобля, а с первой по пятую на обороте помещено предупреждение о том, что ему принадлежат лишь те книжки, в которых она приводится в полной форме. Уже само наличие подобного предостережения говорит о том, что автор опасался появления подражаний и подделок, которые будут иметь хождение под его именем. В обоих «Лорнетах» не выполнено оговоренное им условие, и потому без специальных текстологических исследований (их еще предстоит осуществить французским литературоведам) считать их безусловно произведениями Ленобля недостаточно оснований.[14] К тому же в парижском конволюте последним вплетен еще один памфлет, Леноблю определенно не принадлежавший, что в Каталоге никак не оговорено.[15]

Действие первого памфлета Ленобля начинается некоторое время спустя после того, как в конце романа Лесажа чародей снова заточил Асмодея в сосуд, разлучив его со студентом доном Клеофасом, которому бес обнажал подноготную спящих обитателей Мадрида. В промежутке Хромому бесу, как он сам рассказывает, удается еще раз бежать от каббалиста. Он покидает Испанию и появляется в Париже, который избирает потому, что там нет волшебников, не свирепствует инквизиция, а общий настрой жизни превосходно ему подходит и дает развернуться как бесу проказ и развлечений (le diable du plaisir) (D 7), каким он себя представил в романе.[16] Здесь он встречает Вельзевула, от которого узнает, что не сумеет остаться во французской столице инкогнито: «Твое приключение с Клеофасом переложено на французский лад и наделало больше шума, чем ты когда-либо в Испании, тебя знают, за тобой гоняются, все тебя обожают, все тебя хотят иметь, Барбен[17] не справ-

---

[14] Как анонимные описаны оба памфлета в представительной библиографии: Jones S.P. A List of French Prose Fiction... P.14.

[15] Les Béquilles du diable boiteux / Par M.l'A.B.***. Et le Diable d'argent / Par M.D.L. Amsterdam, 1708. Первое сочинение, состоящее в похвале «Хромого беса», принадлежало аббату Лорану Борделону (Bordelon, 1653—1730) и вышло первым изданием в конце августа — начале сентября 1707 г.; в переработанном виде оно было приложено к четвертому изданию романа (1737) и с тех пор неоднократно с ним перепечатывалось. Второе сочинение появилось отдельною брошюрою также в августе 1707 г. и много раз переиздавалось. См.: Vic J. La composition et les sources du «Diable boiteux». P.483, 485; Jones S.P. A List of French Prose Fiction... P.11.

[16] См.: Лесаж А.-Р. Хромой бес. М., 1956. С.13.

[17] Парижский книгопродавец.

ляется, всюду славят Хромого беса» (D 6). Сам он, в свою очередь, перебрался сюда из Рима (Ville du monde), потому что для него как для беса злословия и клеветы (одно из существующих толкований имени Вельзевул) открывается самый широкий простор именно в Париже, где «злословие составляет соль беседы» и где «желание смеяться над другими сильнее всех прочих удовольствий остроумия» (D 9, 12).

Бесы ходят по Парижу. Везде, куда им случается зайти, они становятся в укромное место, где не бросаются в глаза и откуда удобно наблюдать за людьми. На каждого попадающего в их поле зрения Кривой бес обращает свою едкую насмешку. Обычно это — сатирический портрет, очерченный несколькими выразительными штрихами, но подчас довольно пространный; иногда — хлесткая прозаическая эпиграмма в одну-две фразы или же, напротив, целая новелла, которая даже имеет свое заглавие. Хромой бес не остается молчаливым слушателем, он все время вставляет ремарки и вопросы, а в нескольких выпусках к разговору присоединяется острый на язык поэт Дамон, который дополняет злословие Кривого беса язвительными замечаниями или же приличествующими случаю стихотворениями. Эта схема, повторяющая в главных чертах композицию романа Лесажа, проходит без изменений через все брошюры Ленобля, каждая из которых представляет как бы тематический раздел единого произведения, наподобие глав в «Хромом бесе» («О заключенных», «Сумасшедшие, сидящие под замком», «О гробницах, тенях и смерти» и т.п.). Некоторое разнообразие вносит магический лорнет, которым вооружается Кривой бес в двух памфлетах, обязанных этому зрительному приспособлению своим заглавием. Волшебные свойства инструмента позволяют обозревать в увеличении любого человека, на которого он направлен, а также видеть его прошлое и будущее. Сатирический портрет, фиксировавший ранее преимущественно только нынешнее состояние, превращается в более развернутую характеристику, охватывающую всю биографию персонажа. Вместе с тем структура диалога между бесами в первой из этих двух книжечек сохраняется прежней. Вторая, хотя и содержит в заглавии слово «entretien», существенно отличается от всех предыдущих. Бесы лишь заходят в загородный кабачок и остаются все время молчаливыми наблюдателями, о которых читатель очень быстро даже забывает; их роль сугубо функциональная — напомнить в самом начале о том, что памфлет продолжает ранее вышедшие. Вместо серии портретных этюдов он содержит связный рассказ о пирушке, объединившей за столом разных

людей, собравшихся весело провести время, — несколько друзей и случайно присоединившихся к ним других посетителей. Повествование ведется от третьего лица, то есть рассказчиком выступает анонимный автор.

Трудно сказать, насколько было закономерным и насколько случайным то, что все эти девять (а может быть, десять) брошюр попали в руки Эмину и он их счел подходящими в качестве исходного материала для своих журналистских сатирических целей.

В относительно еще скудной переводной художественной литературе, накопившейся в России к 1769 г., фигурировало уже три романа Ленобля, но два из них вышли анонимно (то есть переводчики, вероятнее всего, не знали, кто был их автором)[18], а один — как произведение Лесажа[19]. Позднее был еще переведен и вышел тремя изданиями атрибутируемый Леноблю сборник рассказов[20], но для русских читателей он оставался сочинением неизвестного автора. Фамилия Ленобля была названа на титульном листе лишь одной книжки, не относившейся к художественной литературе.[21] Таким образом, нет никаких свидетельств того, что Ленобль как автор художественных произведений привлекал сам по себе в России сколько-нибудь пристальное внимание.

Напротив, слава Лесажа уже достигла России в полном своем блеске и была очень устойчивой. Еще в 1754—1755 гг. вышел перевод «Жильблаза», переизданный в 1760—1761 и 1768 гг., а затем до конца столетия еще четыре раза. Переведены были и «Баккалавр Саламанской» (Спб., 1763. Ч.1—2), и Похождение Естеванилла Гонзалеца» (СПб., 1765—1766. Т.1—2), и «Повесть о хромоногом бесе» (СПб., 1763. Ч.1-2). Последняя была напечатана огромным для того времени тиражом 1200 экземпляров, затем состоялись еще два «тиснения»: 600 экз. в 1774—1775 гг. и 812 экз.

---

[18] Несчастная флорентинка или Тайная повесть о заговоре фамилии Пацци против фамилии Медицие. Спб., 1761; Епикариса или Тайная повесть о заговоре Пизона против Нерона. СПб., 1763. Оба романа неоднократно печатались анонимно на французском языке, например, в собрании «Bibliothèque de campagne ou amusements de l'esprit et du coeur».

[19] Зулима или Непорочная любовь, историческая новость сочинения г. Ле Сажа. СПб., 1768. Ч.1—2.

[20] Новые забавные сказки, выбранные из книги, называемой Выручаемые фанты. М., 1772; 2-е изд. с прибавлением. М., 1781—1782. Т.1—2; 3-е изд. с новым прибавлением. М., 1790. Французский подлинник издавался анонимно.

[21] Светская школа или Отеческое наставление сыну о обхождении в свете чрез г. ле Нобль. СПб., 1761 (неполный перевод); СПб., 1763—1764. Т.1—2 (полный перевод).

в 1791 г. Вполне, поэтому, вероятно, что интерес у Эмина беседы Кривого и Хромого бесов вызвали не как произведение относительно мало известного в России французского автора, но главным образом, если не исключительно, как подражание и продолжение знаменитого романа. Проникли эти памфлеты в Россию еще несколькими десятилетиями ранее: они значились уже в росписи академической книжной лавки 1731 г. Один их экземпляр поступил в 1749 г. в московскую академическую книжную лавку и, не залеживаясь на полке, был тогда же продан.[22]

2

Французские памфлеты нашли отражение в 69 письмах (из общего числа 112) «Адской почты». Целиком на материале этих книжек построены отнюдь не все из них; во многих случаях материал, пришедший из этого источника, занимает либо инспирирует лишь часть письма (в приводимом ниже перечне это отмечается значком *), в то время как остальная имеет другой генезис.

Сатирические портреты и рассказы, восходящие к брошюрам Ленобля и к «Лорнетам», распределились в журнале Эмина по месяцам и письмам следующим образом[23]:

Июль: **1**. D, 18—20*; **5**. 10—11*; **7**. 22—28*; **9**. 33—47; **10**. 48—49*; **12**. 59*; **13**. 71—75, 52—53, 340—341; **14**. 59—60; **15**. 77—81*; **16**. 81—87.

Август: **18**. 94—95; **19**. 88—89; **20**. 98—110; **21**. 151—156; **22**. 160—161; **23**. 165—166; **24**. 169; **25**. 169—173; **26**. 181—182 (128—130), 185—187, 156—157; **27**. 205—208; **28**. 189—191; **29**. 211—212, 188; **30**. 214—218; **33**. 227—237; **34**. 249, 280—281.

Сентябрь: **35**. D_2, 36—41; **40**. L, 75—79; **41**. D, 282—283; **44**. L, 6—10; **45**. 11—13; **47**. D, 284—292; **49**. 329—330; **50**. 342—343; **52**. 348—350; **56**. 351—354; **57**. 354—360; **58**. 359—360.

---

22 См.: Копанев Н.А. Распространение французской книги в Москве в середине XVIII в. // Французская книга в России в XVIII в.: Очерки истории. Л., 1986. С.146. № 415.

23 Жирной цифрой с точкой обозначается номер письма, светлой — страницы; буква, обозначающая памфлет, указывается в начале каждого ряда заимствований из него, но опускается далее на всем его протяжении (то есть в письме № 9 следует читать: D 33—47; в 19 — D 88—89; в 45 — L 11—13; в 52 — D 348—350).

Октябрь: **59**. 363—366; **61**. 366—369; **64**. D_2, 3—4; **65**. 6—7; **66**. 16—21; **67**. 27—29; **68**. 30*; **69**. 35—36*; **70**. L, 11—13*; **72**. 19—20*; **73**. 24—25*; **74**. 33—34; **75**. 37—38; **76**. 39—40; **77**. 41; **78**. 41—42.

Ноябрь: **83**. 46—49; **84**. 42—44; **85**. 35—37, 32—33; **86**. 31—32*; **87**. 28—31*; **89**. 16; **90**. 9—10*; **98**. 15—16; **99**. 51—65; **101**. 68—75, 79—80.

Декабрь: **105**. D, 123—127*; **106**. 227—237; **107**. 244; **108**. 245—246*; **110**. 174—180; **111**. 259—262.

Анализ таблицы позволяет сделать некоторые наблюдения над тем, как Эмин готовил к изданию свой журнал и какое место в этом творческом процессе занимали памфлеты Ленобля и два «Лорнета».

Замысел «Адской почты» созрел уже к апрелю 1769 г., если даже не ранее. По крайней мере в апреле, как видно из советов «Всякой всячины» (24 апреля 1769 г., статья № 47) корреспонденту, подписавшемуся: «б<есовский> корректор»[24], Эмин готовился приступить к его осуществлению или, может быть, даже над ним трудился, хотя основная работа проходила, очевидно, в следующем месяце.[25], Первый, июльский выпуск (а вполне вероятно, и другие) был готов заблаговременно, потому что едва пошел месяц, к которому он был приурочен, как в газете появилось объявление о его поступлении в продажу.[26] И подзаголовок «Адской почты», и экспозиция, содержащаяся в предисловии «К читателю», говорят о том, что парижские прогулки и беседы Кривого и Хромоногого бесов с самого начала находилась в поле внимания Эмина. Уже фраза, открывающая первое письмо, содержит глухой отзвук тех сведений, которыми обмениваются о себе посланцы преисподней, встретившись во французской столице. «Лишь ты, мой друг! из города** уехал, — сообщает Кривой Хромому, — то получил я письмо из Рима от нашего тамошнего резидента, уведомляющее нас о кончине Его святейшества[27] и что мы можем назад в Италию возвратиться. Я его благодарил письменно за такую новость, прося, чтоб

[24] По этому поводу см.: Берков. Рус. журналистика. С.259.

[25] В письме № 5 упоминается «Трутень» (VII, 22), который начал выходить 2 мая (объявление о продаже первого номера напечатано в «Санктпетербургских ведомостях», 1769, 1 мая, № 35). Далее: СПб вед.

[26] СПб вед. 1769. 3 июля. № 53.

[27] Папа Клемент XIII умер 2 февраля 1769 г. Сообщение было напечатано в СПб вед 3 марта (№18).

впредь он туда нас не призывал; ибо, чтоб нам можно в оных краях жить спокойно, надобно, чтоб околела Инквизиция, которая всему нашему роду уже наскучила» (VII, 7).

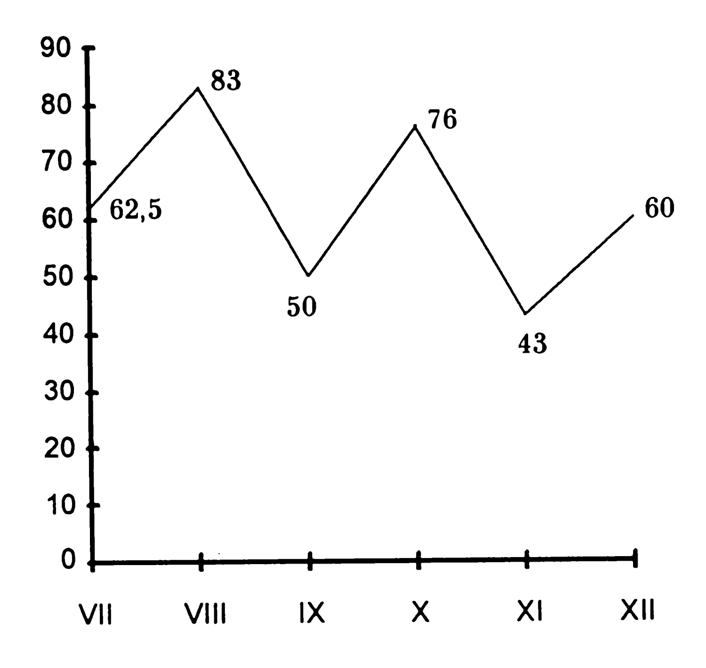
Приступив к работе над будущим «ежемесячным сочинением», Эмин знал содержание всех книжек о Кривом и Хромом бесах. Это явствует из того факта, что для тринадцатого письма он выбрал материал не только из первого и второго выпусков, но, забежав много далее, обратился и к шестому, причем к срединным его страницам. Имея целостное представление о всем произведении Ленобля и двух примыкающих к нему анонимных брошюрах, он тем не менее заимствовал из них сначала довольно умеренно. Июльский выпуск содержал 16 писем, но только 4 из них полностью опирались на этот французский источник, шесть обнаруживают лишь частичную, подчас весьма неглубокую[28] с ним связь, а шесть вообще от него независимы. В следующем месяце, августе, картина резко меняется: из 18 писем 15 основываются на сатирических зарисовках второго, третьего и четвертого памфлетов Ленобля. Это обстоятельство потребует самого внимательного анализа, поскольку в науке прочно утвердилось высказанное П.Н.Берковым предположение о том, что именно августовский выпуск подвергся запрещению или даже уничтожению вследствие содержавшихся в нем каких-то непонятных нам за давностью времени намеков, криминальных в условиях 1769 г.[29] В дальнейшем наблюдается такое же чередование по месяцам, то есть за выпуском, насыщенным заимствованиями из памфлетов, следует выпуск, в котором их число, как абсолютное, так и особенно в отношении к общему количеству писем, резко снижается:

сентябрь	12	из	24;
октябрь	16	из	21;
ноябрь	10	из	23;
декабрь	6	из	10.

28. В письме № 10, например, это лишь вступительный абзац в несколько строк о Гимене, называемом «баснословами» «древом судьбы и сочетания» (IX, 37). Ленобль (D, 48—49) заимствовал этот образ из романа Ф.Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», а именно из заключительного абзаца девятой главы пятой книги, в котором говорится об ошибках деревьев на Острове железных изделий.

29 Берков. Рус. журналистика. С.260; Шамрай Д.Д. К истории цензурного режима Екатерины II // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб.3. С.201; СК. Т.4. С.116; Афанасьева И.Н. Тенденции к социальному обобщению действительности в «Адской почте» Ф.А.Эмина // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1980. Вып.4. С.154.

График процентного отношения зависимых писем к их общему числу имеет следующий вид:

Июльская и декабрьская цифры почти одинаковы, но качественная их оценка должна быть различна. В первом случае Эмин располагал нетронутой целиной всех девяти книжек, и в этих условиях 62,5% составляют, конечно, не очень большую величину. За пять месяцев основной урожай был снят, а потому декабрьские 60% являются высоким показателем.

Чередование проявляется с достаточною последовательностью и постоянством, так что его можно рассматривать как следствие намеренных действий издателя журнала. Содержание «Адской почты» в очень значительной, вероятнее всего, даже в сильно преобладающей части сложилось из сатирических портретов и рассказов, которые были, как теперь выступает со всею очевидностью, либо заимствованы из разных французских и, может быть, русских книг, а также, видимо, периодических изданий, либо развивали подсказанные ими мотивы, темы, образы. Наряду с выделенным

большим массивом, восходящим к рассматриваемому французскому источнику, ряд писем несет следы других иностранных сочинений. Рассказ о девице, которая в юные годы постриглась, а придя в возраст, стала горько сожалеть об опрометчивом шаге и находит утешение лишь в чтении любовных романов (VII, 12—17, № 3), представляет параллель шестьдесят третьей корреспонденции в «Еврейских письмах» маркиза д'Аржанса, где подобная история изложена более обстоятельно[30]. Анекдот о враче, лечившем «испорченную бабу», у которой к носу приросла жареная колбаса (VII, 54—55, № 13), был, возможно, свободной, принадлежавшей самому Эмину обработкой эпизода либо из стихотворной сказки Ш.Перро «Нелепые желания» («Les souhaits ridicules»), либо из ее прозаического пересказа под заглавием «Сказка о трех желаниях» («Conte des trois souhaits») в книге М.Лепренс де Бомон «Детское училище, или Беседы разумной гувернантки со своими воспитанницами» («Magasin des enfans, ou Dialogues entre une sage gouvernante et plusieurs de ses élèves de première distinction», 1756, 13ᵉ dialogue, 11ᵉ journée)[31], либо этих обоих ее вариантов. Не исключена, однако, вероятность того, что анекдот был Эминым заимствован в готовом виде. В обоих случаях источник был иностранный, причем во втором из него могли в журнал войти и другие материалы. В письме № 94 оспаривается мысль из «Опытов» Монтеня, но попала она в «Адскую почту», весьма также вероятно, через посредство какого-то другого произведения[32], которое, есть все основания полагать, могло получить в ней и более существенное отражение, чем одна-единственная и к тому же чужая фраза.

Выше говорилось о ссылках на Американского и Хинского шпионов — персонажей из многочисленной литературно-журнальной семьи публицистов-соглядатаев, чьим общим прародителем был секретный агент турецкого султана при дворах христианских королей, под маской которого скрылся первоначально итальянский историк Дж.П.Марана (Marana, 1642—1693), а затем писатели, продолжавшие разрабаты-

---

[30] Argens J.-B. Lettres juives, ou correspondance philosophique, historique et critique, entre un juif voyageur à Paris et ses correspondants en divers endroits. Amsterdam, 1737. T.3. P.28—35.

[31] Этот пересказ был уже переведен на русский язык: Лепренс де Бомон М. Детское училище... Ч.2. С.120—125.

[32] «Тщетно уверяет свет Монтанье, что разность достоинств и преимуществ человеческих рождали разные в свете в счастии случаи» (XI, 304).

вать его удачную выдумку.[33] «Раскрыть» Хинского шпиона не должно, казалось бы, составить труда. Это название носило шеститомное сочинение французского публициста Анжа Гудара (Goudar, 1720—1791), обратившегося к той же старой, но все еще популярной схеме переписки между секретными наблюдателями, чтобы осветить злободневные вопросы, касавшиеся истории, политики, государственного устройства, религии и нравов Франции, Англии и ряда других европейских государств.[34] Однако ни в одном из писем нет анекдота о католическом монахе, приведенного в «Адской почте» (VII, 30, №8) как раз якобы, согласно указанию самого Эмина (X, 203—204), из этого источника. Нет и никаких других из него заимствований — ни в виде переводов, пересказов или переделок, ни на уровне тем и мотивов. Эмин располагал, следовательно, еще каким-то иностранным сочинением, в котором прочел этот анекдот и, вполне возможно, нашел иные материалы для своего журнала.[35]

Представляя русскому читателю Американского шпиона как автора, достоверно описавшего многие неблаговидные поступки Вольтера (IX, 188), Эмин имел в виду анонимную книгу «Американский шпион в Европе, или Иллинойские письма, содержащие занимательные и поучительные анекдоты» («L'Espion américain en Europe, ou Lettres illinoises, qui

---

[33] L'Espion du Grand Seigneur et ses relations secrètes envoyées au divan de Constantinopole, découvertes à Paris pendant le règne de Louis le Grand. Paris, 1684. Авторство следующих частей неясно (см.: McBurney W.H. The Authorship of the «Turkish Spy» // Publications of the Modern Language Association of America. 1957. Vol.72. №5. P.915—935; Tucker J. The «Turkish Spy» and its French Background // Revue de littérature comparée. 1958. T.32. №1. P.75—76). Многократно издавалось в шести-семи томах под заглавием: L'Espion du Grand Seigneur dans les cours des princes chrétiens; в 1778 г. вышел русский перевод (СК 4042).

[34] L'Espion chinois, ou l'Envoyé secret de la cour de Pékin, pour examiner l'état présent de l'Europe. Trad. du chinois. Cologne, 1764. T.1—6. Переиздания: 1765, 1769, 1774, 1783. См.: Библиотека Вольтера: Каталог книг. М.; Л., 1961. С.419. №1501; Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque Nationale: Auteurs. Paris, 1915. T.62. P.799. Это сочинение привлекло внимание в России, как можно судить по переводу нескольких писем в рукописном сборнике конца XVIII в. (БАН: 16.9.4. Л.115—122 об.).

[35] Не было ли этим сочинением весьма редкое периодическое издание «L'Espion chinois en Europe», два тома которого выпустил в 1745 г. Виктор де Ла Кастань (La Castagne, 1715—1746), принявший позднее фамилию Дюбур (Dubourg)? О трагической судьбе этого журналиста см.: Hatin E. Bibliographie historique et critique de la presse périodique française. Paris, 1866. P.59—61; Гордон Л.С. Некоторые итоги изучения запрещенной литературы эпохи Просвещения (вторая половина XVIII в.) // Французский ежегодник, 1959. М., 1961. С.100.

renferment quantité d'anecdotes amusantes et instructives. Londres (Stuttgart), 1766)[36]. В письмах к вождю племени, который послал его в Европу для внимательного и всестороннего с нею ознакомления, тайный наблюдатель североамериканских индейцев излагает свои суждения о государственном устройстве Англии и нравах англичан; сообщает о войнах и политических маневрах главнейших европейских держав за период после вступления на престол Пруссии Фридриха II; касается в связи с этим и некоторых событий внутренней политической жизни этих стран; воздает похвалу государственному уму Фенелона и обильно цитирует его сочинения; затрагивает более или менее бегло другие разнообразные предметы и весьма детально рассказывает историю возвышения маркизы де Помпадур (этот сюжет был злободневным, так как знаменитая фаворитка незадолго перед тем скончалась). Последние два письма посвящены двум прусским монархам, отцу и сыну: Фридриху-Вильгельму I (1688—1740) и Фридриху II (1712—1786), на чьем примере автор тщится показать, как мешает государю небрежное и неправильное воспитание и образование, полученные в детские и юношеские годы, и к каким несообразным и недостойным действиям они могут подтолкнуть короля, даже если он обладает высокой душою и преисполнен самых благих намерений в отношении своих подданных. Приведя в доказательство этого тезиса разные эпизоды из жизни двух названных венценосцев, индеец уделяет несколько страниц пребыванию в Пруссии Вольтера, чьему влиянию он приписывает резкие перемены в характере и поступках Фридриха II: «До приезда в его страну Воль[тера] и маркиза д'[Аржанса] этот государь проявлял больше участия к страждущим, был щедрее и оказывал им больше благодеяний, чем впоследствии. Дело в том, что сердце, позволившее увлечь себя губительным учениям некоторых так называемых остроумцев (beaux esprits), последователей Пиррона и Спинозы, наполняется в обществе этих людей ядом, убивающим все порывы человечности. Воль[тер], воплощенная скупость и бессердечие, не мог, конечно, употреблять красноречие на проповедь сострадания и благотворительности»[37]. Приняв

[36] Экземпляр РНБ (шифр:6.15.3.183), которым пользовался автор данной работы, не имеет титульного листа. Заглавие приводится по библиографическим справочникам, между которыми есть расхождения. См.: Heinsius W. Allgemeines Bücher-Lexikon, oder vollständiges Alphabetisches Verzeichniss der von 1750 bis zu Ende 1810 erschienenen Bücher... Neue umgearb., verb. und verm. Aufl. Leipzig, 1812. Bd 1. S.811; Kayser C.C. Vollständiges Bücher-Lexicon enthaltend alle von 1750 bis zu Ende des Jahren 1832... gedruckten Bücher. Leipzig, 1834. T.2. S.162.

[37] L'Espion américain en Europe... Londres (Stuttgart), 1766. P.291—292.

точку зрения остроумцев, согласно которой благотворительность «лишь умножает число бездельников и способствует распространению пороков, берущих начало в лени и праздности»[38], Фридрих II прекратил раздачу подаяний неимущим. В то время как от этого пострадало множество людей, сам Вольтер, по словам индейца, в которых явственно чувствуется личная обида автора книги, не упускал случая обогатиться. Припоминает ему это неизвестное лицо, которое само, по всей видимости, было как-то связано с прусским двором, и полученную от Фридриха II золотую табакерку, наполненную восемью тысячами экю, и другие дорогие подарки, и доходы от публикации «Антимакиавеля», рукописи которого, как уверяет «шпион», были проданы одновременно нескольким книгоиздателям, и скандальный случай, когда, одолжив, чтобы избежать расходов, траурное платье, Вольтер переделал его на себя и в таком виде вернул владельцу, и другие поступки в подобном же духе.[39] Ни один из этих фактов Эмин в «Адской почте» не упоминает и никак не обыгрывает, но все эти сведения, почерпнутые из «Американского шпиона», сыграли свою роль в формировании устойчивого отрицательного мнения о французском писателе, которое нашло в журнале выражение в пространных замечаниях (IX, 187—191; XI, 273—274).

До тех пор, пока не определен весь круг книг и периодических изданий, которые были использованы Эминым при подготовке каждого выпуска «Адской почты», нельзя дать окончательный ответ на вопрос, придавал он или нет памфлетам Ленобля и продолжавшим их «Лорнетам» значение своего основного французского источника. Но даже если он это место им отводил, то в журнале постарался его замаскировать. Именно так можно интерпретировать отмеченное выше последовательное чередование по месяцам резкого увеличения и столь же крутого уменьшения количества писем, связанных с парижскими впечатлениями Кривого и Хромого бесов. Позволив себе один месяц обильно черпать из этих брошюр, Эмин в следующем непременно к ним обращался гораздо меньше, чтобы не создавалось огромного массива, сплошь от них зависящего; с этой же, несомненно, целью многие письма, к ним восходящие своею тематикою и образами, он дополнял зарисовками, взятыми из других источников, или полностью оригинальным материалом собственного сочинения. Занимаясь подобной компиляцией на всех уровнях (письмо, номер журнала, весь журнал), он,

---

38 Ibid. P.293.

39 Ibid. P.293—312.

по-видимому, ощущал себя полноправным автором своего «ежемесячного издания». При нарушении установленных им для себя пропорций и возникновении массивов, переходящих из одного месяца в другой, его детище приобретало бы характерные черты перевода, пусть очень «вольного», но тем не менее остававшегося бы переложением иностранного произведения на русский язык. В таком виде оно бы его не устраивало. Какую бы свободу ни давал прием «склонения» на отечественные нравы, но выступать в роли переводчика подразумевало, вероятно, для Эмина определенное сознательное творческое самоограничение, от которого избавляла роль компилятора, дававшая простор и для заимствований в самых разных формах из западноевропейских литератур, и для самостоятельных трудов на сатирической ниве.

Тем не менее там, где «Адская почта» наполнялась за счет книжек Ленобля и двух «Лорнетов», Эмин в основном, как видно из таблицы, следовал подлиннику страница за страницею. Инверсии составляют исключение. Некоторые из них вызваны логикой компиляции. Так, в трех письмах, где допущена перетасовка по отношению к французскому тексту (№№ 1, 13, 40), литературоведы усматривают выпады против Сумарокова.[40] Все эти случаи смысловой перемены мест удобно рассматривать ниже параллельно с анализом тех сторон журнала, которые они собою отражают. Здесь необходимо остановиться на инверсиях, вызванных иными причинами.

По отдельным месяцам каждый памфлет был представлен в «Адской почте» следующим количеством писем (несовпадение итоговых месячных и общего чисел с приведенными ранее цифрами объясняется тем, что в нескольких письмах использованы материалы разных выпусков):

Месяцы	Памфлеты №								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
июль	8	3				1			
август		4	8	5	1				
сентябрь					2	6	1	2	1
октябрь						2	6	8	
ноябрь								8	2
декабрь		1	1	3	1				
Всего	8	8	9	8	4	9	7	18	3

[40] Гуковский Г.А. Эмин и Сумароков // XVIII век. М.; Л., 1940. Сб.2. С.85—86; Берков. Рус. журналистика. С.262.

Последним августовским письмом (№34) Эмин подошел к концу четвертого памфлета и приступил к пятому. Двадцать его страниц он «проскочил», ни на чем внимание не остановив, а то, что, наконец, выбрал, заняло в письме лишь 7 заключительных строк из 56, добавив к портрету один штрих. Открывая сентябрьский номер, вместо того чтобы продолжать идти по начатому памфлету, он обратился к седьмому (№35). Фрагмент, из него взятый, примыкал в тематическом отношении удачно к №№ 33—34[41], но подбор материала вряд ли был единственным мотивом этой инверсии, если вообще это соображение не было вторичным, а исходная причина не коренилась в чем-то ином. Во всяком случае, некоторое время Эмин явно метался, пребывая в нерешительности. Он выхватил отрывок из девятого памфлета (№40), затем вернулся к пятому, к страницам соседним, с уже использованными (№41), потом приступил к разработке мотива лорнета из восьмого (№№44—45), бросил его и опять взял в руки пятый (№47), после чего, хотя в брошюре оставалось еще двадцать страниц, перешел к шестому (№49 и след.) и на нем теперь задержался надолго. Что вынуждало его к этим перескокам — непонятно, тем не менее один вывод очевиден: пятый памфлет не вызывал у него интереса. Три разбросанных с большими разрывами письма, в которых получила отражение эта брошюра, когда подошла ее очередь, — это значительно меньше по сравнению с тем, как представлены в журнале беседы Асмодея и Вельзевула на своем месте в общей последовательности, где каждая образует кучные, с небольшими внутренними интервалами гнезда. Кроме же трех писем, работа с пятым памфлетом на этом этапе дала лишь имена двум персонажам сентябрьского выпуска «Адской почты».[42] Слабый интерес русского писателя к этой брошюре выразился и в том, что содержавшуюся в ней пространную «Историю Корнелии и Анагора» («Histoire de Cornelie et d'Anagoras») он свел до нескольких строк в письме №47 и полностью игнорировал портреты, близкие тематически к письмам

[41] Во всех трех письмах (два от Хромоногого к Кривому и одно наоборот) рассказывается о неудачных браках и бесстыдном поведении развратных жен.

[42] В №48 сообщается о женитьбе старика Пиромея на молодой Урании; это имя в пятом памфлете носит богатая старуха-вдова (D 270—271). Старик Алиодор, о котором идет речь в №50, «великий охотник к строению», в подлиннике (шестой памфлет) зовется Alcidon (D 342), но Эмин берет имя из пятого памфлета, где изображен Алидор (Alidor), корчащий из себя «важную персону» («qui fait l'important. qui s'offre par tout») (D 294).

№№49—50, построенным на зарисовках из шестой книжки Ленобля.[43] Причина такого прохладного отношения к одной книжке из целой серии неясна. Содержание журнала подсказывает, конечно, догадки касательно того, почему не были в него включены некоторые сатирические портреты из этого памфлета, но сколь-либо определенные и убедительные суждения невозможны за полным отсутствием фактических оснований.[44]

Прочно остановившись в конце концов на шестом памфлете, Эмин вернулся к прежней последовательной системе выбора материала, которую отныне строго соблюдал два месяца, вплоть до №83 включительно. Здесь он достиг заключительных строк восьмого памфлета и должен был бы перейти к девятому, но оттуда самый интересный для него материал — спор о комедии и театральных постановках — был извлечен еще в сентябре (№40), а само описание пирушки ему представлялось, очевидно, малосущественным, поскольку он предпочел еще раз пройтись по страницам восьмого выпуска, ранее опущенным. Шел он в обратном направлении, в результате чего образовался инвертированный ряд (№№84—87, 89—90). Никаких явных признаков намеренного тематического подбора здесь не наблюдается, более того — ряд писем в нем «сборные», то есть включают в себя два разнородных портрета. Казалось бы, памфлет процежен через очень мелкое сито, но после значительного интервала (№№91—97) Эмин извлекает еще один этюд с тех страниц (L 15—16), которые уже использовал при вторичном просмотре: в №89 было рассказано о прошлом

[43] Письмо №49 продолжает введенную в №48 тему женитьбы старика на молодой женщине; в №50 сообщается, что старик Алидор забавлялся с Клариссою. Из пятого памфлета к этой подборке могли бы подойти два портрета: старой богатой вдовы Урании, которая держит при себе любовника-педанта (см. примеч. 42), и молодого Париса, женатого на старухе, которую он бьет, вымогая у нее деньги (D 271—273).

[44] Портрет чиновника, подставившего в документе ноль, чтобы хапнуть четыре миллиона, но изобличенного, выгнанного и влачащего дни в нищете и немилости (D 300—301), мог быть Эминым отвергнут, например, как нетипичный, поскольку в «Адской почте» рассказывалось о процветающем стряпчем, чье благосостояние зиждилось исключительно на систематических подделках такого рода (№25). Портреты чиновника, захватившего в руки постепенно все дела своего легкомысленного начальника, чтобы, воспользовавшись моментом, подставить ему ножку и спихнуть с прибыльного места (D 297—298), и сына, обобравшего до нитки отца (D 299—300), могли показаться Эмину повторением уже описанного в других разновидностях, например: неблагодарного чиновника, который повсюду клевещет на своего благодетеля-начальника, его возвысившего (№67), и сына, очистившего тайник, в котором его скупой отец сберегал свои сокровища (№21). С другой стороны, тематические повторения подобного типа неоднократно встречаются в «Адской почте».

персонажа, обозреваемого Кривым бесом через магический лорнет; в №98 на основе других строк, описывающих тот же персонаж в настоящем, создается новая сатирическая зарисовка безотносительно к предшествующей. Лишь затем выступил на сцену — по необходимости — девятый памфлет, все содержание которого в сильно сокращенном виде уложилось в два письма №№99, 101).

Действия Эмина при составлении ноябрьского выпуска таковы, как если бы у него начиналась острая нехватка материала, причем иссякал бы не только этот его источник, но и другие.[45] Так оно, по всей вероятности, и было, если судить по декабрьскому номеру, для которого были снова перелистаны первые брошюры с целью что-нибудь подобрать среди ранее отвергнутого; к этому шагу могли вынудить, конечно, лишь очень большие затруднения. Результаты оказались скудными, так что напоследок (№111) пришлось обратиться даже к пятому памфлету (но и при этих обстоятельствах из него взято лишь описание Аллеи, а не портреты).

Тщательно выискивая затерявшиеся крохи, Эмин допустил — по всем признакам вполне сознательно — повторение: рассказ, составляющий письмо №106, был помещен еще в августовском выпуске на своем месте в последовательности. Эти два вольные переложения одной и той же французской новеллы в такой степени отличаются друг от друга, что представляют два произведения, между которыми не было бы заметно почти ничего общего, если бы не была известна их основа. В №33 Эмин сохраняет лишь отдельные штрихи сюжетной линии, превращая ее из сплошной в пунктирную с большими промежутками. Он изменяет концовку и наполняет повествование новыми деталями и эпизодами, некоторые придумывая сам, а другие, возможно, заимствуя из иных источников. В №106 он отступает от подлинника не менее, если даже не далее. Из французской первоосновы он берет то, что в первом случае опустил, а к этому опять добавляет отсутствующие во французском тексте сюжетные повороты, ситуации и сатирические черты персо-

---

[45] Примечательно, что ноябрьский выпуск запоздал на месяц от заранее объявленного срока: он должен был выйти 1 ноября, но поступил в продажу в первых числах декабря (СПб вед. 1769. 4 дек. №97). Возможно, это было в какой-то мере связано и с тем, что в то время, как Эмин должен был работать над ноябрьским номером, через типографию проходила его книга «Краткое описание древнейшего и новейшего состояния Оттоманской Порты», появившаяся в магазинах в середине октября (СПб вед. 1769. 16 окт. №83).

нажей.[46] Характерно, что некоторые мотивы приходят со страниц восьмого памфлета, уже дважды (!) пройденных в прямом и обратном порядке (L 15—16), а также из повести, на которой будет построено письмо №110 (D 174—175). Это красноречиво свидетельствует о нехватке творческого материала.

Из наблюдений над тем, как формировались ноябрьский и декабрьский выпуски «Адской почты», явствует, что памфлетам Ленобля и «Лорнетам» было отведено в замысле Эмина очень важное место. В самом деле, если бы положение было иным, то иссякание этого источника должно было бы побудить писателя или к активизации самостоятельных творческих усилий, или к поискам каких-то других иностранных книг. Между тем не произошло ни того, ни другого — во всяком случае в декабрьском номере[47]. Напротив, Эмин продолжал до самого последнего момента «скрести по сусекам», которые уже в общем были опорожнены. Это говорит о том, что связь «Адской почты» с комплектом французских брошюр была задумана жесткой и неразъемной. Вероятно, с самого начала была сделана предварительная прикидка и определено, что материала в них должно хватить на шесть месяцев, после чего в конце года предполагалось раскрыть, откуда он заимствовался[48], и остановить журнал. Расчеты, однако, подвели, и потому в последние месяцы создался дефицит; но поскольку весь круг иностранных сочинений, привлеченных для наполнения журнала, был очерчен строго и четко на исходной стадии, а расширять его, очевидно, не предполагалось, Эмин даже не сделал попытки выйти за его пределы.

Установлением в декабрьском выпуске заимствований из четырех памфлетов о Кривом и Хромом бесах проясняются,

---

[46] В «Адской почте» есть и другой подобный повтор, в котором наблюдаются те же особенности и приемы: страницы D_2 11—13 использованы в письмах №45 (инверсия) и №70 (на своем месте в последовательности).

[47] В ноябрьском происхождение большой части текста не выяснено, и потому возможно лишь предположительное заключение.

[48] Об этом намеком предупреждали следующие фразы из вступительного обращения ко «Всякой всячине» в августовском выпуске: «Многие говорят, что и бесы мои целят на многих; но так думающие стыдиться будут, когда при конце сего года доказана будет несправедливость их мыслей. Бесы, сколько мне понятно, описывают вообще пороки и разные злоупотребления; если же кто себя во оных сыщет, то виноват порочный, а не бесы; и ежели он на них негодует, то сам себя выводит наружу, а не издатель» (VIII, 78). Самым убедительным доказательством отсутствия в журнале сатиры на конкретных соотечественников могло стать, конечно, раскрытие французского источника сатирических портретов. Намерение это выполнено не было.

кажется, сомнения библиографов относительно его атрибуции, вызванные особыми обстоятельствами его появления в свет и сформулированные в «Сводном каталоге» краткой фразой: «Кем он был составлен, неизвестно».[49] По каким-то причинам этот номер сильно задержался и вышел в августе 1770 г., через четыре месяца после смерти издателя журнала; печатался он иждивением купца С.Копнина, но выкуплен им не был. Совокупность этих фактов действительно дает серьезное основание подозревать, что к завершению журнала было причастно какое-то другое лицо. Если бы рукопись последнего выпуска была у Эмина готова в срок или с небольшим опозданием, то ему, казалось бы, незачем было тянуть с отдачей ее в типографию. Но раз он этого не сделал, то, следовательно, или не закончил работу, или даже вообще к ней не приступал. Вывод вполне логичен — и библиографы его приняли, не учтя, однако, что существует альтернатива: Эмин сам поставил последнюю точку текста, но по каким-то причинам, которые получили бы объяснение, если бы нам были известны факты последних месяцев его жизни, не передал рукопись в печать. Именно так, по-видимому, и случилось. Характер обращения с французским подлинником несет в декабрьском выпуске все характерные черты манеры Эмина, как она проявилась во всех предыдущих. К тому же только сам Эмин, вероятно, был в состоянии «выловить» в огромном массиве девяти памфлетов те страницы, которые были опущены им ранее. Любому другому человеку нужно было бы для этого провести очень тщательное сопоставление, фактически целое исследование, за которое бы никто, конечно, не взялся. Можно, правда, выдвинуть предположение, что после Эмина остался размеченный им экземпляр, которым и пользовался литератор, решивший довести издание до конца. Но ему не могло бы не броситься в глаза, что наименее испещрен значками или вычеркиваниями пятый памфлет, на который, следует ожидать, он и направил бы свое внимание, поскольку это было бы гораздо легче, нежели вылавливать мелкие осколки по другим брошюрам. Между тем декабрьский выпуск «Адской почты» отразил свойственное как раз Эмину прохладное мнение об этом памфлете. Наконец, руководствуясь пометами первого издателя журнала, литератор, принявший на себя труд скомпилировать последний номер, вряд ли допустил бы повторение весьма пространного рассказа, как это произошло в №106; увидев, что материал уже использован, он, по логике вещей, должен был бы пройти мимо этих

---

[49] СК. Т.4. С.116.

страниц. К тому же, если бы он все же на них остановил свой выбор, ему, чтобы рассказ приобрел тот вид, в котором напечатан, нужно было бы в массиве предыдущих месяцев найти письмо, в котором была переложена новелла, сличить русский текст с французским и выбрать из подлинника строки, не вошедшие в журнал. Маловероятно, чтобы этим стал заниматься кто-либо, кроме самого Эмина, который подобное, кстати, проделал уже ранее (см. примеч. 46). Предположим, однако, что гипотетический продолжатель «Адской почты» настолько заинтересовался новеллой, что все это выполнил; но трудно представить, чтобы он в своем варианте пошел на другие повторения, выявленные сопоставлением с подлинником. Таким образом, косвенные свидетельства ведут к выводу о том, что декабрьский выпуск был составлен, до самой последней строчки, Эминым. Что произошло, когда рукопись была готова, остается тайною, в которую нет надежды проникнуть.

3

При всей тесной зависимости «Адской почты» от ее французского источника, пока, к сожалению, единственного установленного, в ней мало заимствований оттуда, которые являются переводом в строгом значении этого слова, если даже брать тот более широкий по сравнению с нашим временем смысл, какой оно имело в XVIII в.[50] Переходя на страницы русского журнала, сатирические портреты и рассказы Ленобля и неизвестного автора «Лорнетов» подвергались почти все кардинальной переработке, утрачивая под пером Эмина многие свои исконные детали и эпизоды, а с другой стороны — обрастая новыми, настолько уводящими от подлинника, что подчас он становится едва различим. Самую высокую степень близости русского текста к исходному представляет в «Адской почте» лишь вольное переложение, с обильными изменениями разного рода, часто (но необязательно) со «склонением на русские нравы» и с отдельными фразовыми или небольшими сверхфразовыми фрагментами собственно перевода. Наиболее удалены от иностранного подлинника те письма, в которых подсказанные им мотивы становятся импульсом для самостоятельного, абсолютно от него не зависимого развития творческой мысли.

Примером вольного переложения, сохраняющего основ-

[50] Один из немногих примеров собственно перевода с очень малыми отступлениями представляет портрет врача-ретрограда в письме №22 (VIII, 96—97).

ную канву и детали подлинника, а также содержащего фрагментарные вкрапления относительно точного перевода, может служить августовское письмо №28 (от Кривого к Хромоногому):

Подлинник	«Адская почта»	Перевод
Le Borgne. C'est Monsieur Lubin, vieil, riche et sans femme; il vient de donner une terrible affliction à ses trois neveux, dont l'un a mangé tout ce qu'il avoit au cabaret; l'autre a perdu tout son bien au jeu; et l'autre n'a presque plus de quoi soutenir un petit ménage secret qu'il entretient dans la rue Montmartre.	Многие, любезный бес! охотники до судов от оных претерпевают жестокость своей судьбины, а иные тем набогащаются. Суд подобен бурливому морю, на котором иные тонут, а иные великую от того получают прибыль, ибо и на море крепкий корабль волн не боится, а слабый оными часто поглощаем бывает. У нас племянники г.Любина, как скоро занемог горячкою их дядя, поссорились и наняли стряпчих, желая каждый из них судом получить лучшую часть наследия после дяди, который еще жив. Уже челобитные были готовы, в которых означено: «по смерти покойного моего дяди оставшееся имение принадлежит мне по следующим причинам».	*Кривой*. Это господин Любин, богатый и неженатый старик; он недавно поверг в глубокую скорбь троих своих племянников, из которых один проел свое состояние в таверне, другой — проиграл, а у третьего не осталось почти ничего на содержание втайне любовницы в домике на улице Монмартр.
Une maladie terrible avoit mis Monsieur Lubin au lit; une fièvre aiguë avoit déjà porté le transport au cerveau; le médecin avoit condamné le vieillard à la mort; les neveux n'abandonnoient de vue ni l'oncle ni le coffre fort; mais lor-	Правда, что г. Любин весьма опасно был болен. Доктор его подписал определение на смерть, сказав, что никакие уже лекарства ему ни малейшей помощи сделать не могут. Племянники не спускали глаз с старика и с сундуков, кото-	Жестокая болезнь уложила г. Любина в постель; сильная горячка вызвала уже бред; доктор приговорил старика к смерти; племянники не спускали глаз ни с дяди, ни с железного сундука; но когда не оставалось более никакой на-

sque l'on n'espéroit plus rien, une maudite crise le vint tirer d'affaire (D 189).

рые за постелью его стояли. Но в то самое время, когда уже ожидали шествования души Любиновой на тот свет, проклятая кризис (так называют г. докторы перелом болезни) все дело испортила так, что господа племянники, последние деньги накануне сего с радости проигравшие, удавились бы с отчаяния, если бы я им, будучи свидетель их жестокой печали, не сказал, что после болезни, которая скоро переламывается, бывает рецидива (возвращение болезни в большом градусе), которая может за них отомстить дяде их за то, что их толь жестоко обманул своею смертию. Сими моими словами они были довольны и ожидают сей госпожи рецидивы, как красного солнышка, а то без нее подьячим за челобитные придет платить серебряными чарочками, которых у троих их осталось две (VIII, 108—109).

дежды, проклятый кризис вернул его к жизни.

Приведенный очерк хорошо иллюстрирует все главные особенности манеры Эмина свободно обращаться с подлинником и в этом смысле является типическим и качественно,

и, в общем, количественно[51], хотя в «Адской почте» есть, разумеется, письма, в которых соотношение между близкими к французскому тексту фрагментами и вольными от него отступлениями клонится не в сторону последних, как здесь, а в противоположную. Дальнейшее удаление от подлинника знаменуется исчезновением переводного элемента, но свободное изложение русским автором темы, взятой из французской книги, не отрывается от этой основы и сохраняет отдельные ее реалии и детали. Так, например, передан в октябрьском письме №59 (от Кривого к Хромому) спор писателя с художником:

Подлинник	**«Адская почта»**	**Перевод**
L'Auteur. Comment, téméraire, tu n'as pas donc lu mon traité du zest en six volumes in folio, le Code et le Digeste que je mis en madrigaux, trois volumes de la divisibilité des atomes, mon traité curieux sur la dissection des jambes des fourmis, et enfin mes quatre volumes sur le saut de la puce pour justifier qu'elle le fait par une ligne courbe, et non pas par une ligne droite (D 365—366).	Я прославился моими нежными сочинениями. Иной сочинитель написал шесть томов в большой лист о разделении естественных частиц; как же такому не приписать вечной похвалы? Другой из нас до тридцати диссертаций издал в свет о том, которым концом дышат мухи, прямо ли или криво скачут блохи, и как без циркуля пчелы размеривают свои соты. Такие высокомысленные люди не заслуживают ли вечного почтения? (X, 214—215).	Как, наглец, ты, значит, не читал моего трактата о выеденном яйце[52] в шести томах in folio, Кодекс и Дигесты[53], переложенные мною мадригалами, три тома о делимости атомов[54], мой замечательный трактат о рассечении муравьиных ножек и, наконец, четыре моих тома о скачке блохи, в которых доказывается, что она прыгает по кривой, а не по прямой линии.[55]

---

[51] Эмин не только расширял, как в приведенном случае, но часто и сильно сокращал заимствуемые зарисовки. Так, в одно предложение уложен в письме №13 (VII,53) фрагмент из первого памфлета, посвященный синему чулку (D 52—53). Самостоятельный этюд во французском подлиннике, этот фрагмент, сокращенный до подобных размеров, становится лишь деталью, отдельною чертою характеристики красавицы, за которой привелось наблюдать Кривому бесу.

[52] Дословно: zest — перегородка в грецком орехе, шелуха.

[53] Собрания законов, составленные по распоряжению римского императора Юстиниана.

[54] То есть первичных, неделимых частиц (др.-греч. ἄτομος — неделимый).

В подобном же духе переделал Эмин и ответную реплику сумасшедшего художника. Из всех картин этого высокомерного живописца, перечисленных в подлиннике, лишь одна — изображение Великого поста «так живо, <...> что лучше нельзя» (X, 215) [56], — упоминается в «Адской почте», остальные заменены другими «полотнами», тематика которых сатирическою своею сущностью эквивалентна обыгрываемой Леноблем по стопам Рабле.

На следующей ступени вольной трансформации, еще более отдаленной от исходного французского текста, опускаются *все* детали и реалии подлинника, вместо которых подставляются другие, равноценно передающие его сатирический дух и мысль. Подобное превращение претерпевают, например, едкие реплики, которыми обмениваются в парижском салоне на счет одной дамы (в «Адской почте» Кривой бес описывает женщину, на которую ему случилось обратить внимание в театре):

Подлинник	**«Адская почта»**	**Перевод**
Lycas. Mais à propos de Catin <...> c'est une plaisante petite crasseuse, et l'on ne sait pas si ses petits yeux sont percés par	Брат Хромоногий! конечно, ты подумаешь, что Дорализа была собор приятностей, что повлекла за собою, как	*Ликас.* Кстати о Катэн[57], она— смешная, ничтожная выскочка[58], ее маленькие глазки так глубоко посажены, что

[55] Сатирический выпад, заимствованный из «Гаргантюа и Пантагрюэля», где в перечислении дел, которыми занимались прислужники королевы Квинтэссенции (кн.V, гл.22), упоминается: «Иные в обширном цветнике старательно измеряли скачки блох, да еще уверяли, что это занятие более чем необходимое для управления королевствами, для ведения войн, для поддержания порядка в республиках, и ссылались в том на Сократа, первого низведшего философию с небес на землю, из праздной забавы превратившего ее в полезное и прибыльное дело и, как удостоверяет квинтэссенциал Аристофан, половину времени, которое он посвящал науке, употреблявшего на измерение блошиных скачков» (Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль /Пер. с франц. Н.Любимова. М., 1966. С.648). Рабле имел в виду насмешку над Сократом в комедии «Облака», где Ученик восторженно рассказывает о том, как философ додумался вымерить, «на сколько стоп блошиных блохи прыгают» (Аристофан. Комедии. М., 1954. Т.1. С.185.). Любопытно, что в «Адской почте» предмет диссертаций о мухах составляет параллель другому «открытию» Сократа, которое Ученик описывает в той же сцене: «Мудрец сфеттийский Хэрефонт спросил его, /Что мыслит он о комарином пении, — /Пищит комар гортанью или задницей?/<...> Сказал он, что утроба комариная /Узка. Чрез эту узость воздух сдавленный /Стремится с силой к заднему отверстию. /Войдя каналом узким в расширение /Из задницы он вылетает с присвистом» (Там же. С.186). Остается неясным, возникла ли параллель случайно или же является реминисценцией, то ли первичной, отражающей непосредственное знакомство Эмина с «Облаками», то ли вторичной — восходящей к какому-то сочинению, где шла речь о комедии Аристофана или приводилось это место в виде цитаты, пересказа либо аллюзии.

[56] Заимствовано Леноблем также из «Гаргантюа и Пантагрюэля», кн.3, гл.30 (С.673).

devant ou par derrière tant ils sont enfoncés.

Dorimene. Si ses yeux sont petits, c'est à leur dépens que la nature a fait sa bouche, puisqu'elle récompense copieusement la petitesse de son luminaire (D 27).

магнит железо, сих двух юношей[59]. Может статься, она и красавица; но поверь, что не на наши глаза. Видно, что она не дождалась прививки оспы. Надобно бы, по крайней мере, аршин черной тафты и великого эконома в вырезывании мушек, чтоб оными залепить рябины ее лица. При всем том она называется красавицею (VII, 27—28, №7).

не знаешь, где для них прорези, спереди или сзади.

Доримена. Если глаза у нее крошечные, то за их счет природа сделала ей рот, а он щедро восполняет недостаток получаемого через них освещения.

Поскольку Эмин, как иллюстрирует последний приведенный отрывок, считал допустимым, чтобы трансформируемый им портрет был связан с исходным лишь общностью сатирической насмешки и не сохранял никаких элементов текста подлинника, которые ограничивали бы, или — точнее — обуздывали, движение творческой мысли, то она, получив во французском памфлете толчок, часто приобретает у издателя «Адской почты» самостоятельное движение, создавая как бы этюд на заданную тему. Таковой вырастает, например, в том же июльском письме №7 из фразы, брошенной одним из тех, кто в салоне Доримены моет косточки Катэн. В разговоре заходит речь о том, что маркиз де Пимбек (Pymbek) «в нее <...> влюблен до безумия и более ста раз в день повторяет ей, что на свете нет равной ей красавицы» (D 28). В «Адской почте» соседи Кривого беса по ложе в театре, «из философии недавно выписанные два малороссиянцы», которые «в свете не обращались», встают с мест, когда мимо проходит дама, о которой идет речь в письме: «Один юноша, смотря на нее, как голодная собачка на хлеб, красноречиво скомлил: „О как вы прекрасны! Все вам пристало, все божественно“. — Прервав его речь, оскалив зубки, с нежностию сказал другой: „Я ничего вас совершеннее в премудрых действиях натуры не видал. Вы королева над премудропрекрасными боярынями“» (VII, 28).

В своем течении мысль Эмина уходит временами от

---

[57] Смысловое имя: catin — шлюха.

[58] Она дочь торговца.

[59] Соседей Кривого беса по ложе.

авторской в другое русло и направляется в совершенно иную сторону. Связь в этих случаях улавливается только по признаку того, что на данное письмо «приходятся», согласно последовательности, определенные страницы подлинника. Если на них обнаруживается хотя бы мельчайший нюанс, имеющий параллель в русском тексте, то установленная закономерность использования в «Адской почте» французских памфлетов дает основания считать его тем самым начальным импульсом, который был сообщен творческому воображению издателя журнала. Так был создан портрет святоши в ноябрьском выпуске.

Подлинник	«Адская почта»	Перевод
Le Borgne. Ah, mon cher Boiteux, dresse la lorgnette vers cette femme qui a un habit si propre et si modeste, que son teint est beau, et que sa coiffure noir en rehausse si bien le prix. On diroit qu'elle n'est nourrie que d'ortolans, de bisques, et de potages bien mitonnés.	Не такой ли и ты с твоим стеклом предвещатель предбудущего, как все те пророки, которые предсказывают то, что давно уже было? Но на сей раз перестану о качестве твоего лорнета сомневаться и уведомлю тебя о жизни Арсены вдовы. Она одевается в платье черного цвета, и то в суконное; чепчик на голове носит черный, всякой день ходит в храм господний, и говорят, что умеренностью своею в пище превосходит папу Сикста, о котором сказывают, что ел в день только по пяти орешков, а шелуху отдавал нищим в подаяние; она лицом весьма хороша, а набожна еще больше. Людям своим приказывает больше молиться, нежели работать, отчего редко в деревнях ее хлеб родится (XI, 286—287, №85).	*Кривой*. Направь, дорогой Хромоногий, лорнет на эту женщину, так пристойно и скромно одетую, чей приятный цвет лица так хорошо оттеняет черная шляпка. Можно подумать, что ее кормят только жарким из птичек-овсянок и разными изысканными супами.
Le Boiteux. On ne s'y tromperoit pas. Celui qui a eu tant de soin d'elle, ne negligea rien pour conserver son embonpoint; il est habile homme de son métier. Il l'a toujours nourri splendidement, et a fait plusieurs bons repas avec elle sans qu'il lui en coutât que deux paroles. On n'avoit pas recours à ses conseils, sans être obligé de faire des charités à cette prétendue dévote. Chaque consultant lui devoit un tribut selon ses facultés (L 35—36).		*Хромой*. Так оно и есть. Тот, кто о ней так заботился, ничего не упустил, чтобы держать ее в теле; в своем деле он большой мастер. Он всегда ее кормил превосходно и много раз хорошо проводил с ней время за трапезой, которая стоила ему лишь двух слов. У него было невозможно получить совет, не сделав пожертвования этой святоше. Всякий, кто к нему обращался, должен был платить ей дань сообразно своим возможностям.

Во французском памфлете и русском сатирическом журнале изображены две отличные одна от другой разновидности одного типа, между которыми общее, пожалуй, только приятные черты лица и головной убор черного цвета. В главной своей сущности они совершенно не похожи: французская святоша — распутница, надевшая личину благочестия; русская — фанатичка, доводящая и себя самое и своих крестьян до изнурения. Не было бы никаких оснований считать первую литературным прототипом второй, если бы письмо из «Адской почты» не совпадало идеально со страницами, до которых дошел Эмин в своем движении по «Лорнету». Когда письмом №83 он достиг конца брошюры, в ней оставался неиспользованный материал на страницах 14—18, 26—33, 35—37, 42—45. С №84 он, как уже говорилось, двинулся в обратном направлении, взяв сначала страницы 42—45. Письмо №85 содержит две зарисовки, из которых второй в памфлете соответствуют страницы 32—33. Следовательно, если первая зарисовка, а именно портрет святоши, подсказана тем же иностранным источником, то материал, из которого она выросла, должен быть на страницах 35—37. Именно здесь расположен процитированный (и частично пересказанный) фрагмент о благочестивой развратнице. Тем самым можно считать доказанным, что совпадение темы было не случайным.

Подобным же образом подтверждается связь и в ряде других случаев, когда русский текст Эмина имеет вид совершенно самостоятельного сочинения (например, письма №№56, 58, 61). Но если фрагмент, в отношении которого возникает предположение, что он мог послужить издателю «Адской почты» отправною точкою, «выбивается» из последовательного ряда используемых страниц французского источника, то задача существенно усложняется и бесспорного решения не имеет. Показательный пример этого содержит в журнале самое первое письмо. В нем Кривой бес рассказывает о перебранке, свидетелем которой он был в театре, между дамами, оспаривавшими друг у друга право занять лучшее место в ложе. Похожая сцена имеется в первом «Лорнете»: здесь две женщины дерутся у входа в преисподнюю, не желая уступить одна другой дорогу, чем пользуется Рабле, чтобы выскользнуть из загробного мира и вернуться на землю.

Подлинник

...si la femme du gros Fermier Licas, cette fière bourgeoise, ne se fût avisée de faire un voyage dans l'autre monde. Il arriva par hasard que dans le même moment la femme d'un de ses anciens laquais qui avoit fait en peu de temps une aussi grande fortune que son maître, se presenta à la porte de l'enfer pour entrer. Celle-ci qui n'étoit pas moins fière que l'autre, voulut passer la première, et franchit brusquement le pas. La femme de Licas outrée de cette insolence courut aussitôt après elle, et l'arrêtant par le bras, lui dit de retourner sur ses pas à la porte. L'autre se moqua de ces paroles, et tâcha de s'échapper de ses mains. Mais voyant qu'elle n'en pourroit venir à bout, elle lui donna une gourmade. La femme de Licas la lui rendit et ensuite elles se jettèrent l'un sur l'autre avec tant de rage que la place fut bientôt couverte de coiffures et de cheveux (L 17).

«Адская почта»

...на место его села женщина, изрядно одетая; но она больше была богата красою лица, нежели убором. Сей соседке я был почти рад и хотел с нею вступить в разговор; но некоторая знатная дама, к ней подошедши, прекратила мое намерение. Она самовластно велела ей вытти из ложи, сказав: «Дура, не на свое место садишься; поди там сядь, где твои сестры разговаривают с нашими лакеями, с которыми и ты, может статься, знаешься». Я, опасаясь, чтобы сие красноречие и по мне не оборотилось, выпрыгнул из ложи. Моя соседка, вместо того, чтобы покраснеть, отвечала госпоже с презрительным видом: «Вы, государыня, ошибаетесь; я не так подла, как вы думаете, и вы ругательством вашим трогаете честь почтенного вашего супруга; ибо я не с лакеями, но с ним знаюсь, частое имею свидание и им, как госпожа, повелеваю, а вы часто повинуетесь своему камердинеру, и он бывает вам господин; итак, рассудите, кто из нас знатнее». Госпожа, таким неожиданным ответом приведенная в ярость, хотела подраться с своею соперницею, но другие дамы подошли и, взяв ее за руку, отвели в другую ложу (VII, 9—10).

Перевод

...если бы жене богатого откупщика Ликаса, этой надменной горожанке, не вздумалось совершить путешествие в иной мир. Случилось так, что в то же самое время к вратам ада подошла жена одного из ее бывших лакеев, который быстро сколотил такое же огромное состояние, как и его хозяин. Эта, не менее кичливая той, поспешила вперед, чтобы пройти первой. Жена Ликаса, разъяренная таковой дерзостью, побежала за ней и, схватив ее за руку, велела ей идти позади. Та пропустила ее слова мимо ушей и попыталась вырваться. Но, видя, что ей это не удается, она дала сопернице оплеуху. Жена Ликаса ее возвратила, и тогда они схватились с такою яростью, что моментально вокруг земля была усеяна клоками волос и в лохмотья разодранными шляпами.

Наблюдаемое в данном случае полное несовпадение французского и русского текстов не является само по себе достаточным признаком отсутствия направленной от первого ко второму генетической связи, поскольку метод работы Эмина с иностранным источником допускал, как видно из приведенных ранее примеров, и такое «глубокое» творческое переосмысление подлинника. С другой стороны, коль скоро, начиная составлять июльский номер «Адской почты», Эмин уже знал содержание всех девяти памфлетов, то нельзя исключить вероятность того, что по какой-то причине эта жанровая сценка особо привлекла его внимание и он по-своему обыграл ее в самом первом письме. Это предположение не находит веских аргументов, которые подтверждали бы его сколь-либо доказательно, тем не менее имеется ряд обстоятельств, свидетельствующих косвенно в его пользу. Главное из них то, что к страницам, на которых описывается драка (L 17—18), Эмин более ни разу не обратился, хотя именно восьмой памфлет проштудировал весьма основательно и в прямом, и в обратном направлениях. Во-вторых, как раз в мае, когда, по всей видимости, развернулась основная интенсивная подготовка июльского выпуска, в газетах была напечатана корреспонденция из Англии о подобном реальном происшествии: «Недавно случилось в Бате следующее смешное позорище: целая компания дочерей знатнейших господ, собравшихся на публичное увеселение, произвели между собою драку о преимуществе чинов. Обершталмейстер Пломер приказал для некоторых лордских дочерей, которые пришли несколько поздо, поставить скамью пред переднею лавкою, которая уже была занята. Сие сидевшим на оной лавке показалось досадно, и потому дочь некоторого лорда столкнула одну с поставленной перед их лавкою скамьи, а за то получила себе пощечину; после чего вдруг началось сражение, и как головные уборы, так муфты и соболи полетели на землю, причем и самые почтеннейшие не были уже больше почитаемы. Мужчины, представляющие вспомогательное войско, тотчас подоспели на помощь к сражающимся своим красавицам; причем столько от них другим, сколько и им самим досталось ударов. Хотя никто не убит до смерти, однако все лавки после того наполнены были утомившимися и больными дамами»[60].

Если бы существовали доказательства того, что это сообщение было Эмину известно, то вопрос о литературном источнике рассматриваемого фрагмента из первого письма «Адской почты» получил бы окончательное и бесспорное решение.

---

60 СПб вед. 1769. 12 мая. №38.

Заметка о драке в английском курортном городке не могла бы, конечно, не напомнить об аналогичной сценке, описанной в «Лорнете», и это комбинированное впечатление стало бы тем самым начальным импульсом, который задал направление творческому воображению писателя. Хронологическое совпадение между публикацией процитированной корреспонденции и активной работой над первым номером журнала придает этому рассуждению известную степень убедительности и, во всяком случае, позволяет принять его в качестве гипотезы. Вместе с тем, по «Адской почте» невозможно определить, читал ли Эмин регулярно «Санктпетербургские ведомости». Событий текущей европейской жизни он касался на ее страницах неоднократно (смерть папы, изгнание иезуитов из разных государств, война корсиканцев против Франции за независимость острова и др.), но ни в одном случае информация, которой он оперировал, не прослеживается с несомненностью к «Санктпетербургским ведомостям». У него явно были другие ее каналы, так как некоторые факты, им упоминаемые, в газете вообще не затрагивались. Однако, учитывая его эрудицию и разносторонние интересы, как они проявляются в его сочинениях, трудно — даже невозможно — представить, чтобы он совершенно игнорировал единственное выходившее в столице отечественное периодическое издание, из которого можно было узнать, что происходит в мире. Он, конечно, себе не мог этого позволить хотя бы потому, что там систематически печатались официальные реляции с театра турецко-русской войны, а ими у него были причины интересоваться не только как все русские люди, но и особо пристально как бывшему турецкому подданному, если, разумеется, этот эпизод его биографии действительно имел место. Итак, все сходится на том, что Эмин не мог пройти мимо заметки о драке в Бате и должен был, хотя бы по аналогии, вспомнить забавный рассказ из «Лорнета». Подтвердить второе из этих двух заключений могла бы, при отсутствии каких-либо иных доказательств, только последовательность страниц подлинника, но в данном случае письмо, в котором описывается ссора дам в театре, с нею не совпадает, и потому все соображения относительно литературного генезиса этой сценки остаются предположительными.

4

Теперь, когда стал известен один французский источник «Адской почты» и появилась возможность сличить текст, вышедший из-под пера Эмина, с исходным французским, отчетливо проступает компилятивный характер «бесовской переписки». Компиляция осуществлялась на всех уровнях:

журнала в целом, каждого его выпуска, отдельного письма и даже первичной структурно-композиционной единицы — портрета-характеристики.

Среди неустановленных иностранных сочинений и, вероятно, периодических изданий, дававших Эмину, помимо рассмотренных памфлетов, материал для «Адской почты», были, очевидно, такие, которые в ней представлены единично, а какие-то другие, по-видимому, систематически, но этих было вряд ли более одного или двух. Нет сомнения, что все эти произведения подверглись таким же трансформациям, как и беседы Хромого беса с Кривым, почему и нельзя еще вынести окончательное суждение относительно тех писем, которые своим содержанием производят впечатление абсолютно независимых от каких-либо западноевропейских литературных источников. Зная манеру Эмина перерабатывать чужой текст или получать в нем лишь намек либо творческий импульс, нельзя быть, например, до конца уверенным, что ничего подобного не имело места с письмом №2 на сугубо русскую тему — об уловке, изобретенной приказным для того, чтобы совершить купчую в обход закона о воспрещении продавать крепостных до окончания рекрутского набора. Тем не менее, если в подобных случаях какое-нибудь произведение и сообщало нечто вроде побудительного толчка или подсказывало тему, конечный результат был собственным, оригинальным сочинением Эмина.

Письма, восходящие к не выявленному пока иностранному источнику, из которого, наряду с брошюрами Ленобля и «Лорнетами», систематически брался материал для «Адской почты», располагаются, надо думать, в ней, как и ведущие начало из этих книжечек, преимущественно рядами или гнездами, и лишь немногие занимают изолированное положение. Этими гипотетическими концентрациями закрываются какие-то из следующих «окон»: №№2—4, 31—32, 36—39, 42—43, 53—55, 62—63, 79—82, 91—97, 102—104. Если бы даже из этого источника заполнились не только все перечисленные «групповые» пробелы, но и все остающиеся единичные, то и тогда число писем, от него зависящих, было бы лишь: 112−69=43; на самом же деле оно в этих интервалах и «дырках» еще, без сомнения, меньше. К нему, однако, добавится, следует ожидать, некоторое количество — и, по всей видимости, немалое — писем, в которых искомый регулярный источник соседствует или более сложно взаимодействует с уже найденным. Вполне вероятно, что подобные контаминации тоже образуют групповые скопления, то есть ряды и гнезда разного происхождения как бы накладываются друг на друга в результате того, что Эмин одновременно работал с двумя-тремя иностранными книгами.

Компиляция такого рода угадывается, например, в августовском письме №29. Здесь рассказывается о крючкотворе, запутавшем настолько дело в суде, что стало невозможно ни выиграть, ни проиграть процесс; ему привычно изобретать всевозможные хитроумные аргументы для любого случая, так что, когда его жена родила сына через четыре месяца и шесть дней после свадьбы, он, сосчитав и дни и ночи, получил естественный срок и успокоился. Эта характеристика построена на материале прогулок Хромоногого и Кривого бесов, но предваряющие ее несколько вступительных строк у Ленобля отсутствуют. Сформулировать мысль, в них заключенную, Эмин мог, конечно, без какого-либо внешнего литературного стимула. Тем не менее одна деталь — иностранная фамилия помещика — внушает подозрение, что они также имели исток в каком-то неустановленном французском сочинении: «Ничего для нашего брата удивительнее нет, как здешние стряпчие. Они дело портить, поправить, решить, да и сотворить могут; дай только им деньги, ан черное белым вмиг сделают. У нас есть славный стряпчий, которого от вас за ябеды выгнали. Он десятка с два добрых людей и здесь сутяжничеством разорил; однако Г.Арнольду, здешнему помещику, сделал великое благодеяние» (VIII, 10). Употребление Эминым этой фамилии находится в противоречии с географией письма, поскольку из контекста явствует, что отправитель, Хромой бес, находится не во Франции, а в России.[61] Подобная несогласованность, выражающаяся в том, что описываемое подается как сцены и типы русской жизни,

---

[61] Действительно, коль скоро стряпчий, подвизающийся в том месте, откуда о нем сообщает Хромой бес, ранее вел дела в городе, где сейчас живет Кривой, а с другой стороны, поскольку в высшей степени маловероятно, чтобы он уехал за границу и занялся там постоянной адвокатской практикой, то оба посланца преисподней находятся в одной стране. Но Кривой бес избрал своей резиденцией Петербург — это впечатление создается в самых первых письмах и многократно подтверждается на протяжении журнала всевозможными реалиями. Например, в рассказанной Кривым бесом истории Лизандра (№9) такое указание содержит фраза: «Я бы вам, — отвечал Петр, — лучше советовал броситься в Неву» (VII, 31). Местонахождение Хромого беса точно не определяется. Было высказано мнение, что он обосновался в Москве (Шамрай Д.Д. К истории цензурного режима Екатерины II // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб.3. С.201, примеч. 38), но в его письмах нет ни одной специфической детали, которая бы относилась именно к древней столице, так что убеждение исследователя сложилось не на основе текста журнала, а, вероятно, под влиянием традиционного противопоставления «Петербург—Москва». Некоторые письма Хромого беса несут отчетливый западноевропейский отпечаток (например, №2, содержащее историю девицы, постригшейся в юные годы в монахини); по своему содержанию и реалиям они вполне могли быть присланы из-за границы. Однако в других есть несомненный русский колорит (так, в №39 упоминаются петербургские реалии — IX, 149). Очевидно, географическая логика не была для Эмина предметом заботы и тщательного соблюдения.

а персонажи зовутся на иностранный лад, возникает в «Адской почте» повсеместно за счет имен, перешедших в нее из сочинения Ленобля и примыкающих к нему брошюр. Так случилось лишь потому, что Эмин, совершенно очевидно, не придавал значения этой детали. Однако если можно было не обратить на нее внимания, по недосмотру или намерению, при заимствовании материала, то при полностью самостоятельном сочинении, когда требовалось подобрать имя персонажу, она должна была, без сомнения, попадать в поле самого пристального рассмотрения. В подобных случаях Эмин вряд ли стал бы сам выдумывать иностранные имена, а прибегнул бы, конечно, к русским. Если верно это предположение, для которого солидным основанием служит наличие в журнале таких имен, как Злоумов (№№69—70), Явнокрадов и Взятколюбов (№79), Стозмей и Правдолюбов (№100), Славнокрадов (№ 105)[62], то все иностранные, которым не найдено соответствий в установленных источниках, взяты из каких-то других (французских?) произведений. Отсюда, как и требовалось доказать, следует, что фамилия Арнольд в письме №29 представляет остаточный элемент компиляции.

Наличие в одном письме «Адской почты» подобного сочетания двух французских источников позволяет предположить более или менее систематическое применение в журнале компиляций такого рода. Правда, на нынешнем этапе исследования этого периодического издания нет возможности выделить с надежною определенностью конкретные примеры[63]; но, с другой стороны, сопоставление «Адской

[62] Русские имена персонажей — недостаточный признак, чтобы на его основании можно было исключить категорически всякую вероятность того, что сами портреты и зарисовки каким-то образом, полностью или частично, ведут происхождение от иностранного источника, им подсказаны или из него заимствованы. Но даже в последнем случае высказанное предположение не только не теряет силы, но, напротив, обретает дополнительный подтверждающий его аргумент: если Эмин считал необходимым изменять — пусть хотя бы и единичное число раз — иностранные имена на русские (или переводить на русский язык), то в высшей степени маловероятно, чтобы он от себя дал в письме №29 помещику французскую фамилию, вступающую в противоречие с русским контекстом.

[63] Так, не представляется возможным вынести определенное заключение относительно тех строк письма №108, в которых сообщается, что Маргот, равный «с Беленою в знатности, в богатстве, а может быть, и в достоинствах, естьли оные у них когда-нибудь бывали, <...> женился на женщине, которая излишества никогда не любила, да и в разуме, наконец, болезнь и нужного половину убавила» (XII, 359). Этому фрагменту, описывающему его нынешнее несчастное положение и «странное» поведение его жены, предшествует рассуждение о том, что «надобно в свадьбах <...> наблюдать равенство» (XII, 358—359). Оно выросло из реплики на ту же тему Кривого беса (D 245), развивая которую во французском памфлете

почты» с брошюрами Ленобля и «Лорнетами» не выявило случаев, чтобы какой-либо прием переделки иностранного текста был Эминым использован лишь единожды-дважды, а из этого логически вытекает, что, кроме разобранного в №29, должны быть и другие составные письма, в которых «подогнаны» друг к другу или просто сведены механически рядом фрагменты, заимствованные из двух (или, может быть, даже большего числа) источников.

Контаминацию отрывков, фраз и отдельных деталей Эмин от случая к случаю осуществлял и тогда, когда исходный материал для портрета-характеристики, рассказа или бытовой сценки брал только из диалогов Хромого и Кривого бесов. Техническое исполнение компиляций было, можно полагать, одинаковым, использовались ли в качестве основы при работе над каждым данным письмом несколько иностранных книжек или одна (каковою, в сущности, была вся совокупность памфлетов о прогулках по французской столице дьяволов). Поэтому, хотя состав сплавов, полученных комбинированием заимствований из ряда сочинений, еще пока неизвестен, процесс их образования будет в общих чертах ясен, если проследить, как в русском журнале формировалось единое целое из разнородных парижских зарисовок, разбросанных по страницам — нередко далеко отстоящим одна от другой — серии брошюр, продолжавших роман Лесажа.

Простейшей компиляцией, которая могла применяться при пользовании одним источником, было слияние двух соседних портретов-характеров. В своем элементарном виде этот прием, впрочем, не встречается в журнале, ибо даже самая примитивная контаминация давала обязательно толчок более сложному творческому процессу. Таково, например, сентябрьское письмо №50, в котором идет речь о старике Алиодоре, «великом охотнике к строению». В начальной части рассказывается о том, как он, будто бы перед ним лежала еще долгая жизнь, все время что-то сооружает,

---

Дамон рассказывает о том, как Марго Кюизифль (Margot Cuisifle) вышла замуж за маркиза (D 245—246). У Эмина это превращается в историю женитьбы безымянной дочери аптекаря и маркиза, следующую сразу за фрагментом о Марготе и его жене (XII, 360—361). Таким образом, этот фрагмент оказывается вставкою между двумя частями письма, восходящими к одному отрывку французского источника, где вторая вытекает из первой и непосредственно к ней примыкает. Имя Маргот, с переосмыслением его из женского в мужское, было взято у Ленобля, но сам фрагмент, как подсказывает имя «Белена», может происходить от какого-то другого иностранного сочинения. Итак, контаминация здесь налицо, но участвует ли в ней еще один источник или история о Марготе была сочинена в основном самим Эминым, сказать трудно.

переделывает и благоустраивает на своих землях; эти строки вольно воспроизводят характер Алсидона (Alcidon), которого бесы считают достойным находиться в сумасшедшем доме (D 342). Далее в подлиннике следует характеристика «претендентки» на соседнее там же помещение: богатой семидесятидвухлетней вдовы Памфилии, «купившей себе второго мужа» — мушкетера Коридона; быстро пресытившись престарелою женою, молодой супруг, ставший по брачному контракту хозяином всего состояния, лихо проматывал его на ее глазах (D 343—344). Из этого в «Адской почте» вырастает продолжение очерка об Алиодоре: «При старости и трудах своих не забывает он о свойстве любви. Забавляется часто с Кларисою, и сия госпожа нажила от него много денег, *на которые она часто себе мужа покупает* (курсив мой. — *В.Р.*). Недавно она купила на Алиодоров счет Ремиза, детину высокого, пригожего и глупого, который ее ревнует, того не рассуждая, что скоро ему дадут чистую оттуда отставку и он лишится своего хорошего дохода» (IX, 171—172). Сведение смежных французских зарисовок в единую русскую не могло, разумеется, произойти без внесения во вторую каких-то изменений с целью «вписать» ее в контекст предыдущей. То, как ее переработал Эмин, вышло за рамки функциональной «подгонки»: генетическая связь посвященного Кларисе фрагмента с портретом Памфилии теплится лишь в одном придаточном предложении, выделенном выше в цитате курсивом; остальное, а точнее — весь фактически отрывок, было русским автором или досочинено самим, или заимствовано (то есть переведено либо переделано) из какого-то другого источника. Если верно последнее, то к тому же источнику восходит, по всей вероятности, письмо №51, тематически вытекающее из предшествующего: здесь Кривой бес подробно рассказывает о Ремизе, чьи все достоинства — в лице и росте. Так, начавшись с объединения расположенных рядом фрагментов, компиляция доходит, вполне возможно, до уровня композиции сентябрьского номера журнала.

Если никаких препятствий не видел Эмин контаминированию напечатанных во французском подлиннике друг за другом, но по сути своей разнородных портретов-характеров, то в равной степени представлялось ему допустимым и сочетание фрагментов с удаленных одна от другой страниц «бесовской» серии. К этому приему он прибегал неоднократно: взяв за основу какой-то целостный характерологический очерк (как правило, очередной в последовательности), он вводил в него дополнения из других — то ли отдельные

штрихи, то ли даже иногда законченные портреты. Тематическая общность упрощала ему дело, но ее отсутствие не было для него преградою.

Контаминация по сходству была, например, произведена в разобранном выше письме №29: известие о безнадежно запутанном деле перешло в него из четвертого памфлета Ленобля (D 211—212), а необычный подсчет срока родов Эмин извлек из третьего (D 188). Вторая деталь удачно дополнила первую, ярко завершив характеристику изощренного в хитроумии стряпчего.

Более сложные объединительные ассоциации действуют в августовском письме №23. Здесь Хромой бес рассказывает о «славном ученом болтуне, который с жадностью гоняется за духом, из кухни происходящим», и с ревностью защищает в споре систему Птоломея. Застольный диспут кончается бурною сценою: «...заключение делу было положено стаканом, который расшибся о премудрую голову Птоломеева последователя. Там дело дошло и до пешни, которою сделал бы пьяный астроном великий в боку своего соперника пролом, если бы находящиеся люди при их споре пешню, которую пьяный ученый держал в руках вместо квадранта, у него не выхватили» (VIII, 97—98). На тех страницах третьей французской брошюры, от которых в данном случае отталкивался Эмин (D 165—166), ни о споре, ни о потасовке нет ни слова. Однако в «Лорнете» рассказывается о прениях на ту же тему в таверне между неким педантом и его собутыльником (L 68—70). Правда, их разногласия обходятся без драки, но к подобному бурному финалу приходит другой спор, завязывающийся несколько позже за тем же столом (L 75—79): не сойдясь в мнениях о жанре комедии со своим приятелем поэтом Лисидасом, Флоримонд в запале выплескивает ему в лицо стакан воды. Все эти сцены найдут весьма детальное отражение в более поздних письмах «Адской почты» (№№40, 101), но это обстоятельство не возбраняет с большой степенью надежности предположить, что стакан, разбитый о голову ретрограда от астрономии его негодующим оппонентом, и пешня, используемая вместо квадранта, представляют подвергшиеся основательной творческой переработке реминисценции из второго «Лорнета».

Пример контаминации в единую характеристику двух фрагментов, не имеющих во французском сочинении тематической общности, дает июльское письмо №13, в котором Кривой бес делится впечатлением о красивой молодой женщине, привлекшей его внимание в театре: «...я слышал от

сидящего за нею юноши, с другом своим разговаривающего, что она всех в свете презирает и думает, что в подсолнечной ее красивее нет. Некогда, сказывал юноша, выступил у нее на лице прыщ. Когда посмотрелась в зеркало и прыщ на лице своем увидела, то, схватя зеркало, бросила об землю и в куски разбила, браня оное и выговаривая, как оно могло иметь дерзновение представить ей в глаза прыщ, нимало ее лицу не приличный. Она презирает всех тех лучших и знатнейших в городе юношей, а любит своего соседа...» (VII, 52). С обычными для Эмина приемами переделки, когда от подлинника остаются в русском тексте лишь отдельные детали и полностью отсутствует эквивалентный оригиналу перевод, эти строки соответствуют портрету красавицы Аминты во втором памфлете Ленобля (D 74—75). Далее, однако, мысль русского писателя принимает иное течение, нежели в образце, на который он до сих пор опирался. Французская зарисовка кончается язвительным контрастом: «Адонисом этой Венеры» оказывается «низкорослый горбун, самый грязный и самый уродливый из всех, каких когда-либо видел свет» (D 75). Эмин, считая портрет незавершенным, опускает эту деталь и присоединяет к нему — также с сильною переделкою, выразившеюся в резком сокращении, после чего сохранились лишь несколько деталей, — характеристику синего чулка, которую он ранее, по ходу последовательности, опустил (D 52—53): «...любит своего соседа, который всегда говорит с нею о науках; ибо она за весьма ученую женщину сама себя почитает, записывает острые словца и сама оные выдумывает так, что хочет из оных сделать лексикон приятных и островыдуманных изречений. Она беспрестанно говорит о математике, о астрономии; держит почти всегда в руках Ефемериды и смеется думающим, что земля около солнца вертится, утверждая, что сходнее бегать солнцу, нежели земле» (VII, 52—53). Предложение, связующее две характеристики («любит своего соседа, который всегда говорит с нею о науках»), настолько удачно их соединяет, что читатель русского текста не подозревает о составной природе очерка и наличии в нем двух разнородных элементов. Напротив, в обеих частях фигурирует общая черта — высокомерное отношение к окружающим, вырастающее в первой из гордости своею красотою, а во второй — из высокого мнения о своей учености. Именно эта черта и создает эффект художественного единства, затушевывая некоторую внутреннюю несогласован-

ность. Обнаружить последнюю может лишь крайне внимательное критическое прочтение; но и при нем она может довольно легко ускользнуть от внимания — и только сопоставление с французским оригиналом выявляет ее с полною очевидностью и бесспорностью.

Впрочем не всегда контаминируемые фрагменты «подгонялись» один к другому столь идеально, как в разобранном случае. Однако некоторое нарушение логики Эмина не останавливало, и к тому же вряд ли оно улавливалось рядовым читателем.

В качестве примера можно привести августовское письмо №34, где также проявились сложные объединительные ассоциации. В нем рассказывается о «любовном страстотерпце», женившемся «на самой бедной девице, которая прежде жила у него в работницах», а став его супругою, начала безудержно проматывать его состояние (VIII, 124). Начальные строки письма, сообщающие об этом событии, имеют своею основою фрагмент из четвертой прогулки бесов (D 249), но затем появляется мотив, отсутствующий у Ленобля и, следовательно, либо присочиненный самим русским автором, либо им заимствованный из другого источника: жена упрашивает мужа дать приют «до определения» отставному бедному офицеру, и муж, уверенный в ее добродетели, «принял в дом бедненького, который ныне его должность отправляет» (VIII, 124). Далее же, чтобы завершить рассказ о незадачливом рогоносце, Эмин возвращается к Леноблю, перескакивает через тридцать страниц и останавливается на характере Аканта (Acante) — человека, получавшего с родового поместья достаточный для безбедного существования доход, добившегося расположения министра и в предвкушении милостей тратившего бездумно деньги, но потерпевшего крах всех своих надежд, когда министр был смещен (D 280—281). На этой основе в «Адской почте» возникает следующая концовка письма: «Сей бедняк (то есть женившийся на распутной служанке —*В.Р.*) недавно наполз было на довольное счастье. Некоторый знатный министр взял его к себе в секретари, и он довольно мог при нем получать дохода для пропитания своего и для роскошей жены. Но сей министр от дел отставлен, и он паки принужден претерпевать бедность» (VIII, 125). Несогласованность между объединенными в этом письме разнородными зарисовками французского автора проявляется в том, что разорившийся бедняк, каким охарактеризован муж в заключительном про-

цитированном отрезке, держит у себя на содержании офицера без жалования.

Контаминация с «подгонкою» осуществлялась Эминым и на уровне группы писем, то есть распространялась на композицию всего номера журнала. Это хорошо прослеживается, например, в августовском выпуске.

В письме №25, строго придерживаясь последовательности французского оригинала (D 169—173), Хромоногий бес рассказывает историю таможенного секретаря, человека низкого происхождения, нажившего воровством состояние, а ныне ощипываемого немилосердно любовницей. Кончается письмо словами: «То только нашему брату странно, что здесь знают его происхождение и его промысел; однако все с ним с великим почтением обходятся» (VIII, 101). По логике вещей Кривому бесу приличествует в ответном послании разъяснить приятелю его недоумение. Для этого у Ленобля тоже находится исходный материал: пролистнув вставную новеллу (D 174—180), Эмин был возвращен к тому же предмету рассказом о еще одном разбогатевшем парвеню, чей сын также пользуется всеобщим уважением. По этому поводу Кривой бес французского памфлета поучает Хромого: «И ты думаешь, что все эти знаки почтения оказываются ему самому? Не ему, а должности, которой он облачен; и если он скинет с плеч покрывавшую их львиную шкуру, то сразу поймет, что не ему кланяются, а этой самой шкуре» (D 182). Кривой бес «Адской почты» начинает свой ответ (№ 26) подобным же рассуждением, но поскольку Ленобль еще много раньше пересказал басню Лафонтена об осле, нашедшем и надевшем львиную шкуру (D 128—130), а в русском журнале ей в последовательности, которая приходилась на письма №№20—21, не нашлось применения, Эмин теперь делает резкий скачок назад по французскому тексту и кратко ее излагает, несколько при этом видоизменив (VIII, 102). Ответ на вопрос, поставленный Хромым бесом, дан исчерпывающий — и Кривой переходит к собственным новостям, для чего восстанавливается прерванная возвращением назад последовательность и с очередных страниц (D 185—187) извлекается рассказ о совращенной девице. Однако на эту тему во французских брошюрах был ранее сходный материал, в свое время (письма (№№21—22) также не нашедший применения: рассказ о девице, которая, глядя на распутную мать, стала на путь порока (D 156—157). Тематическая общность позволила Эмину контаминировать эти две истории в одну. Далее по ходу французского

оригинала речь заходит о старике Любине, чье выздоровление после тяжелой болезни «разочаровало» его племянников (D 189—191).[64] Но писать наступает очередь Хромому (№27), а он в своей предыдущей корреспонденции сел на тему, очень, с точки зрения издателя журнала, злободневную и важную — и потому, не желая ее оставлять лишь слегка затронутой, Эмин снова совершает скачок по брошюрам, на этот раз — вперед (D 205—208), подбирая фрагмент, посвященный обличению взяточничества среди судейских. Письмо №28 от Кривого к Хромому впадает обратно в русло нарушенной этим отклонением последовательности страниц французских памфлетов, имея своим началом рассказ о Любине и его племянниках. Чтобы это письмо не «повисло» изолированно, а создавало бы впечатление одного из естественных звеньев переписки, в которой корреспонденты обмениваются не только новостями, для разных мест, естественно, разными, но и своими относительно их мнениями и соображениями, Эмин вводит в первых строках связующий композиционный элемент в виде сравнения суда «с бурливым морем, на котором иные тонут, а иные великую от оного получают прибыль» (VIII, 108). У Ленобля подобное сравнение отсутствует, и поэтому остается неясным, сам ли Эмин был его автором или — что в высшей степени вероятно — нашел в какой-нибудь книге и здесь к месту употребил. Кривой, как можно заметить, перескакивает с предмета на предмет, поддаваясь, с одной стороны, свежим наблюдениям и реагируя, с другой, на известия, приходящие от его сотоварища по преисподней. Хромой, взяв под прицел актуальную тему, продолжает ее развивать, а потому опять вырывается из последовательности, уходит далеко вперед (D 211—212), затем движется назад к странице, предшествующей той, на которой он находился, когда сочинял предыдущее письмо (D 188), присоединяет материал, по-видимому, из какого-то другого источника — и результатом является в письме №29 очерк о хитроумном стряпчем, обманувшем с исчислением срока родов самого себя[65]. Впрочем, и Кривой бес для своего очередного письма (№30) находит сюжет на ту же тему о судьях, для чего Эмин пролистывает брошюры опять вперед и останавливается на характере судьи Любина (это имя он, естественно, меняет, так как оно уже фигурировало применительно к другому персонажу в письме

---

[64] См. с.50—51.

[65] См. с.61

№28), контаминируя с соседствующем в памфлете анекдотом о женщине, которой в суде удалось доказать, что она не жена своего мужа (D 214—218). На этом августовский цикл сатиры на судейских приходит к концу.

Нет, думается, необходимости рассматривать и другие группы писем, в которых наличествует компиляция, проецирующаяся на композицию выпуска в целом. Основные ее приемы были во всех случаях одни и те же, так что распутывание каждого клубка на отдельные нити составляет более предмет обстоятельного комментария к академическому изданию «Адской почты», нежели входит в задачу исследования, имеющего целью проследить основные линии творческой истории этого журнала. Те же приемы и объединительные ассоциации вступали в действие и тогда, когда контаминация выходила за пределы одного выпуска, становясь композиционным элементом уже всего журнала.[66]

Выше указывалось, что в «Адской почте» относительно немногочисленны инверсии материала из брошюр Ленобля, продиктованные логикою компиляции.[67] Разобранное августовское «гнездо» представляет в общем массиве лишь одно из единичных исключений. К тому же, уходя вперед ради материала о судейских, Эмин не вел свободного поиска в разных местах, а тоже шел одна за другою по страницам четвертого памфлета, в котором бесы вели свои сатирические наблюдения в здании суда (D 205—208, 211—212, 214—218). Обе параллельные линии зависели, таким образом, от порядка изложения во французском оригинале, и как только третий памфлет оказался исчерпанным, то дальнейшие письма (с №33) продолжали последовательность четвертого, а пропущенные при «перескоках» страницы так и остались неиспользованными. Поэтому рассмотренная компиляция была, возможно, вызвана в какой-то степени и технической причиной — переходом от одного памфлета к другому. На это предположение наводит то обстоятельство, что нечто подобное имело место также на стыке первого и второго памфлетов, отразившемся в июльских письмах №№12—15. Если же дело обстояло именно так, то логически следует вывод, что основную массу сатирических зарисовок, контаминированных с заимствованиями из французских «бесов-

---

[66] Выше (с.44) уже было отмечено, что два замыкающие письма августовского выпуска (№№33—34) тематически продолжаются в первом сентябрьском (№35), для которого Эмин прибег к очень глубокой инверсии материала, перейдя от четвертого и пятого памфлетов сразу к седьмому.

[67] См. с.43.

ских» диалогов, дали другие использованные Эминым произведения, а также подсказало его собственное творческое воображение. В результате же, с учетом всех сложных объединительных связей, разъединяющих отталкиваний[68] и отступлений от исходного французского материала, часто его до неузнаваемости преображающих, из-под пера русского писателя выходил художественный текст, который хотя и находился в сильной зависимости от иностранного источника, но не был ни переводом, ни вольным переложением. Это было самостоятельное художественное произведение в виде периодических выпусков, хотя, как ни парадоксально это звучит, его самостоятельность сложилась в немалой мере за счет комбинирования заимствований.

5

Выяснение того факта, что текст «Адской почты» представляет очень сложную по составу амальгаму, и первичное, а потому по необходимости еще приблизительное и весьма грубое разложение ее на исходные компоненты открывает новый взгляд на вопрос о том, в какой степени сатира Эмина была обобщенно-вневременной, осмеивавшей пороки в их общечеловеческом, отвлеченном от конкретных условий времени и места проявлении, а в какой она отражала специфические черты живой русской жизни конца 1760-х гг. и метила в реальные события и реальные лица.

Опора на иностранный источник вряд ли могла пройти незамеченной читателями-современниками: их натренированный глаз, привыкший каждодневно видеть «свое», русское, не мог не заметить ее в именах и разнообразных не свойственных отечественному быту реалиях и ситуациях. Этим, конечно, злободневность сатиры, в сознании русского читателя, неизбежно притуплялась, насмешка приобретала несколько абстрактный характер. Снять этот эффект, если не полностью, то хотя бы частично, было призвано «склонение» французского материала на русские нравы, к которому Эмин прибегал нередко, но вместе с тем и не столь часто, чтобы полностью русифицированные очерки составляли бы большие непрерывные массивы писем. Однако если

---

68 В сентябрьском письме №44 один характер французского оригинала «расщеплен» на два (L 6—10). Еще сложнее обстоит дело с характером, очерченным на страницах L 15—16: все, касающееся прошлого этого персонажа, вошло в письмо №89, а о настоящем рассказано в №98, но применительно уже к другому лицу. Лишь одна краткая повторяющаяся дословно фраза выдает общий источник писем.

исходный французский материал подвергался «склонению» подобного рода, то, как и обычно при переделках в «Адской почте», имела место решительная трансформация, подчас оставлявшая от подлинника лишь самую общую мысль и какие-то мелкие черточки.

Пример подобной актуализации дает июльское письмо №7, интересное, между прочим, еще и тем, как искусно пользуется Эмин французским источником, чтобы направить сатирические стрелы на французское засилье в России.[69] В парижском салоне Доримены — одном из первых общественных мест, которое посещают бесы, — злословят по адресу Люкрона (Lucron, от фр. lucre — прибыль, доход, нажива), нашедшего «кратчайший и самый верный путь обогатиться за один день» (D 23). Завоевав искусно доверие и кредит во всем Париже, набрав всюду денег, драгоценностей и тканей, он заблаговременно перевел все имущество на жену и друзей, а сам бежал и скрывался в монастыре, пока не выхлопотал охранную грамоту, под защитой которой вернулся в столицу. Все его книги оказались в полном порядке, в них были показаны огромные понесенные им якобы потери, из чего было видно, что выплатить кредиторам он может не более одной двадцатой части забранного. В результате заимодавцам пришлось довольствоваться лишь одной четвертью с рассрочкою на четыре года.

---

[69] В свое время С.С.Данилов писал, разбирая вопрос о зависимости крыловского «Урока дочкам» от произведений Мольера, Лесажа и Бомарше: «...на первый взгляд создается совершенно парадоксальное положение: комедия, призванная обличить галломанию русского общества, сама оказывается написанной „в подражание" французским образцам!» (Данилов С.С. Последняя пьеса Крылова: комедия «Урок дочкам» // Русские классики и театр. Л.; М., 1947. С.178). Объяснению этого «парадокса» исследователь посвящает несколько страниц и приходит к выводу, что «Крылов не „подражает" Мольеру, Лесажу и Бомарше, но открыто хочет сблизить „Урок дочкам" с произведениями великих мастеров сатирической драматургии, с тем чтобы придать своей последней пьесе особую подчеркнутую значительность» (Там же. С.180). Не лишенное, разумеется, справедливости, это заключение не учитывает тем не менее одного существенного обстоятельства: где, как не у французских писателей, можно было почерпнуть самые острые и меткие наблюдения над «дурачествами» и пороками их соотечественников, и поэтому обращение к знаменитым произведениям французской литературы в борьбе с галломанией было вполне закономерным и, наверное, даже необходимым. Пример Эмина, чей журнал несколькими десятилетиями предшествовал комедии Крылова, является этому весомым подтверждением. Отметим, что в один год с «Адской почтой», в разгар галлофобии, вышла брошюра: Критика одного француза на нравы своих одноземцев: Пер. с фр. СПб., 1769 (2-е изд. М., 1788). Французский оригинал («Critique d'un François sur les moeurs françoises») встретился в виде статьи в брошюре: Anecdotes et pièces melées: Trad. de l'Anglois. La Haye, 1763. P.35—62.

Этот портрет чисто французского банкрота-мошенника расцвечен в «Адской почте» русскими реалиями:

Подлинник	«Адская почта»	Перевод
C'étoit un bon Marchand bien accredité, dont la fortune auroit été peut-être d'acquerir par son travail de quoi faire porter la queue de son fils au Palais, il s'étoit donné par sa bonne foi apparente un si gros credit dans Paris que l'on ne croyoit pas son denier mieux placé qu'entre ses mains, et les plus gros magasins étoient ouverts à sa parole... (D 23—24).	Сей господин, которого здесь все называют Бароном, во Франции был у италианского купца кучером. Он, приехавши к нам, нашел секрет набогатиться. Сначала был воспитателем детей знатных господ; в то же самое время в те часы, в которые питомцев своих ничему не учил, ездил по домам и продавал разные французские пряжки, бритвы, пуговицы, шпаги и проч. Вскоре из щепетильника и господского воспитателя сделался изрядным купцом; ибо таким людям здесь у нас великий кредит. Госпожи и разные алмазных дел мастера давали ему бриллианты для продажи; купцы верили ему парчи и всякие товары, надеясь, что оные скорее ему продать можно по домам (VII, 25—26).	Он был уважаемым купцом, кому суждено, вероятно, было бы собрать своими трудами достаточно для того, чтобы за его сыном носили шлейф в суде; своей мнимой добросовестностью он получил такой большой кредит в Париже, что, отдавая ему последнюю монету, считали это самым верным помещением своих денег, а под его слово перед ним открывались самые богатые склады.

В цитируемом письме из «Адской почты» прорывается не только возмущение галломанией в общей форме, но чувствуется и биение пульса острой конкурентной борьбы между русскими и французскими торговцами, из которых последние чаще, по-видимому, оказывались проворнее и вызывали этим вражду в купеческих кругах. Эти настроения особенно резко прорываются в заключительной тираде Эмина, где исходный французский текст тоже подвергается полному переосмыслению. Ленобль, заканчивая рассказ о мнимом банкроте,

выражает сожаление о нелегкой судьбе честных торговцев, всю жизнь глотающих пыль в своих лавках и едва наскребающих денег на скудное пропитание семьи и на то, чтобы вывести в адвокаты старшего сына (D 26—27). В рассуждении Эмина, имеющем основою то же самое противопоставление, акценты расставлены иначе, отражая русскую точку зрения на ловкачество иноземных негоциантов: «Филинт отвечал Доримену, что сей господин умен, когда из кучеров прямо произведен в бароны. Он, конечно, умнее тех купцов, кои, во всю свою жизнь торгуя и неся государственные службы, приходят в бедность от того, что много таких разумных господ умножилось в городе, кои, все продавая по домам, купцам в их торгах великий делают ущерб. Ведь ныне разумен тот, что проворен, а проворный простосердечного бедняка всегда проведет» (VII, 27).

Актуализации заимствованного материала служило, без сомнения, и активное участие «Адской почты» в журнальной полемике 1769 г., в которой одним из главных, принципиально важных объектов дискуссии был поднят вопрос о правомерности и воспитательной ценности осмеяния пороков и, в частности, о допустимости сатиры на реальные лица.[70] Точка зрения Эмина, достаточно четко им сформулированная еще тремя годами ранее в «Письмах Эрнеста и Доравры», а в «Адской почте» высказанная в резкой августовской отповеди Тихону Добросветову, чье письмо против сатиры напечатала в качестве программного «Всякая всячина» с призывом следовать его советам, хорошо известна и неоднократно была предметом пристального историко-литературоведческого анализа, так же как и декабрьский ответ Правдолюбову, посвященный защите принципов сатиры «на лица».[71] В разбираемом здесь аспекте существенно прежде всего то, что уже сами выступления по этим вопросам и предлагаемые решения должны были, по всей видимости, подталкивать читателя искать в журнале намеки на конкретные события и их участников, тем более что полемические статьи Эмина, в которых затрагивались эти проблемы, были полны острых, целенаправленных и легко расшифровывавшихся (по крайней мере, в литературной среде) вы-

---

[70] Подробно см.: Берков. Рус. журналистика. С.166—173; Кулакова Л.И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., 1968. С.101—124.

[71] Кулакова Л.И. Очерки... С.110—111; Резниченко Л.И. Теория сатиры в творчестве Ф.А.Эмина // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1978. [Вып.3]. С.14—22; Афанасьева И.Н. Тенденция к социальному обобщению действительности в «Адской почте» Ф.А.Эмина. С.152—155.

падов и ответных парирований.[72] Логично к тому же предположить, что декларации, с одной стороны, отражали собственную художественную практику, а с другой — требовали от писателя действий в духе того, что в них отстаивалось; то есть коль скоро автор-издатель «Адской почты» выступал в журнале в защиту острой и злободневной сатиры «на лица», то и сам, чтобы быть последовательным, начинял ею свои очерки.

Мы не знаем и никогда не узнаем непосредственной реакции рядовых читателей журнала на сатирические зарисовки, которые они находили в очередных выпусках; но у большинства исследователей не возникло никакого сомнения в том, что в портретах, нарисованных Эминым, и рассказанных им забавных историях и анекдотах нашли отражение действительные события и люди. Убеждение это было и остается по сей день настолько сильным, что совершенно затмило меткое и проницательное замечание Н.Н.Булича, повторенное затем А.Н.Афанасьевым, о том, что в «Адской почте» «сатира <...> отзывается общими местами»[73]. Уже сам Булич допускал, что, хотя «в этих описаниях слишком мало оригинальности», каждый приведенный бесами случай являлся, «может быть, <...> фактом действительным». «Конечно, — писал он, — современники узнавали действительные лица в выведенных здесь под придуманными именами, но для нас они не существуют»[74]. И далее, в перспективе десятилетий, чем более затмевалась и забывалась связь журнала Эмина с иностранными произведениями (что отмечено во вступительном разделе), тем крепче становилось убеждение в конкретности сатиры Эмина. Опуская промежуточные суждения (Д.Л.Мордовцева, В.В.Каллаша и др.), выделим сразу как характерную оценку А.В.Западова, сформулированную буквально накануне войны: «Сатира „Адской почты“ имеет принципиальный характер. Бесы оказываются дальновидными и острыми наблюдателями, и их непринужденные беседы *служат сатирико-политическим помесячным обзором международной и внутренней русской жизни*»[75]. Одновременно с А.В.Западовым ту же мысль

---

[72] См., например, предположения исследователей применительно к письму Правдолюбова и ответу ему в декабрьской книжке «Адской почты»: Берков. Рус. журналистика. С.263—265; Степанов В.П. Новиков и Чулков: (Литературные взаимоотношения) // XVIII век. Л., 1976. Сб.11. С.58—60.

[73] Булич Н.Н. Сумароков и современная ему критика. С.247; Афанасьев А.Н. Русские сатирические журналы... С.17.

[74] Булич Н.Н. Сумароков и современная ему критика. С.248.

[75] Западов А.В. Журнал М.Д.Чулкова «И то и сьо» и его литературное окружение // XVIII век. М.; Л., 1940. Сб.2. С.104. Курсив в цитате наш.

высказал другими словами Г.А.Гуковский: «Журнал изобилует портретами явно живых людей, острыми памфлетами, даже сплетнями об интимных фактах частной жизни — опять-таки несомненно определенных лиц из петербургского „общества". Эта особенность сатирической манеры Эмина вызвала нарекания в дворянских кругах»[76]. В ответ на эти порицания было, по мнению ученого, написано письмо №86, в котором Эмин заявил, что «ничего ругательству подобного не печатал, а только что пишет правду и никому ласкательствовать не хочет» и что «прямо описывать пороки и называть вора вором, разбойника разбойником, кажется, что дело справедливое» (XI, 288).

У взгляда на журнал как по преимуществу на сатирическую хронику была своя — и при отсутствии точных знаний о его генезисе неизбежная — внутренняя логика развития, приведшая, как это ни странно может показаться, к умалению обличительного пафоса Эмина, поскольку в действие вступало сравнение с общепризнанным эталоном, за который были приняты журналы Новикова. Считая, что отличительную черту «Адской почты» составляла «скорее даже не сатира, а „хроника скандалов", „непристойная" и „вольная" хроника петербургских скандалов, иногда литературных, иногда семейно-бытовых, но почти всегда отдающих конкретностью, с более или менее определяемыми „героями"», в то время как «Трутень» касался «основных, существеннейших и социально важнейших пороков крепостнического строя», П.Н.Берков сделал вывод, согласно которому «именно это разнообразие „пороков" в галерее „Адской почты" снижает ее социальную значимость для эпохи, но сохраняет за этим журналом значение небесполезного историко-бытового источника»[77].

Наличие у многих сатирических зарисовок «Адской почты» одного, по крайней мере, а нередко, по-видимому, и нескольких контаминированных иностранных субстратов вносит значительные коррективы в сложившееся трудами названных выше ученых представление об этом журнале как главным образом о хронике текущих петербургских бытовых и литературных событий. В самом деле, какова бы ни была глубина трансформации французского текста, но противно

---

[76] Гуковский Г.А. Эмин и Сумароков // Там же. С.90.

[77] Берков. Рус. журналистика. С.262—263; с этим выводом П.Н.Беркова согласились и другие исследователи; см.: Месяцева Г.И. Сатирические журналы М.Д.Чулкова и Ф.А.Эмина. С.13—14; Западов А.В. Русская журналистика XVIII века. С.89.

всякой логике, чтобы осмеиваемые Эминым скандальные происшествия, имевшие предположительно место в русской столице, подчинялись хронологически последовательности изложения, принятой иностранным писателем по другим поводам шестью десятилетиями ранее, когда Петербург только еще начинал строиться. В связи с этим уместно обратить внимание на то, что в «Адской почте» есть высказывание, призывающее не выходить за рамки обобщенной, безличной насмешки: «Нам, друг, должно писать поосторожнее и никого в лицо не трогать, а описывать погрешности, поправления требующие», — поучает Кривой бес Хромого в пятом (июльском) письме (VII, 23). В августовской полемике со «Всякой всячиной» Эмин, утверждая правомерность сатиры «на лица», наряду с обобщенной («сатиры свойство в том состоит, чтоб вкратце описывать многие пороки, а часто и порочных» — VIII, 75), предупреждает тем не менее читателей не верить разговорам, будто «бесы <...> целят на многих», потому что, по его словам, в действительности они «описывают вообще пороки и разные злоупотребления» (VIII, 78). Это заявление он пообещал подтвердить в конце года, имея в виду, наверное, раскрыть свой французский источник.[78] Той же линии придерживается Эмин и в программном ответе Правдолюбову, открывающем декабрьский выпуск. Защищая сатиру «на лица», он еще раз делает оговорку о том, что сам ее в журнале избегал: «И ежели правосудие, лучшее в сожитии общенародном божество, за злодеяния наказует злодея, то я не знаю, для чего беспристрастным писателям, верным сего божества услужникам, должно, по мнению многих, виня пороки, извинять порочных и несправедливую оным делать потачку? <...> И ежели в ежемесячном моем издании не только в лице никто не тронут, но и особливого ни о ком описания в нем нет, а в каждом письме каждое почти приключение перемешано с разными посторонними случаями так, чтоб порочный не себя самого, но только порок свой видеть мог, то я не знаю, почему вы такое издание называете ругательством и для чего оное толь много вас огорчило?» (XII, 332, 335—336). И, наконец, в заключительном письме (№ 112) Эмин опять напоминает, что не имел в виду нигде конкретных лиц: «Знатных и в правлении великие места имеющих людей мы никогда в лице не трогали <...> иногда мы только оным напоминали

---

[78] См. подробно примеч. 48.

о пороках вообще, чтоб они, об оных не позабывая, от зла, каждому человеку случиться могущему, оберегались. Главное наше намерение было иметь дело с пороками, оные мы часто в разных особах анатомили, чтоб показать другим, с которой стороны и в каком составе может нечаянно явиться такий припадок, который целое тѣло повредить может» (XII, 381—382).

П.Н.Берков придерживался категорического мнения, что подобные декларации издателей сатирических журналов того времени нельзя принимать в их буквальном смысле, и в подтверждение проанализировал описанный в октябрьском письме №65 характер Фортуниада, вскрыв, как ему представлялось убедительным, искусно завуалированные якобы намеки на А.Г.Разумовского.[79] Однако сопоставление с французским текстом если и не ставит полностью под сомнение его остроумные построения, то во всяком случае лишает их в очень сильной степени доказательности, тем самым возвращая доверие к заявлениям Эмина относительно обобщенного характера сатиры в «Адской почте».

О Фортуниаде говорится: «Сей человек, известный счастием, которое лет с двадцать ему все приятства оказывает, хотя, как тебе известно, родился между людьми самой бедной и низкой породы, однако фортуною будучи на самую высокую степень вознесен не гордится с излишеством своим благополучием, как обыкновенно делают люди из ничего во что-нибудь претворенные; мне то вчера странно показалось, что стихотворец * в оде своей, ему поднесенной, произвел его фамилию от Римских императоров, хотя не только сего господина род, но и он сам до 20 лет и о имени простого дворянства не слыхал. Ласкатели обыкновенно за счастием вслед ходят. Теперь вельможу Фортуниада живописцы стараются представить или Юпитером, или Марсом, либо Аполлоном, а сочинители приписывают ему такой разум и просвещение, которого они и сами не имеют; однако он, яко человек разумный, их ласкательствам смеется» (X, 224—225).

Нарочитое, по мнению П.Н.Беркова, употребление в последнем предложении слов «разум» и «разумный», а также предполагаемый им намек на пиита Михаила Козачинского,

---

[79] Берков. Рус. журналистика. С.169—170. Это отождествление ранее провел Г.А.Гуковский в статье «Эмин и Сумароков» (с.86). П.Н.Берков дополнил аргументацию.

который в своей поэме «Философия Аристотелева по умствованию перипатетиков» (Львов, 1745) выводил «шляхетную енеалогию благородных господ Разумовских» от Октавиана Августа, — вот детали, служившие, как полагал ученый, современным читателям опознавательными знаками для расшифровки портрета Фортуниада. Однако не приведено никаких свидетельств того, что книга М.Козачинского имела достаточно широкое хождение в конце 1760-х гг., чтобы быть известной не только эрудированному Эмину, но тем более читателям «Адской почты», от которых, разумеется, нельзя было требовать напряженных усилий мысли и памяти для отождествления, так как оно должно было происходить легко и непринужденно. Эта неясность усугубляется тем обстоятельством, что другой блестящий знаток XVIII века, чье внимание, между прочим, поэма Козачинского не привлекла, — Г.А.Гуковский видел в поэте, льстящем Разумовскому, намек на Сумарокова, имевший целью окончательную политическую дискредитацию бывшего адъютанта вельможи.[80] У Сумарокова, впрочем, нет стихотворения, в котором предками Разумовского были бы названы римские императоры, — и потому аргументация П.Н.Беркова кажется более обстоятельной; но и ее, в дополнение к уже отмеченной шатости, сильно колеблет присутствие подобной же детали во французском очерке-субстрате.

Ленобль опирается на «разговор» Лукиана из Самосаты «Тимон, или Мизантроп», но не пересказывает изложенную в нем версию биографии знаменитого человеконенавистника, а, отталкиваясь от нее, создает свою. Он упоминает о низком происхождении Тимона и его природной бедности («naquit gueux et dans la fortune la plus basse», «étoit le jouet de tout le monde», «un esclave habillé, comme ont été ces gens-ci, en arc-en-ciel»), а затем рисует подробную картину того, как изменилось положение этого лица, стоило ему по воле богов разбогатеть: «все, кто над ним издевался, когда он был нищим, теперь, увидев его купающимся в изобилии, низко перед ним склонились и стали ему воздавать самые неумеренные почести («lui donnerent tous les titres les plus extravagants»); его признали человеком остроумным и благородного происхождения; ему расточали похвалы, а нищие стихоплеты подстегнули своих муз курить ему фимиам; составители генеалогий произвели его род от королей и

[80] Гуковский Г.А. Эмин и Сумароков. С.86—87.

императоров; <...> художники между собою соревновались, рисуя его один — Юпитером, другой — Марсом, третий — Аполлоном...» (D_2 6—7).

Очерк о Фортуниаде появляется в «Адской почте» в тот момент, когда Эмин, листая французский подлинник в прямой последовательности и черпая в полном с нею соответствии из него материал, подошел к страницам, на которых говорится о Тимоне Афинском. Трансформация детали, занимающей в аргументации П.Н.Беркова едва ли не ключевое положение, не выходит за пределы обычных для Эмина переделок. На этом фоне ссылка на поэму Козачинского теряет свою доказательность — до тех пор, по крайней мере, пока не будет, как минимум, установлено знакомство Эмина с этой книгой.

Подобное же происходит и с деталями сентябрьского письма №52, которые в тонком сплетении, построенном П.Н.Берковым, имеют вид убедительных намеков на Хераскова.[81] Никанор «силится всползти на самый верх Парнаса, но Пегас заднею ногою его оттуда сшиб. Итак, он вступил теперь в службу ябеды» (IX, 174). Во французском подлиннике, отразившемся и на этот раз в «Адской почте» в своей прямой последовательности, говорится о сумасшедшем «писце судебных протоколов» (griffonneur de protocoles), одержимом желанием «вскарабкаться на Парнас» (grimper sur le Parnasse), но получившем удар в нос подковою Пегаса (il se cassa le nez contre les fers du cheval Pegase) (D 348—349). Согласно объяснению П.Н.Беркова, фраза о поступлении «в службу ябеды» могла быть связана со слухами об ожидавшемся переезде Хераскова в Петербург и назначении его в один из департаментов Сената. Весьма, однако, странным представляется, что последовательность использования страниц оригинала столь уместно подошла под текущие события и передала к тому же ошибочные сведения о переходе поэта на поприще «ябеды» (с мая 1770 г. Херасков стал вице-президентом Берг-коллегии).

Итак, оценивая предполагаемые намеки в «Адской почте» на реальные лица и события, необходимо в каждом случае скрупулезно сопоставлять текст Эмина с текстом Ленобля. Совпадение реалий, хотя бы и в трансформированном виде, а также одинаковая последовательность сатирических зарисовок во французских памфлетах и русском журнале могут

---

[81] Берков. Рус. журналистика. С.168—169.

быть важными свидетельствами того, что сатира предполагалась обобщенной. С другой стороны, инверсия материала в «Адской почте», особенно в совокупности с трансформацией и введением отсутствующих во французском тексте подробностей, которые соотносимы с какими-то фактами русской жизни 1760-х гг., могут быть признаком конкретизирования и актуализации насмешки, имевшей литературной основой язвительные замечания бесов, бродивших по Парижу. В этом отношении показателен, например, портрет стихотворца Ергаста, содержащий предположительно выпады против Сумарокова.[82] Контаминировав в этом письме (№13), направленном против сочинителей, материал из первого и второго памфлетов (D 71—75, 52—53), Эмин затем обращается сразу к шестому, где выбирает несколько строк о сумасшедшем виршеплете Гакусе (Gacus), который «пытается заплатить кабатчику мадригалами, повару — эпиграммами, мяснику — сонетами, а с любовницей, кондитершей, беседует только рифмами — то элегией, то жалобами на отсутствие, то приступами ревности...» (D 341). Точно так же поступает Ергаст: «...стихи свои почитает больше золота, и он оными платит своим должникам. Купцу, которому был должен с 400 рублев, уплатил Елегиею; лекаря, два года дом его пользовавшего, наградил мадригалом, а повару, три года ему служившему, за все услуги дал целые три Епиграммы» (VII, 53). Поскольку фраза о лекаре, получившем гонорар мадригалом, представляет вольную трансформацию детали подлинника, а Сумароков, как указал Г.А.Гуковский, написал «Стихи г. хирургу Вульфу», то с учетом произведенной здесь инверсии она действительно могла быть намеком на Сумарокова.

Для ноябрьского письма №86 нет на соответствующих страницах «Лорнета» (L 31—32) ничего соотносимого с характеристикой Ернеста-Эмина[83] и Щ... (Щербатова[84]); она целиком принадлежит издателю журнала. В сентябрьском письме №40, где П.Н.Берков усматривает намеки на Сумарокова и Лукина[85], французский текст, сильно, кстати, инвертированный по сравнению с его положением в памфлетах, передан очень кратким изложением, но сделаны об-

---

[82] Гуковский Г.А. Эмин и Сумароков. С.85—86; Берков. Рус. журналистика. С.262.

[83] Гуковский Г.А. Эмин и Сумароков. С.90.

[84] Берков. Рус. журналистика. С.262.

[85] Там же.

ширные вставки, которые, возможно, и придавали, в глазах современников, конкретность заимствованным критическим рассуждениям о комедиантах и о комедии некоего молодого драматурга.[86] С другой стороны, в письме №1, где П.Н.Берков находит намек на Сумарокова[87], а лицо, сделавшее рукописную помету на экземпляре БАН (шифр: 257п), колебалось между Сумароковым и Лукиным, все замечания о французских драматургах и об упадке театральных вкусов точно воспроизводят сатирические ремарки Кривого беса из первого памфлета, так что их актуализация, если таковая Эминым действительно была задумана, осуществлена изменением характеристики персонажа: в письме идет речь о встретившемся бесу в театре авторе, который ему «набрюз-

---

[86] Эти рассуждения подготавливаются еще в письме №39, посвященном другой теме, но начинающемся следующей тирадой: «...читал я недавно напечатанных несколько комедий известного тебе автора и столько сожалел о сих последних его сочинениях, сколько всегда сожалею о его нраве. Здешний Прокурор сказал мне, что комедии его лучше были тогда, когда их никто не читал, по крайней мере можно их прежде чтения не ненавидеть; но кто оные прочтет, не может удержаться от презрения и удивления: как такими безрассудными и дурного вкуса сочинениями могут люди хвастаться?» (IX, 148). Разговор происходит с Прокурором потому, очевидно, что это одно из действующих лиц «Лорнета».

Вставки в письме №40:

«Что ж касается до автора, о котором ты говорил с Прокурором, то он довольно писал и хорошего, и нельзя тому удивляться, когда автор напишет несколько сочинений по своему нраву и вкусу. Как мне кажется, то автор, тобою описуемый, сложен из нежности и бешенства. Теперь он стареет; нежности соки в нем высохли, а осталось в его сложении только то, что теперь видно во всех его сочинениях. У нас есть и моложе его автор, который хочет подражать прежнему во втором его сложении, а нежности, вкусу и рассудка никогда в нем не бывало» (IX, 155).

«...конечно, он за то их (комедиантов — *В.Р.*) возненавидел, что здешний весьма хороший актер, съездив в Париж, приехал еще лучшим, а он, будучи неудачливым сочинителем, возвратился из Парижа худшим автором, нежели как был прежде» (IX, 156). В 1767—1769 гг. за границу ездил Лукин, чья фамилия приписана на полях экземпляра БАН против этого фрагмента. О поездке Лукина см.: Берков П.Н. Владимир Игнатьевич Лукин, 1737—1794. М.; Л., 1950. С.15; Степанов В.П. Новиков и его современники: (Биографические уточнения) // XVIII век. Л., 1976. Сб.11. С.212—213.

Концовка письма: «Теперь догадайся, по какой причине ненавидит сего актера упомянутый писатель и прочие ему разумом и совестию подобные люди. Недавно некоторый сочинитель мало его не покритиковал доброю великороссийскою пощечиною за то, что бранил при людях того, у которого сей сочинитель в повелении, сказав, что все его подчиненные и он сам живут только для себя самих, никому добра не делая, и что его покровитель всех в свете лучше. Напротив того, ты сам знаешь, что ругаемый господин остротою своего разума очень многих здесь превосходит и человек добрый, но можно ли всем делать добро? Иногда нас и случаи до того не допустят» (IX, 157—158).

[87] Берков. Рус. журналистика. С.262.

жал <...> уши своими критиками; бранил всех сочинителей, прославлял одни только дела свои, хотя, впрочем, и его комедии великого сожаления достойны» (VII, 8); в памфлете говорится о «поэте в засаленной одежде, который потчует публику гадкими червячками, выдавая их за добрые стихи» («un poète crasseux qui après beaucoup de fatigues ne donne au public que de mechants vermisseaux pour de bons vers» — D 18)[88].

Подведем итоги. Без сомнения, неправ был Л.Н.Майков, утверждая категорически, что в «Адской почте» Эмин «старался никого не трогать „в лицо“».[89] Злободневная струя в журнале была, и, наверное, не слабая, но притом не настолько мощная, чтобы он служил современникам хроникою текущей петербургской жизни. Коль скоро, еще лишь приступая к изданию «бесовской переписки», Эмин знал уже содержание всех брошюр Ленобля и затем главным образом следовал им страница за страницею, то сатира, на них основанная, с самого начала мыслилась как преимущественно по своему характеру обобщенная. Вооруженные накопленными за два с лишним столетия знаниями о XVIII в. и в то же время лавирующие между огромными пробелами в конкретном историко-бытовом материале, исследователи легко могут ошибиться и усмотреть намек там, где он не предполагался. Следует, однако, иметь в виду, что подобным образом «заблуждаться» могли современники Эмина, принимая по каким-нибудь деталям его обобщенные портреты за изображение реальных лиц, о которых им было известно нечто подобное рассказанному в «Адской почте». Это относится уже к типологии восприятия сатиры, которое понимал и которым не без намеренного лукавства играл Эмин. Зная, что читатели ищут прототипы, он намекнул на их отсутствие и туманно пообещал в конце издания привести тому доказательства[90], однако в последнем своем письме (№112) к издателю бесы забывают это сделать, не развенчивая категорически, но и не подтверждая, а лишь констатируя тенденции восприятия в обществе их опубликованной корреспонденции: «Известно вам, что сначала наши переписки многим весьма нравились, причиною тому была человеческая к новостям охота. Но коль скоро некоторые нашли в оных зерцало своих дел, то уже наша почта не могла им быть

---

88 Игра значений слова vers — черви и стих.

89 Майков Л.Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889. С.324—325.

90 См. примеч. 48.

приятна, все противу оныя восстали, называя ее собором ругательств, обид и проч.» (XII, 370).

Сделанные выводы имеют значение и для решения загадки августовской книжки «Адской почты». Этот номер представляет в некотором роде библиографическую редкость, отсутствуя в ряде дошедших до нашего времени комплектов; не был упомянут он в объявлении о продаже всех выпусков журнала[91], а в переизданиях 1788 и 1791 гг. из него нет ни одной перепечатки. На основании этих фактов было высказано предположение, согласно которому книжка «либо была вовсе уничтожена <...>, либо подверглась запрещению», не снятому и двадцатью годами позже вследствие особой злободневности материала, «безобидного на наш взгляд и криминального в условиях 1769 г.»[92]. Уничтожения, как явствует из архивных сведений, приведенных в «Сводном каталоге», не проводилось: 486 экземпляров выпуска хранились в типографии Морского корпуса еще в 1773 г.[93] Газетные объявления показывают, что по крайней мере с августа по декабрь включительно 1769 г. выпуск находился в продаже.[94] Это обстоятельство ставит под сомнение гипотезу о запрещении, но не отменяет ее полностью, так как оно могло произойти и позднее. Однако сопоставление с французским источником показывает, что у правительства вряд ли были основания для такого шага.

Именно в августовском номере наиболее высок процент заимствованного у Ленобля материала, и потому наименее вероятны неулавливаемые нами за давностью времени «криминальные» аллюзии. В письме №20 обсуждается система Коперника, но вынесенное заключение было вполне приемлемо с точки зрения ортодоксального христианского вероучения.[95] Свободны от связи с французским источником лишь три письма: №№17, 31—32. В первом из них рассказываются безобидные анекдоты о скупцах. В двух других поднята политическая тема о взаимоотношениях короля и министров; никаких очевидных резких намеков здесь не проскальзывает, и высказываемые по этом предмету бесами мысли представляют в целом общие места эпохи Просвещения, так что

---

[91] СПб вед. 1770. 8 окт. №81.

[92] Берков. Рус. журналистика. С.260; Шамрай Д.Д. К истории цензурного режима Екатерины II. С.200—203.

[93] СК. Т.4. С.116.

[94] СПб вед. 1769. 31 июля. №61, прибавление; 4 сент. №71; 9 окт. №81; 4 дек. №97; и др.

[95] «Пусть сходнее будет с разумом, что приличнее земле, нежели солнцу кружиться. Но мне кажется, что совершенное знание о том должно оставить творцу, который знает, что для чего сделал» (VIII, 91).

вряд ли могли быть сочтены настолько неуместными, чтобы понадобилось наложить запрет на книжку. Остается, таким образом, лишь вступительное обращение к «Всякой всячине», наполненное острыми против нее выпадами. Составители авторитетного справочника по истории русской журналистики XVIII — XIX вв. с полною определенностью связывают цензурное изъятие номера из продажи именно с этой статьей, однако во всей литературе об Эмине это утверждение до сих пор остается единственным.[96] Не устраняет неясности и ссылка на издания 1788 и 1791 гг. Если августовский выпуск был задержан только за статью против «Всякой всячины», то, исключив ее, все остальные можно было бы перепечатать. Поскольку П.И.Богданович, осуществлявший переиздание журнала, этого не сделал, то вполне вероятно, что он располагал комплектом без августовской книжки, что подтверждает ее редкость уже в те годы, но отнюдь не является доказательством ее запрещения. Наконец, нельзя пройти мимо того обстоятельства, что в дальнейших выпусках не проскочило ни единого слова, которое можно было бы истолковать как намек на претерпленные цензурные гонения. Если бы журнал был злободневен в той мере, какая ему приписывается, молчание воинствующего полемиста по случаю столь вопиющего произвола вряд ли было бы возможно.

6

«Адская почта» не уникальное явление в русской периодике XVIII в. Еще по крайней мере два журнала были задуманы по тому же принципу искусного переплетения своего, оригинального материала с заимствованным из подходящих по духу иностранных сочинений и подаваемым в виде либо перевода, либо вольного переложения, либо полной переделки, изменяющей отправной текст до неузнаваемости, оставляя от него лишь мелкие осколочные фрагменты. Первым был несостоявшийся вследствие цензурного запрещения журнал Д.И.Фонвизина «Друг честных людей, или Стародум», в котором отмечены подвергшиеся основательной переработке вкрапления из двух сатир немецкого писателя Г.В.Рабенера: «Письма дворянина к профессору с просьбою подобрать гувернера и наставлениями о том, какими достоинствами тот должен обладать» («Schreiben eines von Adel an einen Professor, in welchem einen guten Hofmeister zu wählen gebeten, und gesagt wird, was man von ihm für Fähigkeiten verlange») и «Ответа

[96] Русская периодическая печать (1702—1894): Справочник / Под ред. А.Г.Дементьева, А.В.Западова, М.С.Черепахова. М., 1959. С.33.

профессора с приложением двух такс — одной для найма знающего и другой для найма невежественного гувернера» («Antwort des Professors, nebst zwo Taxen von einem geschickten und eilf ungeschickten Hofmeistern»).[97] Другим была крыловская «Почта духов», где, как недавно было установлено, 23 письма из общего числа 43 представляют «очень близкий, часто дословный перевод» из сочинений маркиза Ж.-Б. де Буайе д'Аржанса «Кабалистические письма» и «Еврейские письма».[98] Помимо чередования оригинальных и переводных писем, а также устранения из русского текста откровенных французских реалий, Крылов прибегал и к разным иным приемам компиляции, которыми задолго до него пользовался Эмин, в том числе: соединению в одном письме (№№19, 40) фрагментов, взятых из двух писем французского подлинника; добавлению к взятому за основу французскому письму отдельных фраз из других писем (№№22, 28); опущению фрагментов переводимых писем (№№31, 35); разделению одного исходного письма на два с использованием сначала его концовки и лишь много позже начала (№№10, 37).[99] При всем этом Крылов более связан с французским текстом, нежели считал себя обязанным Эмин; однако по технике сплавливания разнородного материала сходство обоих журналов, разделенных хронологически ровно двумя десятилетиями, неоспоримо.

Ранее ставился вопрос о том, что и само название «Почта духов», и сюжетная схема этого журнала были сознательно выбраны Крыловым с расчетом на то, чтобы акцентировать преемственность своей сатиры от журналистики 1769 г., конкретно — от «Адской почты».[100] Теперь, с открытием французского источника, выяснилось независимое от «Адской почты» происхождение обоих этих элементов, и тем самым проблема традиции перемещена в иную плоскость.

П.Н.Берков указал, что мимо внимания Крылова не могло пройти переиздание «Адской почты», выпущенное в 1788 г. — в тот самый год, когда молодой писатель уже закончил или заканчивал «Почту духов».[101] Однако первое объявление о подписке на «Почту духов» было напечатано

---

[97] Веселовский А.Н. Западное влияние в новой русской литературе. 5-е значительно доп. изд. М., 1916. С.83.

[98] Разумовская М.В. «Почта духов» И.А.Крылова и романы маркиза д'Аржана // Рус. лит. 1978. №1. С.103—115.

[99] Подробно см.: Там же. С.108—110.

[100] Берков. Рус. журналистика. С.434.

[101] Там же.

в начале ноября[102], а «Куриер из ада с письмами» (под этим названием была переиздана «Адская почта») появился в продаже лишь месяцем позже.[103] Следовательно, журнал Эмина должен был Крылову быть известен еще раньше, в первом издании. Тем не менее Крылов, по всей видимости, не знал французских брошюр, которыми пользовался его предшественник, а мог только догадываться о существовании иностранного источника. Поэтому техника компиляции, примененная в свое время Эминым, не раскрывалась перед ним в деталях, так что отмеченное выше сходство было в полном смысле слова типологическим, то есть вырастало из одной и той же традиции создания компилятивных художественных произведений, уходившей своими корнями прежде всего в рукописную низовую литературу. Таким образом, разбор на части компиляционного механизма «Адской почты» дает, возможно, ключ к пониманию того, что следует искать в целом ряде беллетристических сочинений XVIII века, происхождение которых остается до сего времени загадкою, в том числе и в первую очередь в романах самого Эмина.

Все писавшие об «Адской почте» в последние десятилетия единодушны в мнении, что она была собственно не журналом, в нашем, современном понимании этого типа издания, а скорее «неким цельным сатирическим произведением, только выпускавшимся периодически, по частям».[104] В западноевропейской журналистике подобные беллетризованные периодические издания были широко распространены во второй половине XVII — первой половине XVIII в. Применялась, например, схема плутовского и рыцарского романов; или реальные события освещались так, будто они происходили в потустороннем мире либо на другой планете; или о земных делах рассказывал дух, спустившийся к людям и наблюдающий за их жизнью. В подобных изданиях злободневный материал претерпевал в той или иной степени художественную обработку, и наряду с завуалированным изображением реальных событий и лиц авторы, рисуя картины современной жизни, прибегали к художественным обобщениям. В сущности, и памфлеты Ленобля принадлежали к этому же роду изданий, с тою, однако, разницею, что выходили без строгой периодичности, то есть, употребляя современную терминоло-

---

[102] Моск. ведомости. 1788. 8 нояб. №90.

[103] СПб вед. 1788. 5 дек. №97. С.1422.

[104] Благой Д.Д. История русской литературы XVIII века. Изд. 2-е, перераб. М., 1951. С.284; ср.: Берков. Рус. журналистика. С.258—259; Месяцева Г.И. Сатирические журналы М.Д.Чулкова и Ф.А.Эмина: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1953. С.11; История русской журналистики XVIII—XIX веков. С.44—45.

гию, были продолжающимися изданиями. Поэтому, наверное, Эмину было удобно их положить в основу своего журнала. Но если «Адская почта» и по своему литературному генезису, и по исполнению близка к беллетристическим произведениям, то следует ожидать, что в своих романах Эмин пользовался теми же самыми приемами компиляции и переработки. Некоторые признаки, подтверждающие это предположение, поддаются выделению уже сейчас, хотя литературный генезис большинства этих произведений остается пока не выясненным.

Переработка оригинального текста и компиляция проступают в переведенном Эминым романе итальянского писателя Габриэле Мартиано «Безщастный Флоридор» (СПб., 1763).[105] Сопоставление итальянского текста в издании «Il Floridoro, o vero historia del conto de Racalmuto» (Lubeca, 1697; шифр РНБ: 6.17.10.297) с русским позволяет признать последний в целом очень вольным переводом. Точно следуя в отдельных местах подлиннику, Эмин сплошь и рядом сбивался на свободный пересказ.[106] Встречаются в русском тексте фрагменты, не имеющие соответствия в итальянском романе.[107] Иногда эпизод или ситуация, описанные в подлиннике, берутся лишь за основу и полностью изменяются.[108] Сходство этих приемов с «Адской почтой» несомненно, однако выводы пока возможны лишь предварительные, поскольку предстоит еще выяснить, каким изданием подлинника располагал Эмин. Экземпляр РНБ содержит две части, соответствие которым в русском переводе кончается на стр.188, а следующие затем еще 137 страниц, то есть по объему немного меньше половины романа, остаются, таким образом, без основы. Однако из библиографических справочников известно о существовании более позднего издания в трех книгах[109], где, очевидно,

---

[105] В свое время подлинник этого романа был установлен мною по просьбе Е.А.Павлович, одной из составительниц «Сводного каталога». Приводимые делее наблюдения отражают состояние вопроса на время защиты диссертации (декабрь 1990 г.), когда еще не дошла до нас интересная обстоятельная статья: Ferrazi M. L'Italia nella vita e nell'opera di Fedor Emin // Ricerche slavistiche. 1989. Vol. 89. P.255—302.

[106] Например, с.91—92 и 104—105 русского текста содержат вольное изложение соответственно с.75—79 и 90—93 итальянского подлинника.

[107] Например, не имеют в подлиннике соответствия с.44—62, 82—90, 185—186; с.111—116 содержат пересказ с досочинением (в подлиннике с.101—104).

[108] Так, изменена история, рассказанная на с.138—156 перевода (в подлиннике с.129—139).

[109] Il Floridoro, o vero historia del conte di Racalmuto, del M.Gabriele Martiano. Libri 3. Venezia, 1703 (см.: Marchesi G. Romanzieri e romani italiani del Settecento. Bergamo, 1903. P.390). Существовал немецкий пе-

найдется продолжение, имеющееся в русском переводе, а может быть, всплывут и какие-то иные различия с изданием 1697 г.[110]

В переведенном Эминым с испанского языка романе «Горестная любовь маркиза де Толедо» присутствует пространный эпизод на сюжет, широко распространенный в восточной литературе, а в русской известный по «Повести о Карпе Сутулове». Эта новелла была вставлена в исходный текст несомненно Эминым, о чем говорит несогласованность реалий в двух ее соседних предложениях. В испанском романе действие происходит при дворе алжирского дея, и соответственно эпизод начинается словами: «Как маркиз при дее находился, пришел к сему государю капитан гвардии, сказывая, что некоторая женщина продает шкаф, за который просит полмиллиона денег <...> Женщина пред дея приведена была, и шкаф в зале поставлен»[111]. В самом же конце, когда уже обнаружилась хитрость женщины, правитель назван дважды подряд разными титулами: «Тогда, посмотря на сию женщину, султан вскричал: „Ой, баба, подлинно похвалы достойна твоя хитрость." Потом приказал дей повесить всех трех в шкаф заключенных, а женщине из их денег дать двадцать тысяч ефимков, а прочие сокровища и деньги конфисковать в казну».[112] Не вызывает сомнения, что титул «султан», переносящий действие новеллы в Турцию и тем самым подтверждающий ее инородное по отношению к роману происхождение, перешел в текст перевода по недосмотру Эмина, механически его перенесшего из своего источника.

Итак, начавшись с установления важного, но частного факта зависимости «Адской почты» от одного французского источника, проведенное исследование не закрыло тему, но вывело на широкое поле, на котором еще много предстоит потрудиться литературоведам, изучающим литературу XVIII в.

ревод: Floridor, oder die Geschichte des Grafen von Racalmuto. Leipzig, 1717 (см.: Universal Catalogus der Bücher welche in der Meyerschen Buchhandlung zu Lemgo zu haben sind. Lemgo, 1783. Bd I. S.1128).

[110] Не исключена вероятность, что экземпляр РНБ дефектный.

[111] Горестная любовь маркиза де Толедо / Пер. с гишпанского на российский язык Ф.Эминым. СПб., 1764. С.188—189.

[112] Там же. С.203—204.

Глава 2

УСТАНОВЛЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ ПЕРЕВОДОВ

(«Присовокупление второе» в «Письмовнике» Н.Г.Курганова)

В цепочке Пд—Тр—Ор—Ис самым трудным для определения звеном является обычно последнее, особенно конкретное издание, по которому выполнен перевод. Как бы ни отличался конечный русский перевод от Пд, какие бы деформирующие и опосредствующие стадии Тр ни прошел исходный авторский текст, как бы ни была слаба библиографическая база разысканий и как бы их ни затрудняли всевозможные привходящие обстоятельства (прежде всего лакуны в доступных исследователю библиотеках), настойчивость и упорство рано или поздно — иногда усилиями нескольких поколений ученых — дают искомый результат до Ор включительно. В этих пределах задача теоретически представляется разрешимой для безусловного большинства русских переводов XVIII в., допуская исключения лишь для случаев особо глубоких последовательных трансформаций Пд, доводящих его на «выходе» цепочки до полной неузнаваемости. Если же практически на сегодняшний день огромное количество переводов не имеет еще должной «привязки» к своим иностранным Пд—Тр—Ор, то исключительно вследствие причин, о которых говорилось во введении.

Иначе обстоит дело с установлением Ис.

Применительно к произведениям больших жанров задача нахождения конкретного источника сплошь и рядом не имеет решения и к тому же для исследовательских целей далеко не всегда в нем нуждается. Действительно, при наличии нескольких изданий Ор выделить то, которым пользовался русский литератор, возможно лишь в тех случаях, если существуют какие-нибудь мемуарные или другие на него указания либо в нем текст приобрел характерные индивидуальные признаки (например, купюры, смысловые опечатки и др.), отразившиеся в переводе. Когда же в процессе сопоставления всех изданий Ор выясняется, что текст перепечатывался без изменений, выделение из них конкретного Ис теряет, как правило, интерес для литературоведа, приобретая сугубо вспомогательное значение.

С другой стороны, для произведений малых жанров, которыми преимущественно и наполнялись литературные журналы и сборники, важно знать не только их авторов, Пд, Тр, и Ор, но и окружение, в котором каждое из них дошло до переводчика, составителя и редактора, так как невозможно понять принципы отбора по составу лишь отобранного, а нужно сопоставление с тем, из чего производился выбор и что было по тем или иным причинам отвергнуто. Эту информацию дает Ис (либо конкретный, либо существовавший в нескольких стереотипных переизданиях, из которых нет возможности опознать использованное русским литератором).

Решение эвристической задачи определения Ис в рассматриваемом случае имеет свою специфику. Прежде чем попасть в русский журнал или сборник, переводные рассказы, стихотворения, статьи, заметки, анекдоты, и т. п. проходили обычно сложный, зигзагообразный путь по страницам зарубежных периодических изданий, антологий, учебных пособий и других, иногда самых неожиданных изданий. В процессе миграции часто возникали разные Тр текста, и каждая из них оставалась, как правило, стабильной во всех ее бесчисленных перепечатках. Таким образом, один и тот же вариант мог прийти в Россию в разных изданиях, которые, в свою очередь, могли стать источниками переводов, отличающихся степенью точности.

Сказанное удобно иллюстрировать на примере анонимного рассказа «Дикий» («Le Sauvage»), переводившегося на русский язык семь раз в промежутке 1778—1799 гг. Первоначально он был напечатан в одном из номеров французского «Journal de lecture» за 1775 г.[1] Неизвестный автор написал его для иллюстрации просветительской идеи духовно-нравственного равенства людей всех состояний, национальностей и вероисповеданий. Некий «благородный священник» (un honnête ecclésiastique), глядя на резвящихся детей, желает их матери вырастить их такими, чтобы, сохранив свою природную беззлобность, они «к тем, которые им никакого зла не сделали, ненависти не питали ни за веру, ни за породу»[2]. Основная мысль сформулирована следующими его словами: «Повсюду есть добрые люди; и между Дикарями я видел тому опыты»[3]. В подтверждение священник рассказы-

---

[1] Впрочем, не исключается категорически вероятность того, что эта публикация была уже перепечаткой.

[2] Санктпетербургский вестник. 1778. Ч.1. Январь. С.37.

[3] Там же. Опыты — доказательства (фр. preuves).

вает эпизод из своей жизни в Америке, где случай свел его с добродетельным и чувствительным индейцем.

Отвечавший настроениям сентиментализма, рассказ был сразу замечен и перепечатан в разных изданиях. Его популярности очень способствовало и то обстоятельство, что писатель Арно Беркен (Berquin, ок. 1749—1791) включил его в один из выпусков своей многократно переиздававшейся и переводившейся на другие языки хрестоматии «Детское чтение» («Lectures pour les enfans, ou choix de petits contes également propres à les amuser et à leur faire aimer la vertu». Paris, 1775 и др.)[4], откуда он снова разошелся по периодическим изданиям и всевозможным сборникам. В хрестоматии он получил новое заглавие («On trouve par-tout de bonnes gens, même parmi les sauvages»), была изъята вся экспозиция и оставлен собственно эпизод с туземцем, произведены отдельные мелкие изменения в тексте. В Россию пришли, естественно, оба варианта, а также немецкие их переводы. Кроме того, были варианты, имевшие распространение только в России. Так, небольшую адаптацию в учебных целях претерпел текст, заимствованный из какого-то немецкого издания и включенный в двуязычную «Учебную книгу для юношества, начинающего учиться немецкому языку» (М., 1788), составителем которой был, возможно, А.А.Петров. Во всех вариантах отклонения от общей для всех них части первоначального текста, напечатанного в «Journal de lecture», привносили в общем малосущественные отличия, из которых многие при передаче на другой язык неощутимы.

Взаимоотношения Пд рассказа (за него принимается публикация в «Journal de lecture»), выявленных западноевропейских перепечаток и переработок, русских переводов и их Ис показаны на схеме в Приложении 1.

Для установления Ис переводных сочинений малых жанров недостаточно констатации полного соответствия русского текста иностранному; необходимы специальные методики, которые учитывали бы разнообразные другие признаки, не-

---

[4] Перечень изданий см. в кн.: Martin A., Mylne V.G., Frautschi R. Bibliographie du genre romanesque français, 1751—1800. London; Paris, 1977. P.189—190, №75.17. Автор остался составителям не известен. Все пять выпусков хрестоматии были перепечатаны с небольшими купюрами в собрании сочинений Беркена: Choix de lectures pour les enfans, ou Recueil de contes, d'anecdotes et de traits de vertu, choisis de meilleurs auteurs. Paris, 1803. T.1—2 (Oeuvres complètes de Berquin. T.12—13). О Беркене как составителе этих сборников см. в этом же собрании сочинений (T.1. P.VII); см. также: Dictionnaire de biographie française / Sous la dir. de M.Prevost et R.d'Amat. Paris, 1954. T.6. P.138.

обходимые и в совокупности достаточные для надежной идентификации. Одна из возможных методик, разработанная экспериментально по ходу эвристического процесса, позволила выявить круг Ис замечательного литературного сборника середины XVIII в. — «Присовокупления второго» к «Российской универсальной грамматике» («Письмовнику») Н.Г.Курганова.

1

В истории русского Просвещения XVIII в. «Письмовник» Н.Г.Курганова занимает чрезвычайно важное место. В течение нескольких десятилетий это пособие энциклопедического типа выполняло многообразные просветительские функции[5], пропагандировало передовые идеи своего времени, приобщало людей к знаниям, развивало любознательность и привычку к чтению. Как литературная хрестоматия «Письмовник» имел непосредственное отношение к литературному процессу второй половины XVIII в., в том числе «Присовокупление второе» по своему содержанию признается явлением, родственным сатирической журналистике 1769—1774 гг.

Этот взгляд ведет начало от А.И.Герцена, усмотревшего в «Письмовнике» «блестящего предшественника нравственно-сатирической школы в нашей литературе»[6]. Первый исследователь «Письмовника» Е.Я.Колбасин, писавший свою пространную о нем статью в разгар полемики о русской литературе (в частности, сатире) XVIII в. и сформулировавший свои выводы под влиянием этой дискуссии[7], признавал сатирические «повести» из «Присовокупления второго» живыми, едкими откликами на текущие события петербургской жизни. Он писал: «Остроумие и насмешливость Курганова столько были известны в свое время, что многие происшествия, происходящие в городе, старались от него скрывать, боясь, чтобы неумолимый Курганов не внес в свое издание,

---

[5] См. подробно: Макогоненко Г.П. Радищев и его время. М., 1956. С.97—115.

[6] Герцен А.И. Собр.соч.: В 30 т. М., 1954. Т.1. С.266. Выступая в качестве официального оппонента на защите диссертации, В.А.Западов высказал мнение, что Герцен видел в «Письмовнике» предшественника романа Ф.В.Булгарина «Иван Иванович Выжигин», названного в подзаголовке «нравственно-сатирическим».

[7] Колбасин Е.Я. Курганов и его «Письмовник» // Библиотека для чтения. 1857. №1. Отд.3. С.43—86. (То же // Колбасин Е.Я.. Литературные деятели прежнего времени: (Мартынов, Курганов и Воейков). СПб., 1859. С.171—239. Подробное освещение полемики см. в кн.: Берков П.Н. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Л., 1964. Ч.1, гл.3—4.

получившее от беспрерывного тиснения характер периодического журнала. Его резкий, независимый ум известен был многим. Случалось часто, что под выражением „Письмовника“: „Однажды в Гишпанском государстве“ или „Некий знатный Марокский посол“ — нередко со смехом узнавали кого-нибудь из современников»[8]. Эту характеристику приняли советские ученые. Без каких-либо оговорок или уточнений ее сочувственно процитировал А.П.Денисов[9]; а Г.П.Макогоненко назвал «сатирические повести, собранные в „Письмовнике“» «интереснейшим явлением русской сатиры», которое «необходимо рассматривать в связи с сатирической журналистикой 1769 года, в ряду с „Трутнем“ прежде всего»[10]. Другой, языковый аспект связи «Письмовника» с русской журналистикой отметил П.Н.Берков: «Читая прозу „Доброго намерения“, — писал он, — чувствуешь если не истоки кургановского „Письмовника“, то общие ключи, питающие их»[11].

«Присовокупление второе» состоит из десяти разделов. Оно открывается «Краткими замысловатыми повестями» — так Курганов назвал анекдоты, остроумные реплики, фацеции и прочие небольшие рассказы о забавных или примечательных происшествиях. В первом издании «Письмовника» (1769) была напечатана 321 «повесть»[12]. Во втором издании (1777) три повести (№№130, 154, 244) были исключены, но одна (№242) расчленена на три, так что общее число составило 320. Кроме того, отдельные повести подверглись небольшой стилистической правке. В четвертом издании (1790) было добавлено еще 34 повести, и этот состав стал окончательным.

За «Краткими замысловатыми повестями» следуют «Различные шутки» и «Разномысленные предложения». В последнем из этих разделов приводятся различные определения понятий «планеты» и «звезды»: «ученое предложение», «учено-забавное», «забавно-важное», «веселое», «учено-уподобительное» и т. п. Затем идут две подборки остроумных и поучительных изречений: «Достопамятные речи» и «О женщинах и о браке». Три эпиграммы, составляющие следующий раздел — «Забавные стихи разных рифмачей», также касаются

---

[8] Колбасин Е.Я. Литературные деятели... С.176.

[9] Денисов А.П. Н.Г.Курганов — выдающийся русский ученый и просветитель XVIII века. Л., 1961. С.101.

[10] Макогоненко Г.П. Радищев и его время. С.98—99.

[11] Берков. Рус. журналистика. С.146.

[12] В дальнейшем слово «повесть» употребляется без кавычек в значении, в каком его употребил в «Письмовнике» Курганов.

женщин. После эпиграмм Курганов поместил еще две большие подборки разнообразных изречений, озаглавив первую — «Определения и сравнения или уподобления», а вторую — «Хорошие мнения». В девятом разделе представлена в виде таблицы «Опись качеств знатнейших европейских народов»; таблицу дополняют два абзаца текста на ту же тему. В завершение напечатаны «Загадки», из которых две стихотворные.

«Присовокупление третье» Курганов открыл следующими словами: «Прешедшие повести и прочие речи почти все переведены из иноязычных книг»[13]. Какими именно иностранными книгами он пользовался, автор «Письмовника» не счел нужным указать; и этот его секрет оставался нераскрытым до наших дней, несмотря на то что литературный материал, содержащийся в «Присовокуплении втором» (главным образом, конечно, «Краткие замысловатые повести»), неоднократно был предметом специального изучения.

К тому времени, когда писал свою статью Е.Я.Колбасин, книги, из которых выбирал Курганов «краткие замысловатые повести» уже давно вышли из читательского обихода и были забыты, а сам Колбасин не был подготовлен к тому, чтобы провести работу по выявлению источников, так как не знал иностранных языков[14]. На цитированное выше замечание Курганова он, по-видимому, не обратил внимания или же сознательно его игнорировал. Процесс создания «Присовокупления второго» был ему неясен, и, не располагая точными историко-литературными сведениями, он вполне естественно поддался соблазну интерпретировать многие кургановские повести как отклики по горячим следам на те или иные события екатерининского времени. Своим объяснениям он не дал никаких документальных подтверждений. «Говорят», «многие утверждали» — таковы были единственные аргументы Колбасина. Слышал ли он подобные истолкования от каких-нибудь лиц, чья память сохранила такое восприятие отдельных повестей? Почерпнул ли он эти сведения из каких-то «отрывочных статеек, разбросанных в ныне забытом хламе»[15], которым, по его словам, он был обязан некоторыми сведениями о Курганове, но которые он не

---

[13] Курганов Н.Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие... СПб., 1769. С.185.

[14] В письме к нему от 5 июня (24 мая) 1858 г. И.С.Тургенев писал, касаясь его поездки за границу: «Как это Вы, однако, решились ехать, не зная языков!» — Тургенев И.С. Полн.собр.соч. и писем: Письма. 2-е изд., испр. и доп. М., 1987. Т.3. С.322.

[15] Колбасин Е.Я. Литературные деятели... С.177.

назвал? Или, может быть, он сам создал эти истолкования? Как бы то ни было, но слухи, якобы им собранные, не выдерживают историко-литературной проверки.

«Курганов, — писал, например, Е.Я.Колбасин, — только и гордился двумя вещами: тем, что он независим и что на квартире у него нечего красть. Насчет последнего обстоятельства он однажды сказал известное изречение: „К забавному бедняку пришли ночью воры; тогда он, нимало не осердясь, сказал им: не знаю, что вы можете, братцы, найти здесь в такое время, когда я и днем сам почти ничего не нахожу". Многие утверждали, что будто бы подобное происшествие случилось с самим Кургановым»[16]. Эта повесть безусловно не имела отношения к самому Курганову, так как соответствующий анекдот в течение многих столетий входил в число самых распространенных в мировом фольклоре и низовой литературе. В XII в. его сообщает сирийский писатель Григорий Иоанн Абуль-Фарадж Бар-Эбрей[17], а в XIV в. — персидский сатирик Незам ад-Дин Обейдоллах Закани[18]. В фольклоре восточных и южных народов он сохранился до наших дней.[19] В Европе аналогичный анекдот приводит в XVI в. Генрих Бебель[20]. Во французских сборниках фацеций и анекдотов XVII — XVIII вв. этот рассказ один из самых частых: он встретился в 15 из 43 просмотренных сборников и подборок анекдотов (см. приложение 2, №72). В России он был известен в составе фацеций, переведенных с польского языка.[21] До Курганова его переводит с французского языка из книги, вышедшей в Англии, Петр Семенов[22]. В один год с «Письмовником», но до его появления в продаже, рассказ о «забавном» бедняке появ-

---

[16] Там же. Колбасин приводит повесть №72. В дальнейшем во всех случаях, кроме особо оговоренных, номера повестей приводятся по четвертому изданию «Письмовника» (1790).

[17] Абуль-Фарадж. Книга занимательных историй / Пер. с сирийского А.Белова и Л.Вильскера. М.; Л., 1961. С.226.

[18] Обейд-Закани. Веселая книга / Пер. с перс. Н.Кондыревой. М., 1965. С.151.

[19] См., например: Молла Насреддин / Пер. с перс. Н.Османова. М., 1970. С.138—139; Молла Насреддин: Забавные и поучительные рассказы, изречения, анекдоты / Сост. М.Г.Тахмасиб. Баку. 1970. С.284; Таджикский народный юмор / Собрал А.Дехоти. Душанбе, 1972. С.27.

[20] Бебель Г. Фацетии / Изд. подготовила Ю.М.Каган. М., 1970. С.27.

[21] Державина О.А. Фацеции: переводная новелла в русской литературе XVII века. М., 1961. С.120. По рукописи второй половины XVIII в. (ГИМ Барс. №2780) опубликован в кн.: Małek E. Staropolska prosa narracyjna w procesie literackim Rosij wieku XVII i XVIII. Łódz, 1983. S.211.

[22] Семенов П. Товарищ разумной и замысловатой... СПб., 1764. Ч.2. С.58.

ляется в переводном сборнике «Смеющийся Демокрит»[23], а в стихотворной обработке М.Д.Чулкова в журнале «И то и се»[24]. После выхода «Письмовника» и независимо от Курганова с немецкого переводятся анекдот «Худо воровать у нищего»[25] и повесть «О обманутом воре»[26], а В.А.Левшин перекладывает в стихи, по-видимому, аналогичную древнерусскую фацецию, о которой говорилось выше.[27] Этот список параллелей повести Курганова, в которой Е.Я.Колбасин усмотрел автобиографический намек, далеко, разумеется, не полон, однако исследование всей истории данного сюжета и не требуется для того, чтобы выступила несостоятельность разбираемой его трактовки.

Параллели, хотя и не столь многочисленные, обнаруживаются и для других повестей (например, №№189, 247, 271), которые, в истолковании Е.Я.Колбасина, были во времена Курганова остро злободневными и сочинены якобы им самим.

Все эти примеры показывают, насколько рискованно искать в «кратких замысловатых повестях» намеки на реальные лица и обстоятельства, не установив предварительно, не является ли та или иная повесть переводной и если да, то какой степени переработки она подверглась, а также какой вид и историю имеет ее западноевропейский источник.

Единственную попытку установить, из каких книг были переведены «краткие замысловатые повести», предпринял сто лет тому назад А.И.Кирпичников, изучивший с этой целью ряд французских сборников фацеций и анекдотов. В статье, посвященной Курганову[28], он указал в качестве источника тридцати шести повестей третье (как он считал) издание сборника «Рожер Бонтан в хорошем настроении»[29], не буду-

---

23 Ланге И.П. Смеющийся Демокрит, или Поле честных увеселений с поруганием меланхолии: Пер. с латин. яз. [М.], 1769. С.57.

24 И то и се. 1769. Май. Неделя 21. С.6.

25 [Николаи К.Ф.]. Спутник и собеседник веселых людей... М., 1774. Ч.2. С.39.

26 Повести. I. О обманутом воре... / Пер. с нем. яз. Ф.Лазинским. М., 1783. С.5—7.

27 Левшин В.А. Вор и пьяница // Нравоучительные басни и притчи Василия Левшина. М., 1787. С.53—54.

28 Кирпичников А.И. Былые знаменитости русской литературы: (Курганов и его «Письмовник») // Исторический вестник. 1887. №9. С.473—503. Статья перепечатывалась в кн.: Кирпичников А.И. Очерки по истории новой русской литературы. СПб., 1896. С.40—75; изд. 2-е, доп. М., 1903. Т.1. С.40—75. В дальнейшем цитируется издание 1903 г.

29 [Roquelaure A.-G.-J.-B. de ?]. Roger Bontems en belle humeur. Donnant aux tristes et aux affligés le moyen de chasser leur ennuis, et aux joyeux le secret de vivre toujours content. Par M***. Nouv. éd., augm.

чи, впрочем, до конца уверенным и допуская, что переводы были выполнены из какой-то более ранней книги, которую в свое время, по его предположению, «жестко обобрал Рожер, не дававший себе труда переделывать заимствованное»[30]. Еще две повести, по мнению А.И.Кирпичникова, были переведены из второй части «Избранных рассказов» французского писателя Антуана д'Увиля (Antoine Le Metel d'Ouville, ум. 1656 или 1657)[31]. Однако М.П.Алексеев, ссылаясь на запутанную издательскую историю этого сборника,указал относительно одной из повестей (№320 «Повесть о трех подругах»), что ее источник «трудно считать установленным окончательно»[32]. Нескольким повестям (№№13, 79, 141, 160, 225,.244 (первого издания), 262) А.И.Кирпичников приписал «более чем вероятно» русское происхождение.[33] Основанием для такого заключения послужили ему содержащиеся в них русские реалии. Однако сам же он, не заметив, впрочем, того, доказал шаткость и ненадежность этого основания, установив, что повесть №233, в которой допущен прозрачный намек на Ломоносо-

---

considérablement. Cologne, 1734. T. 1—2. Эта книга трижды, по всей видимости, выходила в XVII в. (см.: Lever M. La fiction narrative en prose au XVII ème siècle: Repertoire bibliographique du genre romanesque en France, 1600—1700. Paris, 1976. P.373), и несколько раз в XVIII в. (1708, 1722, 1731, 1734, 1763 и др.; см.: Graesse J.-G.-Th. Trésor de livres rares et précieux... Dresde e.a., 1865. T.6. P.147; Brunet J.Ch. Manuel du libraire et de l'amateur de livres. 5e éd. Paris, 1863. T.4. P.1353; Catalogue général des livres et ouvrages en tous genres de littérature, qui se trouvent chez J.-E.Dufour. Maestricht, 1774. P.276.). Переведенными из этого сборника А.И.Кирпичников считал повести №№8, 10, 24, 27, 46, 55, 67, 72, 75, 81, 85—87, 97, 100, 109, 113—114, 138, 153, 164, 166, 171, 183, 197, 221, 224, 228, 233, 289, 297, 314, 324—326, 330; см.: Кирпичников А.И. Очерки... С.58—59, 63—64. От внимания Кирпичникова ускользнуло совпадение еще нескольких повестей Курганова с рассказами в «Рожере Бонтане»: №70, 80, 108, 157, 178, 231.

30 Кирпичников А.И. Очерки... С.59. Действительно, «Рожер Бонтан» составлен из рассказов, заимствованных из более ранних сборников того же жанра (см.: Lever M. La fiction narrative en prose au XVII ème siècle... P.373).

31 L'Elite des contes du Sieur D'Ouville. Rouen, 1699. Pt.2. P.191—273, 273—292). Из этого сборника А.И.Кирпичников считал переведенными №320 («Повесть о трех подругах») и №323.

32 Алексеев М.П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964. С.59. Издательская история сборника изложена в кн.: Андерсон В. Император и аббат: История одного народного анекдота. Казань, 1916. Т.1. С.343—348.

33 Кирпичников А.И. Очерки... С.56—57. Хотя А.И.Кирпичников предупреждает о том, что цитирует «Письмовник» по 4-му изданию (с.59, примеч.2), текст и номера ряда повестей приведены им по первому изданию. В результате у него оказываются, например, две повести под №262. Здесь и далее эта непоследовательность исправлена.

ва, является французской фацецией, подвергшейся весьма несложной переработке.[34]

Просматривая в поиске источников «Присовокупления второго» различные французские сборники фацеций и анекдотов, А.И.Кирпичников сделал наблюдение, что многие повести, напечатанные в «Письмовнике», «имели многовековую жизнь; иные пришли в Европу из далекой Индии, пережили в латинских сборниках, французских фаблио и немецких шванках Средние века, попадались в фацециях эпохи Возрождения (напр., у Поджио), приурочивались к разным забавникам, вроде Тиля Эйленшпигеля, и не один раз совершили путешествие из народа в литературу и обратно»[35] Из этого следует вывод, согласно которому в повестях Курганова нельзя искать большой оригинальности и «еще с меньшим правом можно видеть в них важный памятник для истории сатиры в век Екатерины»[36].

Эта точка зрения не получила признания и была обойдена молчанием, хотя никаких ее опровержений никем представлено не было. Вместе с тем именно на материале, собранном А.И.Кирпичниковым, долгое время строились характеристики «Присовокупления второго» в различных пособиях по истории русской литературы XVIII в., авторы которых ограничивались неопределенным указанием на то, что большинство повестей переводные, а некоторые, возможно, сочинены самим Кургановым.[37]

Никаких конкретных, бесспорных дополнений к сведениям, сообщенным А.И.Кирпичниковым о западноевропейских источниках повестей Курганова, найдено не было.

А.В.Западов высказал предположение о польском происхождении повести №168, основываясь на сомнительной этимологии одного слова в варианте, напечатанном в «Товарище разумном и замысловатом» П.Семенова.[38] Предвосхищая дальнейшее изложение, здесь следует в связи с этим уточнить, что Курганов заимствовал эту повесть как раз у П.Семенова, которому, в свою очередь, источником послужила отнюдь не польская книга, а учебник английского языка для французов.[39]

---

[34] Там же. С.61.

[35] Там же. С.56.

[36] Там же. С.55.

[37] Например: Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. М., 1939. С.221; История русской литературы. М.; Л., 1947. Т.4. С.309; Благой Д.Д. История русской литературы XVIII века. С.475—476.

[38] Западов А.В. Журнал М.Д.Чулкова «И то и сьо»... С.138.

[39] Семенов П. Товарищ разумной и замысловатой. Ч.1. С.80; ср.: Boyer A. Le compagnon sage et ingénieux anglois et françois. Ou recueil de

О.А.Хамицаева указала в качестве источника нескольких повестей (№№181, 221, 263) фацеции «просветителя XVIII века» (!?) Поджо Браччолини и роман Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (№193).[40] Каких-либо доказательств того, что Курганов действительно читал эти книги, исследовательница не привела; поэтому включение их в число непосредственных источников «Кратких замысловатых повестей» несостоятельно. Кроме того, исходя исключительно из реалий и созвучия содержания идеям русского Просвещения XVIII в., О.А.Хамицаева приписала ряду повестей русское и даже автобиографическое происхождение, признав без тени сомнения автором многих из них самого Курганова (№№47, 78, 79, 137, 141, 233, 273 и др.).[41] Как уже говорилось выше, подобный метод атрибуции применительно к «Кратким замысловатым повестям» дает весьма сомнительные результаты, и в данном случае это легко и наглядно подтверждается сравнением №137 с вариантом этого древнего по своему происхождению анекдота, приведенным в «Товарище разумном и замысловатом»:

Семенов	Курганов
Другой Афинянин сказал, что Лакедемонцы портятся в чужестранных землях; «Это правда, отвечал Лакедемонец, но никто не портится в Лакедемоне».[42]	Француз говорил, что многие русаки портятся в чужестранных землях. Это правда, отвечал русак, но никто не портится в России.[43]

l'ésprit des personnes illustres, tant anciennes que modernes: contenant leurs sentences, pensées nobles, généreux sentiments, réparties fines, bons mots, et avantures agréables.3-me éd., corr., augm., etc. Londres, 1707. Pt.1. P.149. Первое издание хрестоматии Буайе вышло в 1700, пятое — в 1741.

[40] Хамицаева О.А. К вопросу о жанре «Кратких замысловатых повестей» Н.Г.Курганова // Вопросы стиля художественной литературы / Под общ. ред. А.И.Ревякина. М., 1964. С.89 (Учен. зап. Гос. пед. ин-та им. В.И.Ленина). Соответствующие фацеции Поджо Браччолини: №№37, 184, 130 (см.: Поджо Браччолини. Фацетии / Пер., коммент. и вступ. ст. А.К.Дживелегова; предисл. А.В.Луначарского. Л., 1934. С.120, 301, 240). Исследовательница не заметила, что еще пять повестей в «Письмовнике» (№№153, 166, 194, 214, 261) имеют соответствия в сборнике Поджо Браччолини: № 203 (с.325), №76 (с.168), №11 (с.88), №19 (с.99), №33 (с.115). Анекдот, соответствующий повести №193, см.: Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / Пер. с фр. Н.Любимова. М., 1966. С.471. В романе Рабле есть также параллель №163 (Там же. С.499).

[41] Хамицаева О.А. К вопросу о жанре «Кратких замысловатых повестей»... С.90—91.

[42] Семенов П. Товарищ разумной и замысловатой. Ч.1. С.109.

Курганов, как со всею очевидностью явствует из сравнения текстов, приспособил древний анекдот к русским условиям, переделав с этой целью перевод П.Семенова; а факт подобного заимствования не позволяет согласиться без дополнительных доказательств и с другими предположениями О.А.Хамицаевой относительно «русских» повестей в «Письмовнике».

Столь же ненадежными представляются и выводы фольклористов, которые пытаются выделить из «Кратких замысловатых повестей» сказки и анекдоты, попавшие, по их предположениям, в книгу Курганова из русской народной традиции. М.К.Азадовский, относя «Письмовник» к изданиям такого рода, которые находились «как бы на пороге русской фольклористики», имел в виду не только пословицы и песни, но и повести, считая, что некоторые из них «несомненно» пришли «непосредственно из русской народной среды».[44] Более осторожно об этом писал Н.В.Новиков: «Наряду с явными литературными заимствованиями, Курганов, по всей видимости, обращался и к фольклорным источникам. Именно из народной, возможно русской, традиции он извлек такие широко распространенные анекдоты, как „Старуха в церкви", „Наставление отца детям" и др.»[45]. Ограничившись этим утверждением, не подкрепленным никакими доказательствами, Н.В.Новиков включил в свой сборник в качестве ранних публикаций русских сказок шесть повестей из «Присовокупления второго» (№№88, 168, 224, 225, 231, 261)[46], указав в примечаниях на наличие подобных сказок в более поздних записях XIX—XX вв.[47] Поскольку не имеется никаких свидетельств того, что эти «сказки» действительно бытовали в русской народной среде еще до выхода книги Курганова, то внимательного разбора требовало высказанное А.И.Кирпичниковым мнение о том, что народные сказки, сходные с повестями №№10, 224, 261, попали в фольклор из «Письмовника».[48] Эту трудность, однако, Н.В.Новиков предпочел обойти молчанием. Характерно, что при отсутствии более ранних русских вариантов этих «сказок» для всех из них находятся западноевропейские параллели, причем в

---

[43] Цит. по первому изданию; в последующих изменена концовка: «...но всякий иноземец исправляется в России».

[44] Азадовский М.К. История русской фольклористики. М., 1958. [Т.1.]. С.57; ср.: Померанцева Э.В. Судьбы русской сказки. М., 1965. С.44.

[45] Русские сказки в ранних записях и публикациях: XVI—XVIII века / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.В.Новикова. Л., 1971. С.24—25.

[46] Там же. С.60—61.

[47] Там же. С.268—269.

[48] Кирпичников А.И. Очерки... С.57, 62.

книгах, переведенных на русский язык в годы, близкие к выходу «Письмовника». Три из них Н.В.Новиков нашел в первой части «Спутника и собеседника веселых людей» (М., 1773), пять он мог обнаружить в «Товарище разумном и замысловатом», который почему-то выпал из его внимания. Явно переводной характер имеет вариант повести №261, извлеченный из рукописи конца XVIII в. и приведенный в примечаниях.[49] В условиях, когда подобные анекдоты становились известными русскому читателю в переводах, большое число западных реалий в повестях, взятых Кургановым якобы из русской народной традиции, выглядит более чем подозрительно. Не может не настораживать и явное текстуальное сходство между повестью №231 и соответствующим рассказом в «Товарище разумном и замысловатом».[50] Если, таким образом, маловероятно, что Курганов взял эти повести из русского фольклора, то тем более сомнительно его обращение непосредственно к западноевропейским фольклорным источникам, которое молчаливо допускает Н.В.Новиков, вводя в процитированное выше замечание оговорку «возможно». Тот факт, что «сказки», включенные в «Письмовник», имеются также в сборниках, переведенных П.Семеновым и Х.Добросердовым с разных языков и из разных книг, отнюдь не имевших специального фольклорного характера, свидетельствует о том, что эти анекдоты, хотя имели фольклорную основу, уже прочно вошли в литературную традицию, знакомство с которой для Курганова было гораздо более вероятным. Все эти соображения не позволяют согласиться с мнением Н.В.Новикова, будто Курганов был первым в России «издателем прозаических жанров фольклора»[51].

Итак, за сто с небольшим лет, прошедших после выхода статьи Е.Я.Колбасина, ученым не удалось найти конкретные источники и выяснить сколько-нибудь определенно генезис

---

[49] Русские сказки в ранних записях... С.269.

[50] Семенов: «Некоторой мужичок покупал из своего дневного промысла пять хлебов в неделю. Некто у него спросил, для чего он так делает? „Один я беру, отвечал он; другой бросаю; третий возвращаю, а остальные два взаймы даю“. Что ты чрез сие разумеешь, примолвлено было ему? „Один я беру для себя, сказал он; другой бросаю, т.е. даю моей теще; третий возвращаю моему отцу; а прочие два, которое даю в долг, суть для пропитания моих двух сыновей в надежде такой, что они мне их когда-нибудь отдадут“» (Семенов П. Товарищ разумной и замысловатой. Ч.2. С.175—176).

Курганов: «Мужик покупал из своего дневного промысла по пяти хлебов в неделю, и вопросившему, для чего он это делает, сказал: „Один я беру (т. е. для себя), другой бросаю (т. е. дает своей теще), третий отдаю (т. е. возвращаю моему отцу), а остальные два даю взаймы (т. е. для пропитания его сыновей в надежде, что они ему их когда-нибудь отдадут)“».

[51] Русские сказки в ранних записях... С.25.

«Кратких замысловатых повестей». Ведь даже в отношении сборника «Рожер Бонтан в хорошем настроении» А.И.Кирпичников не был до конца уверен, допуская, что Курганов мог пользоваться какой-то иной, более ранней книгой. Идентифицируя издания, которыми, по его догадке, располагал Курганов, он не привёл никакой аргументации, а просто выбрал из числа имеющихся в Публичной библиотеке хронологически наиболее близкие к «Письмовнику». Таким образом, все, что накопила наука, — это примерно пятьдесят параллелей к повестям Курганова. Разумеется, это было слишком слабой историко-литературной базой для изучения «Присовокупления второго», и не удивительно, что выводы исследователей принимали иногда причудливый и в высшей степени невероятный характер.

А.В.Западов, например, говорил: «Сборники Семенова и „Смеющийся Демокрит“ имеют много общих анекдотов и с Кургановым, но редакции их различны — более сжатые, *точные* находятся у Курганова»[52]. Неизвестно, каким мерилом точности руководствовался исследователь, но странно, что он не заметил, что именно «Товарищ разумный и замысловатый», как уже намекалось ранее и будет доказано ниже, послужил Курганову одним из источников.

Анализируя жанровые особенности «Кратких замысловатых повестей», О.А.Хамицаева не приняла во внимание даже результаты разысканий А.И.Кирпичникова и разбирала фацеции, шванки, остроты и т. п. так, как если бы они были повестями в понимании XIX в. «Малая эпическая форма повестей, — писала она, — обусловила употребление в них сложившегося характера. Развития, изменения характера читатель не видел, но он волен был решать, действительно ли представленный эпизод подтверждает авторскую характеристику персонажа»[53]. Весьма занимал исследовательницу вопрос о том, почему в повестях Курганова нет изображения пейзажа! Курьезом можно назвать и следующее рассуждение о мастерстве Курганова и характере его вмешательства в текст оригинала: «При обработке источников Н.Г.Курганов пользовался, как большой мастер, разнообразными методами: во-первых, сохранял действующих лиц источника при изменении некоторых сюжетных особенностей и стиля; во-вторых, при сохранении содержания, допускал очень большое изменение стиля источника».[54] Не нужно,

---

[52] Западов А.В. Журнал М.Д.Чулкова «И то и сьо»... С.138. Курсив в цитате наш.

[53] Хамицаева О.А. Н.Г.Курганов — писатель-просветитель XVIII века: Автореф. дис. ...канд. филол.наук. М., 1967. С.24.

[54] Там же.

по-видимому, быть «большим мастером», чтобы владеть столь «разнообразными» методами: они вполне доступны и рядовому ремесленнику, каковым Курганов отнюдь не был.

Поучительной в методологическом отношении является замысловатая история превращения литературоведами Курганова в тираноборца и атеиста, который по всем законам екатерининского времени должен был сгнить в Шлиссельбургской крепости, но неведомыми силами был спасен от этой участи и на протяжении тридцати лет шесть раз безнаказанно публиковал в повести №291 призыв передушить королей.[55]

В свое время Е.Я.Колбасин нарисовал образ Курганова-чудака, «грубого по наружности и манерам», в странном архалуке, красном плаще и широкополой шляпе, с огромной дубиною в руках, который приходил на занятия в Морской кадетский корпус и начинал развлекать слушателей забавными анекдотами.[56] Этот карикатурный портрет автора «Письмовника» был постепенно трудами исследователей вытеснен правильным представлением о Курганове как серьезном ученом, видном деятеле русского Просвещения XVIII в. Но что касается истолкования «Кратких замысловатых повестей», то оно в главной своей сути остается почти на том же уровне, что и в статье Колбасина, хотя и претерпело резкое заострение, частично, безусловно, оправданное, но не до такой степени, как это наблюдается в работах последних десятилетий, когда оно проводилось скорее интуитивно, нежели на основании каких-то новых бесспорных фактов.

Что же известно относительно повестей Курганова? Известно, что многие из них переводные, но располагает наука лишь параллелями, к тому же немногочисленными. Известно, что в «Письмовнике» могут быть повести, сочиненные самим Кургановым, но выделить их при нынешнем состоянии вопроса нет возможности. Известно, что Курганов, наверное, переделывал оригиналы, но нет сведений о том, как часто он поступал таким образом и какой характер носила его переделка. Сравнения, проведенные А.И.Кирпичниковым, М.К.Азадовским, Н.В.Новиковым и О.А.Хамицаевой, неубедительны, потому что строятся на материале

---

[55] «Италианец, будучи вопрошен французом, у кого бы он лучше хотел быть в подданстве — у короля ли французского или у ишпанского? Я бы желал видеть одного повешена на кишках другого». История допущенных в отношении этой повести фактических ошибок и натянутых ее толкований подробно изложена в статье: Рак В.Д. К истории четверостишия, приписанного Пушкину // Временник Пушкинской комиссии, 1973. Л., 1975. [Вып.11]. С.107—117.

[56] См.: Колбасин Е.Я. Литературные деятели... С.173—174.

книг, которых Курганов не знал (это, как будет показано ниже, относится и к сборнику «Рожер Бонтан в хорошем настроении»). Показательно, например, что повесть №100, которую А.И.Кирпичников признал удачною переделкою и по поводу которой написал пространное рассуждение[57], представляет точный перевод варианта, оставшегося ему неизвестным. Как ни упрощенно выглядит классификация О.А.Хамицаевой способов переработки оригиналов, которым пользовался Курганов, но она, к сожалению, исчерпывает весь ранее собранный материал. Известно далее, что Курганов руководствовался какими-то принципами отбора повестей, преследуя, в частности, сатирические цели; но ничего конкретного об этих принципах не было сказано, так как не было сведений, из чего он выбирал и что опускал как не соответствующее его интересам. Не зная круга его источников, не было возможности понять до конца многие повести, и они были обойдены полным молчанием, а внимание обращалось лишь на те, чья связь с проблематикой того времени казалась очевидною.

2

Признаками, послужившими А.И.Кирпичникову основанием для того, чтобы признать «Рожера Бонтана» источником «кратких замысловатых повестей», были сравнительно большое число повестей, совпадающих с рассказами, находящимися в этой книге, и точное соответствие многих из этих повестей французскому тексту. Эти основания ни в коем случае не являются достаточными. Обследование ряда аналогичных французских сборников, не попавших в поле зрения А.И.Кирпичникова или, может быть, им просмотренных, но отвергнутых, показало, что в них нередко встречаются в разных комбинациях рассказы, которые он считал переведенными из «Рожера Бонтана». Текст этих рассказов не был стабильным, но тем не менее во многих сборниках совпадал с текстом «Рожера Бонтана» или имел настолько незначительные отличия, что в переводе они могли бы стать неощутимыми. В числе различных вариантов отдельных рассказов нашлись такие, с которыми повести Курганова совпадали точнее, нежели с соответствующими рассказами из источника, указанного А.И.Кирпичниковым. В «Рожере Бонтане» не оказалось ни одного рассказа, общего с той или иной повестью Курганова, который не вошел бы в какой-нибудь другой сборник. Правда, нигде не повторилась ком-

---

[57] Кирпичников А.И. Очерки... С.60.

бинация, которую эти рассказы образуют в «Рожере Бонтане»; но, с другой стороны, обнаружилось много других рассказов, представленных повестями в «Письмовнике». Наконец, выявились сборники, не уступающие «Рожеру Бонтану» и превосходящие его по числу рассказов, общих с «Присовокуплением вторым». Опираясь лишь на те признаки, которые учитывал А.И.Кирпичников, любой из таких сборников можно было бы признать источником «кратких замысловатых повестей».[58] Можно было бы также найти такое сочетание или даже сочетания различных сборников (включая или исключая «Рожера Бонтана»), что составилась бы вполне убедительная картина «источников», которыми мог пользоваться Курганов.

Таким образом, сборники, указанные А.И.Кирпичниковым, не обладают никакими специфическими признаками, которые позволили бы согласиться с его выводами. Содержащиеся в них рассказы, как уже говорилось выше, могут рассматриваться лишь как параллели, подтверждающие заявление Курганова о том, что в «Присовокуплении втором» собран материал, переведенный из «иноязычных книг».

С учетом результатов, к которым привела работа, проделанная А.И.Кирпичниковым, круг новых поисков западноевропейских источников «Кратких замысловатых повестей» был значительно расширен. Обследовались не только сборники фацеций и анекдотов, но также западноевропейские учебники иностранных языков, содержавшие подборки небольших забавных рассказов, предназначавшихся для начального легкого чтения.

Основанием для включения учебных пособий подобного рода в круг возможных источников «Присовокупления вто-

---

[58] Например: 1. Boyer A. Le compagnon sage et ingénieux... (ср. примеч.39). Семьдесят семь рассказов, общих с повестями Курганова; семь из них имеются в «Рожере Бонтане». 2. [Ducry S.-J.]. Amusement curieux et divertissant, propre à égayer l'esprit. Ou fleurs de bons mots, contes à rire, valeur héroïque, etc., le tout sans obscénité, afin que les personnes de tout état puissent en faire leurs récréations / Recueilli par D*** jadis imprimeur de l'Escadre du Roi à l'expédition de Minorque. Florence [Marseille], 1766. P.1—2. Тридцать семь рассказов, общих с «Письмовником»; восемь имеются в «Рожере Бонтане». 3. Élite des bons mots, et des pensées choisies, recueillies avec soin des plus célèbres auteurs, et principalement des livres en ANA. Amsterdam, 1726. P.1—2. С «Письмовником» совпадает восемьдесят два рассказа, пятнадцать имеется в «Рожере Бонтане». Сборник издавался в XVIII в. несколько раз. 4. Le passe-tems agréable, ou nouveaux choix de bons mots, de pensées ingénieuses, de rencontres plaisantes, dont une partie n'avoit pas encore été mise en jour. Enrichi d'une élite des plus vives gasconnades, qui ne sont point dans le Gasconiana, et de quelques nouvelles histoires galantes. Le tout avec des réflexions. 2e éd., augm. de plus du double. Rotterdam, 1711. Рассказов, общих с повестями Курганова, — сорок; в «Рожере Бонтане» — девять.

рого» послужило одно замечание Н.И.Новикова в двенадцатом листе «Трутня». Полемизируя с журналом М.Д.Чулкова «И то и се», Новиков писал: «Видно, что соки его ума уже высохли, когда он басни о козленке и прочие из итальянской Венерониевой грамматики печатает»[59]. Аналогичная «басня» о козленке имеется и в «Письмовнике» (№69). Правда, ее нет ни в одном из многочисленных изданий учебника итальянского языка Жана Виньерона (Jean Vigneron, 1642—1698; итальянизированная форма фамилии: Veneroni). Может быть, Новиков действительно подозревал, что из такого, по его понятию, ничтожного в литературном отношении источника Чулков черпал сюжеты своих стихотворных новелл; может быть (что более вероятно), он упомянул «Венерониеву грамматику» намеренно, для того чтобы придать больший сарказм своему выпаду. Как бы то ни было, но его замечание указывает на то, что грамматические пособия были одним из каналов, по которым анекдотическая и фацецийная литература доходила до русского читателя.

Обычная в наши дни практика предлагать изучающим иностранные языки в качестве начального легкого чтения небольшие забавные рассказы существовала уже в XVII в. Фацеции и шванки, античные апофегмы, шутки и остроумные реплики, анекдоты (в том смысле, как понимали их в то время) — все эти жанры представлены во многих пособиях, по которым учили иностранные языки на Западе в конце XVII—XVIII в. Чаще всего подобный материал для чтения печатался в виде самостоятельного раздела в конце учебника; в редких случаях он распределялся поурочно.[60] Составлялись и специальные хрестоматии, в которых небольшие забавные рассказы на иностранном языке были снабжены или комментариями, облегчающими их понимание, или максимально точным параллельным переводом на родной язык.[61] Подобные разделы в учебниках и подобные хрестоматии повторяли в уменьшенном объеме содержание анало-

---

[59] Сатирические журналы Н.И.Новикова / Ред., вступ.ст. и коммент. П.Н.Беркова. М.; Л., 1951. С.90.

[60] Например: Du Grain J. Gründliche und leichteste Anweisung zur Französischen Sprache durch ein Collegium Gallicum von hundert Lectionen... Halle in Magdeburgischen, 1720. T.1—2.

[61] Например: Rayot P. Apophtegmes, ou la récréation de la jeunesse... Non tant pour se récréer en compagnie, que profitables aux Allemens, à apprendre la langue françoise... Wittenberg, 1660; Menudier J. Le secret d'apprendre la langue françoise en riant... Jena, 1681; Memel J.P. Lustige Gesellschaft. S.l., 1688; Monchan M. Histoires plaisantes et récréatives... [Hannover?], 1716. К этим пособиям относится и хрестоматия Буайе (см. примеч.39).

гичных литературных сборников, которые в конце XVII — начале XVIII в., говоря словами современника, «умножались почти до бесконечности» и «наводнили книжные лавки и кабинеты любознательных людей»[62], будучи предназначены для различных целей — воспитательных, развлекательных, дидактических и др. Иногда один и тот же сборник выпускался одновременно в двух вариантах: рассчитанном на обычное чтение и приспособленном для изучения иностранного языка.[63] Иными словами, учебный материал предназначался не только для утилитарных целей; в известной степени он выполнял те же функции, что и сборники изречений, фацеций, остроумных реплик, анекдотов.

Имеющиеся сведения о методике преподавания иностранных языков в России в XVIII в. не позволяют судить о том, насколько широко использовался подобный литературный материал для обучения русских западноевропейским языкам.[64] Однако уже в 1719 г. «мамзель Близендорф» использовала на занятиях с детьми А.Д.Меншикова «маленькую Ейленшпигель».[65] С изучением или преподаванием иностранных языков было, несомненно, связано появление сборника П.Семенова «Товарищ разумной и замысловатой», поскольку, как уже говорилось, одним из его источников была учебная хрестоматия, предназначенная для французов, изучавших английский язык. Один из учебников иностранных языков, вышедших в России до первого издания «Письмовника», содержал небольшую подборку фацеций и анекдотов.[66] Эти факты в совокупности с замечанием Новикова дают основание предположить, что в России были известны западноевропейские учебники, включавшие подборки подобного

---

[62] Nouveau choix de bons mots, de bons contes et de plaisanteries. Plaisance, 1711. T.1. Sig. *2[r-v].

[63] Так был издан, например, сборник «Amusemens sérieux et comiques; ou nouveau recueil de bon-mots, de railleries fines, de pensées ingénieuses et delicates, de bons contes, et d'avantures plaisantes» (La Haye, 1719). В варианте, предназначенном для изучения иностранного языка, он был снабжен параллельным английским текстом, а на титульном листе было обозначено: «A l'usage de ceux qui veulent aprendre [!] le François ou l'Anglois».

[64] См., например: Синицына П.Т. Изучение иностранных языков в России XVIII века: (В свете лингвистических взглядов Ломоносова) // Учен. зап. Арханг. пед. ин-та. 1959. Вып.7. Кафедра английского языка. С.3—14; Раушенбах Б.Э. Краткий обзор основных методов преподавания иностранных языков с I по XX век. М., 1971. С.40—49.

[65] Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М., 1974. С.289.

[66] Новая италианская грамматика собрана из разных авторов и переведена на российский язык... Егором Булатницким. [М.], 1759.

рода. Вполне естественным поэтому представляется, что какие-то из этих учебников могли попасть в руки Курганову и послужить источником «кратких замысловатых повестей». Курганов знал три живых языка и если не во время их изучения, то позже, хотя бы для усовершенствования своих познаний, мог пользоваться такими учебниками. Кроме того, работая над грамматикой русского языка, которая составила основу «Письмовника», он должен был интересоваться разнообразной лингвистической литературой; и действительно, в «Разговоре о различии изречения и писания» перечисляется ряд грамматик живых и мертвых языков, при этом упоминается и учебник Виньерона.[67] Наконец, имеется заявление самого Курганова в предисловии и никак до сих пор не оцененное и не проанализированное свидетельство о том, что «Письмовник» был связан с реальным учебным процессом. По этому поводу В.Н.Берх писал: «Современник почтенного Курганова сказывал мне, что „Письмовник" составлен из записок, которые Н.Г.К. приготовлял для детей своих»[68]. Разумеется, нельзя полностью принимать на веру это сообщение неизвестного лица, хотя оно и подкрепляется собственной декларацией автора «Письмовника». Вряд ли, например, Курганов мог предложить своим детям в высшей степени непристойную повесть, напечатанную в первом издании под №130. Тем не менее это свидетельство могло быть не беспочвенным, а в этом случае обращение Курганова к учебникам, о которых идет речь, становится еще более вероятным.

Изучение различных учебных пособий и французских сборников фацеций, анекдотов, острот и т. п. в сравнении с «Присовокуплением вторым» дало большое число точных соответствий, вариантов и параллелей для 319 повестей Курганова. Оно также позволило, с учетом опыта А.И.Кирпичникова, сформулировать несколько эмпирических правил для опознания источников этого отдела «Письмовника». Неоднократно уточненные по мере проверки на разных книгах и оправдавшие себя, эти правила могут быть сформулированы в следующем виде.

1. Источником «Кратких замысловатых повестей» можно считать лишь такую книгу, которая обладает *совокупностью признаков*, подтверждающих обращение к ней Курганова.

2. Ни большое число рассказов, с которыми совпадают

---

[67] Курганов Н.Г. Российская универсальная грамматика... С.236—237.

[68] Берх В.Н. Жизнеописание Николая Гавриловича Курганова. СПб., 1829. С.16.

повести Курганова, ни точное соответствие русского текста иностранному не являются сами по себе достаточными признаками, чтобы включить книгу в число источников, которыми пользовался Курганов. Однако, они приобретают важное значение при наличии других признаков. Для русских книг текстуальные совпадения с повестями «Письмовника» являются решающим признаком (только потому, что «Кратким замысловатым повестям» предшествовало лишь несколько печатных книг на русском языке, в которых Курганов мог найти материал для этого раздела, и все они легко обозримы).

3. Важными признаками следует считать наличие в книге малораспространенных рассказов, воспроизведенных в «Письмовнике», и знакомство с нею в России.

4. Как правило, книга, послужившая Курганову источником повестей, давала ему материал и для других разделов «Присовокупления второго».

5. В числе повестей, взятых из одного источника, всегда есть точные переводы, вольные переводы и повести, подвергшиеся переработке, степень которой различна. Переработке подвергались и повести, заимствованные из русских источников.

Многие рассказы, анекдоты и фацеции, заимствованные Кургановым, переходили на Западе из сборника в сборник бесчисленное количество раз. Часто при этом их текст оставался стабильным, но нередко подвергался изменениям, иногда несущественным, а иногда весьма значительным. Опускались, например, имена персонажей или заменялись другими, даже если речь шла об исторических лицах; предельно сокращался текст, если основная установка сборника была чисто развлекательной, и, напротив, расширялся и обрастал поучениями и рассуждениями, если компилятор преследовал дидактические цели; производилась стилистическая переработка; изменялись описываемые ситуации; и т. п. Анекдот оказывался чрезвычайно подвижным, но одновременно в своей основе чрезвычайно устойчивым. «Письмовник» продолжал этот процесс живого функционирования жанра на русской почве.

6. Повести, взятые из одного источника, образуют в «Письмовнике» *группы или ряды*.

А.И.Кирпичников не придал никакого значения тому, что повести, которые он счел переведенными из сборника «Рожер Бонтан в хорошем настроении», расположены по большей части изолированно одна от другой и с большим разбросом по всему разделу.[69] Если по его данным попытаться реконструировать работу Курганова, то процесс выглядит в высшей степени хаотичным и алогичным. В какой-то момент Курганов переводит из «Рожера Бонтана», например, повесть №67; затем откладывает сборник в сторону, берет какую-то другую книгу или книги и переводит повести №№68—69; снова обращается к «Рожеру Бонтану», выбирает повесть №70; опять меняет книгу, переводит №71, а №72 заимствует снова из «Рожера

[69] См. примечание 29.

Бонтана», и т. д. Можно, конечно, гипотетически представить и другую процедуру: Курганов переводит из «Рожера Бонтана» подряд все привлекшие его внимание повести, а затем растасовывает их среди повестей, взятых из других источников. Однако цель, которую он мог бы этим преследовать, совершенно не ясна.

Принцип группового расположения повестей не устраняет этот видимый хаос (он будет наблюдаться не единожды), но вносит в большие массивы упорядоченность, в которой, без сомнения, отразился процесс работы над «Присовокуплением вторым». Этот принцип нашел подтверждение в том обстоятельстве, что ряды, образуемые разными книгами, которые были опознаны как источники, взаимно дополняют друг друга. Примечательным представляется и то, что повести, для которых не удалось установить источник, также расположились группами (например, №№10—19, 31—38, 150—157 и др.).

Идеальная картина работы Курганова над «Краткими замысловатыми повестями» представляется в следующем виде: Курганов берет книгу, читает ее подряд и по ходу чтения переводит понравившиеся ему рассказы и шутки, а исчерпав материал, обращается к другому сборнику. В этом случае каждый источник дал бы один ряд, внутри которого повести расположились бы в прямой последовательности источника.

Реальность была иной. Источники, давшие наибольшее число повестей, представлены в «Письмовнике» каждый несколькими рядами, отстоящими один от другого нередко на значительном расстоянии. Расположение повестей внутри рядов во многих случаях не согласуется с порядком следования в источнике рассказов-оригиналов. Некоторые ряды составлены из повестей, переведенных из разных мест источника и к тому же еще как бы перетасованных. Очевидно, что эта бессистемность лишь кажущаяся, скрывающая какие-то важные и интересные особенности творческого процесса Курганова — переводчика и компилятора.

7. В случае, когда рассказ, которому соответствует повесть Курганова, имеется в нескольких книгах, использованных в «Присовокуплении втором», источником этой повести следует считать книгу, из которой рассказы образуют в данном месте ряд.

Во многих случаях этот вывод подтвердился сравнением текстов. Повести Курганова оказывались максимально близкими именно к тем рассказам, которые входят в ряды, и отличались от соответствующих рассказов в других источниках, если эти рассказы в данном месте «Кратких замысловатых повестей» занимают изолированное положение. Это обстоятельство позволяет распространить сформулированное правило и на большинство тех случаев, когда иностранные тексты полностью идентичны или имеют весьма незначительные отличия, не ощутимые в переводе.[70] Однако если идентичные или почти идентичные иностранные тексты приходятся на стык двух взаимно перекрещивающихся рядов, образованных разными источниками,

[70] Например, повесть Курганова №78 встречается в абсолютно идентичном виде в двух книгах, опознаваемых как источники «Присовокупления второго». Один источник образует в данном месте ряд из восьми повестей (№№76—83), а рассказ из другого источника занимает здесь изолированное положение. Очевидно, Курганову не было необходимости менять в этот момент книгу, чтобы взять из другой рассказ, который в данной находится между рассказами, переведенными в «Письмовнике» под №№77 и 79.

то решить вопрос о конкретном источнике почти нет возможности (№№59—61).

Хотя указанное правило будет часто применяться в дальнейшем изложении, оно отнюдь не рассматривается как универсальное и относительно некоторых повестей выводы будут иметь предположительный характер. Более того, есть основания полагать, что иногда Курганов сравнивал и контаминировал тексты разных источников.

Так, по-видимому, обстояло дело с повестью №49:

Курганов	П[71]	НФГ
Философ, будучи на море во время великого шторма с худыми людьми, призывающими тогда бога, дабы их спас от потопа, сказал им: «Молчите, чтобы он забыл, *если то станется*, что вы здесь».	Le philosophe Bias étant dans une vaisseau durant une tempête avec de mechantes gens, qui invoquoient les dieux; «Taisez-vous», leur dit-il, «afin qu'ils oublient, *s'il se peut*, que vous êtes ici».	Un philosophe étant dans un vaisseau durant une tempête avec des mechantes gens, qui invoquoient les dieux afin de les sauver du naufrage. «Taisez-vous», leur dit-il, «afin qu'ils oublient, que vous êtes ici».

В повесть № 126 Курганов вставил имя действующего лица, указанное в других книгах, которыми он пользовался.

Изменения, внесенные в повесть № 45, были, очевидно, вызваны знакомством с аналогичной стихотворной сказкой М.Д.Чулкова. Эту повесть Курганов перевел в следующем виде: «Некий поселянин, приехав в город к своему сродственнику, между прочим спросил его, какую он имеет должность, но тот отвечал: великую... Однако какую? Жену с пятью детьми».[72] В оригинале-источнике речь идет о четырех детях, а цифра пять фигурирует в стихотворении Чулкова.[73] Эту «сказочку», вместе с двумя другими, Курганов перепечатал в «Присовокуплении пятом»[74], озаглавленном «Сбор разных стихотворств», и это обстоятельство является сильным доводом в пользу предположения о том, что число детей было изменено в повести №45 именно под влиянием Чулкова.

Интересным примером контаминации двух различных рассказов, взятых из разных источников, является повесть № 140: «Цицерон говаривал, что ложные друзья подобны ласточкам, кои летом появляются, а зимою улетают. Так и те толпами приходят в счастии, а в несчастии все отбегают. А непостоянство фортуны похоже на молодую девку, коя, оставя прежних своих полюбовников, ищет помоложе». Первые два предложения этой повести взяты Кургановым почти дословно из «Товарища разумного и замысловатого», а третье, предстающее в этом контексте как изречение Цицерона, переведено из другой книги, где входит в рассказ, в котором приводится остроумный ответ одного генерала императору Карлу Пятому (1500—1558), недоумевавшему, почему ему изменило военное счастье.

---

[71] Список условных сокращений приведен ниже, с.113—114.

[72] Курганову не удалось в переводе передать игру значений французского слова «charge» — «груз, бремя» и «должность». Впоследствии Курганов счел цифру пять недостаточной и увеличил ее до девяти.

[73] И то и сьо. 1769. Май. Неделя 21.

[74] Курганов Н.Г. Российская универсальная грамматика... С.283.

На основании всех вышеперечисленных признаков были выявлены семь книг, послуживших источниками «Присовокупления второго». Ниже они указываются в порядке их появления в разделе «Краткие замысловатые повести»[75]:

П — Pêpliers J.-R. des. La parfaite grammaire royale, françoise et allemande, Das ist: Vollkommende Königl. Franz. Teutsche Grammatica... 20. Ausfertigung... verb. und verm. vom Pierre Rondeau. Leipzig, 1717.

Выявленные переиздания: Leipzig, 1725, 1735, 1737.

Выявленные более ранние издания с немного отличающимся подзаголовком и без указания П.Рондо: Leipzig, 1713, 1715.

Общее число изданий этого варианта учебника Пеплие не установлено; Курганов мог пользоваться любым.

При ссылках на учебник указывается порядковый номер, под которым в нем напечатан соответствующий рассказ.

М — Мармонтель Ж.-Ф. Велизер, сочинения г. Мармонтеля, члена Французской академии, переведен на Волге. [М.], 1768.

При ссылках указываются страницы.

НФГ — Nouvelle et parfaite grammaire françoise. Neue und vollständige Französische Grammatik, in Frag und Antwort abgefasset. Aus dem Französischen des Herrn Restaut, und andern Anmerkungen der besten Französischen Sprachlehrer zusammengetragen, nebst verschiedenen Zugaben... Mainz und Frankfurt am Mayn, 1749.

При ссылках на этот учебник указывается порядковый номер, под которым напечатан в нем соответствующий рассказ.

ТРЗ — Семенов П. Товарищ разумной и замысловатой, или Собрание хороших слов, разумных замыслов, скорых ответов, учтивых насмешек и приятных приключений знатных мужей древнего и нынешнего веков. Переведенный с французского и умноженный из разных латинских к сей же материи принадлежащих писателей как для пользы, так и для увеселения общества. СПб., 1764. Ч.1—2.

При ссылках на этот сборник указываются том (римская

[75] Литерами обозначаются условные сокращения, используемые в дальнейшем изложении.

цифра) и страница (арабская цифра), на которой находится соответствующий рассказ.

ГдП — Gayot de Pitaval F. Bibliothèque des gens de cour, ou mélange curieux des bons mots de Henri IV, de Louis XIV, de plusieurs princes et seigneurs de la cour, et d'autres personnes illustres. Avec un choix des traits naifs, gascons et comiques, de plesieurs petites pièces de poësie, et de pensées ingénieuses propre à orner l'esprit et à le remplir d'idées vives et riantes. Amsterdam, 1726. Vol.1—5.

Имеются более ранние и более поздние издания, которые проверить de visu не представилось возможности. При ссылках на этот сборник указываются том (римская цифра) и страница (арабская цифра), на которой находится соответствующий рассказ.

Ув. — Contes à rire, ou récréations françoises. Nouv. éd., corr. et augm. Lille, 1781. T.1—3.

Курганов мог пользоваться и другими изданиями этого трехтомного варианта сборника, обследовать которые de visu не представилось возможности (например: Paris, 1762, 1769, 1775, 1781).

При ссылках на этот сборник указываются том (римская цифра) и страницы (арабские цифры), на которых напечатан соответствующий рассказ.

СА—[Lacombe de Prezel H. de]. Dictionnaire d'anecdotes, de traits singuliers et caractéristiques, historiettes, bons mots, naivetés, saillies, réparties ingénieuses, etc. etc. Nouv. éd., augm. Paris, 1774. T.1—2.

Первое издание вышло в 1766 г. Другие выявленные издания: Paris, 1767, 1768, 1770. Курганов мог пользоваться любым изданием.

При ссылках на «Словарь» указываются том (римская цифра) и страница (арабская цифра), на которой напечатан соответствующий рассказ.

В дальнейшем изложении будет также использоваться сокращение **НУ** для обозначения неустановленного источника или источников. Фразы типа «ряд, образованный рассказами из учебника Пеплие», будут заменяться сокращениями **П-ряд**, **ТРЗ-ряд** и т. п.; фраза «повесть (повести) Курганова №» — литерой **К**.

Из этих семи источников в «Письмовник» вошло не менее

226 повестей, а также другие разнообразные материалы, включенные Кургановым в «Присовокупление второе».

Источники повестей и параллели к повестям представлены в таблице, помещенной в Приложении 2.

3

«Полная грамматика французского языка» Жана-Робера де Пеплие вышла первым изданием незадолго до 1689 г. и на протяжении всего XVIII в. была, пожалуй, самым популярным учебником французского языка для немцев. Число ее переизданий не выяснено. В крупнейших библиотеках мира, издавших печатные каталоги своих фондов, например, в Британской библиотеке и Национальной библиотеке в Париже, имеется лишь по 2—3 ее издания. В петербургских библиотеках (РНБ, БАН, СПбГУ) хранится 25 изданий, но эта цифра приближается не более чем к половине действительного числа переизданий. В 1737 г. было напечатано тридцать пятое издание, и после этого вышло еще не менее четырнадцати.[76] Кроме того, до 1737 г. выпускались, по-видимому, издания, не включенные в счет указанных тридцати пяти. Существовали также издания, в которых немецкая часть заменялась пояснениями и эквивалентными примерами на других языках, так что учебник оказывался пригодным для людей соответствующих национальностей. Из тех изданий, которые удалось выявить, первое вышло в 1689 г. и было уже перепечаткой; последнее — в 1781 г.

Несмотря на огромную популярность учебника, о его авторе почти ничего не известно. Даже имя его оказалось забытым, и лишь сейчас его удалось восстановить по титульному листу издания 1689 г. Там же указано, что в эти годы Пеплие был учителем французского и немецкого языков у герцога Бургундского. На титульных листах изданий, вышедших в XVIII в., после фамилии автора неизменно стояли слова «член Академии», но в какую именно академию он был избран, еще предстоит выяснить.

В России учебник Пеплие был хорошо известен. Одно из его изданий приобрел за границей царевич Алексей Петрович.[77] Этот экземпляр, вместе с другими книгами царевича, вошел впоследствии в библиотеку Петра I, а затем

---

[76] Тринадцать из них есть в Петербурге, еще одно упоминается в СК (аннотация к №5153).

[77] Мурзанова М.Н. Первые фонды рукописных книг академической библиотеки // Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Б-ки Акад.наук. М.; Л., 1956. Вып.1.: XVIII век. С.132.

был передан в Библиотеку Академии наук.[78] В 1738 г. в Марбурге Ломоносов купил берлинское издание 1736 г.[79] В 1749—1750 гг. по грамматике Пеплие учился под руководством некоего Петра Винтера французскому языку П.Ф.Жуков, а в 1751 г. для него было приобретено десятое берлинское издание 1719 г.[80] Устойчивым спросом пользовался этот учебник в Москве в 1749—1760 гг.[81] В феврале 1752 г. Канцелярия Академии наук поручила В.Е.Теплову дополнить переведенную им «Новую французскую грамматику, сочиненную вопросами и ответами», «вокабулами из Пеплиеровой грамматики».[82] Эти «вокабулы» первоначально печатались в виде приложения к переводу Теплова, а затем неоднократно выходили отдельными изданиями (СК 5151—5152, 7182—7184). В 1755 г. в проекте регламента академической гимназии Ломоносов рекомендовал обучать французскому языку по грамматике Пеплие.[83] Возможно, что именно из нее он заимствовал для предисловия к «Российской грамматике» изречение о четырех европейских языках, приписываемое Карлу V, а также сюжет стихотворения «Случились вместе два астронома в пиру...»[84] Стихотворение датируется предположительно концом мая — июнем 1761 г.[85] Оно было напечатано в составе работы Ломоносова «Явление Венеры на солнце, наблюденное в Санктпетербургской академии майя 26 дня 1761 года» (СПб., 1761). В этих наблюдениях принимал участие под руководством Ломоносова и Курганов. В том же году преподаватель французского языка в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе Луи Бужо с одобрением отозвался о некоторых упражнениях в грамматике Пеплие и взял их за образец для своего пособия.[86] По ней учили французскому и немецкому языкам

---

[78] Библиотека Петра I: Указатель-справочник / Сост. Е.И.Боброва; под ред. Д.С.Лихачева. Л., 1978. №№1391—1394.

[79] Ломоносов М.В. Полн.собр.соч. М.; Л., 1957. Т.10. С.371.

[80] Начало университетской библиотеки (1783 г.): Собрание П.Ф.Жукова — памятник русской культуры XVIII века: Каталог / Сост. А.Х.Горфункель, Н.И.Николаев. Л., 1980. С.5, 22 (№1), 56 №№489—490).

[81] Копанев Н.А. Распространение французской книги в Москве... С.81, 85, 128 (№200).

[82] Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т.9. С.945; СК, аннот. к №7182.

[83] Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т.9. С.459, 495.

[84] Рак В.Д. Возможный источник стихотворения М.В.Ломоносова «Случились вместе два астронома в пиру...» // XVIII век. Л., 1975. Сб.10. С.217—219.

[85] Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т.8. С.1124.

[86] Бужо Л. Краткие правила французской грамматики. СПб., 1761. Предисловие, с.3 (ненум.).

в Троицкой Лаврской семинарии в конце 1760-х гг.[87] 20 января 1772 г. Комиссия Академии наук приняла решение о покупке для обучающихся французскому языку в академической гимназии 10 экземпляров Леплиеровой грамматики.[88] В 1780 г. вышел русский перевод учебника Пеплие, выполненный Федором Сокольским и напечатанный в типографии Новикова; в 1788 г. было выпущено его второе издание (СК 5153—5154). В объявлении о его продаже говорилось: «Сия учебная книга признается одною из хороших и наилучшим образом расположенных грамматик, почему оная и может с пользою употребляема быть при наставлении Российского юношества французскому языку»[89].

Все эти факты приводят к заключению, что книга не случайно попала в поле зрения Курганова; а в том, что он ею действительно пользовался, убеждает сопоставление с нею «Присовокупления второго».

Рассказы собраны в П в разделе, озаглавленном «Recueil de bons contes et de bons mots, tirés des plus beaux esprits françois de ce temps. Auszug artiger Historien und sinnreicher Reden, Aus den neuesten und klügsten Französischen Scribenten zusammen getragen». Несколько десятков этих рассказов образуют в разделе «Краткие замысловатые повести» четкие ряды разной длины, причем большинство переводов в этих рядах точно воспроизводят текст П, хотя некоторые повести, как это было обычным для Курганова, сильно сокращены или переработаны по сравнению с оригиналами. Несколько рассказов П посвящены истории медалей, отчеканенных в честь памятных событий конца XVII в. Материал такого рода, как правило, в сборники фацеций, анекдотов, шуток, острот и т. п., по-видимому, не включался. Поэтому особое значение приобретает тот факт, что в П-рядах «Кратких замысловатых повестей» есть четыре повести о медалях (К 26, 125, 127, 206). Наконец, таблица «Опись качеств знатнейших европейских народов» точно воспроизводит раздел П, озаглавленный «Recueil des Caractères des Allemands, François, Italiens, Espagnoles et Anglois. Auszug von den Kennzeichen der Teutschen, Franzosen, Italiäner, Spanier und Engeländer». Таблица Курганова включает четырнадцать черт характера каждой из перечисленных наций, П — пятнадцать. Последний пункт П, в котором приводится приписы-

---

[87] Смирнов С.К. История Троицкой Лаврской семинарии. М., 1867. С.350.

[88] Арх. РАН, ф.3, оп.1, д.543, л.49 об. (20 января, ст. 39); д.615, л.6, об., №88.

[89] Моск. ведомости. 1788. 12 января. №4. С.35.

ваемое Карлу V изречение о европейских языках, не был включен в «Опись» потому, что оно цитируется в «Разговоре о различии изречения и писания» по предисловию к «Российской грамматике» М.В.Ломоносова.[90]

По составу рассказов и наличию или отсутствию описания национальностей все издания П, вышедшие между 1689 и 1769 гг. распределяются на семь вариантов:

А. Grammaire royale françoise et allemande, contenant une méthode nouvelle et facile pour apprendre en peu de temps la langue françoise... Gedruckt nach dem Parisische Exemplar. Berlin, 1689.

Эта группа не содержит ни рассказов, ни описания характеров европейских народов.

Б. Essay d'une parfaite grammaire royale françoise, Das ist Vollkommene Königliche Französische Grammatica... Ed.4, auctior et correctior. Berlin, 1696.

Это издание содержит 232 рассказа, из которых 93 имеются в «Письмовнике»; отсутствует описание характеров европейских народов.

В. La parfaite grammaire royale françoise, Das ist Vollkommene Königliche Französische Grammatica... Ed.6, auctior et correctior. Berlin, 1701—1702.

Отличается от Б тем, что число рассказов сокращено до 221.

Г. Лейпцигское или берлинское пятнадцатое издание. Экземпляр без титульного листа (РНБ, шифр: 7.43.6.34). Указание на издание в предисловии. На карточке старого каталога РНБ выходные данные: Лейпциг-Франкфурт, 1712; но в шестнадцатом издании (Leipzig, 1713) упоминается «неправильное» пятнадцатое издание, вышедшее в Берлине.

Издание содержит 280 рассказов, из которых 87 имеется в «Письмовнике», а также описание характеров европейских народов. Однако, отсутствует рассказ о медали, переведенный Кургановым под №26; нет рассказов, соответствующих К 20, 82, 83, 99, 296, 304. Если первые четыре из этих шести повестей находятся на стыках с НУ-рядами и можно было бы предположить, что они заимствованы не из учебника Пеплие, то изъятие рассказов, соответствующих К 296 и 304, разрушает стройность не вызывающего сомнения П-ряда.

---

90 Курганов Н.Г. Российская универсальная грамматика... С.238.

Д — описано выше (с.113).

Эти издания содержат 221 рассказ, из которых 92 имеются в «Письмовнике», а также описание характеров европейских народов.

E. Nouvelle et parfaite grammaire royale françoise et allemande, Neue und Vollkommene Königliche Französische Grammatica... Bishero unter dem Namen Hn. des Pêpliers, Acad. Mitgliedes, vielmal herausgegeben, Anjetzo aber alles durchgehends aus des sinnreichen Französischen Jesuiten, Hn. Buffier, und anderer gelehrten Anmerckungen durch ein Mitglied der Königl. Preussischen Societät der Wissenschaften in Berlin, Aufs fleissigste verb. ...Aufs neus übersehen und verb. Berlin, 1736.

Издание содержит 265 рассказов, из которых в «Письмовнике» имеются 84; включает описание характеров европейских народов. Отсутствуют рассказы, соответствующие К 20, 80, 82, 83, 99, 130, 296, 304, 306. Изъятие №№80, 296, 304, 306 разрушило бы четкие П-ряды. Отсутствует в издании рассказ о медали, переведенный Кургановым под №26. По сравнению с другими группами добавлены рассказы, соответствующие К 19, 231, 245; но две последние входят в ряды, образованные другими источниками, а первая, находясь на стыке П-ряда, могла бы как открыть его, так и быть последней в НУ-ряде.

Ж. Nouvelle et parfaite grammaire royale françoise et allemande. Neue und vollständige Königliche Französische Grammatik... Bisher unter dem Namen des Herrn des Pêpliers, vielmals herausgegeben, gegenwärtig aber durchgehends aus des berühmten Französischen Jesuiten Hn. Buffier, und anderer Gelehrten Anmerckungen auf das fleissigste verb. ...Leipsic, 1746.

Переиздания: 1747; Berlin, 1750, 1752, 1754, 1758, 1760, 1762, 1763, 1769.

Издания этой группы содержат 225 рассказов, из которых 72 совпадают с «Краткими замысловатыми повестями». По сравнению с Е число отсутствующих соответствий повестям «Письмовника» значительно больше (К 3, 20—21, 26, 61, 77, 79, 80—83, 89, 99, 127, 130—131, 203, 291, 294, 296, 304, 306), так что разрушаются уже несколько рядов. Рассказ, соответствующий К 308, сильно изменен по сравнению с вариантом, приводимым в других изданиях «Грамматики» и воспроизведенным Кургановым. Добавленные рас-

сказы, соответствующие К 19, 58, 195, 231, 245, 314, ни в коей мере не улучшают картины, тем более что в четырех случаях они совпадают с рядами, образованными другими источниками.

Таким образом, очевидно, что Курганов пользовался одним из изданий группы Д. Из 92 повестей «Письмовника», имеющих соответствия в этом варианте П, 64 были действительно переведены из этого источника, 11 остаются под сомнением до выяснения всего круга иностранных книг, отразившихся в «Присовокуплении втором», и 17 пришли в «Письмовник» из других источников.

П-ряды 1—9, 20—26, 76—83, 89—93, 124—129, 198—208, 291—308 не вызывают никаких сомнений. Ни один из других установленных источников не обнаруживает в этих интервалах признаков систематического к нему обращения. Текст совпадающих с этими рядами рассказов из НФГ идентичен, за исключением двух случаев, тексту П, так что Курганов не имел причины менять источник. Рассказы, соответствующие К 89—90, имеют в П и НФГ небольшие отличия, но Курганов определенно следует варианту П; и это лишний раз подтверждает предположение о том, что при наличии четко выраженного ряда, образованного одним источником, отдельные, занимающие изолированное положение рассказы из других источников могут, как правило, не приниматься во внимание. Повести, имеющие параллели в ТРЗ, не содержат следов использования текста Семенова; совпадают иногда мелкие субфразовые фрагменты, что является результатом перевода одинакового текста. Параллельные рассказы в ГдП, за немногими исключениями, представляют варианты, имеющие характерные отличия.

Труднее решить вопрос о рядах 62—64, 98—101, 130—132 и 134.

Первые два расположены в интервалах, в пределах которых образуют хаотическую картину и другие источники (К 62—75, 94—123). Возможно, эти пробелы заполнят НУ-ряды.

Последний ряд отделен от предшествующего ему П-ряда 124—129 повестью К 130 первого издания (в котором он имел нумерацию соответственно 131—133, 135). К тому же он имеет внутри одиночный разрыв. В интервале, на который он приходится (№130—134), хаотически представлены и другие источники. Наконец, К 131 имеет характерные отличия от текста П. Курганов говорит о «мудреце прегнусной фигуры Езопе» и «шутнике», в рассказе П идет речь о

«некоем ученом, бывшем страшным уродом», и о даме. Если предположить, что Курганов переработал этот рассказ, то введение имени Эзопа можно объяснить литературными ассоциациями; однако замена дамы на шутника не поддается логическому объяснению. Тем не менее тексты остальных повестей совпадают с П, и поэтому с некоторою долею вероятности можно предполагать заимствование этих рядов из П.

Следует также отметить, что разделение рядов одной повестью (в данном случае 130*), взятой из другого источника и выполняющей роль как бы связующего звена, было одной из композиционных особенностей раздела «Краткие замысловатые повести». Такое положение занимает, например, К 27, соединяющая П-ряд и М-ряд; К 141 стоит между ТРЗ-рядами, К 290 — между ТРЗ-рядом и П-рядом.

Остальные повести, имеющие соответствия в П, были переведены не из этого источника.

Повести К 39, 42, 44, 49, 54, 55, 59—61 совпадают с НФГ-рядом. В трех из них (42, 54, 60) прослеживается зависимость от текста НФГ[91], в остальных шести случаях тексты НФГ и П идентичны. Особого внимания заслуживают К 59—61, так как они замыкают НФГ-ряд и одновременно примыкают к П-ряду 62—64, который выше был отнесен к числу сомнительных. Может возникнуть подозрение, что НФГ-ряд кончается на К 58, а далее начинается непрерывный П-ряд 59—64. Однако примечательно, что рассказы Пеплие следуют в этом ряду один за другим без всякой системы и с очень большим «разбросом», в то время как рассказы НФГ расположены главным образом в порядке их возрастающей последовательности. Повесть К 61, замыкающая ряд, соответствует рассказу НФГ 93, который в этом источнике близок к концу подборки, включающей всего 110 номеров. Но еще раньше Курганов поместил переводы рассказов НФГ 101—103, 105, 109 (К 40, 51, 41, 39, 52), а рассказ, соответствующий НФГ 95, перевел из П (К 7). Следовательно, на №93 мог исчерпаться материал, заинтересовавший Курганова в НФГ, и закончиться ряд, образуе-

---

[91] Параллели приводятся в следующем порядке: Курганов, НФГ, П.
Повесть №42: «Коллегия», «Collège», «Couvent».
Повесть №54: «Я то сам, сударь, знаю...»; «Je le sais bien, Monsieur...»; «Je le sais bien...»
Повесть №60: «Как! разве столько вас мудрецов не можете сделать одного глупца разумным?»; «Comment? tant de gens habiles ensemble ne pourraient-ils pas rendre sage un fou?»; «Est-ce qu'étant tant de gens habiles ensemble vous n'en [un homme peu sage] pourrez pas faire un sage?»

мый этим источником. Если далее учесть, что К 60, как указано выше, была несомненно переведена из НФГ, то не остается сомнений, что и К 59 и 61 также взяты из этого учебника.

Совпадают с ТРЗ-рядами изолированные рассказы П, соответствующие К 169 и 192, причем №169 и воспроизводит текст ТРЗ.

Расположены в интервалах, которые, очевидно, заполнят НУ-ряды, рассказы П, соответствующие К 71, 151, 210. Повесть К 151 имеет значительные текстуальные отличия от рассказа П. В рассказе П, соответствующем К 210, отсутствует заключительная фраза, приводимая Кургановым: «То один из них молвил: их уже нет; ибо они стоили нашей жизни». Существует вариант этого рассказа с подобной концовкой[92], но в нем иное действующее лицо. Возможно, повесть Курганова является контаминацией двух вариантов, которую Курганов или произвел сам (в этом случае можно предположить использование П), или заимствовал уже в готовом виде из НУ.

Повесть К 94 замыкает П-ряд, но, по-видимому, к нему не принадлежит. Она слегка отличается от рассказа П, однако точно соответствует НФГ 31 (этот вариант встречается и в других сборниках и учебниках).

Повесть К 103 также несколько отличается от рассказа П, но полностью соответствует варианту НФГ 79. Она была переведена или из НФГ, или из НУ.

Повесть К 349 переводилась для четвертого издания «Письмовника», когда Курганов пользовался иными источниками.

4

Если издание «Новой полной грамматики французского языка» (НФГ), вышедшее в 1749 г., было действительно первым, как это можно предположить на основании даты в конце предисловия, то внимание к себе в России этот учебник привлек почти немедленно. Русский перевод, выполненный В.Е.Тепловым и отпечатанный большим для того времени тиражом (1225 экз.), поступил в продажу уже в июне 1752 г. Тираж был готов намного раньше — к августу 1751 г., а промежуток ушел на то, чтобы по поручению Академии наук дополнить учебник «вокабулами из Пеплиеровой грамматики». Перевод В.Е.Теплова просматривали и одобрили М.В.Ломоносов и В.К.Тредиаковский. До конца

---

[92] Например: Le passe-tems agréable... P.142—143.

века вышло еще три издания (1762, 1777, 1787), причем тираж второго был 2400 экземпляров.[93]

Поскольку НФГ в переводе В.Е.Теплова пользовалась в России большой известностью в качестве учебника французского языка, то Курганов, интересовавшийся, несомненно, лингвистической литературой, мог обратить внимание и на немецкий подлинник.

В числе рассказов НФГ, совпадающих с повестями Курганова, нет редких, которые могли бы подтвердить это предположение. Однако одно место из «Присовокупления второго» свидетельствует, кажется, в его пользу. После «Описи качеств знатнейших европейских народов» в «Письмовнике» говорится: «Голландцы народ грубый, жены у них госпожи. А Голландия есть такая земля, где четыре стихии ни к чему не годны. И там золотой демон сидит на сырном троне в табашной короне»[94]. Эти фразы могли быть заимствованы из учебного диалога о путешествиях, где в разделе, посвященном Голландии, есть следующее место:

«— La Hollande quel pays est-il?

— On dit, que *la Hollande est le pays,* où *les quatre elements ne valent rien, et* où *le Demon d'or est couronné de tabac et assis sur un trône de fromage.*

C'est le pays ou l'art surpasse la nature et l'industrie fait fleurir l'État.

— On dit, que *les Hollandais sont fort grossiers.*

— Oui, Monsieur, la naïveté des paroles tient lieu d'eloquence, et la grossièreté des moeurs fait parade d'une liberté mêseante.

— Comment trouvez-vous le sexe en Hollande?

— *Les femmes sont les maîtresses et les maîtres les valets*»[95].

Первая фраза выделена в книге курсивом как цитата. Вполне вероятно, что это было в свое время распространен-

---

[93] Об издательской истории этого учебника см.: Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т.9. С.944—945; СК 7182—7184. В комментарии к «Полному собранию сочинений» М.В.Ломоносова ошибочно утверждается, что В.Е.Теплов перевел книгу французского лингвиста Пьера Ресто (1696—1764) «Principes généraux et raisonnés de la grammaire françoise». Составители СК допустили другую ошибку, сочтя на основании титульного листа, что В.Е.Теплов сам выполнил работу по компиляции учебника из разных источников, и приписав ему авторство. Подробнее см.: Рак В.Д. «Присовокупление второе» в «Письмовнике» Н.Г.Курганова // XVIII век. Л., 1977. Сб. 12. С.212, сноска 35.

[94] Курганов Н.Г. Российская универсальная грамматика... С.184.

[95] Nouvelle et parfaite grammaire françoise... P.457. (Второй и третий курсивы мои).

ное изречение[96], и нельзя отвергать возможность того, что оно могло стать известным Курганову из другого источника. Однако примечательно, что в процитированном отрывке упоминается вся совокупность «качеств» голландцев, которая приводится в «Письмовнике». Это обстоятельство можно рассматривать как подтверждение того, что Курганов пользовался НФГ.

Обращает на себя внимание еще один факт. В предисловии к НФГ рекомендуются книги для дальнейшего чтения на французском языке, и в их числе упоминаются сборники Ф.Гайо де Питаваля «Библиотека придворных» и «Дух беседы», а также «Нравоучительные мысли о разных предметах» Ю.Т.Оксеншерны. «Библиотека придворных» (ГдП), как уже говорилось выше, была одним из источников «Кратких замысловатых повестей» и других разделов «Присовокупления второго», а во второе издание «Письмовника» Курганов включил «Нравоучительные размышления, взятые из сочинения канцлера графа Оксенстирна». Правда, к этим достаточно известным и популярным в XVIII в. книгам Курганов мог обратиться и без рекомендации автора НФГ.

В НФГ имеются два раздела, включающие небольшие занимательные и смешные рассказы. Первый содержит 110 рассказов на французском языке и называется «Histoires choisies, morales et plaisantes. Auserlesene, moralische und anmuthige Historien». Второй предназначался для упражнений в переводе с немецкого языка на французский; в нем помещено 13 рассказов на немецком языке, объединенных заглавием «Einige deutsche Historien, welche man zur Übung in das Französische übersetzen kann». С «Краткими замысловатыми повестями» совпадают 52 рассказа, из них четыре на немецком языке. С большою степенью уверенности можно утверждать, что из этого источника Курганов перевел не менее 23 повестей и что действительное число заимствований из него (не считая абзаца о голландцах) было, возможно, несколько выше названной цифры.

Двадцать три рассказа из НФГ располагаются в «Письмовнике» непрерывающимся рядом 39—61. По сравнению с П-рядами он отличается более стройным порядком. Рассказы-оригиналы расположены, за исключением двух случаев,

96 Эта фраза цитировалась, например, в кн.: [Bardou J.]. Amusemens d'un philosophe solitaire... Bouillon, 1776. T.3. P.52. Из этого источника, оставшегося неизвестным исследовательнице творчества Ф.В.Каржавина (См.: Долгова С.Р. Творческий путь Ф.В.Каржавина. Л., 1984. С.100.), этот афоризм был им переведен и напечатан в кн.: Вожак, показывающий путь к лучшему выговору букв и речений французских. СПб., 1794. С.293.

в их прямой последовательности по НФГ, местами с минимальными пропусками между ними. Тем не менее первые три повести ряда (К 39—41) взяты почему-то сразу из конца подборки рассказов в источнике (НФГ 105, 101, 103). Затем долгое время идет прямая последовательность. Начав с НФГ 2 (= К 42), Курганов соблюдает этот порядок до НФГ 25 (=К 50). В этом месте он по непонятным соображениям обращается опять в конец подборки (НФГ 102, 109 = К 51—52), но немедленно возвращается к тому месту, на котором нарушил последовательность оригинала (НФГ 24 = К 53), и более от нее уже не отступает.

Переводы этого ряда, как правило, точно воспроизводят текст НФГ. Особое значение для идентификации приобретает совпадение мелких текстуальных деталей, как, например, в К 49 и НФГ 22[97], а также в К 42, 54, 60 и НФГ 2, 39, 80[98].

Использование других источников в интервале 39—61 исключается, хотя в них имеется несколько рассказов, совпадающих с повестями этого ряда. К ТРЗ Курганову был смысл обратиться для того, чтобы полностью или частично воспользоваться уже готовым переводом; однако в К 46, 49, 50,. 52, 55, 59 не обнаруживается никаких следов заимствования из этого сборника. Рассказы из ГдП (К 49, 50, 52, 53) представляют варианты, имеющие характерные по сравнению с К отличия; к тому же три из них содержатся в томах, которые, по-видимому, Курганов не использовал. О рассказах из «Грамматики» Пеплие уже шла речь выше.

Находится под сомнением происхождение из НФГ повестей К 19, 85, 86, 94, 100, 102, 103, 104, 108, 116, 123, 132, 134. Все они находятся в интервалах, которые могут заполнить НУ-ряды; некоторые совпадают с сомнительными П-рядами; все, кроме трех, расположены изолированно. Эти обстоятельства, несмотря на совпадение русского и иностранного текстов, не позволяют из осторожности включить указанные повести в число переведенных из НФГ, хотя вполне вероятно, что в некоторых из этих случаев источником был именно этот учебник. Решение вопроса должно быть отложено до того времени, когда будут найдены недостающие сейчас источники «Присовокупления второго».

---

97 См. с.112. Курганов сам иногда опускал имена при переводе, однако отсутствие имени в данном случае в повести №49 и НФГ 22 вряд ли было случайным совпадением, поскольку этот вариант рассказа относится к числу редких и встретился, кроме НФГ, только один раз (см. №26 «Списка сборников и учебных пособий» в Приложении 2).

98 См. примеч. 91.

Все остальные повести, имеющие соответствия в НФГ, были переведены из других источников.

Совпадают с П-рядами К 5, 7, 78, 89, 90, 126, 200, 201, 292, 297, 303. Тексты П и НФГ в этих случаях идентичны. Небольшие отличия есть в рассказах, соответствующих К 89—90; Курганов следует варианту П.

Совпадают с ТРЗ-рядами К 158, 169, 194, 226, 282; почти все они несут на себе разной силы отпечаток перевода П.Семенова.

5

Подготавливая третье издание «Товарища разумного и замысловатого», Михаил Семенов дополнил составленный его отцом сборник еще одной частью, в которую включил 205 новых рассказов; из них 155 он заимствовал у Курганова.[99] В предисловии к этой части он писал: «Читатель может усмотреть, что в сей третьей части не покушался я нанесть подрыва тем падким на чужбинку волкам повторением того же, что уже находится в первых двух частях, несмотря на то, что из двух первых частей „Товарища" чрез прошествие двадцати лет вытащено много и внесено в другие изданные в свет книги под разными именами, с переменою только некоторых речей»[100]. Под «падким на чужбинку волком» М.Семенов, без сомнения, подразумевал прежде всего Курганова, заявившего в предисловии к «Письмовнику», что «в книгу сию занятая местами чуждинка не порок»[101].

На «Товарища разумного и замысловатого» указал как на предшественника «Письмовника» и как на источник «Кратких замысловатых повестей» еще Ф.И.Буслаев; позднее об этом напомнил А.Н.Пыпин.[102]

Сличение текстов показывает, что обвинения М.Семенова и указание Ф.И.Буслаева были вполне обоснованными. Многие повести, напечатанные в «Письмовнике», почти дословно воспроизводят рассказы из ТРЗ. Большое число рассказов П.Семенова Курганов подверг переработке, подчас довольно значительной.

---

[99] Маслова Е.М. Из истории анекдотической литературы XVIII века: («Товарищ разумной и замысловатой», ч.III Мих.Семенова и «Письмовник» Курганова) // Сборник статей в честь акад. А.И.Соболевского. Л., 1928. С.272—276.

[100] Семенов П., Семенов М.П. Товарищ разумной и замысловатой... Изд.3-е. М., 1787. Ч.3. С.3—4.

[101] Курганов Н.Г. Российская универсальная грамматика... С.[IV].

[102] Буслаев Ф.И. Историческая христоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861. С.1391; Пыпин А. До-петровское предание в XVIII-м веке // Вестник Европы. 1886. Т.4 (120). №7. С.323.

Следующий ряд повестей, к которому можно добавить приведенное ранее сравнение повести №137[103], дает исчерпывающее представление о том, как обращался Курганов с заимствуемыми из ТРЗ рассказами[104]:

ТРЗ	«Письмовник»
Нуманцы народ весьма храбрый, будучи разбиты и в бег обращены от Сципиона, старики их увидя сие, зачали их жестоко бранить и порицать трусостью говоря им следующее: «разве вы бились не с теми же Римскими овцами, коих мы побеждали и несколько раз прогоняли?» — «Это правда, отвечал один молодой человек, что овцы те же самые, но пастуха они другого имеют».	142 (143). Нуманцы, народ весьма храбрый, будучи обращены в бег от Сципиона. Старики их, увидя сие стали их порицать трусостию говоря: разве вы бились не с теми же римскими овцами, коих мы многократно прогоняли? Ето правда, отвечал один воин, что овцы те ж, но пастух у них другой.
Сократ советовал молодым людям смотреться в зеркало для того, что если они пригожи и хороши, то опасались бы делать то, что б было предосудительно их красоте; А если напротив того они дурны и безобразны, то бы старались истребить недостатки телесные чрез добродетель.	143 (144). Сократ советовал молодым людям смотреться в зеркало для того, что ежели они пригожи, то опасались бы то делать, что несходно с их красотою; а когда они дурны, то бы старались наградить телесные недостатки лучшею добродетелью и разумом. Чего ради должно им держаться юности честного зерцала, т.е. учения честного жития (книжка на русск.).
Сервий Гемин пришел в один день посетить Люция Маллия живописца весьма искусного, и увидя его детей, кои были ли-	145 (146). Некто пришед к славному живописцу, и увидя его детей гнуснообразных сказал: удивительно, что ты

[103] См. с.100.

[104] Текст повестей Курганова — по первому изданию «Письмовника»; порядковый номер по первому изданию — цифра в скобках.

цом весьма дурны, не мог удержаться от сих слов: «что весьма ему удивительно то, что он делает так хорошие портреты, а детей так дурных». — Маллий отвечал ему смешным образом, «не удивляйтесь сему, государь мой, портреты вить я делаю днем, а детей ночью».

портреты делаешь хорошие, а детей дурных. Маляр ему на то: что вам дивно, веть портреты я делаю днем, а детей ночью.

Как случилось Цицерону ужинать однажды в компании, одна старая женщина, будучи тут же на банкете между прочими разговорами добралась до своих лет и крепко спорила, что ей нет более сорока лет от роду: что услыша один из Цицероновых приятелей не мог удержаться, что б не сказать ему на ухо, что та женщина гораздо старее, нежели как она сама о себе уверяет. «Для чего тому не верить, отвечал Цицерон, потому что уже более десяти лет, как она меня в том уверяет».

149 (150). Некая пожилая госпожа, будучи в беседе крепко спорила, что ей нет более сорока лет от роду. Тогда хозяин, знав, что ей близко пятидесяти лет, сказал: можно сему поверить потому, что она уже более десяти лет, как нас в том уверяет.

Два купца спорили между собою о остроте разума и проворства; тогда один припомнивши народную ту пословицу сказал: я тебя сто раз прежде могу продать, нежели ты меня однажды. «Подлинно ты угадал, отвечал другой, потому что за тебя мне никто ни полушки не даст».

166 (168). Двое стряпчих спорились об остроте своего разума и проворства, и один сказал: я тебя сто раз могу продать, прежде нежели ты меня однажды. Ето правда, отвечал другой, потому что ты ничего не стоишь.

Кроме большого числа повестей, Курганов заимствовал почти без изменений восемнадцать первых строк раздела «Достопамятные речи» из соответствующего раздела ТРЗ,

озаглавленного «Разные некоторые достопамятные речи»[105]. К ним были присоединены предложения из других мест ТРЗ: «Три вещи худо употребляются...» и «Говорил некто, что рыжего итальянца...».[106] Таким образом, весь раздел «Достопамятные речи», кроме двух последних предложений, начинающихся словами «Для снискания мудрости не надобно лишне есть...», представляет собою извлечение из ТРЗ.

С рассказами ТРЗ совпадают 154 повести Курганова; но лишь 89 не вызывают сомнений в отношении того, что их источником был ТРЗ.

Во всех ТРЗ-рядах обращает на себя внимание строгая прямая последовательность рассказов-источников и сравнительно небольшие постраничные интервалы между ними (многие рассказы расположены на соседних страницах или даже на одной и той же странице). Однако повести первого и второго ТРЗ-рядов (К 135—140, 142—149) по неясной причине взяты из середины первого тома сборника, причем конец первого и начало второго ряда находятся в нем на соседних страницах. После этого наступает длительный перерыв, а начиная с К 158 рассказы из ТРЗ образуют несколько длительных рядов, в которых строго соблюден исконный порядок. На повести №233 Курганов доходит почти до самого конца второго тома. Далее, наверное, он не нашел интересных для себя рассказов и потому №234 взял из первой половины этого тома. Подобный скачок назад, внезапно нарушающий действовавшую до этого строгую последовательность, показался бы неправдоподобным, если бы повесть не повторяла почти дословно рассказ Семенова. Хотя к этому моменту весь ТРЗ уже пройден от корки до корки, Курганов позднее возвращается к началу второго тома и еще раз проходит по всей книжке, составляя два ряда (279—289 и 309—313), в которых опять наблюдается строгая последовательность, но постраничные интервалы становятся, естественно, очень продолжительными, поскольку основная масса материала была уже выбрана ранее.

Во всем этом видна довольно четкая система, которая отражает, без сомнения, процесс работы Курганова и некоторыми своими чертами (инверсией материала, вторичным прохождением по книге) напоминает процесс компиляции в «Адской почте». Однако в отличие от журнала Эмина пере-

---

105 Курганов Н.Г. Российская универсальная грамматика... С.177; Семенов П. Товарищ разумной и замысловатой. Ч.1. С.208—209, 213—214.

106 Семенов П. Товарищ разумной и замысловатой. Ч.2. С.40, 47. Ср.: Ланге И.П. Смеющийся Демокрит, или Поле честных увеселений. М., 1769. С.160.

тасовка заимствуемого материала, разрывы между рядами и «скачки» от одних страниц к другим не поддаются пока объяснению.

Как указывалось выше, во всех ТРЗ-рядах текст в очень многих случаях или воспроизведен почти дословно, или же имеются ярко выраженные, характерные текстуальные совпадения. Однако в этом окружении находится немалое число повестей, подвергшихся очень значительной переработке. Когда такие повести расположены в середине ряда, сомнения относительно их источника не возникает. Но если они замыкают или открывают ряд, за которым следует или которому предшествует пробел, образуемый НУ-рядом (например, К 149, 158, 159), то возникает подозрение, не принадлежат ли они к этому НУ-ряду. Сильным контраргументом является то обстоятельство, что на страницах ТРЗ все такие повести точно вписываются в прямую последовательность, которая была проиллюстрирована выше. Кроме того, ни для одной из этих повестей не нашлось более близкого варианта.

Повести, выпадающие из последовательности (К 234) или стоящие изолированно (К 258, 260, 266), текстуально зависят от ТРЗ. Эти примеры убеждают в том, что заимствованные и переведенные повести иногда располагаются в «Письмовнике» изолированно. Следовательно, и среди повестей, имеющих соответствие в П и НФГ, но отнесенных выше к числу сомнительных случаев, есть, по-видимому, такие, которые были переведены действительно из этих источников.

Из остальных 65 повестей, имеющих соответствие в ТРЗ, лишь в отношении одной (К 267) можно предположить происхождение из этого сборника, поскольку из него была взята предшествующая ей К 266. Но К 267 может принадлежать и к НУ-ряду, который в этом случае с нее начинается.

Двадцать повестей из этого числа (К 2, 4, 5, 21, 23, 24, 80, 82, 126, 128, 129, 200, 201, 207, 292, 297, 300, 302, 303, 305) совпадают с П-рядами. При наличии иностранного источника Курганову был смысл обратиться к ТРЗ, для того чтобы полностью или частично воспользоваться уже готовым русским переводом. Однако эти повести не содержат следов использования текста ТРЗ; совпадают иногда мелкие субфразовые фрагменты, что является, закономерным результатом перевода одинакового текста.

Совпадают с НФГ-рядом шесть повестей (К 46, 49, 50, 52, 55, 59). Здесь картина та же, что и в П-рядах. Характерно, что ни в П-рядах, ни в НФГ-ряду рассказы из ТРЗ,

соответствующие соседним повестям «Письмовника» (К 4 и 5, 23 и 24, 49 и 50 и др.), не образуют четкой последовательности, которая прослеживается в бесспорных ТРЗ-рядах.

Совпадают с ГдП-рядами лишь три повести (К 249, 250, 261). Повесть К 261 примыкает к К 260, заимствованной из ТРЗ, и одновременно открывает ряд ГдП. Поскольку она отличается как от варианта ТРЗ, так и от варианта ГдП, то решить вопрос о ее источнике почти невозможно. Предпочтение отдано ГдП потому, что здесь соответствующий рассказ расположен в непосредственном соседстве с рассказами, переведенными в «Письмовнике» под №№262 и 263, в то время как в ТРЗ соответствия К 260 и 261 удалены на 150 страниц.

Девятнадцать разбросанных, преимущественно изолированных повестей (К 16, 27, 34, 97, 98, 100, 101, 102, 103, 107, 111, 118, 119, 121, 123, 153, 210, 212, 271) не имеют текстуальной зависимости от ТРЗ. Все они расположены в интервалах, которые могут заполнить НУ-ряды; некоторые из них совпадают частично со спорными рядами П и НФГ. Текст некоторых повестей (98, 100, 101, 102, 103, 107, 111, 118, 123, 210), не имея следов заимствования из ТРЗ, точно совпадает с текстом П, НФГ или сборника «Élite des bons mots».[107] Такой результат был бы невозможен, если бы Курганов перерабатывал рассказы ТРЗ.

Наконец, шестнадцать повестей, имеющих соответствия в ТРЗ, образуют два стройных ряда, которые, по-видимому, составились случайно: К 64—75 и 84—87.

Эти ряды удачно заполняют пробелы между П-рядами, и, кроме того, в них рассказы ТРЗ располагаются в прямой возрастающей последовательности. Однако ни в одной повести не обнаруживается зависимости от текста ТРЗ. Такая картина не характерна для бесспорных ТРЗ-рядов. Это обстоятельство не позволяет отнести указанные повести к числу заимствований из ТРЗ. В пользу такого вывода свидетельствуют также некоторые особенности текста К 72 и 73.

В К 72 рассказывается о «забавном бедняке», к которому ночью забрались воры. В рассказе Семенова воры забираются в дом «Христофора, жителя города Плаценции». Переводя или перерабатывая рассказы, Курганов часто опускал личные имена. Так поступил он, например, в №71, превратив испанского герцога Оссуну в «некоего ишпанского адмирала». Поэтому если предположить, что в данном случае Курганов использовал в качестве источника ТРЗ, то исчез-

---

[107] См. примеч. 58, п.3

новение имени и названия города не вызывает удивления. Однако эпитет «забавный» появился в тексте повести, очевидно, из иностранного источника. В одном варианте соответствующего французского рассказа в качестве хозяина дома выступает «шут», «забавник» (un bouffon), в другом — Christophe de Plaisance или un bourgeois de Plaisance fort pauvre (название города можно было принять за нарицательное существительное, образованное от глагола plaisanter — «шутить»), в третьем действующим лицом становится «un plaisantin» (слово имеет в виду «жителя Плезанса», но читатель, не знакомый со вторым вариантом рассказа, воспримет его, безусловно, в другом смысле — «шутник»).

В К 73 говорится о гасконце. Этой реалии нет в ТРЗ. Так как Курганов не имел обыкновения усложнять повести отсутствующими в оригинале иностранными реалиями, а, напротив, во многих случаях опускал или русифицировал имеющиеся, то «гасконец» мог появиться в его тексте лишь в том случае, по-видимому, если источник этой повести был иностранный, а не ТРЗ.[108]

Интересно, что еще более идеальную картину дает в этих интервалах один учебник французского языка для англичан: Rogissard de. Nouvelle méthode pour aprendre facilement les langues françoise et angloise. La Haye. 1718. Рассказы из него располагаются в следующем порядке[109]: 64 (1), 65 (2), 66 (3), 67 (4), 68 (6), 69 (9), 70 (10), 71 (12), 72 (13), 73 (15), 74 (18), 75 (20), 84 (21), 85 (24), 86 (25), 87 (26), 88 (30). Однако учебник Рожиссара не обладает никакими другими признаками, которые могли бы подтвердить обращение к нему Курганова. Поэтому на настоящем этапе его нельзя включить в круг источников «Присовокупления второго», тем более что относительно рассказа, соответствующего К 73, возникают те же сомнения, которые вызывает и рассказ ТРЗ.

6

Французский юрисконсульт Франсуа Гайо де Питаваль (1673—1746) был неутомимым компилятором. Славу ему принесло многотомное собрание очерков о знаменитых судебных процессах, но большой популярностью в свое время

---

[108] Например, в К 134 вместо «гасконца» появляется «некто»; в К 292 — «простяк». Правда, в К 304 упрощения не произошло, так как «гасконец» был заменен «Арликином».

[109] Порядковый номер рассказа в учебнике Рожиссара указывается в скобках после порядкового номера повести Курганова.

пользовались и литературные сборники, над составлением которых он трудился вместе с женою. Одним из них была «Библиотека придворных».

Единственным, но веским доказательством того, что «Библиотека придворных» побывала в руках Курганова, является содержание разделов «О женщинах и о браке», «Определения и сравнения или уподобления», «Хорошие мнения» и др. Все изречения, составляющие первый из них, имеются в ГдП в разделе «Pensées sur les femmes et sur le mariage»[110]. Совпадение заглавий в этом случае, несомненно, не могло быть случайным. Разделы ГдП, озаглавленные «Comparaisons», «Définitions heureuses», «Divers réflexions», «Jolies pensées sur l'amour», включают сорок восемь из пятидесяти восьми изречений, собранных Кургановым в разделе «Определения и сравнения или уподобления»[111]. Заглавие раздела в «Письмовнике» представляет явную контаминацию двух заглавий ГдП. Отдельные изречения из ГдП рассыпаны и по другим разделам «Присовокупления второго». Так, в «Достопамятные речи» включено сравнение продолжительности жизни разных животных («Три ласточки живут собачий век...»)[112]. Двенадцать находятся в разделе «Хорошие мнения»[113]. Еще три — в разделе «Различные шутки»[114].

Некоторые из этих изречений встречаются и в других французских сборниках, но нигде они не собраны в таком количестве, как в ГдП. Подобная их концентрация была

---

[110] Gayot de Pitaval F. Bibliothèque des gens de cour... Amsterdam, 1726. Vol.2. P.259, 261—265, 267, 270, 271, 468—469.

[111] Ibid. P.197—199, 219—220, 223, 225—226, 249, 257—259, 337—338, 342—344, 348—349, 405, 455, 466. В ГдП отсутствуют изречения: «Многим есть и малое...», «В высокой фортуне жить...», «Привычка есть другая природа», «Лошадь не бывает лучше...», «Злого хвала...», «Интерес и корысть есть идол...», «Мнение не впору нашему состоянию...», «Наука есть ясное познание истины...», «Книга есть лучший друг...», «Когда бы основания закона...»

[112] Ibid. P.457.

[113] Ibid. P.198, 227, 336, 343, 345—349. Это следующие изречения: «Воину должно вдесятеро быть умнее...», «История полезнее романов...», «Люди бывают великими у бога...», «Друг не земной рай...», «Порода, чин, петь, играть...», «Не можно сыскать малых погрешностей...», «Как дождь усмиряет ветер...», «Вельможи употребляют людей...», «Великие библиотеки...», «Укоряя порок, надобно...», «В корысти пропадают все добродетели...», «Предпочитающие глупцов разумным людям...»

[114] Ibid. P.294, 405, 198. Соответствующие изречения из раздела «Различные шутки»: «Человек, далеко стоящий от проповедника...», «Говоря о худой книге...», «Неученому библиотекарю сказано...». Последнее изречение несколько отличается от проводимого в ГдП, но и в других французских сборниках оно встречается в той же форме, что и в ГдП. Ср.: Élite des bons mots... Pt.1. P.70—71.

плодом труда самого Питаваля и его жены, так что маловероятно, чтобы такую же выборку Курганов мог бы произвести из какой-нибудь другой книги. Тем более невозможно предположить, что всю работу по компиляции он проделал сам.

В К 247 обнаруживается дополнительное доказательство того, что в «Присовокуплении втором» использован материал из ГдП. В ней соединены два рассказа, которые в ГдП следуют один за другим и напечатаны на одной странице.

Первым изданием ГдП вышла в двух томах в 1722 г. Ее успех побудил Гайо де Питаваля составить еще три тома; последний из них появился в 1725 г. Все собрание было немедленно перепечатано в Амстердаме (1726) и в последующие годы несколько раз переиздавалось. Последнее, посмертное издание было выпущено в 1746 г. под заглавием «Придворная, городская и деревенская библиотека». Не представляется возможным установить, каким изданием пользовался Курганов. Во всяком случае, не стоит вопрос о последнем, так как в нем заменено вольным стихотворным переложением одно изречение, переведенное Кургановым по прозаическому варианту («Сердце кокетки...»).[115]

По-видимому, Курганов располагал только вторым томом ГдП. Именно в этом томе сконцентрированы все переведенные изречения. Рассказы из других томов, совпадающие с повестями Курганова, расположены как в ГдП, так и в «Письмовнике» бессистемно. Текст многих из них отличается от текста Курганова, причем расхождения нередко таковы, что их не объясняет предположение о переработке. К тому же соответствующие повести Курганова часто входят в ряды, образованные другими источниками.

В «Письмовнике» 97 повестей общие с ГдП. Изложенные выше соображения служат основанием для того, чтобы вычесть из этого числа 68 рассказов; из оставшихся 29 Курганов перевел не менее двадцати двух.

Нет никаких оснований сомневаться в том, что четыре ряда (235—236, 244—250, 252— 256, 261—265) образовались за счет использования ГдП. Правда, порядок следования в них рассказов по сравнению с их расположением в ГдП часто нарушается скачками с одной страницы на другую, но такая же картина наблюдалась и в П. Даже при этих скачках рассказы, соответствующие соседним повестям

---

[115] Gayot de Pitaval F. Bibliothèque de gens de cour... Vol.2. P.270—271; Idem. Bibliothèque de cour, de ville et de campagne... Paris, 1746. T.2. P.113.

«Письмовника», расположены в ГдП в нескольких случаях на близко отстоящих одна от другой страницах, а некоторые даже на одной и той же. Настораживает появление в К 264 необычного имени «Фоннар», отсутствующего в ГдП; но поскольку его нет и в других французских сборниках, то это расхождение, хотя пока и не объясненное, не может служить основанием для того, чтобы исключить эту повесть из числа переведенных из ГдП.

Изолированные К 227, 232, 259 занимают положение своеобразных соединительных звеньев между рядами, образованными другими источниками. Об этом композиционном приеме Курганова уже говорилось выше.[116]

Кроме указанных 22 повестей, пришедших в «Письмовник» несомненно из ГдП, остается под вопросом происхождение из этого собрания еще нескольких.

Повести К 112, 209, 268, 278, 314, 316 расположены в интервалах, которые, возможно, заполнят НУ-ряды. Некоторые из них, замыкая или открывая эти пробелы, могут играть роль соединительных звеньев.

Повесть К 243 в первом издании «Письмовника» занимала изолированное положение. После изъятия К 244* следовавший за нею ГдП-ряд №№245—251 изменил нумерацию на №№244—250 и сомкнулся с К 243. Будучи по первоначальному своему положению изолированной, К 243 может принадлежать к НУ-ряду; но поскольку в ГдП соответствующий рассказ находится близко от рассказа, послужившего источником К 244, то нельзя категорически исключать возможность происхождения К 243 из ГдП.

Таким образом, окончательное заключение относительно этих семи повестей следует отложить до того времени, когда будет выявлен весь круг источников «Присовокупления второго».

Из остальных 68 рассказов ГдП, имеющих соответствия среди «Кратких замысловатых повестей», 49 находятся в томах, которыми Курганов, как было предположено выше, не пользовался: по «Присовокуплению второму» №№20, 23, 49, 50, 53, 81, 96, 98, 100, 105, 107, 110, 118, 119, 121, 123, 131, 132, 134, 138, 142, 150, 158, 159, 160, 165, 167, 168, 169,188, 192, 193, 195, 201, 207, 212, 214, 221, 223, 226, 269, 270, 271, 276, 282, 287, 288, 289, 310. Еще четыре рассказа ГдП соответствуют К 341, 349, 351, 353, которые были переведены для четвертого издания

[116] См. с.121.

«Письмовника», когда Курганов работал уже с другими книгами. Четыре повести, для которых находятся аналоги в ГдП, совпадают с бесспорными П-рядами (К 1, 2, 82, 83); одна (К 52) — с НФГ-рядом, три (К 149, 164, 312) — с ТРЗ-рядами. Все рассказы ГдП (кроме соответствующего К 312), совпадающие с рядами П, НФГ и ТРЗ, являются вариантами, имеющими характерные отличия от повестей Курганова.

Оставшиеся семь повестей (К 64, 65, 67, 95, 102, 108, 113), которым соответствия в ГдП находятся все во втором ее томе, расположены в интервалах НУ-рядов. Шесть рассказов ГдП (кроме соответствующего К 64) имеют характерные отличия от повестей Курганова, не являющиеся результатом его переработки: для четырех последних повестей есть точные соответствия в сборнике «Élite des bons mots». Кроме того, для К 64 есть соответствие в П, а для К 102 и 108 — в НФГ; эти соответствия были выше классифицированы как сомнительные случаи.

7

В том издании избранных рассказов Антуана д'Увиля, которым пользовался А.И.Кирпичников, находятся оригиналы не двух (как считал ученый), а шести повестей, добавленных Кургановым в 1790 г. Все эти шесть рассказов не только образуют ряд в «Письмовнике» (№320 «Повесть о трех подругах», 323—327) с разрывом после первой повести, но и во французском сборнике расположены кучно.

Уже в середине XVII в. рассказы из сборника д'Увиля в большом количестве перепечатывались в различных других подобных сборниках. Это положение сохранилось и в XVIII в. В частности, многие рассказы включались в сборники, выходившие под похожими, но несколько отличавшимися заглавиями, которые неизменно содержали слова «contes à rire» как своего рода обозначение жанра[117]. Эти книжки использовались и в качестве учебных пособий. Так, в 1766 г. какие-то «contes à rire» переводились в классе французского языка Троицкой Лаврской семинарии[118].

---

[117] Например: Nouveaux contes à rire, et aventures plaisantes de ce tems, ou récréations françoises. Nouv. éd., augm. et corr. Cologne, 1709. Об изданиях подобных сборников и использовании в них рассказов д'Увиля см.: Андерсон В. Император и аббат. Т.1 С.348.

[118] Смирнов С. История Троицкой Лаврской семинарии. С. 348.

Особый историко-литературный интерес приобретает из этих шести рассказов, восходящих к сборнику д'Увиля, «Повесть о трех подругах», в которой разработан популярный сюжет средневекового фаблио «О трех дамах, нашедших перстень». Ее оригиналом является переведенная д'Увилем с испанского языка новелла Тирсо де Молины «О трех осмеянных мужьях» («Tres maridos burlados»)[119]. Выбор этого большого, резко выделяющегося на фоне остальных «кратких» повестей произведения был, возможно, подсказан долговременной его популярностью у русских читателей, особенно в низовой среде. В переработанном виде, как рассказ обер-камергера Фердинанда о хитрости трех его итальянских любовниц Гевии, Маремисе и Филии, новелла Тирсо де Молины входила вставным эпизодом в рукописную «Гисторию о аглинском милорде Гереоне», а также распространялась в рукописях как самостоятельное произведение.[120] Из рукописной литературы она перешла в печатную, когда М.Комаров издал свою переделку под заглавием «Повесть о приключении аглинского милорда Георга и о брандебургской маркграфине Фридерике Луизе» (СПб., 1782). В составе «Милорда глупого» новелле «О трех осмеянных мужьях» была суждена очень долгая жизнь — вплоть до Октябрьской революции. К моменту же появления четвертого издания «Письмовника» книга Комарова печаталась еще три раза; а через несколько лет после того, как новеллу Тирсо де Молины включил в «Присовокупление второе» Курганов, на русском языке появилась еще одна печатная ее обработка — повесть в двух частях немецкого писателя И.Г.Мюллера из Итцегое «Кошке игрушки, а мышке слезки, или Смешные и забавные проказы трех красавиц, чинимые над простосер-

---

[119] Новелла была напечатана в кн.: Cigarelles de Toledo, compuesto por el maestro Tirso de Molina. Madrid, 1624. На русском языке: Толедские виллы, сочиненные магистром Тирсо де Молина, уроженцем Мадрида / Пер. с исп. Е.Лысенко. М., 1972. С.272—302; Новелла о трех осмеянных мужьях / Пер. Е.Лысенко // Европейская новелла Возрождения. М., 1974. С.547—574. О сюжете повести и ее переводах см.: Bedier J. Les fabliaux: Etudes de littérature populaire et d'histoire littéraire du Moyen Age. 5ème éd., rev. et corr. Paris, 1925. P.265—271, 458—459; Hainsworth G. Les «Novelas exemplares» de Cervantes en France au XVIIIe siècle. Paris, 1933. P.103, 167. Алексеев М.П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. С.59—60; Кирпичников А.И. Очерки... С.63.

[120] Пыпин А.Н. Для любителей книжной старины... С.14—15, 59; Сперанский М.Н. Рукописные сборники XVIII века: Материалы для истории русской литературы XVIII века. М., 1963. С.160.

дечными их супругами: Нравственное и шутливое творение» (СПб., 1794)[121].

Несомненное испанское происхождение имеет также «Повесть о удалом молодом солдате» (К 325).

Соответствия в «Contes à rire» «Кратким замысловатым повестям» до №320 представляют интерес только как параллели, поскольку при работе над первым изданием «Письмовника» этим французским сборником Курганов не пользовался.

Двухтомный «Словарь анекдотов» Оноре Лакомба де Презеля привлек к себе внимание в России. К нему обращались сотрудники «Санктпетербургского вестника»[122] и, по всей вероятности, «Растущего винограда»[123]. Несколько переводов из него было напечатано в журнале «Утренние часы», а в далекой Сибири из этого же сборника черпали материал для переводов и собственных поэтических произведений тобольские литераторы, участвовавшие в журналах «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» и «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей».[124]

В числе повестей, добавленных в четвертое издание «Письмовника», девятнадцать общие с СА. Пятнадцать из них образуют непрерывный ряд 338—352. Рассказы СА,

---

[121] Оригинал: [Müller J.C.]. Der Ring: Eine komische Geschichte nach dem Spanischen. Itzehoe, 1777. На русский язык переведено по французскому переводу-посреднику Л.Б.Ф. фон Бильдербека: Le Nouveau Paris, ou la malice de trois femmes: Nouvelle comique et amusante / Par Mr. de Bilderbeck. Paris, 1786. См. подробно: Engel-Braunschmidt A. Der Elsässer L.B.F. von Bilderbeck und die Folgen seiner Vermittlertätigkeit: Zur russischen Ausgabe von J.C.Müllers Geschichte «Der Ring» // J.C.Müller von Itzehoe und die deutsche Spätaufklärung: Studien zur Literatur und Gesellschaft im 18. Jahrhundert / Hrsg. von A.Ritter. Heide in Holstein, 1978. S.199—203. Мюллер познакомился с новеллой Тирсо де Молины (не зная имени автора) в переводе д'Увиля, перепечатанном в кн.: Les récréations françoises, ou recueil de contes à rire. Utopie, 1681. P.1—2. См.: Verzeichniss der von dem Herrn Dr. Ph. Joh. Gottw. Müller in Itzehoe hinterlassenen Bibliothek... Itzehoe, 1829. S.555 (No. 2320); Müller J.C. Der Ring... 2. rechtmässige Ausg. Göttingen, 1788. S.XXIII—XXVI.

[122] Смешное // Санктпетербургский вестник. 1780. Ч.6. Июль. С.24—30 (выборочный перевод из статьи «Ridicule» — СА II, 248—255).

[123] Любопытные известия. [1]. Благодарность // Растущий виноград. 1785. Апрель. С.101—103 (перевод с французского языка рассказа английского писателя Р.Стиля из сатирико-нравоучительного журнала «The Tatler», 1759, 21 April, №5). В «Словаре анекдотов» рассказ был напечатан в статье «Reconnoissance» (СА II, 236—237); это обстоятельство дает основание предположить, что для «Растущего винограда» он был переведен именно из этого источника.

[124] Об «Утренних часах» и сибирских журналах речь пойдет подробно ниже в отдельных главах.

совпадающие с повестями этого ряда, часто расположены на соседних или близких страницах. Это относится и к четырем изолированным рассказам (=К 322, 329, 334, 336), находящимся вне ряда (ср. страницы рассказов СА, соответствующих К 322 и 340—341, 329 и 338, 334 и 342). Эти признаки говорят о том, что СА, очевидно, побывал в руках Курганова.

Никаких иных свидетельств, которые могли бы подтвердить это предположение, не обнаружено. Тем не менее хронологически и по популярности в России в 1780-е и начале 1790-х гг. СА был именно той книгой, которая могла привлечь внимание Курганова, когда он задумал дополнить «Письмовник» новыми повестями. Поэтому с большой степенью уверенности СА можно включить в круг источников «Присовокупления второго», хотя, разумеется, в этом случае не исключена вероятность, что источник указанных девятнадцати повестей все же окажется иным.

Некоторое количество соответствий в СА повестям Курганова до №320 представляют только параллели, так как при подготовке первого издания «Письмовника» СА не использовался.

В книгах, давших Курганову материал для «Присовокупления второго», а также в других сборниках и учебниках, упомянутых по разным поводам выше и описанных в библиографическом приложении, содержатся точные соответствия и параллели для 87 повестей «Письмовника», источники которых остаются пока под сомнением или неизвестны. Кроме учебника Рожиссара, особо выделяется сборник «Élite des bons mots», удачно заполняющий НУ-ряд 104—118 и (в сочетании с некоторыми из источников) отдельные другие пробелы. При этом не только переводы Курганова в большинстве случаев точно воспроизводят текст этого сборника, но и рассказы в сборнике располагаются довольно кучно. Кроме того, в нем приведено несколько изречений, включенных в «Присовокупление второе» (правда, все они есть и в ГдП). Однако полной уверенности все эти признаки не дают, и осторожность требует отнестись к «Élite des bons mots» так же, как и к учебнику Рожиссара.

В ряде других книг найдены соответствия и параллели еще для шести повестей.[125] Для К 13, 33, 240 параллели нашлись только в журнале М.Д.Чулкова «И то и се».

---

[125] Бебель Г. Фацетии / Изд. подгот. Ю.М.Каган. М., 1970; Gayot de Pitaval F. L'art d'orner l'esprit en l'amusant. Paris, 1728. Pt.1—2; Gayot de Pitaval F. Saillies d'esprit. Nouv. éd., augm., rev. et corr. Paris, 1740. T.1—2.

Итого только для 35 повестей Курганова не найдено ни точных соответствий, ни вариантов, ни параллелей: №№11, 14, 15, 17, 18, 31, 32, 35, 36, 130*, 141, 154*, 237, 238, 239, 242, 244*, 251, 257, 273, 274, 275, 277, 290, 315, 317, 318, 319, 320, 321, 328, 331, 332, 333, 335.

К числу 319 повестей, являющихся, как доказано, переводами или переделками западноевропейских фацеций и анекдотов, принадлежит большинство тех, о которых высказывались различные догадки, упомянутые во вступительном разделе данной главы. Не подтвердилось предположение о том, что в составе «Письмовника» есть повести, сочиненные самим Кургановым независимо ни от каких образцов или источников. Из остающихся пока неясными 35 повестей лишь три могут в этом смысле находиться под некоторым подозрением (№№240, 251, 331). Не оправдалась и гипотеза, согласно которой некоторое количество повестей Курганов почерпнул непосредственно из русской народной среды.

8

Что же, по замыслу Курганова, представляло собою «Присовокупление второе»?

Сейчас, когда стали известны, хотя и не полностью, источники этого отдела «Письмовника» — и среди них несколько учебников, можно с уверенностью утверждать, что в первую очередь это была учебная хрестоматия, долженствовавшая служить дополнением к теоретическому курсу грамматики русского языка и пособием для усвоения и закрепления ее правил. Систематически проходя грамматику, учащийся, занимавшийся по «Письмовнику», получал сначала легкий материал для чтения в виде отдельных кратких предложений, составлявших «Присовокупление первое», озаглавленное — по его составу — «Сбор разных пословиц и поговорок» (аналогично, например, тому, что обучение латыни часто начиналось с чтения «Adagia» Эразма Роттердамского). Овладев чтением и правилами на этом простейшем уровне, учащийся переходил к более сложному, но все еще легкому и занимательному материалу — «кратким замысловатым повестям», которые давали ему небольшие связные тексты. Постепенное усложнение продолжалось и в дальнейших «присовокуплениях». Шаг за шагом «Письмовник» вводил читателя в круг важнейших положений просветительской философии и передовых естественно-научных представлений, знакомил с основами различных наук, раскрывал панораму развития человеческой мысли и пропагандировал ее достижения, противостоял обскурантизму, формировал эстетический вкус и приобщал к поэзии в образцах разных жанров. «Присовокупление вто-

рое», таким образом, было одной из первых ступенек той лестницы, став на которую и двигаясь затем все выше и выше читатель «Письмовника» доходил в «Присовокуплении шестом» до «Обстоятельного изъяснения порядка знаний человеческих, или Всеобщего чертежа наук и художеств».

В этом четком плане проступает реальная педагогическая практика, как она, в частности, прослеживается в структуре различных языковых учебников того времени, включая и те, которыми пользовался Курганов.

Как литературная хрестоматия «Присовокупление второе» предназначалось и для выполнения тех же функций, что и многочисленные сборники анекдотов, шуток, остроумных реплик и т. п. Оно служило не только развлечению, но и снабжало читателя материалом для светской беседы и моделями остроумия, оседавшими в его памяти и образовывавшими там фонд, из которого можно было в любой момент извлечь подходящую к случаю забавную историю и ее пересказать или же по ее образцу построить свою остроту.

Выявленные сведения о том, как составлялось «Присовокупление второе», категорически опровергают выдвинутую Е.Я.Колбасиным характеристику «Письмовника» как своего рода периодического издания, в котором с каждым новым тиснением отражалась в сатирическом свете хроника столичной жизни. Состав «Кратких замысловатых повестей» определился сразу и был дополнен лишь в издании 1790 г. Как доказано выше, все повести, кроме двух, остающихся под вопросом, имели западноевропейский литературный генезис. Актуализация иностранного материала за счет его русификации не обнаруживает каких-либо явных и четких персональных намеков и осуществлялась, таким образом, в рамках обобщенной сатиры на пороки. Это можно видеть из следующей серии сопоставлений:

«Письмовник»	ТРЗ
167 (169).[126] Некий судья жаловался на купца президенту в порицании его во взятках. Плюнь, брат, на него, сказал ему председатель, ети люди по природе грубы и невежи, они обыкли называть всякую вещь по ее имени.	Некоторый человек, бывший первым согласником в отдании во владение королю Филиппу города Олинтии, в котором он был гражданином, жаловался ему за то, что Лакедемонцы называют его изменником; «не удивляйся сему, ска-

[126] Вторая часть повести, выделенная Кургановым курсивом, в первом издании отсутствовала. Об указании нумерации повестей см. примеч. 104.

Забыв указ: ежели кто отважится коснуться лихоимства, взятков и подарков, ко отягчению просителя станет утеснять; таковый нечестивый и неблагодарный и яко заразительный член общества, не только из числа честных, но из человечества истреблен будет.

зал ему государь, Лакедемонцы от своей природы суть грубы и невежи: они называют всякую вещь по ее имени.

«Письмовник»
262 (263). Некто подлого и нищего отца сынок, женясь на служанке своего командира, вышел в подьячие и, наживя оным ремеслом, лучше нежели профессорством, со тьму денег, построил огромный дом, как слоновий двор, и оградил его обширным оплотом. И некогда он показывал его своему приятелю, водя оного по всем покоям, и вдруг сказал: Видишь (указывая ему во окно на палисадник) уже три тычины сворованы! Так, как и весь дом, отвечал приятель.

ГдП
Un Partisan montrait à un des ses amis une belle maison qu'il avait fait bâtir. Aprés lui avoir fait parcourir plusieurs appartements, voyez, lui dit-il, cet escalier dérobé: Comme tout le reste de la maison, répartit son ami.[127]

Перевод
Один откупщик показывал другу новый роскошный дом, который себе построил. Проведя его по многим комнатам, он ему сказал: «А здесь потайная лестница». — «Как и весь дом», — отвечал его друг.

В горьком замечании о не приносящем доход профессорстве звучит откровенная личная нота, но, кроме этого мотива, только одна, кажется, повесть была «привязана» к реальному русскому лицу — М.В.Ломоносову (№233)[128].

---

[127] Удачно переданная Кургановым игра слов: франц. прилагательное dérobé — потайной и омонимичное ему причастие от глагола dérober — похищать, красть.

[128] Кирпичников А.И. Очерки... С.61. Кроме ТРЗ, откуда Курганов заимствовал и переделал французскую фацецию, она переводилась на русский язык еще раз: в журнале «Трудолюбивый муравей». 1771. №16. С.127—128.

Не содержа, по всей видимости, никаких четких намеков на конкретные петербургские лица или события, «Присовокупление второе» тем не менее представляет важный и интересный памятник сатирической литературы 1760-х гг. Многие «краткие замысловатые повести» носили, как убедительно показано в работах литературоведов, отчетливый злободневный характер, высмеивая те же явления, против которых направляли свои стрелы русские писатели-просветители — современники Курганова: дворянскую спесь, взяточничество судейских, преклонение перед иностранным, жадность и развращенность священослужителей и пр. Переделка исходных рассказов и приспособление их к условиям русской действительности усиливали злободневность повестей «Письмовника». Хорошо видно, что при переработке западноевропейских анекдотов и фацеций Курганов обращал свою насмешку преимущественно на судейско-чиновничий и ученый мир. Характерно и не случайно, конечно, также то обстоятельство, что из «Грамматики» Пеплие, отличавшейся ярко выраженным антифранцузским настроением, в «Письмовник» перешло большое число «галлофобских» (в их числе №291) и антикатолических рассказов.

Итак, «Присовокупление второе» шло, несомненно, в том же русле, что и сатирическая журналистика 1769 г. Из того обстоятельства, что среди «Кратких замысловатых повестей» есть три, взятые из вышедшего годом ранее перевода «Велизария», а также из факта вероятного обращения Курганова к журналу М.Д.Чулкова «И то и се» следует, что автор «Письмовника» следил, очевидно, внимательно за новейшей литературой, а если это было так, то вряд ли прошли мимо него журналы Новикова и Эмина. Можно поэтому допустить, что сатирический дух «Присовокупления второго» сложился не без их влияния, хотя это предположение заведомо не бесспорно.

Вместе с тем несомненна типологическая общность «Присовокупления второго» и сатирических журналов 1769 г. Однако сопоставлять следует «Присовокупление второе» не с «Трутнем», а именно с «Адской почтой», ибо, как явствует из процитированных выше многочисленных примеров, Курганов пользовался всеми теми же приемами обработки исходного текста (будь он на французском или русском языке), что и Эмин: среди «Кратких замысловатых повестей» есть точные переводы[129]; есть разные степени отступления

---

129 Они не всегда удачны, так что иногда, по справедливому наблюдению А.И.Кирпичникова (Очерки... С.61), невозможно уловить соль, не зная оригинала.

от подлинника, при которых Курганову часто удавалось добиться большей экспрессивности по сравнению с оригиналом, в частности за счет намеренного сближения речи персонажей с разговорным русским языком; есть немало миниатюр, в которых от подлинника сохраняется только тема в самом общем виде или же только ядро шутки, помещенное совершенно в иной антураж; есть случаи контаминации различных анекдотов; наблюдается сходство и в принципах распределения и расположения заимствуемого материала, хотя система, которой следовал Курганов, во многом еще не ясна. Отмечая подобную общность, необходимо иметь в виду, что возникла она не потому, что «Письмовник» был близок к периодическому изданию, а, напротив, вследствие того, что «Адская почта» представляла литературное произведение, выходившее периодическими выпусками, и к тому же по своему генезису была не чем иным, как собранием небольших очерков-характеристик, не зависимых в большинстве случаев одна от другой и объединенных лишь слабым подобием сюжета.

9

Методика, примененная для выделения из множества сборников анекдотов, фацеций, шванков и тому подобных «повестей» нескольких книг, из которых брал Курганов материал для своей хрестоматии, не претендует, как и любая другая, на универсальность. Однако среди приемов компиляции у разных составителей и редакторов не могло не быть общих, так что в сложных случаях миграции текстов определению источников журналов антологического типа и сборников оказываются полезными в методологическом плане наблюдения над «Присовокуплением вторым», особенно над «гнездовым» расположением повестей из одного источника и перетасовкой как заимствованных рассказов внутри рядов, так и самих рядов из разных источников. Аналогичное распределение статей в журналах, вызванное разными причинами, которые в каждом случае требуют выяснения, было отнюдь не редким явлением в русской периодике второй половины XVIII в., как видно на примере журнала »Чтение для вкуса, разума и чувствований»[130].

Вместе с тем «гнездовое» расположение может не только

[130] См.: Рак В.Д. Переводы в журнале «Чтение для вкуса, разума и чувствований» // XVIII век. СПб., 1993. Сб.18. С.230—261.

помочь окончательной идентификации источника, но и навести на неправильный след.

Анализ «Присовокупления второго» показал, что, наряду с бесспорными рядами, образовавшимися за счет последовательной работы с одной книгой, могут совершенно случайно формироваться и ложные, обычно короткие, но иногда и довольно продолжительные. Происходить это может сравнительно часто. Так, только в пределах «Присовокупления второго» ложные гнезда и ряды дают несколько книг, которыми Курганов явно не пользовался: учебное пособие, описанное в библиографическом Приложении 2 под №32, образовало гнезда и ряды в интервалах повестей №№3—4, 42—43, 54—55, 76—81, 198—199, 294—295; учебник №26 — в интервалах №№1—2, 21—25, 27, 48—49, 63—64, 291—292, 298—300; учебник №45 — в интервале 84—88. Несколько таких гнезд зарегистрировано в таблице в графе ГдП. Рассказы из хрестоматии Буайе, послужившей источником для ТРЗ, расположились скоплениями повестей №№64—75, 94—95, 118—119, 138—140, 142—146, 148, 158—163, 168—169, 188—191, 193—195 и др. Поскольку ТРЗ в качестве источника «Кратких замысловатых повестей» вступает в действие только с повести №135, то все предшествующие гнезда и ряды возникли произвольно. Далее, однако, фактор случайности уменьшается, поскольку подборка Буайе вошла целиком в ТРЗ; тем не менее она была сильно разбавлена материалом из других, латинских книг, и потому то обстоятельство, что все-таки время от времени образовывались скопления только за счет хрестоматии Буайе было, конечно, случайным.

Иногда одинаковые ряды давали разные книги за счет того, что они как-то были связаны между собою либо имели общего предшественника. В этом смысле интересен ряд №№ 64—75, образуемый ТРЗ, пособием Буайе и учебником Рожиссара. Совпадение в этом интервале ТРЗ и его источника объясняется легко —причинами, указанными выше. Учебник Рожиссара имеет много общего с книгою Буайе как в отношении состава рассказов, так и по дословному совпадению их текстов. Не исключена вероятность, что оба автора опирались на какую-то одну книгу, которая тоже образовала бы в этом интервале ряд. В равной степени ряд №№84—88 мог возникнуть в результате того, что Рожиссар, и Семенов, и Курганов независимо друг от друга обратились к одному и тому же источнику либо располагали разными книгами, восходящими в конечном счете также к одному источнику.

В русской периодике пример сложного случая, когда один лишь принцип гнездового расположения материала оказывается недостаточным основанием для окончательного заключения, находится в седьмой части журнала «Детское чтение для сердца и разума» (1786). Здесь в №№31—34 подряд, с одним лишь разрывом в одну страницу, были напечатаны восемь переводов (см. Приложение 3), которым есть соответствия в пятом выпуске собрания для детского чтения «Lektüre für die kleine Jugend, zum Unterricht, Vergnügen und Veredlung des Herzens» (Giessen, 1779—1787. Т.1—6). Однако поскольку эта книжка вышла тоже в 1786 г. и должна была успеть дойти до Москвы, попасть в руки сотрудников «Детского чтения», а тем нужно было некоторое время на перевод, то без дополнительных разысканий, касающихся даты выхода немецкой хрестоматии и появления ее в московских лавках, признать именно ее источником указанных статей и произведений было бы поспешным. В свою очередь решение вопроса относительно этой серии переводов позволит сделать заключение об источнике переводов, напечатанных в других частях «Детского чтения» и также имеющих соответствия в предшествующих томах этой антологии.

Глава 3

«ВОЛТЕРИЗМ» И «АНТИВОЛТЕРИЗМ» И. Г. РАХМАНИНОВА

(Иностранные источники «Утренних часов» и сборников 1787—1789 гг.)

Пример «Адской почты» и «Присовокупления второго» убеждает, что сопоставление русских журналов и сборников второй половины XVIII в. с их иностранными Ис (Ор), из которых редакторы, сотрудники и составители обильно черпали разнообразный материал для переводов, вольных переложений и собственных сочинений, представляет рассматриваемые отечественные издания в новом, подчас неожиданном, свете, обнаруживая их важные стороны и аспекты, прежде невидимые для исследователя. В полной мере относится это и к журналу «Утренние часы», который интересен в методологическом плане еще и тем, что историко-литературная информация, выступающая при сопоставлении с положенными в его основу иностранными книгами, открывает дополнительную и вескую аргументацию для решения давних спорных вопросов атрибуции.

В 1898 или 1897 г. Ф.А.Витберг приобрел у букиниста, а через несколько лет передал в дар Публичной библиотеке в Петербурге уникальный экземпляр первых двух частей «Утренних часов», в котором под каждой статьей был напечатан криптоним автора или переводчика и в сокращенной форме приводилось заглавие иностранной книги, если статья была переводной[1]. Благодаря этой счастливой находке были установлены сотрудники журнала, атрибутированы ранние басни И.А.Крылова, разграничены оригинальные и переводные статьи в первой и второй частях. Сам Ф.А.Витберг не

[1] Витберг Ф.А. Первые басни И.А.Крылова. СПб., 1900 (Исправленный оттиск из «Известий Отделения русского языка и словесности Академии наук». 1900. Т. 5, кн. 1). — Происхождение этого экземпляра до сих пор не выяснено. Его принято называть «редакторским» на том основании, что вытесненные на корешке переплета латинские литеры «P. O.» расшифровывают как криптоним Петра Александровича Озерова (старшего брата драматурга В.А.Озерова), который сотрудничал в журнале и, возможно, был его соредактором.

интересовался, из каких иностранных книг выполнялись переводы для «Утренних часов». Расшифровкой заглавий занялись позже. Б.И.Коплан выявил переводы из произведений Л.-С. Мерсье «Мой спальный колпак», «Картина Парижа» и «Год 2440»[2]. Ряд иностранных авторов, представленных переводами в «Утренних часах», назван в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века», но без указания книг и журналов, из которых извлекались статьи[3]. Н.Д.Кочеткова, обнаружив французскую антологию немецких поэтов XVIII в., к которой часто обращался И.Г.Рахманинов, подробно описала и разобрала сделанные им из нее переводы[4]. В общей сложности исследователями были собраны сведения, позволившие определить источники 36 переводных статей. Вместе с тем многое относительно переводов в «Утренних часах» оставалось невыясненным. Не было, в частности, расшифровано несколько заглавий, приведенных в экземпляре Ф.А.Витберга. Не предпринимался поиск иностранных источников для третьей и четвертой частей журнала, в связи с чем не появилось возможности разграничить оригинальные и переводные статьи. Как всегда в подобных случаях, накопились недоразумения, сомнительные и ошибочные атрибуции[5].

Ф.А.Витберг рассматривал «Утренние часы» как «журнал *бессодержательно-нравоучительный*, с очень несмелым, так сказать, безличным сатирическим или, вернее, обличительным оттенком, почти весь наполненный переводными отрывками из разных нравоучительных произведений европейской литературы, из сборников анекдотов и даже из буквально детских книг, вроде „Lectures pour les enfants“»[6]. Столь же суровым было суждение В.П.Семенникова, считавшего, что «в общем „Утренние часы“ — журнал бледный: он представляет просто литературные упражнения любителей, никакого сколько-нибудь заметного отклика на борьбу тогдашних умственных и литературных течений в нем не обнаруживается»[7]. Его роль в русской журналистике XVIII в.

---

[2] Коплан Б.И. Философические письма «Почты духов» (1789 г.) // А.Н.Радищев: Материалы и исследования. М.; Л., 1939. С. 384—386.

[3] СК. Т.4. С.205.

[4] Кочеткова Н.Д. И.Г.Рахманинов — переводчик немецких поэтов и творчество молодого Крылова. С.251—257.

[5] Об атрибуции Крылову очерка «Модные торговки» уже говорилось во «Введении» (см. с.14).

[6] Витберг Ф.А. Первые басни И.А.Крылова. С.35.

[7] Семенников В.П. Литературно-общественный круг Радищева // А.Н.Радищев: Материалы и исследования. М.; Л., 1936.С.231.

свелась, по мнению Семенникова, исключительно к тому, что он подготовил почву, на которой выросли «Почта духов» и «Беседующий гражданин»[8]. С этой точкой зрения в общем согласился П.Н.Берков, сочувственно на нее сославшийся[9]. В то же время он выделил из общей массы статей переводы произведений Мерсье, «проникнутых пафосом тираноборчества и убежденного республиканизма», указав, что они «имели большое значение как для русских читателей того времени, так и для молодых писателей с демократическими симпатиями, поддерживая и укрепляя антиекатерининские и антипотемкинские настроения в русском обществе, питавшиеся сознанием тяжелого положения народных масс»[10]. С традиционным взглядом на «Утренние часы» как на малозначительное периодическое издание XVIII в. не согласился Б.Ф.Мартынов, полагающий, что программа журнала, «несомненно, носила следы цензурных притеснений и не отражала полностью намерений издателя». «Утренние часы», по мнению Б.Ф.Мартынова, пытались «на пороге трудных для журналистики 90-х годов быть похожими на новиковскую периодику и продолжать ее традиции»[11]; «несмотря на преобладание в них нравоучительного материала, несмотря на рогатки цензуры», они «все же выполняли миссию передового прогрессивного журнала для своего времени, <...> пытались критически осмыслить русскую действительность, заявить свое несогласие с уродливыми явлениями крепостнического строя»[12].

На всех приведенных оценках сказалась неточная интерпретация переводов и смутное представление об их источниках. Например, книги, которые пренебрежительно упоминает Ф.А.Витберг, были для своего времени отнюдь не столь ничтожными, как это ему казалось. Переводы же из Мерсье, напечатанные в «Утренних часах», не содержали ни революционных, ни тираноборческих мотивов; в основном это были или сатирические бытовые зарисовки, или нравоучительные отрывки, в которых иногда звучали даже ноты религиозного благочестия. Связь с периодическими изданиями Н.И.Новикова действительно прослеживается, но не с «Трутнем» или «Живописцем», а с «Утренним светом» и «Вечерней зарей». Таким образом, и в давних, и в поздних исследованиях

---

[8] Там же. С. 233.

[9] Берков. Рус. журналистика. С.362—365.

[10] Там же. С.364.

[11] Мартынов Б.Ф. Журналист и издатель И.Г.Рахманинов (1753—1807 гг.). Тамбов, 1962. С.24.

[12] Там же. С. 33—34.

общественно-политическое лицо «Утренних часов» было представлено с искажениями, которые может устранить лишь уточненная оценка переводов, опирающаяся на ясное представление о характере их источников.

Одним из нерешенных остается до сих пор вопрос о том, кто стоял во главе «Утренних часов». Ф.А.Витберг и В.П.Семенников обратили внимание на заявления в журнале о том, что его издает не одно лицо, а несколько человек, причем Семенников высказал предположение, что этот кружок был близок к основанному в 1783 или 1784 г. в Петербурге Обществу друзей словесных наук[13]. Основываясь на выводах Семенникова, П.Н.Берков, а за ним и авторы справочника по периодической печати 1702—1894 гг. назвали соиздателями журнала И.Г.Рахманинова и П.А.Озерова.[14] В биографической справке о П.А.Озерове, написанной для «Библиотеки поэта», Г.В.Ермакова-Битнер утверждала, что он был «фактическим редактором журнала „Утренние часы“, который издавался людьми, близкими к „Обществу друзей словесных наук“»[15]. Напротив, Н.Л.Степанов и Г.П.Макогоненко, говоря об «Утренних часах», упомянули только Рахманинова[16]. Б.Ф.Мартынов также признал его главным лицом в журнале, выполнявшим функции издателя и редактора[17]. В «Сводном каталоге» говорится о «литературно-издательском кружке И.Г.Рахманинова», П.А.Озеров упоминается как соиздатель[18]. Разноречивость этих суждений обусловлена отсутствием точных сведений об отношениях между лицами, сотрудничавшими в «Утренних часах». Документы, которые могли бы помочь составить представление о внутренних связях в журнале, безвозвратно, по-видимому, утрачены. Недостаток прямых фактов можно, однако, попытаться частично компенсировать косвенными свидетельствами, которые обнаруживаются по мере того, как устанавливаются иностранные источники, из которых выполнялись переводы для журнала. Эти данные, позволяя уточнить долю участия каждого сотрудника, иногда дают возможность проследить

---

[13] Витберг Ф.А. Первые басни И.А.Крылова. С.40; Семенников В.П. Литературно-общественный круг Радищева. С.226—227.

[14] Берков. Рус. журналистика. С. 362; Русская периодическая печать (1702—1894). С.77.

[15] Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в. Л., 1959. С.725.

[16] См.: Крылов И.А. Соч. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н.Л.Степанова. М., 1955. Т. I. С. 10; Дмитриев И.И. Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Г.П.Макогоненко. Л., 1967. С.18.

[17] Мартынов Б.Ф. Журналист и издатель И.Г.Рахманинов... С.25.

[18] СК. Т.4. С.205.

циркуляцию книг между отдельными лицами и тем самым предоставляют материал для гипотетической реконструкции существовавших между ними связей.

1

Прежде чем приступить к анализу переводов и к характеристике их источников, с тем чтобы в дальнейшем извлечь сведения, проливающие свет на поставленные вопросы, необходимо принять во внимание наблюдения, которые были с тою же целью сделаны на сугубо русском материале. Они были опубликованы с подробным обоснованием и пока не встретили возражений, что позволяет их здесь принять без доказательств[19].

Ни состав подписчиков, ни география подписки не подтверждают (хотя и не опровергают) предположение о том, что «Утренние часы» издавались кружком, близким к Обществу друзей словесных наук, и что главную роль в них играл П.А.Озеров. Активные усилия по распространению подписки есть основания подозревать больше со стороны И.Г.Рахманинова, однако собранные сведения очень скудны и неопределенны, чтобы на их основании можно было вынести твердое суждение. Не обнаруживается у журнала и достаточно широких или разветвленных связей в масонской среде, которые не могли бы у него не появиться, если бы он имел какое-нибудь отношение к Обществу, служившему, несомненно, проводником ее влияния. Нити, протянувшиеся от масонов к «Утренним часам», оказываются немногочисленными и тонкими, причем они могли вести и к П.А.Озерову, и к И.Г.Рахманинову. Последний печатался в «Утреннем свете» и, следовательно, имел какие-то контакты с кружком Н.И.Новикова на рубеже 1770-х и 1780-х гг.; настроения, которыми он тогда проникся, сохранились у него в период сотрудничества в «Утренних часах». Однако нет никаких свидетельств, которые указывали бы на его прямую принадлежность к масонству.

Предпринимая (с учетом этих выводов) попытку воссоздать, насколько это возможно, отношения внутри кружка, сложившегося вокруг «Утренних часов», следует вывести за пределы дальнейших рассуждений: лиц, которых без достаточных на то оснований исследователи включали в число сотрудников журнала (А.Н.Радищев); авторов и переводчи-

---

19 Рак В.Д. Переводческая деятельность И.Г.Рахманинова и журнал «Утренние часы» // Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. Л., 1980. С.86—92..

ков, чьи связи не выходят с достаточной определенностью либо на Рахманинова, либо на Озерова, либо на них обоих (московские корреспонденты А.Ф.Лабзин, В.С.Подшивалов, Н.А.Хлюстин); наконец тех, о ком либо вообще нет никаких сведений, либо сведения эти пока не представляется возможным обнаружить где-либо (некто С.Л. и Т.И. или Т.Иль. — возможно, Т.И.Ильин)[20].

Почти все другие лица, сотрудничавшие в «Утренних часах», были, судя по различным косвенным свидетельствам, в той или иной степени связаны с Рахманиновым.

Три басни («Летучий бык», «Охотничья лошадка», «Козленок и Волк» — IV, 44, 75—80)[21] были «присланы из О........ от неизвестной особы». Сокращение, конечно, расшифровывается как Острогожск, входящий, как показал анализ списков подписчиков, в «зону влияния» Рахманинова.

Личному знакомству Рахманинова с Державиным журнал был обязан тем, что получил право напечатать оду «К Евтерпе» (IV, 45, 91—93).

Дружеские отношения сложились у Рахманинова с И.А.Крыловым[22], которому в журнале принадлежит несколько басен[23] и ода «Утро» (IV, 48, 136—141).

И.И.Дмитриев, выступивший с переводами в последних трех номерах, мог сблизиться с Рахманиновым, в частности, на почве общего интереса к произведениям Мерсье. К моменту прихода Дмитриева в журнал у Рахманинова был уже давно подготовлен и выходил полистно, наподобие журнала, сборник переводов из «Моего спального колпака»[24], а также были напечатаны в «Утренних часах» извлечения из

---

[20] См. подробно: Там же. С. 92—94.

[21] Цифры в скобках при ссылках на «Утренние часы» указывают часть, номер (неделю) и страницы.

[22] Жихарев С.П. Записки современника / Ред., ст. и коммент. Б.М.Эйхенбаума. М.; Л., 1955. С. 356—357.

[23] Под тремя баснями в экземпляре Ф.А.Витберга стоит подпись Крылова: «Стыдливый игрок» (I, 5, 79—80), «Судьба игроков» (II, 18, 80), «Павлин и соловей» (II, 24, 174—176). Высказывались предположения о принадлежности ему и ряда других басен (см.: Крылов И.А. Басни / Изд. подгот. А.П.Могилянский. М.; Л., 1956. С. 562—563, 578—579).

[24] Мерсье Л.-С. Мой спальный калпак...: Пер. с фр. / Изд. И.Р.[ахманиновым]. СПб., 1789. Подписка была объявлена в самых первых числах 1788 г., и уже тогда о книге сообщалось как о «переведенной» (СПб вед. 1788. 7 янв. №2. С.21); в марте, т. е. еще до начала «Утренних часов», был готов первый лист (Там же. 14 марта. №21. С.269), в июне — четыре, причем подписчикам предоставлялось право получать их по мере выхода (Там же. 27 июня. №51. С.745; 30 июня. №52. С.761; 4 июля. №53. С.779; ср.: Московские ведомости. 1788. 24 мая. №42. С.400).

«Моего спального колпака»[25], «Картины Парижа»[26], «Года 2440»[27]). Дмитриев перевел из «Моего спального колпака» басню «Червонец и полушка» (IV, 52, 207—208).

Единичным переводом из «Моего спального колпака» представлен в «Утренних часах» и П.М.Бырдин[28].

Хронология появления переводов из «Моего спального колпака» обнаруживает любопытную картину. В сборнике, которым они начались, можно почти с полною уверенностью предполагать участие каких-то лиц кроме самого Рахманинова[29]. В «Утренних часах» Рахманинов печатает свой первый перевод во втором (27 апреля 1788 г.), а последний в пятнадцатом (27 июля 1788 г.) номере. В этот период никто из других сотрудников журнала к «Спальному колпаку» не обращается. На двадцать третьей неделе (21 сентября 1788 г.) появляется басня в переводе П.М.Бырдина, а на пятьдесят второй (12 апреля 1789 г.) — перевод И.И.Дмитриева. В эти месяцы Рахманинов переводит отрывки из других произведений Мерсье. В результате создается впечатление, что французская книга, принадлежавшая Рахманинову, некоторое время находилась в других руках, переходя от одного лица к другому. Это предположение опирается, разумеется, на шаткое основание; тем не менее оно подтверждается тем обстоятельством, что и прочие книги, из которых переводил Рахманинов, подсказывают аналогичный вывод.

---

[25] Правосудие (I, 2, 27—29); Сон (I, 6, 81—84); Трогающее надгробие (I, 9, 129—132); Обозрение света (I, 12, 185—187); Разговор проповедника с философом (I, 13, 193—201); Скелет, внушающий полезное нравоучение (II, 15, 17—20). Подробные сведения о переводах в «Утренних часах» и оригиналах приведены в библиографическом приложении к статье: Рак В.Д. Переводческая деятельность И.Г.Рахманинова... С.118—125.

[26] Уборной стол модных щеголих (II, 15, 25—32); Модные торговки (IV, 42, 37—48); Мужья (IV, 51, 182—187). Второй и третий переводы приписываются Рахманинову предположительно.

[27] Надгробная речь одному крестьянину (II, 26, 193—199); Лунное затмение, или Пустынник (III, 28, 16—31). Второй перевод приписывается Рахманинову предположительно.

[28] Историки: Баснь (II, 23, 159—160)

[29] Исследователи безоговорочно приписывают Рахманинову весь перевод «Моего спального колпака» (см.: Иван Андреевич Крылов: Проблемы творчества. Л., 1975. С.58). Однако на титульном листе он отмежевался от переводчиков, назвав себя только издателем (см. выше, сноску 24). Обычные же его формулы четко указывали его роль как переводчика: «Переведено с фр. И. Р.» или «Переведено с фр. и издано И.Р.». Впрочем, некоторые его переводы были изданы анонимно: «Философические речи о человеке» Вольтера (1788) и «Колесо счастия» (1788). Ниже будут приведены дополнительные факты, свидетельствующие об участии в сборнике других лиц.

Некто, подписавшийся криптонимом С. Д., перевел басню «Павлин и Соловей» (II, 15, 20—23) из неопознанной французской книги «De tout un peu»[30], которая до него послужила Рахманинову источником двух статей: «Философическое размышление о утехах» (I, 10, 145—151) и «О воспитании» (I, 11, 161—171).

Эпизодическим было участие в журнале преподавателя Академии художеств С.Д.Печенева. Он напечатал малозначительный перевод[31] из сборника, которым опять-таки до него дважды воспользовался Рахманинов[32]. Впоследствии Печенев подписался на «Беседующий гражданин»; он был членом-учредителем Общества друзей словесных наук[33].

Одна оригинальная статья и девятнадцать переводных подписаны в экземпляре Ф.А.Витберга криптонимом А. Н., который ошибочно приписывали А.А.Нартову. Это недоразумение обязано своим возникновением В.П.Семенникову. Он писал: «...среди напечатанных в журнале и подписанных „А.Н.“ статей было несколько переводов из „Картины Парижа“ Мерсье, между тем изданная тогда по-русски 1-я часть этого сочинения вышла как раз в переводе А.А.Нартова»[34]. В «Утренних часах», как говорилось выше, было напечатано три перевода из «Картины Парижа», но подписан лишь первый из них и притом криптонимом И.Г.Рахманинова, а два другие появились тогда, когда сотрудничество А. Н., возможно, даже прекратилось[35]. Таким образом, единственный аргумент в поддержку предположения об участии в «Утренних часах» А.А.Нартова оказывается несостоя-

---

[30] Б.И.Коплан назвал в качестве источника этой басни французский сборник: Desboulmiers J.-A.-J. De tout un peu, ou les Amusements de la campagne. Paris, 1766; 2d éd. Paris, 1768. T.1—2. — Это указание было извлечено из его диссертации и опубликовано А.П.Могилянским в кн.: Крылов И.А. Басни. М.; Л., 1956. С.562. Однако в этом сборнике нет ни оригинала басни «Павлин и Соловей», ни тех статей, которые с указанием «De tout un peu» перевел Рахманинов.

[31] Подземное путешествие (II, 26, 203—205). Источник: Le voyage souterrain // [Contant d'Orville A. G.]. Les nuits anglaises, ou Recueil de traits singuliers, d'anecdotes, d'événemens remarquables, de faits extraordinaires, de bizarreries, d'observations critiques et de pensées philosophiques, etc. propres à faire connaitre le génie et le caractère des Anglais. Paris, 1770. Pt.3. P. 68—69.

[32] Картина Лондона (I, 12, 190—192); Чудная ярмонка (II, 17, 58—64); также переведены из третьей части французского собрания.

[33] Бабкин Д.С. А.Н.Радищев: Литературно-общественная деятельность. М.; Л., 1966. С. 134, 306.

[34] Семенников В.П. Литературно-общественный круг Радищева. С.230—231. С гипотезой Семенникова согласился П.Н.Берков (Рус. журналистика. С. 364).

[35] См. примеч. 26.

тельным, и правы были составители «Сводного каталога», не упомянув Нартова в числе сотрудников журнала.

Под несколькими переводами А. Н. и Рахманинова стоят сокращения одного и того же заглавия, остававшиеся не расшифрованными: «из Смеси восточ. учен.», «из Смес. Вост.», «из Вост. учен.», «из Собр. Вост. Учен.», «из Melange de Litter.», «из Mel. de lit. orient.». Этой книгой был французский сборник «Mélanges de littérature orientale, traduits de différens manuscrits, turcs, arabes, et persans de la Bibliothèque du Roi», par M. Cardonne (Paris, 1770; переиздания: La Haye, 1771; Paris, 1772; La Haye, 1788)[36]. Первый перевод А.Н. из него был напечатан в третьем номере «Утренних часов». Однако Рахманинов обратился к этому источнику годом раньше и поместил несколько переводов из него в своем сборнике «Уединенный кабинет, или Собрание, для приятного и полезного чтения различных материй, удобных произвести удовольствие и разуму и сердцу» (СПб., 1787). К ним относятся: «Аллегория (из сочинений Арабшаха)»[37], «О опасностях суетных утех»[38], «Хороший ответ визиря султану, смотрящемуся в зеркало»[39], подборки «Из восточных анекдотов»[40] и «Нравоучения восточных народов»[41].

---

[36] В дальнейшем сокращенно: Cardonne — с указанием страниц по изданию 1788 г. Составителем и переводчиком «Смеси» был французский ориенталист Дени Доминик Кардон (1720—1783). С девятилетнего возраста он жил на Востоке и за двадцать проведенных там лет овладел несколькими языками и хорошо изучил жизнь, нравы, культуру и литературу восточных народов. По возвращении во Францию преподавал турецкий и персидский языки в Королевском колледже (Collège royale), был королевским секретарем-переводчиком при флоте и служил в Королевской библиотеке.

[37] Оригинал: Allégorie (Cardonne. P. 39—44). Эта притча переводилась в XVIII в. еще трижды: 1) Аллегория / Пер. с англ. К*** // Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1791. Ч. 3. С. 291—299 (перевод из «The Universal Magazine of Knowledge and Pleasure». 1770. Vol. 47. September. P.127—128: «An Allegory»); 2) Король на один год // Там же. 1793. Ч. 9. С. 312—318; 3) Аллегория / С нем. И.Д.Л. К-а. Казань // Иппокрена, или Утехи любословия. 1800. Ч. 6. №48. С. 346—352.

[38] Оригинал: Sur le danger de plaisirs (Cardonne. P. 249—251).

[39] Оригинал: Belle réponse d'un visir à un sultan qui s'était considéré dans son miroir (Cardonne. P. 233—235). Этот перевод под заглавием «О султане, смотрящемся в зеркало», был перепечатан в сборнике «Небылицы в лицах» (М., 1793).

[40] В этой подборке переведены следующие анекдоты: Les souhaits du dévot (Cardonne. P.104); Le Charlatan dupé (P. 105—106); Trait singulier de la vie d'Amrou (P. 246—247); Consolation des malheureux (P.252); Réponse ingénieuse d'un derviche à un roi (P. 49—50); Lettre d'Alexandre à sa mère Olympias (P.137—145). Последнее произведение переводилось еще раз: Нечто об Александре: Из Восточной истории / Пер. с англ. К*** // Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1791. Ч.3. С.299—315

«Уединенный кабинет» вобрал в себя отнюдь не все из того, что в «Смеси» Рахманинов счел достойным внимания и полезным для своих читателей. В следующем году он издал сборник нравоучительных повестей «Колесо щастия» (СПб., 1788), в который включил из нее рассказ «О различии судьбы человеческой»[42], переведенный, по-видимому, им самим.

В «Утренних часах» «Смесь» представлена тринадцатью переводами[43]. А. Н. принадлежат восемь из них в семи выпусках журнала, и поскольку он обратился к сборнику после Рахманинова, напрашивается предположение, что у него он и взял книгу. В четырех выпусках (недели 6, 8, 16, 17) А. Н. печатал с продолжением одно длинное произведение. Неизвестно, был ли этот перевод готов целиком уже к шестому выпуску или выполнялся частями с длительным интервалом между восьмой и шестнадцатой неделями, но несомненно, что в этот двухмесячный перерыв книга возвращалась к Рахманинову и он опять нашел в ней подходящий для своих целей материал (недели 11, 14, 16).

Косвенные свидетельства того, что между сотрудниками журнала происходил обмен книгами и что центральным лицом в этом процессе был Рахманинов, образуют опреде-

---

(перевод из: «The Universal Magazine of Knowledge and Pleasure». 1771. Vol. 49. August. P.78—80; оригинал: «We here lay before our readers a very curious piece of Oriental literature, being a letter of Alexandre the Great to his mother Olympias...»).

[41] Переведены: Diverses comparaisons (Cardonne, P. 326—327); Comparaison sur l'ignorant et le savant (P. 331); Sur le véritable bonheur dans cette vie (P. 332); Sur l'aumône (P. 336); Sur l'ingratitude (P. 337—338); Sur les richesses et sur leur usage (P. 333—334); Sur le silence (P. 334); Réponse de Lokman (p. 334—335); Sur les ennemis (P. 329); Sur la fausse amitié (P.329—330); Sur les donneurs de mauvaises nouvelles (P.330); Sur les faux amis et les flatteurs (P. 330); Sur l'indigence (P.331); Sur les malheureux (P. 331).

[42] Оригинал: Sur la différence de la destinée des hommes (Cardonne. P.161—176).

[43] Переводы А.Н.: О краткости жизни и о употреблении оной (I, 3, 44—45); О опасности, происходящей от утех, о смерти и добродетели (I, 4, 59—60); О сем свете и о тленности (I, 4, 61—62); О трудности познания человеческого сердца (I, 5, 75); О непостоянстве щастия (I, 5, 75—76); О науке и невежестве (I, 5, 76); О упорстве порочных (I, 5, 76—77); Советы от отца сыну (I, 6, 85—90; I, 8, 121—123; II, 16, 33—38; II, 17, 49—53).

Переводы И.Г.Рахманинова: Чудный сон одного портного (I, 11, 175—176); О величестве Божием, о ничтожности земных вещей и о человеке (II, 14, 3—11); Суетность великолепных надгробий (II, 16, 38—39); «По смерти калифа Абдулромана между бумагами его найдена записка...» (II, 16, 40—41).

Перевод, не поддающийся атрибуции: Продолжение. Советы от отца сыну: О честолюбии (III, 39, 193—199).

Сведения об оригиналах см. в библиографии, приложенной к статье: Рак В.Д. Переводческая деятельность И.Г.Рахманинова и журнал «Утренние часы». С.119—121.

ленную систему, и поэтому ими пренебрегать нельзя. В них получают подтверждение и, очевидно, разъяснение известные слова Крылова о Рахманинове: «Он давал нам материалы»[44]. Эта фраза, вполне вероятно, подразумевала, что от Рахманинова были получены книги, из которых выполнялись переводы и для «Почты духов».

Если Рахманинов, таким образом, играл как бы роль дирижера для лиц, группировавшихся вокруг «Утренних часов», то от П.А.Озерова отчетливо прослеживается лишь одна ниточка, ведущая причем к его же отцу. Однако напечатанное в журнале наставление сыну (I, 13, 202—204) А.И.Озеров не собирался предавать гласности, а вручил в 1773 г. начинавшему службу юноше для руководства в самостоятельной жизни. Его поэтому нельзя считать сотрудником журнала в полном смысле этого слова. Намечается также связь между П.А.Озеровым и А.Н. На ее существование указывает подпись «П.О.» под благодарностью последнему за его корреспонденцию о случае бескорыстия и добродетели (I, 4, 58—59). Впрочем, никакими другими свидетельствами эта связь не подтверждается, и, кроме того, как уже было показано, А.Н. находился, по всей видимости, в сфере сильного и непосредственного влияния Рахманинова.

Таким образом, из косвенных свидетельств вытекает вывод, что общение с другими сотрудниками журнала было более интенсивным со стороны Рахманинова, нежели Озерова.

2

По числу публикаций в первых двух частях «Утренних часов» резко выделяются три сотрудника. В экземпляре Ф.А.Витберга криптонимом Рахманинова подписано 39 статей, А.Н. — 20 и Озерова — 16[45].

Характер деятельности А. Н. в журнале не выдает в нем ведущего сотрудника. Это неизвестное лицо начало печатается на третьей неделе переводом из «Восточной смеси», взятой, вероятно, на время у Рахманинова. Через неделю наряду с тремя новыми переводами из того же источника был помещен его оригинальный рассказ о случае бескорыстия и добродетели (I, 4, 49—58), за который здесь же «издатели» выразили ему благодарность. Не исключено, что эту

[44] Быстров И.П. Отрывки из записок моих об Иване Андреевиче Крылове // Северная пчела. 1845. №203. Стб. 811.

[45] В первой части появилось девять статей Озерова, из которых каждая подписана; во второй его криптоним фигурирует лишь три раза, но стоит он в конце подборок и относится ко всем входящим в каждую из них произведениям (две басни; два анекдота; три басни).

маленькую редакционную заметку они сочли необходимой потому, что А.Н. был для них лишь знакомым, а не «своим», близким человеком. Во всяком случае, другие благодарности (их было еще две) выносились «сторонним» авторам — А.Ф.Лабзину и В.С.Подшивалову[46].

Хронологически материалы А. Н. появились в следующем порядке:

Неделя	Количество статей
3	1
4	4
5	5
6	3
8	1 и продолжение перевода, начатого на шестой неделе
9	1
10	1
11	1
16	1 и продолжение перевода, начатого на шестой неделе
17	1 и окончание перевода, начатого на шестой неделе
18	1
19	1

Расцвет сотрудничества А.Н. был кратковременным. Он пришелся на четыре недели (3—6), за которые были напечатаны две трети статей этого лица. Затем продолжался уже начатый большой перевод и помещались небольшие рассказы из «Словаря анекдотов», включавшиеся в основном в рубрику «Черты великодушия и добродетели» (I, 8, 125—126; I, 9, 134—137; I, 11, 171—175; II, 17, 57—58; II, 18, 77—79; II, 19, 94—95)[47], которую в трех последних случаях А.Н.

[46] Если это допущение верно, то, например, П.М.Бырдин и С.Д.Печенев оказываются в более близких отношениях с «издателями», чем А.Н., хотя напечатали каждый лишь по одному переводу. Однако ведь и Крылов выступил в первых двух частях всего три раза и также не удостоился благодарности. В этом смысле интересно отсутствие благодарности Т.И.Ильину, который, следовательно, мог быть тесно связан с издателями.

[47] Это тот самый «Словарь анекдотов» О.Лакомба де Презеля, о котором шла речь в главе о «Присовокуплении втором» в «Письмовнике». Оригиналы указаны в библиографии, приложенной к статье: Рак В.Д. Переводческая деятельность И.Г.Рахманинова и журнал «Утренние часы». С.120—122.

делил с Рахманиновым (II, 17, 54—57; II, 18, 74—76; II, 19, 91—94), бравшим для нее материал из других книг. После девятнадцатой недели криптоним А.Н., из журнала исчезает. Можно, правда, предполагать, что этому лицу принадлежал один перевод в третьей части, являвшийся продолжением «Советов от отца сыну», начатых на шестой неделе и печатавшихся также в шестнадцатом и семнадцатом номерах журнала; но к той же книге — «Восточной смеси» обращался и Рахманинов[48]. Других переводов из тех источников, которыми пользовался А. Н., в третьей и четвертой частях нет.

Таким образом, хотя по числу статей А.Н. занимает среди сотрудников второе место, он, по-видимому, был в «Утренних часах» лицом второстепенным, занимавшимся переводами, наверное, под руководством Рахманинова и, может быть, находившимся в каких-то отношениях с Озеровым.

В подтверждение своей гипотезы, согласно которой фактическим редактором «Утренних часов» был Озеров, В.П.Семенников сослался на «тот факт, что имеющиеся в журнале редакционные ответы на статьи написаны именно им»[49]. Это утверждение неточно. В первых двух частях было напечатано в общей сложности шесть редакционных материалов, из которых в экземпляре Ф.А.Витберга лишь три подписаны криптонимом П. О. Оставлены анонимными редакционное предисловие первого номера, определявшее программу журнала, благодарности издателей А.Ф.Лабзину (I, 3, 48) и В.С.Подшивалову (II, 19, 96). Отсутствие подписей в этих случаях вряд ли было случайным упущением или объяснялось незнанием авторства: если экземпляр действительно принадлежал П.А.Озерову, то можно ожидать, что в нем скрупулезно отмечены по крайней мере все статьи его исконного владельца. Непонятно, правда, почему, если их автором не был Озеров, под ними отсутствует подпись другого лица; но каковы бы ни были причины их анонимности, весомость аргументации В.П.Семенникова этим фактом, несомненно, сильно снижается.

Конечный вывод Семенникова о редакторе журнала в известной мере основывается на неверном впечатлении о числе статей, вышедших из-под пера Рахманинова, который, по его словам, «поместил в „Утренних часах“ несколько

---

48 Хотя эта статья называется «Продолжение. Советы от отца сыну: О честолюбии» (III, 39, 193—199), она не имеет отношения к тому разделу «Восточной смеси», из которого переводил А.Н. «Советы от отца сыну» («Conseil de Nabi-Efendi à son fils»). Ср. примеч. 43.

49 Семенников В.П. Литературно-общественный круг Радищева. С.230.

своих переводов»[50]. В количественном отношении это «несколько» в два с половиною раза превышает долю Озерова и распределяется к тому же по первых двум частям более равномерно; криптоним Рахманинова отсутствует лишь в шести выпусках этих двух частей (недели 1, 7, 8, 20, 22, 23). Статьи Озерова располагаются хронологически в порядке, который обнаруживает явную тенденцию к увеличению интервалов между публикациями: недели 2—4, 6, 8, 10, 13, 15, 23, 26. Меняется со временем и характер статей. Начинает Озеров с оригинальных заметок и большой нравоучительной переводной статьи «О пользе и необходимости нравственной науки» (I, 3, 33—44), но очень быстро его материалы мельчают. Нравоучительные рассуждения сокращаются до двух маленьких заметок (I, 6, 94—96), а затем до изречения в несколько строк (I, 8, 128). Некоторое время он вообще не располагает новыми материалами и в этот промежуток перепечатывает свое старое стихотворение (I, 10, 152—160) из «Вечерней зари»[51], а также помещает наставление, полученное от отца пятнадцатью годами ранее (I, 13, 201—204). Во второй части ему принадлежат исключительно басни и анекдоты.

Как бы ни были шатки по отдельности приведенные выше косвенные свидетельства, в совокупности они последовательно указывают на то, что первой скрипкой в «Утренних часах» был И.Г.Рахманинов, а не П.А.Озеров.

3

Еще одно заключение Семенникова, согласно которому «по общему характеру журнала он, видимо, был ближе к умственному складу Озерова, чем Рахманинова»[52], находится в явном противоречии с содержанием переводов Рахманинова как в «Утренних часах», так и в сборниках «Уединенный кабинет» и «Колесо щастия».

Придя к выводу, что, «по-видимому, Рахманинов не играл руководящей роли в выпускавшихся при ближайшем его участии журналах», В.П.Семенников основным свидетельством этого считал «отсутствие в них идейной выдержанности», которое, по его мнению, выразилось в «Утренних часах» в том, что в них «вольтерьянства» очень мало и журнал носит

---

[50] Там же. С. 228.

[51] Молодому Суетону, вступающему в свет // Вечерняя заря. 1782. Ч.3. Сент. С.70—73.

[52] Семенников В.П. Литературно-общественный круг Радищева. С.230.

преимущественно нравоучительный характер с примесью сатирического элемента[53]. Этот довод принял П.Н.Берков[54].

Перевод на русский язык и издание русских переводов сочинений Вольтера было главным делом жизни Рахманинова[55]. Убежденный «волтерист», он ставил основною целью своей литературной деятельности распространение идей «фернейского патриарха». Это, однако, отнюдь не означало (как подразумевает аргументация Семенникова), что «вольтерьянство», понимаемое прежде всего как свободомыслие в религиозных вопросах, должно было заявлять о себе в каждой переведенной им статье, чуть ли не в каждой написанной им строчке. Напротив, при своем «волтеризме» он не остался чужд влиянию и других очень значительных для своего времени течений мысли и литературы, отражавших искания просветителей на путях и в направлениях, противоположных «вольтерьянству» и даже ему враждебных. Характерно в связи с этим, что, прежде чем приступить к систематическому распространению на русском языке сочинений французского философа, он перевел два антивольтеровских памфлета: «Известие о болезни, о исповеди и о смерти г. Волтера» (СПб., 1785) Н.-Ж.Сели и «Политическое завещание г. Волтера» (СПб., 1785) Ж.-А.Маршана. По заключению исследователя русской вольтерианы, замысел Рахманинова состоял в том, чтобы представить русским читателям «облагороженный», «очищенный» образ Вольтера и убедить их в том, что наследие фернейского мудреца «не таит в себе сколько-нибудь для них серьезных опасностей, нимало не угрожает их благополучию и душевному покою»[56]. Тем не менее резкая тенденция этих памфлетов не могла быть заглушена никакими смягчающими замечаниями переводчика, да и сам образ, который он создавал, сильно ослабил истинный смысл сочинений Вольтера.

Сам Семенников указал на особый характер «волтеризма» Рахманинова, отметив, что «в нескольких его переводах на страницах „Утренних часов“ не только не обнаруживается какого-либо религиозного скептицизма, но видно даже стремление возвеличивать идею о боге»[57]. В подтверждение Семенников сослался только на переведенную из «Восточной

---

[53] Там же. С. 229.

[54] Берков. Рус. журналистика. С.362—364.

[55] См.: Полонская И.М. И.Г.Рахманинов — издатель сочинений Вольтера // Тр. Гос. б-ки СССР им. В.И.Ленина. 1965. Т.8. С.126—162; Заборов П.Р. Русская литература и Вольтер. С.75—78.

[56] Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. С. 76

[57] Семенников В.П. Литературно-общественный круг Радищева. С.229

смеси» статью «О величестве Божием, о ничтожности земных вещей и о человеке» (II, 14, 3—11), но сходные мысли и настроения присутствуют во многих переводах Рахманинова 1780-х гг.

В 1780 г. в журнале «Утренний свет», который издавал Н.И.Новиков, были напечатаны два перевода Рахманинова из моралистических трактатов Э.Юнга «Небаснословный кентавр» («The Centaur Not Fabulous», 1755) и «Защита Провидения, или Истинная оценка человеческой жизни» («A Vindication of Providence: or, A True Estimation of Human Life», 1728) в переложении на французский язык П.Летурнера[58]. В том же году он издал и первую на русском языке антологию сочинений Юнга («Нощные мысли и другие некоторые сочинении г. Юнга». СПб., 1780), в которую включил две первые «ночи», оба своих перевода, напечатанные в «Утреннем свете», а также ряд других произведений, переведенных полностью или в извлечениях[59]. Все эти переводы питались, по-видимому, настроениями новиковского кружка, с которым в это время как-то был связан Рахманинов. Здесь наметились основные темы и мотивы, которые пройдут через многие переводы Рахманинова на всем протяжении 1780-х гг.: представление о природной слабости и ничтожности человека, убеждение в неспособности разума вести человека по правильной стезе в жизни, упование на Провидение и вера в неисповедимость путей господних.

«Безумный человек! одноминутная мечта! суетнейшая и тленнейшая тень!» — возглашалось в «Кратком изъяснении из книги Иова»[60]. «О великий боже! — восклицал автор в другом месте того же произведения, — ничего нет невозможного всесильной власти твоей; сердце мое обнажено пред твоими святыми взорами; и ты веси все помышлении мои; до твоего премудрого предопределения не достигает слабое понятие смертных <...> Прости моему дерзкому языку, он не будет уже иметь толико дерзновения, и слабость моя не возбудит уже более твоея ярости; я осуждаю глас мой к вечному молчанию, упадая ниц, повергаюся ко стопам твоим

---

[58] Различные состояния человеческого сообщества, или Естественные и общие наши предметы; Эвзеб, или Добродетельный богач // Утренний свет. 1780. Ч.8. Март. С.195—209.

[59] О переводах Рахманинова из Юнга см.: Заборов П.Р. «Ночные размышления» Юнга в ранних русских переводах // XVIII век. М.; Л., 1964. Сб. 6. С. 273—274; Левин Ю.Д. Восприятие английской литературы в России. Л., 1990. С.153—154.

[60] Нощные мысли и другие некоторые сочинении г. Юнга. СПб., 1780. С.62.

и прошу твоего милосердия. Не довлеет бо человеку испытывать твою премудрость, но обожать тебя и пребывать в молчании»[61]. Сходная мысль звучала и в четвертой «Выписке из поэмы, называемой „Беспечность“»: «Оставим власть небу избирать для нас приключения, случающиеся в нашей жизни, его избрание надежнее нашего. Вопросим у протекшего времени: не обретали ли мы толико раз нечастий и в самых исполнениях наших желаний? сколько раз такожде стенали мы и от самых тех происшествиев, кои составляли величайшее для нас блаженство»[62].

Все произведения, входившие в сборники, составленные и изданные Рахманиновым параллельно «Утренним часам», были проникнуты теми же настроениями и развивали те же положения.

Первым из этих сборников был уже упоминавшийся «Уединенный кабинет» (СПб., 1787), непосредственно предшествовавший «Утренним часам».

Здесь Рахманинов напечатал три извлечения из книги немецкого протестантского священника Кристофа Христиана Штурма, которую в полном переводе в то же самое время издавал в Москве Н.И.Новиков в виде периодического издания «Размышления о делах Божиих в царстве натуры и Провидения на каждый день года» (Ч.1—4. 1787—1788)[63]. Этот журнал был рекомендован для чтения розенкрейцерам, а в 1794 г. при описи книжного склада Н.И.Новикова первая часть была включена в «Каталог мистическим, феософическим, алхимическим, кабалистическим, вольнокаменщическим, запрещенным и другим сумнительным и вздорного содержания книгам»[64].

Мысль поэмы «Беспечность» продолжала в «Уединенном кабинете» повесть «Омар». В ней рассказывается о египетском калифе, возроптавшем на Провидение за смерть сына, погибшего в расцвете молодости. Ангел тишины показывает Омару участь юноши, если бы тот остался живым. Узрев пьяницу, тирана и убийцу, мучимого то злобою, то страхом и умирающего в темнице от яда, подлитого в чашу с питьем

---

[61] Там же. С. 77—78.

[62] Там же. С. 145.

[63] Подлинник: Sturm Ch. Ch. Betrachtungen über die Werke Gottes im Reiche der Natur und der Vorsehung auf alle Tage des Jahres (1772). Переведены Рахманиновым: «Похвальная песнь Всевышнему», «О Божией вездесущности» («Der 1ste September. Gottes Allgegenwart»), «Красота и многоразличие бабочек» («Der 2te September. Schonheit und Verschiedenheit der Schmetterlinge»).

[64] СК. Т.4. С.121.

любимою женою, Омар восклицает: «Сего довольно <...>, теперь я чту непроницаемые судьбы того существа, которое управляет всем по своей мудрости»[65].

В следующей нравоучительной «восточной» повести «Гассан, или Суетность мыслей человеческих» развивался тезис о слабости человеческого разума и доказывалось, что он не только не способен проникнуть в замыслы Провидения (как было проиллюстрировано в повести о калифе Омаре), но и управлять страстями и поведением человека, как то рекомендовали рационалистические просветительские теории. Мудрец Гассан, живший в уединении возле Каира и почитавший себя счастливым, «потому что одержал победу над всеми страстями» и стал «обладателем своего сердца»[66], поддается любви, возвращается в общество людей, находя каждый раз веские философские аргументы, позволяющие ему отступить от первоначальных убеждений, испытывает различные злоключения, вызванные предательством возлюбленной и лучшего друга, и в ожесточении вновь удаляется в пустыню, извлекши для себя дорогою ценою урок: «Мудрец и безумец <...> оба равно лишены здравого рассудка; ибо первый преисполнен глупым высокомыслием, заставляющим его почитать себя во всем непобедимым и человеческим слабостям неподвластным, а другой никак не может обладать своими страстями»[67]. В загодя написанной самому себе эпитафии он называет себя «безумнейшим из всех человеков потому, что сам себя почитал премудрейшим и счастливейшим»[68].

Тщетностью усилий победить страсти подтверждается природная слабость человеческого разума. Отсюда посрамление ложной, по убеждению Рахманинова, рационалистической мудрости может принять форму защиты страстей и желаний. Этот ход мысли объясняет, какую роль в идейном отношении были призваны играть в «Уединенном кабинете» переводы идиллий Геснера, в которых поэтизировалась любовь. Определяется также место в сборнике героиды «Письмо Фринеи Ксенократу-философу», в которой гетера призывает мудреца-аскета разделить с нею плотские радости и насладиться ее прелестями: «Приди ко мне, любезный Ксенократ! мне должно или, оставя всех моих любовников, сожечь мой дом и, уподобясь Гипархии, носить за тобою твою суму, а

---

[65] Уединенный кабинет... С. 123.

[66] Там же. С. 126, 135.

[67] Там же. С. 168—169.

[68] Там же. С. 169.

потом и совсем от света удалиться; или в объятиях моих заставить тебя признаться, что сластолюбие во всем свете есть вещь самосуществительная и весьма свойственная всякому разумному созданию»[69]. Вполне вероятно, что от подобных переводов Рахманинова тянется нить к стихотворениям И.А.Крылова «Письмо о пользе желаний» и «Послание о пользе страстей», написанным в конце девяностых годов XVIII в.

С псевдовосточными повестями «Уединенного кабинета» созвучны своим поучительным содержанием произведения, отобранные Рахманиновым из «Восточной смеси». Затейливая «Аллегория», в которой рассказывается о правителе, избираемом на один год, а затем изгоняемом на пустынный, безжизненный остров, напоминала читателю о краткости земной жизни и о необходимости готовить себя добрыми делами к загробной. В притче «О опасностях суетных утех» сосуд с медом олицетворял сей свет, а завязшие в меде мухи — людей, поддавшихся житейским соблазнам и утехам. Подобный же нравоучительный характер имеют и все остальные отрывки, переведенные Рахманиновым из сборника Кардона.

Точным повторением «Уединенного кабинета» был по своему моралистическому содержанию и следующий сборник Рахманинова, вышедший в один год с «Утренними часами» и носивший «программное» заглавие «Колесо щастия, или Собрание некоторых повестей, заключающих в себе доказательство, что жизнь человеческая подвержена многим неожиданным превратностям» (СПб., 1788).

Главный персонаж переведенной специально для этого сборника новинки французской литературы — повести Ш.-А.-Г. Пиго-Лебрена «Опасность быть весьма мудрым» (Pigault-Lebrun C.-A.-G. Le danger d'être trop sage: Conte. Londres, 1787) — совершает ту же ошибку, что и гордец Гассан, и «в двадцать лет желает уже быть мудрым и думает учиниться вскоре примером добродетели»[70]. Злоключения, от этого происходящие, приводят его на порог смерти, и лишь

---

[69] Там же. С.111. Подлинник: Lettre de Phriné à Xenocrate le Philosophe. Amsterdam; Paris, 1768; перепечатывалось в кн.: Le goût de bien de gens, ou recueil de contes tant en vers qu'en prose. Amsterdam; Paris. 1769. T.3. P.54—87. Ранее переводилось на русский язык: Письмо Фрины ко Ксенократу // Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета. 1779. Ч. 2. Июнь. С.186—209.

[70] Колесо щастия... С.7. Повесть переводилась еще дважды: 1) Опасность от излишней мудрости. М., 1789; 2) Бесполезно излишне умствовать: Пер. с нем. Кострома, 1793. В СК только московский перевод указан под фамилией автора.

перед кончиной он познает истину, открытую ему духовником: «Без страстей человек был бы подобен несмысленным скотам и не познавал бы цены бытия своего <...> тот, который хочет достигнуть до совершенства, думает быть подобным Богу и при всем своем умствовании не что иное есть, как безумец. Человек не может быть совершенным, и излишества как в добродетели, так и в пороке причиняют ему великие несчастья»[71].

Перепечатанный в «Колесе щастия» под заглавием «Пустынники» перевод повести К.-С.-Ж. де Буфлера «Королева Голкондская», выполненный Рахманиновым и изданный еще в 1780 г., каждым эпизодом иллюстрировал тезис, сформулированный в названии сборника. Повесть «О различии судьбы человеческой», заимствованная из «Восточной смеси», поучала, что «мы все рабы Существа Вышнего и никто из нас не ведает судьбы, для него назначенной»[72].

Статья в «Утренних часах», на основании которой В.П.Семенников поставил вопрос об особом характере «волтеризма» Рахманинова, тоже была переведена из «Восточной смеси», и в ней также развивалась мысль о ничтожестве человека. «Великий Боже! — начинал свои рассуждения восточный автор. — Что есть человек в сравнении с Твоим Величеством? Самомалейшая пылинка, капля воды, погруженная в неизмеримом пространстве океана...» (II, 14, 3). Из других источников, которые пока еще не все установлены, для «Утренних часов» было подобрано еще несколько программных статей подобного содержания. Процитированое выше сравнение человека с каплей воды открывало вторую часть журнала. Случайно или намеренно, первой статьей третьей части была «индейская повесть» (притча) «Капля воды», в которой разум уподобляется выплеснутой из океана на палубу капле, возгордившейся этим своим «особенным существованием», но быстро высохшей на солнце: «Таков точно есть разум человеческий, когда бывает преисполнен безумного желания о получении мнимой своей свободы; ибо тогда удаляется он от того всеобщего рассудка, который долженствует быть единственным светильником его души и существенным подобием божества. Человек, удалившийся от своего начала, хотя сначала и показывает некоторое наружное блистание своего разума; но вскоре потом увидит свое уничтожение и будет повержен во мрачную пучину заблуждения и порока» (III, 27, 5—6).

---

[71] Колесо щастия.... С.85—86.

[72] Там же. С. 195—196.

Для следующего номера был переведен фрагмент «Лунное затмение, или Пустынник» из утопического романа Мерсье «Год 2440» (III, 28, 16—31). Вырванный из контекста всего произведения, он приобрел в «Утренних часах» однозначный характер нравоучительной притчи, тем более что к нему переводчик добавил от себя концовку, содержавшую увещевание соблюдать «высочайшие заповеди всеобщего закона» (то есть Евангелия) и ничего не бояться, «когда ты шествуешь под надзиранием милосердого Бога, всеобщего отца человеков» (III, 28, 29—31)[73]. Выбор этой главы примечателен, в частности, тем, что размышления пустынника на кладбище по поводу гробницы, скрывающей прах «гордого и надменного человека», созвучны ранее переведенной Рахманиновым из «Восточной смеси» притче Саади «Суетность великолепных надгробий» (II, 16, 38—39).

Переводчик «Капли воды» и «Лунного затмения» не известен, но совпадение отдельных деталей позволяет предположить, что им был Рахманинов, тем более что своим содержанием эти произведения отчетливо перекликаются с его переводами в «Ношных мыслях», «Уединенном кабинете» и «Колесе щастия», служа как бы их продолжением. Искусством подбора из разных источников однородных по мысли произведений владел именно Рахманинов, как об этом свидетельствуют оба его сборника и те статьи в «Утренних часах», под которыми в экземпляре Ф.А.Витберга проставлен его криптоним. На этом основании можно предположить, что в третьей и четвертой частях, кроме «Капли воды» и «Лунного затмения», ему принадлежат такие переводы, как «О человеке» (III, 33, 97—99), «Отец, дающий наставление своему сыну» (IV, 41, 17—20), «Правила нравственной добродетели, нужной для всех состояний в жизни» (IV, 51, 177—182).

Преследуя свои воспитательно-нравоучительные цели, Рахманинов не останавливался и перед собственными вставками в перевод, если находил для этого удобный повод. Так появились в главе «Скелет, внушающий полезное нравоучение» из «Моего спального колпака» (II, 15, 17—20) строки, отсутствующие в авторском французском тексте: «Храни благоговение к высочайшему существу, исполненному величества, который действием своей воли сотворил вселенную; пронзай себя стрелою любви и сострадания к твоему ближ-

---

[73] Об этом переводе см.: Заборов П.Р. Утопический роман Мерсье // Мерсье Л.-С. Год две тысячи четыреста сороковой: Сон, которого, возможно, и не было / Изд. подгот. А.Л.Андрес и П.Р.Заборов. Л., 1977. С. 207.

нему, помогай ему по своей возможности, люби его как самого себя, не делай ему никогда того, чего себе не желаешь, и будь во всем справедлив: поступая таким образом, всегда будешь утешаться в твоей совести и услаждаться надеждою о приобретении вечного блаженства; когда же противно сему поступать будешь, то совесть твоя, яко внутренний змий, вечно тебя угрызать не перестанет» (II, 15, 18—19). Аналогичной по содержанию была и концовка фрагмента «Лунное затмение», о которой уже говорилось выше. Эти вольные изложения евангельских заповедей, вставленные Рахманиновым в текст «Моего спального колпака» и «Года 2440», опровергают ту принятую интерпретацию переводов из произведений Мерсье в «Утренних часах», согласно которой в них отразились тираноборческие и свободолюбивые мотивы.

В этом смысле показательно, что в подборку из «Моего спального колпака», изданную отдельной книжкой, Рахманинов включил рассказ «Оптимизм, или Все к лучшему: Сновидение» («L'Optimisme»), оригинал которого первоначально открывал «Философические сновидения» («Songes philosophiques», 1768) Мерсье, а через шестнадцать лет был автором перепечатан в первом томе «Спального колпака» (1784). Недавними исследованиями установлено, что «L'Optimisme» был вольным переложением рассказа немецкого писателя Иоганна Готлоба Беньямина Пфейля (Pfeil, 1732—1800) «Видение Мирзы» («Das Gesicht des Mirzah»), увидевшего свет в анонимно изданном сборнике «Опыт нравоучительных повестей» («Versuch in moralischen Erzählungen». Leipzig, 1757; 2. Aufl. Leipzig, 1760) этого автора[74], который следовал жанровой традиции, начатой знаменитой в XVIII в. аллегорией Дж. Аддисона («The Vision of Mirzah»)[75] и продолженной в Германии под тем же заглавием Виландом («Das Gesicht des Mirzah»). Подобно своим литературным предшественникам, Мирза Пфейля гуляет в окрестностях Багдада, погруженный в глубокое философическое раздумье. Каждый Мирза имел свой предмет размышлений; этот последний из них доискивается причины существования зла на земле и, не в силах ее познать, ропщет на бога. Явившийся ему во сне посланец Аллаха переносит его в волшебную палату, где в чудесном зеркале он видит

---

[74] Annandale E.T. Johann Gottlob Benjamin Pfeil and Louis-Sebastien Mercier // Revue de littérature comparée. 1970. T.44. №4. Octobre — Décembre. P.451.

[75] The Spectator. 1711. September 1. №159.

сцены, из которых извлекает такой же урок, какой преподал ангел Иезрад Задигу в философской повести Вольтера. В ужасной нищете страждет Абдалла, но если бы он разбогател, то потерял бы добродетель, столь его отличающую в нынешнем состоянии. Враги разоряют процветающее государство — оказывается, что оно кишело изменниками, невиновные же избавлены смертью от опасности таковыми стать. На пороге своего счастия погибают во время землетрясения чувствительные и добродетельные влюбленные — они спасены от ужаса и стыда иметь недостойных детей. Каждое зло на земле несет конечное добро. «Смотри, Мирза, и учись обожать Провидение, даже если тебе кажется, что оно несправедливо», — раздается в заключение голос свыше, и герой просыпается[76]. Все то же видит и слышит Мирза и в «Оптимизме» Мерсье.

В окружении статей, подобных разобранным и упомянутым выше, вдруг, под конец издания «Утренних часов», в них появляется перевод, противоречащий, на первый взгляд, по мысли всему, что читателю внушалось почти целый год: «Посреди многих чудес, видимых нами в творениях премудрого Создателя, человек кажется самым центром во вселенной. Не силою владычествует он на земле; но своим разумом <...> В сем слабом создании, каковым кажется человек, природа сокрыла наиглубочайшее остроумие <...> Человек есть превосходнейшее произведение Природы; он внутренними своими чувствами и наружными силами ко всему способен <...> Силы его хотя приходят в совершенство гораздо медлительнее, однако ж он жизнь свою проводит просвещаемый светильником разума» (IV, 43, 49—50). Это славословие человеку и восхищение его разумом, контрастируя с другими статьями, их, однако, не опровергает, а дополняет, обращая внимание на другую сторону той же медали: человек есть совершенное создание бога — это та же мысль, что и человек сам по себе, без бога, ничтожен. Помещение этой статьи в журнале было фактически использованием в качестве композиционного приема знаменитой юнгианско-державинской антитезы «Я царь — я раб, я червь — я Бог» («Бог», 1784).

Смысл всех философско-нравоучительных переводов Рахманинова сходился в одной точке, хотя отправные положения он иногда избирал разные, для того чтобы рассмотреть предмет с различных сторон. Неоднократно он внушал своим

---

[76] Versuch in moralischen Erzählungen. 2. Aufl. Leipzig, 1760. S.26.

читателям мысль о пользе страстей и желаний и о слабости перед ними разума. Остановиться на этом значило, по-видимому, содействовать формированию одностороннего, искривленного и опасного своими последствиями взгляда на страсти. Вместо добродетельного, набожного человека можно было воспитать гедониста, эпикурейца. Очевидно, поэтому в «Утренних часах» Рахманинов перевел из французской антологии поэму немецкого писателя И.А.Крамера «Против желаний человеческих» (Cramer J.A. «Wider die Wünsche der Menschen»), в которой подчеркивалась опасность страстей, захлестывающих человека, и напоминалось, что «рассудок наш дан нам для управления нашими страстями» (II, 18, 67). Ход рассуждений приводил все к тем же мыслям о слабости разума перед страстями, когда он не опирается на веру, и к призыву не надеяться «в безумии вашем, чтобы вы могли управлять вашею судьбою» (II, 19, 85—86).

Как же весь этот комплекс идей, усвоенных, очевидно, под влиянием кружка Н.И.Новикова, уживался в сознании Рахманинова с «волтеризмом» — свободомыслие с религиозностью, пропаганда идей великого французского просветителя с пропагандою идеи о слабости разума и необходимости во всем полагаться на волю божию? К Рахманинову, хотя он, по-видимому, не принадлежал к масонам, вполне приложима характеристика, которую Пушкин дал мартинистам в статье «Александр Радищев»: «Мы еще застали, — писал он, — несколько стариков, принадлежавших к этому полуполитическому, полурелигиозному обществу. Странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия ярко отличали их от поколения, которому они принадлежали»[77].

Таким образом, утверждение о большей близости «Утренних часов» «к умственному складу Озерова, чем Рахманинова», ошибочно как в отношении переводов нравоучительных рассуждений с религиозною подоплекою, так и в отношении всех других жанров в журнале, ибо Рахманинов переводил и сатирические бытовые очерки, и нравоучительные изречения для постоянной рубрики «Избранные мысли», и басни, и «анекдоты» для отдела «Черты великодушия и добродетели». Другими словами, в журнале не содержится ничего, что мешало бы считать редактором именно Рахманинова; напро-

---

[77] Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т.12. С.31—32. О связи масонства с просветительством см.: Кочеткова Н.Д. Идейно-литературные позиции масонов 80—90-х годов XVIII в. и Н.М.Карамзин // XVIII век. М.; Л., 1964. Сб. 6. С.176—196.

тив, все свидетельства, которые удается собрать в настоящее время, ведут к этому заключению.

4

Три повести из упомянутых выше: «Омар», «Гассан, или Суетность мыслей человеческих» и «Оптимизм, или Все к лучшему» — требуют особого внимания своим участием в борьбе идей в России.

Предварительно необходимо осветить их фактическую сторону.

Как установил Ю.Д.Левин[78], повесть «Омар» была переводом рассказа из английского нравоучительного журнала «The Adventurer», где калифа звали Бозальдабом[79]. Измерением этого имени ограничиваются все отличия русского перевода от английского подлинника, несмотря на наличие промежуточного звена — французского перевода-посредника, который Рахманинов нашел в «Mercure de France»[80]. Кроме того, поскольку Рахманинов переводил из десятого и четырнадцатого томов швейцарского журнала «Choix littéraire» произведения Э.Юнга[81], ему мог попасться на глаза и ранний французский перевод того же рассказа[82].

Повесть «Гассан» была переведена Рахманиновым из того же номера «Mercure de France», что и предыдущий рассказ. Здесь он также изменил заглавие и имя главного персонажа, в остальном же текст французского перевода-посредника передан абсолютно точно.[83]. Самое же примечательное в

---

[78] Левин Ю.Д. Английская просветительская журналистка в русской литературе XVIII в. Приложение. Материалы к библиографии статей из английских журналов в русских переводах XVIII в. // Левин Ю.Д. Восприятие английской литературы в России. Л., 1990. С.94. №405.

[79] The Adventurer. 1753. 28 July. №76 (автор — Joseph Warton).

[80] Bozaldab: Conte oriental // Mercure de France. 1770. Mars. P.54—71. В дальнейшем в сносках сокращенно: MF.

[81] Левин Ю.Д. Восприятие английской литературы в России. С.154, 222 (№203).

[82] Bozaldab: Conte oriental // Choix littéraire. 1760. T.21. P.179—186. (перепеч. в кн.: Les Hommes comme il y en a peu et les génies comme il n'y en à point: Contes moraux, les uns pour rire, les autres à dormir debout, orientaux, persans, arabes, turcs, françois, etc. Bouillon, 1770. Pt.1. P.150—157; Nouv. éd. Bouillon, 1776). О европейской популярности этой повести свидетельствует еще один французский и немецкий переводы: Bozaldab // Recueil pour l'esprit et pour le coeur. 1764. T.1. Pt.1. P.177—185; Die Wohlthat trauriger Schicksale: Eine morgenländishe Erzählung // Unterhaltungen. 1769. Bd 8. St. 4. October. S. 320—325.

[83] Azem, ou l'Heureux soi-disant: conte moral / Trad. de l'allemand, par Mlle Matné de Morville // MF. 1770. Mars. P.24—45. Современным исследователем перевод ошибочно приписан Мерсье (Annandale E.T. J. G. B. Pfeil and L.-S. Mercier. P.451).

том, что это было еще одно произведение из «Опыта нравоучительных повестей» Пфейля, имевшее в подлиннике заглавие «Ацем, или Воображающий себя счастливым» («Azem, oder der eingebildete Glückselige»).

В России сборник Пфейля стал известен очень рано. Уже в 1761 г. появился переведенный из него рассказ «Правосудный Юпитер» («Der gerechtfertigte Jupiter») — это было первое выступление в печати Д.И.Фонвизина[84]. Двенадцать лет спустя «иждивением Общества старающегося о напечатании книг» была издана в переводе И.И.Богаевского повесть «Похождения дикого американца» («Der Wilde»), в которой автор ставил цель развеять «философические заблуждения» о «прозрачном источнике естественной веры», распространявшиеся теми, кого он с злою иронией называл «прозорливыми мудрецами»[85]. «Перестаньте напрасно доискиваться прямо естественной веры, которой, может статься, не бывало в свете и от самого сотворения оного, — обращался к ним герой повести, бывший дикарь, начавший жизнь в патриархальной первобытной идилии, не зная христианского бога, и приведенный всеми постигшими его злоключениями к понятию об истинности христианской религии. — Священное писание ясно открывает вам, что преблагий Творец мира, в самом начале бытия сего великолепного здания, благоволил сам поучать человека, сие пребедное и последнее создание из всех тварей, когда обманчивый его разум единственно им управляет. <...> Кто не приступит ко мнению моему, что когда мудрецы превозносят похвалами естественную веру, то порицают чрез то на откровении Божием основанную»[86].

В 1775 г. иждивением петербургского книгопродавца К.В.Миллера были выпущены в свет на русском языке еще два произведения из «Опыта» Пфейля: рассказ «Ацем, или Мечтающий о благополучии своем человек» (СК 357) и повесть «Осман, или Гонимая добродетель» (СК 5051; подлинник: «Osmann»). Первый вышел без указания, кто его перевел, второй — под криптонимом «А. Л.» Разные ли трудились над ними лица и кто скрылся за литерами, остается неизвестным. Если принять в соображение, что за короткий срок 1773—1775 гг. в Петербурге появились три

---

[84] Полезное увеселение. 1761. [Т. 4]. Ноябрь. №19—20. С. 161—178.

[85] Пфейль И.Г.Б. Похождения дикого американца / Пер. И. Богаевским. СПб., 1773. С.10.

[86] Там же. С.9, 11.

перевода из одного и того же немецкого сборника, причем «Похождения» были изданы новиковским Обществом, старающимся о напечатании книг, а другие — бывшим его пайщиком и совсем вскоре после того, как оно распалось (1774), то можно строить предположения, не оно ли первоначально задумывало издать и эти два, иначе же говоря, — не в окружении ли Новикова они были выполнены[87]. Несомненно, впрочем, что «Versuch in moralischen Erzählungen» был в это время в Петербурге известен, к нему обращались разные люди в той среде, где его читали, о нем имелось целостное впечатление, которого, однако, не передавали русские извлечения из него в виде отдельных книжек, не называвших ни автора подлинника, ни общего их единого источника.

После 1775 г. «Versuch in moralischen Erzählungen» вышел

---

[87] В связи с тем, что у нас есть точное свидетельство того, что в 1761 г., а может быть, и раньше «Versuch in moralischen Erzählungen» находился в руках Фонвизина и, вполне вероятно, читался и другими учащимися гимназии Московского университета, встает вопрос, не попал ли он, непосредственно или косвенно, по отзывам и пересказам знакомых, в поле зрения Н.И.Новикова и не впечатлениями ли этих лет было в какой-то мере подсказано издание иждивением Общества произведений из этого сборника. Подобное предположение оставалось бы чисто умозрительным построением, не имеющим почти никакой опоры (ведь Новиков был исключен из гимназии в 1760 г.), если бы не еще одно совпадение такого же рода. В университетских журналах «Полезное увеселение» (июль 1760—сентябрь 1761) и «Доброе намерение» (май—декабрь 1764) было напечатано 15 извлечений из книги испанского писателя Антонио де Гевары «Часы правителей, или Золотая книга императора Марка Аврелия» («El Reloj de principes y Libro del Emperador Marco Aurelio», 1529; см.: Рак В. Д. «Часы правителей» в русских переводах XVIII века // Сервантесовские чтения. Л., 1985. С. 15—19). Постоянство, с каким воспитанники первого русского университета обращались в 1760—1764 гг. к трактату Гевары, наличие повторных переводов, а также то обстоятельство, что участие в публикации отрывков принимали шесть или семь человек, принадлежавших к разным выпускам, говорит о том, что в Московском университете латинский перевод этого сочинения широко использовался в качестве учебного пособия. В 1773—1780 гг. Н.И.Новиков издал полный перевод, выполненный с латыни Андреем Львовым, под заглавием «Золотые часы государей, по образу жития Марка Аврелия Севера, славнейшего императора и премудрейшего философа» (СК 1274). Первые две части были изданы иждивением Общества, старающегося о напечатании книг, еще четыре — в 1780 г. в университетской типографии. Не сыграли ли и в этом случае какой-то роли ассоциации, связанные у Новикова с годами учения?

Объявление в СПб вед (1788. 25 янв. №7. С.88) извещало о том, что учитель псковской семинарии Андрей Львов закончил переводить с немецкого языка книгу «Соломон, или Учение мудрости». Не был ли это тот же самый Андрей Львов, и поскольку язык оригинала немецкий, то не являлся ли он тем «А. Л.», который перевел в свое время повесть «Осман»? Впрочем, в качестве контраргумента необходимо указать, что на титульном листе сборника своих переводов «Разность не без приятности» (М., 1780) он подписался коллежским протоколистом Андреем Львовским (СК 5824).

из сферы внимания русских переводчиков, но вскоре докатилась волна «французского» Пфейля в виде вольных переложений, которыми Л.-С. Мерсье познакомил своих соотечественников с пятью произведениями из сборника немецкого писателя[88]. Все эти переложения моментально дошли до России[89], но переведены были только два: повесть «Таков ныне свет» (СПб., 1784; оригинал: «Les Hypocrites»)[90] и рассказ «Все к лучшему» («L'Optimisme»), открывавший, в соответствии с подлинником, «Философических снов часть I» (М., 1780; СК 4176). Этот последний перевод, принадлежавший И.М.Долгорукову, был непосредственным предшественником включенного в сборник, изданный Рахманиновым, — и не только в хронологическом плане, но и потому, что послужил его текстовою основою.

Искусными трансформирующими приемами, которые заслуживают отдельного подробного описания как образец техники плагиата в XVIII в., текст Долгорукова был на большом протяжении изменен почти до неузнаваемости, так что невооруженным взглядом, без специального анализа, связь улавливается лишь в альтернативном заглавии («Оптимизм, или Все к лучшему») и в нескольких фрагментах, как, например, в следующем:

Je portai les yeux sur le miroir, et j'y vis mon ami Sadak, dont la vertu constante et courageuse m'avoit souvent étonné, qui savoit braver l'indigence et même la faire respecter."	Я взглянул на зеркало и узрел во оном друга моего Садака, Садака того, которого постоянная и бодрая добродетель нередко меня в удивление приводила, и которой, будучи в ни-	Я взглянул на зеркало и узрел во оном друга моего Садака, того Садака, коего постоянная и бодрственная добродетель весьма часто в удивление меня приводила, которой, *находясь в нищете*, не

[88] L'Homme sauvage, histoire traduite de... Par M. Mercier. Paris, 1767; переработанная редакция: L'Homme sauvage / Par M. Mercier. Neûchatel, 1784; Contes moraux / Par M. Mercier. Paris, 1769. Pt. 1—2. В двухтомном сборнике были переведены: «Beitrag zu der geheimen Geschichte der menschlichen Tugenden» («Les Hypocrites»), «Die unglücklichen Ehegatten» («Les époux malheureux»), «Die Geschichte der Fräulein von H. aus einigen Briefen zusammen getragen» («Histoire de Mademoiselle de Rémilies»). См.: Engler W. Merciers Abhängigkeit von Pfeil und Wieland // Arcadia. 1968. Bd 3. H.3. S.251—261; Annandale E.T. J. G. B. Pfeil and L.-S. Mercier. P. 444—459.

[89] В книгопродавческом каталоге И.Я.Вейтбрехта за 1773 г. значатся: Contes moraux, par Mercier. Paris, 1769. 2 vol. 1 R. 20 C.; L'Homme sauvage, par Mercier. Paris, 767. 65 cop. Кроме того, продавался перевод еще одного произведения Пфейля: L'Homme tel qu'il est, ou Mémoires du Comte de P. trad. de l'Allemande par Morville. Paris, 771. 2 vol. 80 cop. См.: Catalogue des livres françois qui se trouvent chez J. J. Weitbrecht, Libraire de l'Académie des Sciences. St. Pétersbourg, 1773. P.[36, 92].

[90] В СК (№4171) автором указан Л.-С. Мерсье.

	щете, умел оную мужественно побеждать и заставлял ее почитать.	только умел мужественно оную побеждать, но и заставлял ее почитать.
Je le vis assis dans une chambre dont les murs étoient dépouillés; il appuyoit sa tête languissante sur le dernier meuble qui lui restoit, le coeur consumé par la faim et par le désespoir plus cruel encore.	Я зрел его сидящего в чертоге, коего стены отчуждены были всякого украшения; он преклонял унылую свою главу к столбу, имея сердце изнуренное гладом и отчаянием еще мучительнейшим.	Я зрел его седящего в комнате, в которой на стенах не было никакого украшения; он преклонял утомленную свою главу к столу, которой один только у него остался из всех его домашних приборов; имея сердце изнуренное гладом и мучительнейшим отчаянием.
Une seule larme s'echappoit de sa paupière, larme de sang! Malheureux, il n'osoit pleurer. Quatre enfants crioient à leur père et lui demandoient du pain; le plus jeune, foible et languissant, couché sur un reste de paille, n'avoit plus la force de gémir; il exhaloit les derniers soupirs d'une vie innocente.	Единая слеза упала из его очей; слеза, увы, кровавая! несчастной, он не дерзал и плакать. Четыре младенца кричали своему отцу и просили у него хлеба; и самой меньшой из них, в унылость и слабость приведенной, поверженный на последних остатках соломы, не имел уже силы плакать, но испускал последние вздохи невинного жития.	Единая слеза, упадающая из его очей, была слеза кровавая! Сей несчастный не дерзал и плакать. Четыре его младенца вопияли к нему, как к своему отцу, и просили у него хлеба; а самый меньший из них, будучи приведен в крайнюю слабость и изнеможение, лежал поверженный на последних остатках соломы, не имел уже силы плакать и испускал последние вздохи невинной своей жизни.
La femme de cet infortuné, aigrie par la malheur, oublioit sa tendresse et sa douceur naturelle, pour lui reprocher l'excès de leur misère[91].	Супруга несчастного Садака, огорченная бедствием, предавая забвению природную свою ласку и приятность, укоряла его всечасно чрезвычайною своею бедностию[92].	Супруга сего несчастного *Садака*, огорченная толиким бедствием, *позабывая* всю свою нежность и природную ласку, укоряла его чрезвычайною своею бедностию...[93]

[91] Mercier L.-S. Mon bonnet de nuit: Ouvrage qui doit servir de suite au Tableau de Paris. Neûchatel, 1784. T.1. P.28—29.

[92] Мерсье Л.-С. Философических снов часть I... М., 1780. С. 10—11.

[93] Мерсье Л.-С. Мой спальной калпак... С.71—73. Курсивом выделены детали, сопоставление которых с подлинником и переводом И.М.Долгорукова подтверждает, что более поздний русский текст опирается на предыдущий и что, следовательно, совпадения между ними не случайны.

Как видно на этом примере, весь заимствованный текст был тщательно сверен с подлинником; большие фрагменты были вообще переведены заново.

В 1787—1789 гг., когда готовился к печати и находился в типографском производстве «Мой спальный колпак», в книжных лавках Москвы и Петербурга еще продавались «Философические сны»[94]. В этих обстоятельствах перепечатка из них рассказа в неизмененном виде была бы, вероятно, сочтена неэтичным поступком. Правда, случалось подобное в те годы нередко, но в данном случае были задеты интересы людей, с которыми Рахманинов был хорошо знаком, — Новикова и петербургского книгопродавца К.В.Миллера. Воспроизводить перевод Долгорукова буквально не имело смысла также из-за его архаического слога. Нет поэтому ничего удивительного в том, что текст был коренным образом переработан; странно другое: то, что напечатанный в «Моем спальном колпаке» текст несет отчетливые признаки сознательно замаскированного плагиата. Этого в практике Рахманинова ни ранее, ни позже не встречается. Он был уже опытным литератором, вступившим на переводческую стезю более чем десятью годами ранее и на своем счету имевшим весьма солидные в этой области предприятия, свидетельствовавшие о хорошем его знании французского языка. Ему не составило бы труда перевести весь рассказ самостоятельно, не обращаясь к тексту Долгорукова. Если же он перепечатывал в своих изданиях переводы других лиц, то ставил об этом в известность читателей. В данном случае они не были предупреждены о заимствовании. Вся эта история выглядит для Рахманинова настолько необычной и нехарактерной, что правомерно возникает сомнение в его к ней причастности. Поскольку можно почти с полной уверенностью предполагать участие в переводе книги Мерсье каких-то других лиц, о чем уже говорилось выше, то встает вопрос, не был ли он сам как издатель введен кем-нибудь в заблуждение. С другой стороны, в плагиате ощущается уверенная и опытная рука, каковою обладал не кто иной, как именно Рахманинов. Загадка остается пока нерешенной.

«Оптимизм» при своем появлении в «Songes philosophiques» был замечен всеми рецензентами[95]. Когда же Мерсье его включил в «Mon bonnet de nuit», он оказался в книге,

---

[94] Московские ведомости. 1788. 15 янв. №5. С. 44; СПб. вед. 1789. 5 янв. №2. С.21; 9 янв. №3. С.32; и др.

[95] MF. 1768. Juillet. T.2. P.71—74; Journal encyclopédique ou universel. 1768. T.6. Pt.3, 15 Septembre. P.71—73; L'Année littéraire. 1768. T.4. P.241—247.

выдержавшей в 1784—1789 гг. очень большое число изданий[96] и жадно читавшейся в Европе, в том числе в России, где первые переводы из нее стали появляться уже в 1786 г.[97]. В ее составе он вернулся в Германию, где был переведен на немецкий язык, что было замечено Пфейлем[98]. Трижды печатался перевод «Оптимизма» в английских журналах 1787—1791 гг[99]. Были и другие каналы, по которым расходился по Европе рассказ Пфейля на французском языке. Существовал перевод некоей мадемуазель Матне де Морвиль, напечатанный в самом популярном в Европе литературном журнале того времени[100] и перепечатанный в также очень известном собрании «Кабинет фей» в подборке нескольких повестей о «неисповедимых судах» вместе с «Бозальдабом»[101]. Появившаяся в 1785 г. контрафакция романа «Год 2440» включала переложение Мерсье[102].

Итак, все три повести, выделенные в этом разделе из общей массы переводов, включенных Рахманиновым в его сборники и журнал «Утренние часы», были произведениями для второй половины XVIII в. значительными, пользовавшимися общеевропейским вниманием и сыгравшими определенную роль в литературных контактах и борьбе идей. В России они «вписались» в контекст полемики вокруг проблемы мирового зла, которая была если и не в самом центре, то отнюдь и не на периферии философских исканий и раздумий русских просветителей.

«Видение Мирзы» Пфейля появилось тогда, когда оше-

---

[96] См.: Martin A. et al. Bibliographie du genre romanesque français. P.271—272. №84.45.

[97] Кочеткова Н. Д. О первых русских переводах книги Мерсье «Мой спальный колпак». С. 247—249. Кроме «Уединенного пошехонца», о котором говорится в статье, отрывки из «Колпака» печатались в том же году в октябре-декабре в «Новых ежемесячных сочинениях».

[98] Goedeke K. Pfeil // Archiv für Litteraturgeschichte / Hrsg. von F. Schnorr von Carolsfeld. Leipzig, 1878. Bd 7. S.527; немецкий перевод всех четырех томов вышел в 1784—1785 гг. (см.: Girard G. Bibliographie des oeuvres de Mercier // Louis-Sébastien Mercier: Précurseur et sa fortune / Sous la dir. de H.Hofer. München, 1977. P.332).

[99] См.: Mayo R. D. The English Novel in the Magazines, 1740—1815. Evanstone; London, 1962. P.567. №975.

[100] Mirzah: Conte moral / Imité et trad. de l'allemand par Mlle Matné de Morville // MF. 1769. Juillet. T.1. P.27—51.

[101] Mirzah: Conte moral // Le cabinet des fées, ou Collection choisie des contes des fées, et autres contes merveilleux. Amsterdam; Paris, 1786. T.35. P.303—325; Bozaldab, conte oriental // Ibid. P.326—332 (перепечатка из MF. 1770).

[102] L'Optimisme // Mercier L.-S. L'An 2440: Rêve s'il en fut jamais. Nouv. éd., exactement corr. et augm. d'un volume. Londres, 1785. T.2. P.21—47.

ломленная лиссабонским землетрясением Европа осмысляла эту трагедию в философском аспекте. Грандиозная катастрофа, случившаяся 1 ноября 1755 г., не поколебала веры немецкого писателя в разумный и справедливый порядок мироздания. Он остался приверженцем оптимистической теории Лейбница и собственно в ее защиту написал свой рассказ, подкрепив его переводом вольтеровского «Видения Бабука». Знал ли он, что французский автор, которого он привлек себе в поддержку, круто уже изменил свои взгляды на проблему мирового зла и стал выступать с категорическим опровержением доктрины «все благо»? «Кандид» был, правда, еще в будущем (1759), но «Поэма о гибели Лиссабона» вышла в 1756 г. Если Пфейль прочел ее до того, как написал рассказ, то им он возражал Вольтеру, а «Видение Бабука» использовал как остроумный полемический аргумент против писателя, отрекшегося от своей же прежней точки зрения. Но если даже поэма тогда ему была еще не известна и намеренного с нею спора «Видение Мирзы» не содержало, то все равно позднее на фоне всех сочинений французского просветителя, в которых развенчивался философский оптимизм Лейбница и его последователей, Мирза Пфейля стал, конечно, восприниматься как оппонент автора «Кандида» из их числа. В свой перевод Мерсье вложил, без сомнения, именно этот смысл, который сохранился в России.

Рассказ «о судех неиспытаемых» был хорошо знаком русским читателям XVIII в. по «Прологу» и рукописным «Римским деяниям[103]. Пришел он и в виде главы «Пустынник» вольтеровского «Задига»[104], источником которой были те же «Римские деяния»[105]. Затем он же был переведен из немецкого журнала[106], где в свою очередь был заимствован из книги английского философа Генри Мора (1614—1687) «Беседы о вере» (1668)[107]. Эта публикация была, по всей вероятности, сознательным полемическим выпадом редактора

---

[103] О нем см.: Литературный сборник XVII века Пролог / Изд. подгот. О.А.Державина, А.С.Демин, А.С.Елеонская и др. М., 1978. С.196—197; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т.2. Ч.2. С.404—405.

[104] Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. 1759. Июнь. С. 510—520.

[105] См. об этом: Державин К.Н. Вольтер. М., 1946. С.297.

[106] Приключение пустынника // Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия. 1762. Ч.3. Июль сентябрь. С.113—120. Немецкий источник: Das Reich der Natur und der Sitten. 1758. Т.3. №83. S.158—160.

[107] More H. Divine Dialogues, Containing Sundry Disquisitions and Instructions Concerning the Attributes and Providence of God. London, 1668. P.320—327.

«Собрания лучших сочинений» И.Г.Рейхеля против «Поэмы о гибели Лиссабона», поскольку немного спустя он напечатал в своем журнале вызванное ею резкое «Письмо господина Руссо к господину Вольтеру» и сопроводил его своими критическими замечаниями по адресу последнего[108]. В развернувшейся далее многолетней борьбе мнений вокруг проблемы мирового зла «Видение Бабука», «Задиг» и «Мемнон», к которым примыкали «Бозальдаб» и «Видение Мирзы» Пфейля в его двух французских переводах, выступали противопоставлением «Поэме о гибели Лиссабона», «Кандиду», «Истории путешествий Скарментадо».

Динамика полемики имела следующий вид:

1763

«Поема. На разрушение Лиссабона» в переводе И.Ф.Богдановича (журнал «Невинное упражнение», апрель).

«Обращение света, или Видение Бабука, писанное им самим» (журнал «Свободные часы», август—сентябрь).

1766

«Задиг или Судьба, восточная повесть; и Свет каков есть, видение Бабука, писанное им самим» (пер. И.Л.Голенищева-Кутузова; СК 1099).

«О неиспытанных судьбах Божиих» (первый русский перевод «Бозальдаба»[109]).

1769

«Кандид» в переводе С. Башилова (СК 1108).

В «Трутне» дядюшка-подьячий советует племянничку избегать читать «Кандид» (л. 15, 4 августа).

«Судьба» («Трутень», л. 34, 15 декабря, пер. И.М.): воин убивает дряхлого старца, подозревая, что тот присвоил потерянный им кошелек, который на самом деле подобрал и унес побывавший в этом месте ранее мальчик; «в крови утопающий сей старик некогда убил злодейски отца того мальчика, который нашел здесь кошелек с деньгами» (подлинник — притча Х.Ф.Геллерта «Das Schicksal»)[110].

---

[108] Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия. 1762. Ч.4. Октябрь—декабрь. С.231—273; см.: Заборов П.Р. Русская литература и Вольтер. С.30—31.

[109] В кн.: Слак. Забавной философ, или Собрание разных остроумновымышленных повестей, удивительных сновидений и замысловатых для увеселительного наставления опытов / Пер. с аглин. Л.Сичкарев. СПб., 1766. С.311—323. См.: Левин Ю.Д. Восприятие английской литературы в России. С.92. №357.

[110] Источник Х.Ф.Геллерта — The Spectator. 1711. December 1. №237 (автор — Дж. Аддисон).

Отрицательный отзыв о «Кандиде» в «Адской почте» Ф.А.Эмина, сравнившего повесть Вольтера с «Бовою-королевичем»[111].

1770

«Мемнон, или Премудрость человеческая» (журнал «Парнасский щепетильник», сентябрь).

1773

Переиздание «Поэмы на разрушение Лиссабона» в сборнике И.Ф.Богдановича «Лира, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов некоторого муз любителя» (СК 630).

«История путешествий Скармантадовых» в переводе А.Г.Спиридова с большими цензурными купюрами (журнал «Старина и новизна»).

«Похождения дикого американца» Пфейля. Герою, когда он был язычником, «несовершенным <...> казался весь мир, преисполненный бесчисленными бедствиями для страдания жителей его»; христианское учение приводит индейца к осознанию того, что бог «благополучие и несчастие наше <...> крепко между собою соединил, семя одного лежит всегда в утробе другого и оба они неразлучно сопряжены с нашею природою»[112].

1775

Притча Х.Ф.Геллерта в составе его «Басен и сказок» (СК 1292).

1777

Отрицательный отзыв о «Кандиде» в «Санктпетербургских ученых ведомостях» (3 февраля, № 5, с. 40). Издатель — Н.И.Новиков.

«Бозальдав, восточная повесть» в «Утреннем свете» (ч. I, октябрь). Издатель — Н.И.Новиков.

1778

«Скарментадово путешествие» (издано в Петербурге с большими сокращениями; СК 1141).

Отрицательный отзыв о «Кандиде» в «Опыте трудов Вольного российского собрания при имп. Московском университете» (ч. 4, с. 246).

---

[111] Адская почта, или Переписки хромого беса с кривым. 1769. Сентябрь. С.195; ср. отзывы о Вольтере там же, сентябрь, с.187—191 и ноябрь, с.273—274. Об отношении Эмина к Вольтеру см.: Шкловский В. Чулков и Левшин. Л., 1933. С.158; Заборов П.Р. Русская литература и Вольтер. С.68—70; а также выше с.41—42.

[112] Похождения дикого американца. С. 93, 158

1779

«Кандид»: два издания (СК 1109, 1110) и допечатка по требованию заведующего книжной лавкой Академии наук 1000 экземпляров издания 1769 г. (СК 1108); все в Петербурге.

«Оптимисм, то есть наилучший свет, состоящий в продолжении истории Кандида. Часть вторая сочинения г. Вольтера»: два издания; одно в Петербурге, место другого не установлено, однако, по всей вероятности, тоже Петербург (СК 5005—5006).

«Бозальдав, восточная повесть» (второе издание «Утреннего света», Москва).

«Похождения дикого американца» (второе издание, Москва).

1780

Критическое замечание по поводу «Поэмы о гибели Лиссабона» в сочинении И.В.Лопухина «Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями и опровержение их вредных правил»[113].

Рассуждение о «мировом зле» в кн.: Дикий человек, смеющийся учености и нравам нынешнего света. С. 12—20. Издатель — П.Богданович (СК 1868).

В этот, возможно, год В.А.Левшин пишет антивольтеровское «Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме г. Волтера на разрушение Лиссабона». Издано в 1788 (СК 3541), но подписано 2 мая 1780 г[114].

Неодобрительные отзывы о «Кандиде» в 1777—1778 гг. были, по всей видимости, реакцией на устойчивую, а может быть, и возраставшую его популярность. В 1779 г. типографии откликнулись, конечно, на сильную вспышку интереса к «безбожному» произведению[115], о которой свидетельствуют и два издания подражательного «продолжения», развивавшего вольтеровские идеи[116]. Началась она, возможно,

---

[113] См. подробно: Заборов П.Р. Вольтер и русская литература. С.72—73.

[114] Высказано предположение, что дата поставлена задним числом в 1788 г., когда и сочинено «Письмо»; она якобы служит тому, чтобы «отодвинуть» назад момент отхода автора от «волтеризма» (Там же. С.73).

[115] Вполне вероятно, что в 1779 г. вышло лишь одно новое издание (СК 1109), а другое с этою же датою печаталось позднее. Тем не менее и одного с допечаткою 1000 экз. старого достаточно, чтобы говорить о вспышке интереса.

[116] О повести «Оптимисм», издававшейся в XVIII в. как вторая часть «Кандида» см.: Rustin J. Les «Suites» de «Candide» au XVIIIe siecle // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century. 1972. Vol.90. P.1395—1416. На

еще раньше[117], и несомненна ее связь со смертью Вольтера 30 мая 1778 г., обострившей внимание к его сочинениям и личности как его идейных противников, так и сторонников. Увлечение «Кандидом» было явно формою противостояния нараставшим антирационалистическим настроениям, носителями которых выступали в первую очередь масоны, как раз начавшие активное их распространение. Перевод рассказа Пфейля в переделке Мерсье, выполненный И.М.Долгоруковым, оказывался в 1780 г., таким образом, в самой гуще полемики, бывшей частным проявлением сложных идеологических споров тех лет.

Затем четырежды печатались переводы «Мемнона»[118] и один раз «Путешествии Скарментадовы»[119]. Дважды появился «Бозальдаб» (перепечатка перевода Л.Сичкарева[120] и перевод переделки рассказа[121]); Н.М.Карамзин перевел с немецкого языка поэму А. фон Галлера «О происхождении зла» (М., 1786). В 1787—1788 гг. полемика, видимо, обострилась. Выходит второе издание «Рассуждения о злоупотреблении разума» (М., 1787), В.А.Левшин публикует свое «Письмо... о поэме... на разрушение Лиссабона» (М., 1788), И.Н.Виноградский перепечатывает из «Утреннего света» под измененным заглавием и с несущественными стилистическими изменениями «Бозальдава»[122], вторым «тиснением» выпускаются «Задиг» и «Бабук» в переводе И.Л.Голенищева-Кутузова (СПб., 1788), появляются брошюры, резко обличающие

волне интереса к «Кандиду» были переведены и другие произведения, написанные ему в подражание: Вторый Кандид, уроженец китайской, или Друг истины. СПб., 1774 (СК 1189); то же под загл.: Другой Кандид, или Друг истины // Зимние вечеринки. М., 1789. С. 1—92. (СК 2346).

[117] Записи в архивном деле о допечатке издания 1765 г. датированы 1 мая 1779 г., но, можно полагать, не сразу ощутилась в ней потребность.

[118] Мемнон, или Мудрость человеческая // Московское ежемесячное издание. 1781. Ч. 1. Апрель. С. 287—297; Мемнон переведенный из сочинений г. Волтера / Переводчик Пу***чик. СПб., 1782; Мемнон // Аллегорические, философические и критические сочинения г. Волтера / Пер. с фр. И.Р.[ахманиновым]. СПб., 1784. С. 45—57; Философ // Городская и деревенская библиотека. 1785. Ч. 10. С. 49—58.

[119] Аллегорические, философические и критические сочинения г. Волтера. С.181—197.

[120] Зритель мира и деяний человеческих / Пер. с аглин. Л.Сичкарев. СПб., 1784. С.166—175.

[121] Восточная сказка // Детское чтение для сердца и разума. 1785. Ч.1. С.61—67. См.: Левин Ю.Д. Восприятие английской литературы в России. С.62 (сноска 178), 86 (№189).

[122] Все небесами ниспосылаемое служит к нашему же счастью: Восточная повесть // Виноградский И.Н. Картина нравов, или Собрание разных нравоучительных повестей и анекдотов, служащих к образованию сердца и нравов юношества. М., 1789. Ч.2. С.101—115. Имя калифа изменено на Алим.

«пагубное умствование» покойного Вольтера[123]. Левшин переводит притчу Геллерта[124], а в старом переводе она перепечатывается во втором издании «Басен и сказок» (СПб., 1788) немецкого писателя. Внимание Фомы Розанова привлекает «Видение Мирзы» Пфейля в переводе-переложении мадемуазель Матне де Морвиль в «Mercure de France»[125].

На этом фоне, в который четко «вписываются» три разбираемые повести, а с ними всем своим содержанием и «Утренние часы», и сборники, изданные в эти годы Рахманиновым, видна необоснованность суждения о журнале как о не содержавшем «сколько-нибудь заметного отклика на борьбу тогдашних умственных и литературных течений»[126]. Отклик был самый непосредственный и живой — но не там, где его хотели видеть исследователи. Вместе с тем особый характер позиции Рахманинова проявился в том, что, печатая в «Уединенном кабинете» повести «Омар» и «Гассан», он в том же году включил во вторую часть предпринятого им «Собрания сочинений г. Волтера» (СПб., 1787) переведенную И.Ф.Богдановичем «Поэму на разрушение Лиссабона». Это собрание сочинений, в отличие от начатого несколькими годами позже в Козлове, не предполагалось полным. Печатать в нем «Поэму» или нет целиком определялось волею Рахманинова, и тем более только от нее зависел выбор для перевода и «Бозальдаба», и «Оптимизма». Следовательно, антитеза была сознательная.

5

«Восточная смесь» была авторитетным источником переводов, имевшим общеевропейское значение.

При огромном увлечении «восточной повестью» в европейской литературе тех лет удачный подбор произведений и то обстоятельство, что все они были подлинно восточными, обеспечили сборнику Кардона успех. Ведущие журналы посвятили ему пространные рецензии, в которых перепечатали или пересказали некоторые наиболее примечательные, с их

---

[123] Обнаженный Волтер. СПб., 1787; Разговор Вольтера с Ж.-Ж. Руссо в царстве мертвых. СПб., 1789.

[124] Судьба // Нравоучительные басни и притчи сочинения Василия Левшина. М., 1787. С.66—68.

[125] Мирза: Арабская нравоучительная повесть // Избранная библиотека арабских, турецких, китайских, англинских, французских, пастушеских, волшебных и других повестей и анекдотов, переведенных из различных иностранных книг. М., 1788. Ч.1. С.53—89. Принадлежность этого издания Ф.Ф.Розанову обосновывается автором в отдельной статье.

[126] Семенников В.П. Литературно-общественный круг Радищева. С.231.

точки зрения, притчи. «Mercure de France», например, отметил, что «Смесь» «не похожа на большинство современных компиляций, в которых новым оказывается лишь заглавие»[127]. «Journal encyclopédique ou universel» назвал книгу Кардона «одним из самых интересных сборников восточной литературы»[128]. В «L'Année littéraire» пересказы и перепечатки из «Смеси» заняли двадцать семь страниц[129].

Почти сразу после выхода сборника появились его переводы на другие европейские языки. В Англии с сентября 1770 до конца 1771 г. регулярно печатались из него отдельные произведения без указания источника («The Universal Magazine of Knowledge and Pleasure»); несколько позже вышел полный перевод книги[130]. В Германии «Смесь» начали переводить также в 1770 г. Первая часть была напечатана без заглавия в том же году в продолжающемся сборнике «Новые вечерние часы»; вторая часть, появившаяся там же в следующем году, заглавие имела («Versuche der Orientalischen Litteratur»), но имя Кардона по-прежнему не упоминалось[131]. В следующем десятилетии «Смесь» еще дважды выходила на немецком языке[132]. Отдельные притчи печатались в журналах[133].

В 1780-е годы появились русские переводы. Первой была переведена притча о туфлях Абу-Касема, которыми, несмотря на все старания их владельца от них избавиться, неизменно к нему возвращались, каждый раз навлекая на него какую-нибудь беду[134]. Почти одновременно было переведено

---

[127] MF. 1770. Juin. P.32.

[128] Journal encyclopédique ou universel. 1770. T.7 Pt.3. 1 novembre. P.376.

[129] L'Année littéraire. 1770. T.2. P.217—244.

[130] A Miscellany of Eastern Learning: Translated from the Turkish, Arabian, and Persian Manuscripts in the Library of the King of France. London, 1771.

[131] Neue Abendstunden oder fortgesetzte Sammlung von lehrreichen und anmuthigen Erzählungen. Breslau; Leipzig, 1770. T. 5. S. 2—256; 1771. T. 6. S. 1—66. Этот перевод был издан и отдельной книгой (Breslau, 1771).

[132] Miscellaneen der Morgenländischen Literatur, oder Erzählungen aus dem Orient zur angenehmen und nützlichen Unterhaltung und richtigen Kenntniss der morgenländischen Sitten und Denkungsart. Dessau, 1781; Leipzig, 1787.

[133] Например: Allegorie // Mannigfaltigkeiten. 1771. Jg. 2. Woche 76. Februar 9. S.373—377; то же // Neueste Mannigfaltigkeiten. 1779. Jg.2. S.284.

[134] Туфли: Повесть, взятая из аравийского сочинителя Адиауб Моуазер // Санктпетербурский вестник. 1781. Ч. 7. Июнь. С.448—453. Оригинал: Les deux pantoufles (Cardonne. P.54—59). Об этой притче см.: Крымский А. Е. История новой арабской литературы, XIX — начало XX века. М., 1971. С.84—85.

и напечатано другое извлечение из «Смеси» — нравоучительные «Советы Наби Ефендия сыну»[135]. Затем последовал почти трехлетний перерыв, после которого появился новый перевод притчи об Абу-Касеме и его туфлях[136].

Как видно из этого перечня, сначала «Смесь» привлекала внимание в России эпизодически, причем из трех переводов два были напечатаны в масонских изданиях, выйдя из того самого кружка, с которым в свое время общался Рахманинов и с которым в подборе иностранных произведений для своих изданий он так часто совпадал в 1787—1789 гг. Найдя в «Смеси» благодарный материал для своих нравоучительно-воспитательных целей, Рахманинов стал использовать сборник Кардона систематически, обратив на него, по-видимому, также внимание А.Н. Никто другой из русских литераторов XVIII в. не обращался к этой книге столь часто, тем не менее переводы из нее продолжали время от времени появляться в разных изданиях[137].

Полагая, что источниками переводов, наполнявших «Утренние часы», были книги малозначительные, Ф. А. Витберг в качестве примера назвал сборник анекдотов и детскую книгу, на которые нашел указания в приобретенном им экземпляре. Все сведения, которыми он о них располагал и на основании которых вынес свой суровый и несправедливый приговор, ограничивались заглавиями, приведенными в подписях в сокращенной форме. Между тем для своего времени это были авторитетные, солидные сборники, которые заво-

---

[135] Московское ежемесячное издание. 1781. Ч.2. Июль. С.161—181. Под этим заглавием были переведены два раздела: собственно «Conseil de Nabi-Efendi a son fils» и «Divers conseils» (Cardonne. P.267—285). Ср. переводы этих же разделов в «Утренних часах» (примеч. 43).

[136] Несчастие от туфлей // Покоящийся трудолюбец. 1784. Ч.1. С.210—216. Под заглавием «Проклятые туфли» этот перевод был перепечатан в сборнике «Небылицы в лицах» (М., 1793).

[137] В дополнение к указанным выше в примечаниях 37, 39, 40, можно указать два перевода повести «Reconnoissance singulière, et sentiments de générosite entre deux arabes» (Cardonne. P. 59—65). 1) «Али-Ибе-Аба, любимец калифа Мамуна и надзиратель полиции под правительством сего государя, рассказывал...» // Благодаров Я. Полезное и увеселительное чтение для юношества и для всякого возраста. М., 1788. С.201—208; 2) Отринутая благодарность, или Пример редкого великодушия: Восточная повесть // Дело от безделия. 1792. Ч.2. Март. С.40—48. Позднее через немецкий сборник еще раз пришла притча о туфлях Абу-Касема: Корень всего зла // [Николаи К.Ф.] Новый спутник и собеседник веселых людей. М., 1796. Ч.1. С.77—79. Было бы желательно установить произведения, из которых Кардон извлекал отрывки, а также их авторов. Эта задача, заняться которой можно пожелать востоковедам, выполнима, так как в некоторых изданиях «Смеси» указаны шифры и авторы рукописей Королевской библиотеки.

евали признание повсеместно в Европе и которыми не гнушались наряду с переводчиками «Утренних часов» и другие русские писатели и журналисты последних двух десятилетий XVIII в.

О «Словаре анекдотов» Оноре Лакомба де Презеля уже шла речь в связи с дополнениями Н.Г.Курганова к «Присовокуплению второму», и далее название этого сборника будет всплывать применительно к другим русским журналам XVIII в.

Произведением, которое Рахманинов перевел из детской книжки (кстати, единственным), был не какой-нибудь рядовой рассказик, написанный специально для детей, а идиллия С.Геснера «Миртил» (II, 17, 54—57), удовлетворявшая в это время духовные, интеллектуальные и эстетические интересы самых взыскательных людей. Книгой, из которой эта идиллия попала на страницы «Утренних часов», была упоминавшаяся выше хрестоматия Арно Беркена «Детское чтение». Этот сборник, удостоившийся при своем появлении хвалебных рецензий в нескольких журналах[138] и сразу получивший широкую популярность, довольно быстро сделался известным в России. Уже через четыре года был издан выборочный перевод первого выпуска под заглавием «Детское чтение, или Отборные небольшие повести, удобные увеселить детей и наставить их любить добродетель» (СПб., 1779). Еще через четыре года вышла на русском языке другая книга, в которой почти все рассказы были переведены из «Lectures pour les enfans»: «Детское чтение, или Собрание повестей и других сочинений, способных к забаве и наставлению детей» (СПб., 1783). Заимствования из хрестоматии Беркена, сделанные французскими компиляторами Л.-П.Беранже и Э.Гибо, были переведены в составе их антологии «Нравоучение, представленное на самом деле, или Собрание достопамятных деяний и нравоучительных анекдотов, могущих внушить любовь к добродетели и усовершенствовать молодых людей в искусстве повествования» (М., 1790, Ч.1—2). Читались «Lectures pour les enfans» в московском Благородном пансионе, как можно судить по содержанию «Учебной книги для средних французских классов» (М., 1794) этого учебного заведения. Отдельные рассказы, взятые то непосредственно из сборников Беркена, то из перепечаток и переводов в различных детских книжках, часто встречаются

---

138 MF. 1776. Janvier. T.2. P.85; Mémoires pour l'histoire des sciences et des beaux arts. 1775. Décembre. P.431; Bibliothèque des sciences, et des beaux arts. 1775. T.44. Pt.2. Octobre — décembre. P.521—522; 1778. T.48. Pt.1. Janvier — mars. P.242—243.

среди русских переводов, выполненных детьми при изучении иностранных языков. Так, Елизавета Демидова перевела рассказы «Счастлив отец, имея доброго сына»[139] и «Пример сыновней любви»[140] В сборник воспитанников Мещанского народного училища в Москве вошел рассказ «Злодеяние одного другим наказанное»[141]. Несколько заимствований из книги Беркена содержатся в собрании «Новые басни и повести» (М., 1799), составившемся из учебных переводов с немецкого языка Марии Базилевич[142].

---

[139] Время, непраздно провожденное в чтении, или Полезные повествования разных писателей, собранные и переведенные девицею Елисаветою Демидовою. СПб., 1787. С. 145—147. Под заглавием «Heureux le père d'un si bon fils» Беркен перепечатал в своем сборнике идиллию С. Геснера «Миртил».

[140] Там же. С. 197—198. Беркен перепечатал рассказ «Trait de tendresse filiale» из: MF. 1772. Juillet. T.1. P.182—183.

[141] Детская книга, или Собрание нравоучительных повестей, переведенных из лучших французских сочинителей воспитанниками Мещанского народного училища Василием и Сергеем Симоновскими и Александром Сайковым под смотрением учителя того же училища Н. Муравьева. М., 1796. С. 67—69. Под заглавием «Les crimes punis l'un par l'autre» Беркен перепечатал рассказ «Le Crime» из «Fables orientales» (1769) Ж.-Ф. де Сен-Ламбера, о которых шла речь во введении. Рассказы на этот древний сюжет переводились на русский язык в XVIII в. еще девять раз, в том числе несколько — в варианте Сен-Ламбера. Впоследствии на этот сюжет написал басню «Три путешественника» И.И.Дмитриев (1810) и рассказ «Бумажник» А.П.Чехов (1885).

[142] Через немецкий перевод-посредник во вторую часть «Новых басен и повестей» вошли следующие рассказы из сборника Беркена:

«Великодушный брат» (С. 1—11). Под заглавием «Le cadet généreux» Беркен перепечатал одноименный рассказ из кн.: Le Tourneur P. Choix de contes et de poësies erses: Trad. de l'anglais. Amsterdam; Paris, 1772. T.1. P.147—153.

«Нечаянное счастие» (С. 92—96).

«Испытанная детская любовь» (С. 96—97).

«Добродушный сын» (С. 105—109).

«Великодушный крестьянин» (С. 109—111). Беркен перепечатал этот рассказ из: MF. 1770. Juillet. T.2. P.182—183; ср. перевод из другого источника в «Утренних часах» (I, 8, 126—128).

«Люди добрые находятся везде, даже и между дикими» (С.111—114) (об этом рассказе см. выше стр. 91—92).

«Долг человечества» (С. 114—115). Возможные источники Беркена: Journal encyclopédique ou universel. 1772. T.6. Pt.1. Aoust 15. P. 133; MF. 1772. Octobre. T.2. P. 191—192. Еще пять переводов на русский язык в XVIII в.

«Братняя любовь» (С.116—117). Этот рассказ на сюжет, заимствованный из журнала «The Spectator» (1711. 14 November. №248), Беркен взял, очевидно, из MF (1772. Aoust. P.172—173).

В «Новых баснях и повестях» произведения из «Lectures pour les enfans» расположились, как хорошо видно из указанных страниц, небольшими гнездами, которые или перешли в таком виде из немецкой книги-посредника, или сформировались в процессе компиляции, производившейся юной переводчицей.

В отличие от тех детских книг, которые включали только произведения, написанные специально для малолетних, или подростков, или юношества, «Lectures pour les enfans» наполнялись рассказами, притчами и анекдотами из сугубо «взрослых» источников, в том числе из «Mercure de France», сочинений Вольтера, Геснера, Летурнера, Мариво и др. Это позволило антологии Беркена выйти в России за пределы детской литературы и приобрести более общее, широкое значение. Переводы из нее появились в нескольких журналах и сборниках, где они легко опознаются по тем изменениям в заглавиях и в языке, а в отдельных случаях и по сокращениям, которые производил Беркен[143].

---

[143] Награжденная честность // Санктпетербургский вестник. 1778. Ч.1. Апрель. С.279—290. Перевод перепечатан в составленном Ф.Ф.Розановым собрании «Избранная библиотека арабских... и других повестей и анекдотов» (Ч.2. С.23—40). Под заглавием «La Probité récompensée» Беркен перепечатал рассказ «La Probité villageoise», напечатанный анонимно в MF (1770. Janvier. T.2. P.18—30). Автор повести — Жан-Гаспар Дюбуа-Фонтанель (1737—1812), в чьем собрании сочинений она дважды перепечатывалась (см.: Dubois-Fontanelle J.-G. Nouveaux mélanges sur différens sujets, contenant des essais dramatiques, philosophiques et littéraires. Bouillon, 1781. T.3. P.113—121; Théâtre et oeuvres philosophiques, égayés de contes nouveaux dans plus d'un genre. Londres; Paris, 1785; см.: Martin A. et al. Bibliographie du genre romanesque français... P.239. №81. 16). Кроме переводов в книгах «Детское чтение, или Отборные небольшие повести» (СПб., 1779) и «Нравоучение, представленное на самом деле...» (М., 1790. Ч.1) Л.-П.Беранже и Э.Гибо (в обеих — по варианту «Lectures pour les enfans»), повесть также переводилась с немецкого перевода-посредника: Пиррин и Лусетта, или Деревенская искренность / Пер. с нем. Е. и Н. Свиньины // Утренний свет. 1780. Ч.9. Июнь. С.119—135.

Потребность любить и быть любиму // Уединенный пошехонец. 1786. Ч. 2. Декабрь. С. 777—781. Под заглавием «Le besoin d'aimer et d'être aimé» Беркен перепечатал рассказ «Le besoin d'aimer» из «Fables orientales» (1772) Ж.-Ф. де Сен-Ламбера (в первом издании 1769 г. этот рассказ отсутствовал). Ср. выше С.21.

Изображение братской дружбы // Избранная библиотека арабских... и других повестей и анекдотов. Ч.2. С.203—204 (тот же рассказ, что и «Братняя любовь» в сборнике М. Базилевич).

Выгоды посредственности: Французская повесть // Там же. С. 205—238. Под заглавием «Les avantages de la médiocrité» Беркен перепечатал из книги «L'Esprit de Marivaux» (Paris, 1769) повесть «Les avantages de la vertu: Ouvrage de sentiment», которая представляет сокращенное извлечение из журнала Мариво «Le Spectateur françois» (1724. №№21—22, 24—25).

Отважность дружбы // Виноградский И. Н. Картина нравов... Ч.1. С.1—14. Под заглавием «Le courage de l'amitié» Беркен перепечатал рассказ Ф.-Т.-М. де Бакюлара д'Арно «Antonio et Roger: Anecdote historique» из: MF. 1770. Juillet. T.2. P.28—30.

Добрый сын // Там же. Ч. 2. С. 1—6. Под заглавием «Le bon fils» Беркен перепечатал рассказ «Trait de piété filiale» из: MF. 1770. Février. P.187—190.

И между дикими есть добрые люди // Приятное и полезное препровождение времени. 1798. Ч. 18. С.74—76. Ср. выше с.91—92.

Нужно любить и быть любимым // Там же. С.76—80. Ср. выше.

«Словарь анекдотов» и «Lectures pour les enfans» давали журналу «Утренние часы» материал для рубрики «Черты великодушия и добродетели». Время от времени в соответствии с программою журнала из «Словаря» извлекались также «приятные и забавные анекдоты» или «острые и замысловатые шутки»[144]. Кроме этих двух сборников в распоряжении сотрудников «Утренних часов» было, по-видимому, несколько других им подобных, из которых пока удалось идентифицировать «Английские ночи» А.Г.Контана д'Орвиля — собрание примечательных, нравоучительных и забавных эпизодов, рассуждений и анекдотов, извлеченных или пересказанных из английских книг и периодических изданий[145]. Каким-то путем, наверное через промежуточные звенья, попали в «Утренние часы» в сильном сокращении и даже изложении два рассказа из «Развлечений чувствительного человека» французского писателя Ф.-Т.-М. де Бакюлара д'Арно — многотомного собрания, содержавшего несколько десятков рассказов и повестей, посвященных прославлению добродетели, чувствительности, отзывчивости, филантропии.[146]

Рубрика «Черты великодушия и добродетели», существовавшая фактически с четвертой недели, но получившая это название лишь с восьмой, была введена в «Утренних часах», очевидно, по образцу западноевропейских журналов, в которых начиная с 1760-х годов регулярно предавались гласности выдающиеся акты добродетели, благотворительности, человеколюбия, самопожертвования, любви к отечеству, героизма, честности и т. п. Такой отдел существовал, например, много лет в «Mercure de France», к которому обращался Рахманинов и его сотрудники[147]. Рассказы о подобных поступках включались и в различные сборники «анекдотов», преследовавшие нравоучительно-воспитательные цели.

Ведущие журналы, имевшие много подписчиков, которые

---

[144] Например: Острое слово (I, 4, 62—63); Острое слово (I, 6, 98); Брак по выбору другого (I, 11, 171-175).

[145] [Contant d'Orville A.-G.] Les nuits anglaises... Paris, 1770. T.1—4. Кроме произведений, указанных в примеч. 31—32, отсюда переведены: Черты великодушия и добродетели (III, 38, 190—192); Анекдот: Совершенная беспечность (IV, 40, 16).

[146] Baculard d'Arnaud F.-T.-M. de. Délassements de l'homme sensible, ou Anecdotes diverses. Paris, 1783. T.1—6. Переведены: Смертоубийственный отказ (IV, 48, 142—144); «Некоторая графиня, претерпевая от своего деверя...» (IV, 50, 168—173).

[147] В России до «Утренних часов» подобная рубрика была, например, в журнале «Собрание новостей» (1775—1776), где она называлась «Черты благодеяний».

были и потенциальными корреспондентами, чаще, естественно, публиковали свежие, текущие материалы; но вообще все без исключения периодические издания охотно и без зазрения совести перепечатывали друг у друга подобные «анекдоты», иногда почти немедленно, но нередко и через несколько лет. Понятие о «злободневности» и «новизне» материала при этом, разумеется, стиралось. Этот процесс усугублялся, когда из журналов анекдот попадал в сборники, где он соседствовал с рассказами, заимствованными из литературных и исторических источников, относившимися к далеким временам или вообще являвшимися плодом художественного творчества. «Современность» была интересна и высоко ценилась как показатель того, что человечество неуклонно движется вперед по стезе совершенствования и что добродетель все шире распространяется в повседневной жизни. Воспитательную же ценность, с точки зрения просветителей, веривших в неизменность человеческой природы во все времена и у всех народов, имело любое сообщение о любом добродетельном поступке, как современное, недавнее, так и ретроспективное. Поэтому нередко журналы за отсутствием текущих сообщений обращались к историческим и литературным источниками, не гнушаясь и сборниками анекдотов. В результате циркуляция анекдота, если он приобретал популярность, оказывалась зачастую весьма запутанной. Реальный факт и вымысел часто становились трудно различимыми, а хронология приобретала неопределенность, если только не приводилась точная дата описываемого события или в тексте не было каких-то легко расшифровываемых указаний.

Когда в «Утренних часах» задумывалась рубрика «Черты великодушия и добродетели», ее предполагалось, вероятно, заполнять по возможности современными отечественными материалами, которые показали бы, что и в России нравы совершенствуются, люди облагораживаются и создаются условия, обещающие в перспективе лучшую жизнь для всех членов общества. Таким именно было первое сообщение о случае бескорыстия и добродетели, содержавшееся в письме А.Н. (I, 4, 49—58). Однако российская крепостническая действительность была неблагодарной средой для поисков «черт великодушия и добродетели», да и читательская аудитория «Утренних часов» была слишком узкой, а подписчики концентрировались на очень малой территории, чтобы журнал мог оперативно получать информацию о тех редких случаях, когда совершались примечательные в этом плане поступки. В связи с этим возникла необходимость обратиться

к иностранным книгам и журналам, а тем самым сразу была снята проблема «современности» и «злободневности», в результате чего все книги и журналы приобрели как источники рассказов для этой рубрики одинаковую ценность, будь то «Словарь анекдотов», номера «Mercure de France» двенадцати- или восемнадцатилетней давности либо детская книжка, в которой было немало заимствований из того же журнала и за те же годы. Кроме того, многие рассказы и анекдоты в этих печатных источниках совпадали. Так, сообщение о крестьянине, спасшем во время пожара своего больного соседа (I, 8, 126—128), было переведено для «Утренних часов», по-видимому, из «Mercure de France» (1770. Juillet. T.2. P.182—183), но оно было перепечатано и Беркеном в одном из выпусков «Lectures pour les enfans». Притчу Лихтвера «Отец и трое сыновей» (II, 18, 74—76) Рахманинов перевел из французской антологии немецких поэтов, но с таким же успехом он мог ее взять из статьи «Щедрость» («Générosité») в «Словаре анекдотов» (СА I, 318—320). Рассказ о «действии великодушного дружества знаменитого Меада, аглинского врача», переведенный А.Н. из «Словаря анекдотов» (II, 18, 77—79), был напечатан и в «Английских ночах»[148]. В разных изданиях печатался очерк Р. Стиля из пятого номера журнала «The Tatler», переведенный в «Утренних часах»[149]. Хрестоматийной была «повесть» о крестьянине, спасшем во время наводнения в Италии целое семейство, оказавшееся среди бушевавших вод[150].

Сатирическая проза была представлена в «Утренних часах» переводами отдельных глав из «Картины Парижа» Мерсье[151] и серией очерков, печатавшихся под заглавием

---

[148] СА I, 32—33; Les nuits anglaises... T.2. P.152—153.

[149] «Во время осады города Намура, которую производили в начале нынешнего столетия соединенные области противу Франции...» (II, 19, 91—94). Как и в «Растущем винограде» (см. выше, с.138, примеч. 123), источником мог быть СА, но подтверждений этому не найдено. Пользуемся случаем указать и другие переводы рассказа на русский язык: 1) О великодушии, кое два неприятеля друг другу оказали: Пер. с фр. // Праздное время, в пользу употребленное. 1759. 30 октября. С.284—286; 2) Два неприятеля // [Пфеффель Г.К.]. Собрание разных забавных и веселых повестей, или Историческої магазин для разума и сердца / Пер. с фр. Никита Унковской. М., 1779. Ч.2. С.96—98; 3) Хорошее мнение одного молодого солдата // Беранже Л.-П., Гибо Э. Нравоучение, представленное на самом деле... М., 1790. Ч.1. С.272—275.

[150] Она есть и в «Словаре анекдотов» в статье «Générosité» (СА, I, 318). Кроме «Утренних часов» (IV, 50, 166—168) и «Письмовника» (№322), этот рассказ переводился на русский язык в 1779—1799 гг. еще не менее семи раз.

[151] Уборной стол модных щеголих (II, 15, 25—32); Модные торговки

«Забавный путешественник» в течение полугода, с перерывами, начиная с четырнадцатого и кончая тридцать девятым номером. Под первым очерком из этой серии в экземпляре Ф.А.Витберга напечатано: «П.И.Р. из Amus. Cerieu et Comiq.». Криптоним Рахманинова стоит только под первыми двумя статьями, но, по всей вероятности, ему принадлежат все эти переводы. Произведением, которое он перевел почти полностью, был сатирический роман французского писателя конца XVII—начала XVIII в. Шарля Ривьера Дюфрени (Dufresny, 1648—1724) «Серьезные и комические развлечения» (Amusemens sérieux et comiques, ou Délassemens de l'esprit et du coeur», 1699). Отправляясь в «путешествие» по Парижу, ко двору, в оперу, в разные слои общества и различные компании и сборища, автор водит с собою повсюду воображаемого сиамца, незнакомого с обычаями французов. Вопросы и замечания этого «дикаря», его реакция на увиденное и услышанное, его взгляд свежего человека, не отягченного грузом предрассудков и традиций, вызывают необходимость пояснений и служат стимулом автору, чей сатирический ум и образ мыслей проявляются в характеристиках соотечественников. Это известное в XVIII в. произведение, оставившее след во французской литературе (оно подсказало Монтескье замысел «Персидских писем»), уже переводилось на русский язык и было напечатано в типографии Н.И.Новикова в тот самый год, когда Рахманинов участвовал в «Утреннем свете»[152]. В те же годы к «Серьезным и комическим развлечениям» обращался Д.И.Фонвизин, взявший из них несколько строк для двух реплик Стародума[153]. Трудно сказать, явился ли выбор Рахманиновым этого романа для повторного перевода случайным совпадением, или же здесь опять, уже не в первый раз, сказалось долговременное влияние старых связей с кружком Н.И.Новикова.[154].

(IV, 42, 37—48); Мужья (IV, 51, 182—187).

[152] Умозрительный путешественник, или Важные и смешные забавы, сочинения г. дю-Френи, переведенные с фр. яз. коллежским переводчиком Иваном Кореставицем. М., 1780.

[153] Сатирические замечания о дорогах, которыми ездят при дворе («Недоросль», д. III, явл. 1).

[154] Кроме романа Дюфрени и его одноактной комедии «Спорщица» (М., 1779; изд. 2-е. М., 1780) на русский язык несколько раз без указания имени автора переводилось его стихотворение «Les lendemains»: 1) Филиса, или Четыре степени любви. Подраж. франц. // Иртыш, превращающийся в Ипокрену. 1791. Октябрь. С.20—21; 2) Расчетливая пастушка. Пер. В.А.Озерова (1790-е гг.). — В кн.: Сочинения Озерова. СПб., 1817. Ч.I. С.128; 3) Четыре степени любви. Пер. К.Ф.Рылеева (1816—1818, опубл.

Есть в «Утренних часах» еще один перевод, в котором также, вероятно, проглядывают следы былого общения Рахманинова с Новиковым. Это — небольшой сатирический очерк «Роднябар», представляющий вольный (с добавлением ряда деталей) перевод из той самой книги Ф. Шампьона де Понталье[155], из которой Новиков много лет ранее перевел и напечатал извлечение под заглавием «Французского нынешнего времени философия» (СПб., 1772), переиздав его за год (Изд. 2-е. М., 1787) до «Утренних часов». Ни одна из инвектив и ни одно из апокалиптических предостережений французского клерикала, обезумевшего от ненависти к передовой философской мысли и страха перед нею, не вошли ни в «Утренние часы», ни в сборники, составленные и выпущенные Рахманиновым, но знаменателен уже сам факт, что брошюра Шампьона де Понталье, послужившая Новикову для борьбы с французским свободомыслием, с «волтеризмом», была в кружке Рахманинова известна, читалась и осмыслялась.

* * *

Среди иностранных книг и журналов, из которых Рахманинов и другие сотрудники «Утренних часов» извлекали материал для переводов, малозначительных и случайных не было. Все они были в свое время изданиями солидными, авторитетными, находившимися в те годы в широком обиходе повсеместно в Европе и, в частности, в России. Это относится и к тем из них, которые уже установлены как источники переводов, публиковавшихся в журнале; и в равной степени, несомненно, к тем, которые остаются еще неопознанными[156].

1912). Дюфрени был одним из авторов, включенных в рукописный альбом «Extraits de prose et de vers sur différens sujets, redigés en 1795 pour madame la comtesse de Tolstoye» (см.: Зап. отд. рукописей / Гос. б-ка СССР им. В.И.Ленина. 1975. Вып. 36. С. 75).

[155] Роднябар (III, 30, 60—61). Подлинник: «Clitus sonne...» // Variétés d'un philosophe provincial / Par M. Ch..... le jeune [F. Champion de Pontalier]. Bruxelles; Paris, 1767. Pt.1. P.51—52. Этот очерк ошибочно приписывался И.А.Крылову как его собственное сочинение: Майков Л.Н. Первые шаги И.А.Крылова на литературном поприще // Майков Л.Н. Историко-литературные очерки. СПб., 1895. С.37; Семенников В.П. Литературно-общественный круг Радищева. С.231—232; Иван Андреевич Крылов: Проблемы творчества. С.61; Крылов И.А. Полн. собр. соч. М., 1945. Т.1. С.421, 476.

[156] Среди подписей в экземпляре Ф.А.Витберга есть указание на журнал «Французский зритель». Во Франции в разные годы выходило несколько журналов с подобным названием. Первым был «Le Spectateur françois», который издавал Мариво в 1723—1724 г., но из него переводов в «Утренних

Все переводы в «Утренних часах» очень тщательно подобраны, образуя четко выраженное идейно-нравоучительное единство, так что ни в коем случае не подходит к журналу определение «бессодержательный», которым его поспешно наградил Ф.А.Витберг. В подборе чувствуется твердая рука единого редактора, точно знавшего свои цели и соответственно дирижировавшего теми лицами, которые группировались вокруг «Утренних часов», но притом выполнявшего и огромную часть переводческой работы. По всей вероятности, дирижером был И.Г.Рахманинов, хотя, по-видимому, какую-то роль в руководстве журналом играл и П.А.Озеров.

часах» нет. Затем через много лет выходил журнал: Le Spectateur françois: Pour servir de faire suite à celui de M. Marivaux / [Par J.-V. de la Croix]. — 1770. Juin-1771. T.1—3 (см.: Hatin E. Bibliographie historique et critique de la presse périodique françoise... Paris, 1866. P.56; British Union Catalogue of Periodicals. London, 1958. Vol.4. P.202; Union List of Serials in the Libraries of the United States and Canada. Ed. 3. New York, 1965. Vol.5. P.4043). Наконец, существовало еще одно издание с тем же заглавием: Le Spectateur français, ou Journal des moeurs/ Par Jean Castillon. — 1776. T.1 (см.: Hatin E. Bibliographie historique... P.56).

Басни «Капля воды» (III, 27, 3—6) и «Огонь и дурак» (III, 36, 157—159) переведены из кн.: [Dejardin de Courcelle]. Contes sages et fous / Par madame***. Strasbourg, 1787. Pt.2. P.169—173. Загл. в подлиннике: «La goutte d'eau: Conte indien» и «Le feu et le fou: Fable».

Глава 4

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ИДЕЙ В СИБИРИ

(Источники переводов в тобольских изданиях 1789—1794 гг.)

Литературные труды кружка, сложившегося вокруг «Утренних часов», протекали в столице, где был доступен богатый ассортимент разнообразных иностранных книг и журналов, из которых легко было выбрать несколько, отвечавших направлению задуманного периодического издания, распределить их между постоянными и эпизодическими сотрудниками и затем следить за их циркуляцией от одного переводчика к другому. Иным было положение, в котором находились литераторы в далекой Сибири. У них отсутствовало профессиональное писательское окружение, а иностранная литература и периодика, которая могла бы им служить источниками переводов, была не только немногочисленна, но по преимуществу, видимо, случайна и разрозненна[1]. Тем интереснее проследить, как небольшой кружок местных учителей, чиновников и ссыльных издавал журналы с четко выраженной программой, наполняя их главным образом переводами, превосходно ей отвечающими своим подбором.

1

11 марта 1789 г. в Тобольске состоялось торжественное открытие Главного народного училища, а в сентябре начал выходить первый в Сибири журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». В предисловии к первому номеру указывалось, что Училище предпринимает это издание с целью «доставить учителям свойственное званию их упражнение, посредством коего и среди исполнения возложенной на них почтенной должности, достигали б и они дальнейших

---

[1] Материал, собранный в исследованиях по распространению в Сибири иностранных книг, оставляет впечатление, что в XVIII в. систематически и целенаправленно подбиралась учебная, церковно-богословская и профессиональная литература. См.: Ситников Л.А. Западноевропейская книга в Сибири во второй половине XVIII века // Книга в Сибири XVII — начала XX вв. Новосибирск, 1980. С.78—98.

способностей к вящему усовершенствованию толь изящного заведения»[2]. Как видно, эти «упражнения» понимались в широком смысле и не были, кажется, жестко привязанными к программе, которую предполагалось осуществлять в классных комнатах; тем не менее в какой-то части — и можно ожидать, что в большой, — они (а следовательно, и публикации в журнале) должны были с нею перекрещиваться.

Эта программа была достаточно широка. Она предусматривала овладение грамотностью и основами важнейших наук, приобретение практических знаний в различных областях жизни, а также воспитание гражданских и частных добродетелей. В речи, произнесенной на торжественном акте открытия училища, И.Б.Лафинов изложил ее следующими словами: «Здесь каждый юноша поймет ясно православного закона нашего самонужнейшего догматы; здесь почерпнет правила, довольные к содеянию его добрым хозяином. Никогда не будет суеверный судия многих явлений, в заблуждение непросвещенные умы приводящих. Познает точное употребление различных щедрыя натуры полезных произведений. Известно будет купцу, где с выгодою отправлять можно торговлю произведениями своего отечества и где находить потребные для оного вещи; уведает каждый из примеров, что добродетель возвышает не только каждого человека особенно, но и целые государства и области»[3]. В редакционном предисловии к журналу говорилось, что воспитанники училища «прогонят <...> мрак неведения, почерпнут знания, в общежитии необходимо нужные и созидающие прочное человеку благополучие, и наконец, соделавши себя полезными гражданами, достойными сынами отечества, почтенною и твердою подпорою согбенных старостью родителей, доставят им утешение, поистине ни с чем в свете не сравненное»[4].

Столь же широкой была и программа «Иртыша», в результате чего он приобрел универсальный просветительский характер. Наряду с литературными «упражнениями» в нем печатались статьи по истории и эстетике, сообщались практические сведения из области медицины и металлургии, освещались различные вопросы, относящиеся к естественным наукам. Силы тобольского литературного кружка, сгруппировавшегося вокруг «Иртыша», были не настолько велики,

---

[2] Иртыш, превращающийся в Ипокрену. 1789. Сент. Предисл. С.[2]. Далее название журнала сокращенно: Иртыш.

[3] Там же. С.2.

[4] Там же. С.[1—2].

чтобы обеспечить журнал оригинальными сочинениями на все подобные темы. В связи с этим большое место заняли в нем переводы, составляющие в общей сложности по крайней мере половину объема.

М.Г.Альтшуллер собрал отдельные частные наблюдения над переводами, выполненными для этого журнала членами тобольского литературного кружка[5]. П.Р.Заборов отметил переводы стихотворений Вольтера[6]. В сравнительном плане изучены некоторые оригинальные произведения Н.С.Смирнова, а также его перевод «Смерть Нарциссы, дочери славного Юнга»[7]. Большой интерес представляют два исследования, в которых напечатанные в журнале переводы привлекаются для характеристики его общественно-политической позиции и взглядов его сотрудников. В содержательной, но крайне спорной статье М.А Алпатова нѐкоторые публикации такого рода рассматриваются в плане отражения в них передовых идей французского Просвещения[8]. Обильно цитирует переводные материалы З.Н.Трусова[9]. Однако, вынося суждения относительно переводных статей, ни тот, ни другой автор не располагал никакими сведениями об их Пд и Ор, а также изданиях, находившихся в распоряжении тобольских литераторов. Без этих данных не могло не возникнуть разной степени искажений. Подобный недостаток отличает, в частности, работу М.А.Алпатова. Общая концепция автора, согласно которой в «Иртыше» через переводы пропагандировались просветительские идеи, представляется в основе своей весьма плодотворной. К сожалению, конкретные заключения основываются лишь на нескольких цитатах из очень малого числа анонимных переводных статей. В результате, в трак-

---

[5] Альтшуллер М.Г. Литературная жизнь Тобольска 90-х годов XVIII в. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). Новосибирск, 1968. С.178—196 (Материалы по истории Сибири. Сибирь периода феодализма. Вып. 3).

[6] Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. С.53, 90.

[7] Альтшуллер М.Г. Крепостной поэт и переводчик Николай Смирнов // Французский ежегодник, 1967. М., 1968. С.260—265; Он же. Литературная жизнь Тобольска... С.181—183; Левин Ю.Д. Восприятие английской литературы в России. С.192—193; Очерки русской литературы Сибири: В 2-х т. / Гл. редколлегия: А.П.Окладников и др. Новосибирск, 1982. Т.1. С.144—145.

[8] Алпатов М.А. Сибирский журнал — современник Французской буржуазной революции конца XVIII века // Французский ежегодник, 1961. М., 1962. С.109—123.

[9] Трусова З.Н. Общественно-политические тенденции журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» // Очерки литературы и критики Сибири (XVII—XX вв.): (Материалы к «Истории русской литературы Сибири»). Новосибирск, 1976. С.14—30.

товке М.А.Алпатова, «Иртыш» и группа тобольских учителей оказываются излишне радикальными; П.П.Сумароков же, напротив, превращается в безобидного шутника, под чьим руководством второй сибирский журнал — «Библиотека ученая, економическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей» — теряет просветительский характер и становится лишь «кладезем всяких занятных сведений»[10]. Насколько неточны эти оценки, на которые позднее опиралась и которые развила З.Н.Трусова, будет видно из предлагаемого обзора переводов, включающего преимущественно те из них, для которых библиографические данные удалось установить[11].

О серьезных просветительских намерениях издателей журнала, в частности П.П.Сумарокова, свидетельствует тот факт, что первая появившаяся в «Иртыше» переводная статья «Каким образом познаем мы расстояния, величины, виды и положения предметов»[12] представляла извлечение из знаменитой книги Вольтера «Основы философии Ньютона»[13]. В главе, выбранной П.Сумароковым для перевода, излагалась сенсуалистическая теория Локка. Общий вывод, сформулированный в последней фразе, гласил, что чувства (то есть ощущения) «суть единые источники всех наших понятий»[14].

«Основы философии Ньютона», обращенные к широкому читателю и связывающие ньютоновскую механику вселенной с коренными вопросами философского мировоззрения, занимали важнейшее место в истории становления деистических и материалистических идей французского Просвещения. В высшей степени маловероятно, чтобы эта книга Вольтера использовалась на занятиях в Тобольском народном училище, и, по-видимому, ошибочно перевод из нее считать учебным[15], тем более что он был выполнен П. Сумароковым, не имев-

---

[10] Алпатов М.А. Сибирский журнал... С.111.

[11] Подробные библиографические сведения об авторах и оригиналах переводных материалов в «Иртыше» приведены в библиографическом приложении к статье: Рак В.Д. Переводы в первом сибирском журнале // Очерки литературы и критики Сибири (XVII—XX вв.). С. 58—66.

[12] Иртыш. 1789. Сент. С. 34—48.

[13] На этот факт обратили одновременно и независимо друг от друга внимание два исследователя: Заборов П.Р. Вольтер в России конца XVIII — начала XIX века // От классицизма к романтизму. Л., 1970. С.89, примеч. 123; Павлов В. За кованой дверью // Уральский следопыт. 1970. №7. С.22.

[14] Иртыш. 1789. Сент. С.48.

[15] Так он оценен, например, М.Г.Альтшуллером (Литературная жизнь Тобольска... С.179).

шим к занятиям отношения. Появление в «Иртыше» отрывка из философского сочинения Вольтера говорит о том, что журнал отнюдь не собирался дублировать учебный материал, а, напротив, ставил цель расширить кругозор читателей, предлагая их вниманию серьезную пищу для размышлений.

Во втором номере «Иртыша» были помещены фрагменты из «Речей о человеке» в стихотворном переводе И.И.Бахтина[16], причем один из них впоследствии был перепечатан в «Библиотеке»[17]. В апреле 1790 г. П.Сумароков поместил в «Иртыше» свой перевод знаменитого мадригала принцессе Ульрике[18]. Летом того же года в журнале появились еще два перевода из Вольтера, выполненные на этот раз И.Лафиновым: «Песнь Иоанна Плокофа»[19] и «Речь архиерея Николая Харистеского»[20].

Неоднократное обращение тобольских литераторов к Вольтеру весьма примечательное явление в культурной жизни далекого сибирского города. Однако этот факт не следует переоценивать. Самый интересный из переводов — отрывок из «Основ философии Ньютона» — остался без продолжения. В дальнейшем для «Иртыша» статьи ученого содержания брались из других источников. Афористические фрагменты И. Бахтина выражали вполне «благонамеренные» мысли. Произведения, переведенные И. Лафиновым, были написаны во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. в поддержку политики Екатерины II[21]. Новая русско-турецкая война (1787—1791) возвратила им злободневность, чем и объясняется появление переводов в «Иртыше».

Следовательно, говорить о «вольтерьянстве» в Тобольске как о выражении свободомыслия нет достаточных оснований. Однако можно предположить, что круг чтения местных литераторов включал различные другие сочинения прославленного французского писателя. Центром, откуда исходил к ним интерес, был, вполне вероятно, И.Бахтин, который, по

---

[16] Отрывки, переведенные из разговоров г. Вольтера о человеке // Иртыш. 1789. Окт. С.34—46.

[17] Библиотека ученая, економическая, нравоучительная, историческая, увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей. 1793. Ч.2. С.95. В дальнейшем сокращенно: Библиотека.

[18] Сон Вольтеров к одной знатной госпоже // Иртыш. 1790. Апр. С.58.

[19] Там же. Июнь. С. 58—64.

[20] Там же. Июль. С.51—58.

[21] Об отношении Вольтера к русско-турецкой войне и польским делам см.: Державин К.Н. Вольтер. М., 1946, С.252—256; Gay P. Voltaire's Politics: The Poet as Realist. Princeton, 1959. P. 178—180.

его собственным воспоминаниям, в период пребывания в Тобольске «был еще *Волтерист*» и увлекался «Орлеанской девицей»[22].

Переводы произведений Вольтера оказались в «Иртыше» лишь эпизодом. Литература французского Просвещения была представлена в журнале главным образом статьями, рассказами, стихотворениями и анекдотами, взятыми из двух ведущих периодических изданий: «Mercure de France» за 1770 — начало 1772 г. и «Journal encyclopédique ou universel»[23] за 1780—1785 гг. Из первого было сделано двадцать шесть переводов, из второго — четырнадцать.

Некоторые номера «Mercure de France» использовались дважды и трижды, иногда одним лицом, а иногда переходя из рук в руки; но многие, особенно за 1771 г., не оставили в «Иртыше» никакого следа. У «Journal encyclopédique» разрывы между использованными номерами особенно велики — от полугода и более. Их можно объяснить, с одной стороны, отсутствием отдельных номеров в комплектах журналов, а с другой — отбором материала. Если при этом принять во внимание, что из ряда номеров «Mercure de France» были переведены лишь небольшие анекдоты[24], то следует, по-видимому, склониться ко второму предположению. Оно особенно правдоподобно для «Journal encyclopédique», издания по преимуществу критико-библиографического. Какой бы интерес ни представляли для тобольских литераторов рецензии, занимавшие в журнале основное место, переводить их на русский язык для публикации в «Иртыше» не было смысла, так как в них говорилось о книгах, вышедших пятью-десятью годами ранее.

В Тобольске имелись и более поздние номера этих журналов, полученные уже в то время, когда издавался «Иртыш». О них известно из писем А.Н.Радищева, который благодарил графа А.Р.Воронцова за присылку «Mercure de France» и сообщал, что ему дали для чтения выпуски «Journal encyclopédique» за 1789—октябрь 1790 гг.[25] В узком кругу образованных людей, живших в Тобольске, новые иностранные книги и журналы, казалось бы, должны были вызывать повышенный интерес. Естественно ожидать бы и

---

[22] Бахтин И. Вдохновенные идеи. СПб., 1816. С.11. В конце XVIII в. и в других сибирских городах были свои «волтеристы» (см.: Кунгуров Г.Ф. Сибирь и литература. Иркутск, 1965. С.46.).

[23] В дальнейшем: в сносках: JE.

[24] 1770. Janvier. T.2; 1770. Juin; 1771. Janvier. T.1.

[25] Радищев А.Н. Полн. собр. соч. М., 1952. Т.3. С.359, 361, 366—367.

появления в местном периодическом издании переводов из тех номеров, о которых писал А.Н.Радищев. Между тем этого не произошло. Все время «Иртыш» заполнялся материалами, извлеченными из комплектов за старые годы. Даже в 1794 г., издавая уже «Библиотеку», П.Сумароков обратился к «Journal encyclopédique» за 1783 г.

Таким образом, с установлением происхождения из «Mercure de France» и «Journal encyclopédique» части переводов, выполненных тобольскими литераторами, опровергается высказанное в свое время предположение о том, что, возможно, «Радищев и Сумароков пользовались книгами из общего источника либо Радищев получил номера журнала непосредственно от Панкратия Сумарокова»[26]. Оно и не могло подтвердиться, будучи само производным давней, настойчиво оживляемой вплоть до наших дней, но так и не получившей в свое подкрепление ни одного сколь-либо весомого аргумента гипотезы об участии Радищева в «Иртыше» или, по крайней мере, о сильном его личном влиянии на сотрудников тобольского периодического издания[27]. Не выявлено никаких достоверных фактов личных контактов Радищева с кем-либо из них, и все предположения о его знакомстве с тем или иным лицом остаются лишь ничем не подкрепленными догадками. А.Г.Татаринцев, проанализировав обстоятельства пребывания Радищева в Тобольске и документы, относящиеся к его возможным знакомствам, справедливо указал, что душевное состояние ссыльного писателя «не располагало <...> на поиски новых знакомств и бесед с незнакомыми ему людьми» (особенно до марта 1791 г). К тому же он находился под очень пристальным надзором (о чем хорошо знал), а за журналом тоже внимательно следило бдительное око начальства[28].

Место «Mercure de France» за 1760 — начало 1770 гг. в европейско-русских литературных связях последних двух

---

[26] Альтшуллер М.Г. Литературная жизнь Тобольска... С.193. Имеется в виду JE.

[27] Неустроев А.Н. Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг. СПб., 1874. С.550; Берков. Рус. журналистика. С.538—539; Шмаков А.А. Радищев и журналистика дореволюционной Сибири // Сибирские огни. 1952. № 5. С. 137; Берков П.Н. Некоторые спорные вопросы современного изучения жизни и творчества А.Н.Радищева // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4. С.191—193; Сенников Г.И. А.Н.Радищев и Николай Смирнов: (К проблеме взаимоотношений) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1980. Вып. 4. С.93—94; Сенников Г.И., Рожкова Т.И. Загадка «Г.Ф.»: (К проблеме литературного направления «Иртыша») // Там же. Л., 1984. [Вып. 6.]. С.132—135.

[28] Татаринцев А.Г. Радищев в Сибири. М., 1977. С.125—158.

десятилетий XVIII в. должным образом еще не определено. Между тем даже беглый библиографический экскурс позволяет утверждать, что использование старых номеров этого журнала тобольцами вызывалось не только тем, что в их распоряжении не было более новых иностранных книг.

Рассказы, опубликованные в «Mercure de France» за указанный период, составили полностью или частично несколько сборников, вышедших в России в 1788—1799 гг. «Избранная библиотека арабских... и других повестей и анекдотов» Ф.Ф.Розанова включала большое число рассказов за 1760—1774 гг. В сборник «Двенадцать истинных нравоучительных повествований» (М., 1791) вошли переведенные с немецкого языка произведения 1765—1766 гг. Сборник «Зрелище деяний человеческих» (М., 1795. Ч.1—2), составленный И. Критским, содержал рассказы 1762—1766 гг., а внимание переводчика «Приятного препровождения вечернего времени» (М., 1799) привлекли на немецком языке повести, относящиеся к 1757 г.[29] В журналах переводы из «Mercure de France» за 1760—1770-е гг. появлялись также до самого конца века[30]. Отдельные рассказы пользовались большой популярностью, так как переводились и публиковались по нескольку раз[31]. Во многих случаях русские

---

[29] Содержание этих сборников и, где оказалось возможным, их непосредственные Ис раскрыты в СК [т. 6], с. 109 (№2425), с.105 (№1731), с.108 (№2373), с.118 (№5685). Сведения об «Избранной библиотеке» дополняют данные, сообщенные выше; см. с.183, 188. (примеч. 125, 143). В «Зрелище деяний человеческих» рассказы из MF попали, очевидно, через сборник-посредник: Lecture du soir, ou nouvelles historiettes en prose / Par M. M***. Paris, 1782 (содержание раскрыто в кн.: Martin A. et al. Bibliographie du genre romanesque français. P.244. №82.6; см. также: Рак В.Д. Библиографические заметки // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19.

[30] Например: 1) Опасность от чтения романов // Приятное и полезное препровождение времени. 1798. Ч.18. №34. С.113—122. Подлинник: [Delacroix J.-V.]. Le danger des romans: Conte // MF. 1770. Juillet. T.2. P.43—49. 2) Сколь пагубно следовать первым движениям гнева // Иппокрена, или Утехи любословия. 1799. Ч.3. С.337—346. Подлинник: Combien les premiers mouvements sont à craindre // MF. 1767. Janvier. T.1. P.51—56.

[31] Рассказ «La bienfaisance: Conte persan» (par M.B... — MF. 1770. Septembre. P.13—23) переводился на русский язык трижды: 1) Благотворительность: Персидская повесть / Пер. с нем. К. Экстер // Покоящийся трудолюбец. 1784. Ч.1. С.195—200. 2) Благодетельность: Персидская повесть; (Переведена из английского журнала «The Town and Country Magazine») // Детское чтение. 1789. Ч.17. №11. С.163—174. 3) Благотворение: Восточная повесть // Дело от безделия. 1792. Ч.4. Дек. С.294—302; рассказ «Le bienfaiteur et le philosophe: Conte chinois» (MF. 1768. Décembre. P.37—49) в переводе Я. Благодарова с немецкого оригинала-посредника (Der Wohlthäter und der Weltweise: Eine chinesische Erzählung // Mannigfaltigkeiten. 1770. Jg.1. Julius 28. Woche 28. S.745—758) был напечатан трижды: 1) Благодетель и мудрец: Китайская повесть: Пер. с нем. М., 1788. 2) В кн.: Благодаров Я. Полезное и увеселительное чтение для

переводчики пользовались перепечатками в различных сборниках и периодических изданиях[32], а также переводами на другие языки, часто даже не подозревая о первоначальной публикации. Это обстоятельство указывает на широкое распространение в Европе произведений, опубликованных в «Mercure de France», и подчеркивает закономерность появления многочисленных переводов из него на русском языке.

«Journal encyclopédique» в силу своего критико-библиографического характера должен был дать меньшее число переводов, чем «Mercure de France», но его связи с Россией были, кажется, более разносторонними и тесными. С первых дней своего существования он оперативно знакомил европейских читателей с жизнью России, публикуя рецензии на работы русских ученых, хронику политических событий, царские манифесты, реляции о военных действиях русской армии и т. п. Журнал, вероятно, имел в Петербурге своих корреспондентов, которые регулярно поставляли ему необходимую информацию. В период русско-турецкой войны

юношества и для всякого возраста. М., 1788. С.82—107. 3) В журн.: Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1791. Ч.1. №7—9. С.107—131; о переводах рассказа «La probité villageoise» см. выше, с.188, примеч. 143.

32 Сборников, содержавших перепечатки из «Mercure de France», вышло очень много; укажем некоторые из них: Lectures amusantes, ou les moeurs du siècle rassemblées dans plusieurs histoires ou contes en prose, pris de différens auteurs modernes, et de divers recueils ou journaux. T.1—3. Paris, 1759; [La Place P.-A]. Lettres à Milady*** et autres oeuvres mêlées en prose et en vers. T.1—3. Bruxelles, 1773; Les Récréations de la toilette: histoires, anecdotes, aventures amusantes et intéressantes pour servir d'amusemens aux jeunes dames, entremêlées de quelques pièces de vers qui n'ont point encore paru. T.1—2. Paris, 1775; Bibliothèque amusante ou recueil choisi de jolis romans, anecdotes intéressantes et contes moraux, presentée au beau sexe. P.1—2. Paris, 1776; Les Hommes comme il y en a peu et les génies comme il n'y en a point, contes moraux, orientaux, persans, arabes, turcs, anglois, françois, etc., les uns pour rire, les autres à dormir debout. Nouv. éd. T.1—3. Bouillon, 1776; Les matinées liégeoises ou l'art de prende le thé en s'amusant. P.1—2. Liège, 1778; Les soirées liégeoises ou les délices du sentiment. P.1—2. Liège, 1778; Contes à sentimens ou recueil de jolies pièces les plus recentes. Nuremberg, 1781; Recueil de nouveaux contes amusants. P.1—2. Londres; Paris, 1781; Contes nouveaux en prose. T.1—2. S.l., 1785; [La Place P.-A.]. Pièces intéressantes et peu connues pour servir à l'histoire et à littérature. T.1—8. Bruxelles; Paris, 1785—1790; Les soirées amusantes ou recueil choisi de nouveaux contes moraux. T.1—3. Amsterdam, 1785; Nouveaux contes moraux et philosophiques. T.1—2. Lille, s.a. Большое число перепечаток из «Mercure de France» содержится, естественно, в авторских сборниках и собраниях сочинений, а также в современных периодических изданиях. Существовали специальные журналы по перепечатке материалов из «Mercure de France»: Choix des anciens Mercures... T.1. 1757 — T.108. 1764; Recueil des meilleurs pièces du «Mercure de France» et de quelques autres ouvrages périodiques. Nos. 1—12. Erlang, 1766; и др. Ряд рассказов и анекдотов из «Mercure de France» получил широкое распространение через «Lectures pour les enfans» Беркена.

1768—1774 гг. Вольтер публиковал в нем письма Екатерины II, освещавшие события в выгодном для нее свете[33].

Близкий идейно к «Энциклопедии» Д'Аламбера и Дидро, построенный, по словам издателя, по тому же плану и руководствовавшийся теми же идеями[34] «Journal encyclopédique», видимо, пользовался в России большим вниманием. К числу его читателей принадлежал, например, М.В.Ломоносов[35]. А.Н.Радищев, находясь в Тобольске, позаимствовал для чтения именно это периодическое издание, так как следил за ним еще в Петербурге[36]. Об авторитете «Journal encyclopédique» у русских читателей свидетельствует и то, что время от времени на его страницах появлялись их письма и заметки по разным поводам. Именно здесь было предано гласности инспирированное, возможно, Екатериной II приглашение Ж.-Ж. Руссо от графа Г.Г.Орлова поселиться в его поместье в шестидесяти верстах от Петербурга[37]. А один из депутатов Комиссии для сочинения проекта нового Уложения вступил на страницах этого журнала в полемику с «Энциклопедией» по поводу напечатанной в ней статьи «Кнут», в которой утверждалось, что физическое наказание в России не воспринималось как нравственное оскорбление[38].

Актуальность сочинений, переведенных тобольскими литераторами из старых номеров «Mercure de France» и «Journal encyclopédique» подтверждается также тем, что некоторые из них приблизительно в те же годы появились и в других русских изданиях.

---

33 Часть материалов, относящихся к России, указана в кн.: Каминер Л.В. Библиография и критико-библиографические журналы во Франции периода Просвещения. М., 1959. С.122—123. О публикации Вольтером писем Екатерины II см.: Gay P. Voltaire's Politics. P.178.

34 Каминер Л.В. Ук. соч. С. 124.

35 Каминер Л.В. Отклики на речь М.В.Ломоносова «Слово о происхождении света» во французской периодической печати 50-х годов XVIII века: (По новым материалам) // Вестник АН СССР. 1951. №12. С.93—99; Каминер Л.В. Библиография и критико-библиографические журналы... С.126—128.

36 Радищев А.Н. Полн. собр. соч. Т.3. С.368.

37 Lettre écrite de S. Pétersbourg par M. le Comte d'O... à M. J. Jacques Rousseau; Réponse de M. J. Jacques Rousseau // JE. 1767. T.5. Pt.1, juillet 1. P.128—129. Об этом письме см.: Майкова К.А. Архив Орловых-Давыдовых // Зап. отд. рукописей / Гос. б-ка СССР им. В.И.Ленина. 1971. Вып. 32. С.17—18. Поместье, куда был приглашен Руссо, — Гатчина, которой Г.Г.Орлов владел в то время

38 Lettre d'un russe, sur la peine du knout, adressée aux auteurs de ce Journal // JE. 1773. T.6. Pt.3, septembre 15. P. 517—519.

В комплекте «Mercure de France», находившемся в распоряжении сотрудников «Иртыша», имелся номер с «Ацемом» Пфейля — и отсюда, уже в третий раз, этот популярный рассказ был переведен И. Лафиновым[39]. Притча «Ардостан» появилась в Тобольске и Петербурге с разрывом в шесть месяцев, причем первенство принадлежало сибирякам[40]. Анекдот о вдове, у которой силой отобрали участок земли, и о кади, остроумно заставившем калифа признать несправедливость этого акта[41], стал известен русскому читателю в драматической обработке А.Г.Мейснера за четыре года до перевода И.Лафинова[42]. Еще один перевод этой небольшой пьесы был напечатан в 1791 г.[43]

В 1780-е гг., когда в русской литературе усилился интерес к сентиментальным произведениям, журналы и сборники пестрели переводами из С.Геснера[44]. В частности, П. Сумароков, встретив в «Mercure de France» его «Ночь» в переводе Матне де Морвиль, в свою очередь перевел ее на русский язык[45]. Несколько позже некто, подписавшийся криптонимом

---

[39] Азем, или Счастливый отшельник // Иртыш. 1790. Март. С.27—52. Французский оригинал см. выше, с.171, примеч. 83. Из всех «нравоучительных повестей» Пфейля именно этой была суждена самая долгая жизнь в России. После И. Лафинова ее переводили еще дважды: 1) Ацем, или Мнимый счастливец: Нравоучительная повесть / Пер. с фр. Вас. Загорской // Приятное и полезное препровождение времени. 1795. Ч.8. №101—102. С.350—372; 2) Ацем, называемый счастливым: Нравоучительная повесть: Пер. с фр. М., 1807.

[40] Ардостан / Пер. Т.Воскресенский // Иртыш. 1791. Окт. С. 38—44; Ардостан / Пер. с фр. Павел Петров // Новые ежемесячные сочинения. 1792. Май. Ч. 71. С. 73—78. Автор: Жан-Гаспар Дюбуа-Фонтанель. Рассказ перепечатывался в кн.: Dubois-Fontanelle J.-G. Nouveaux mélanges... Т.3. P.132—135; Dubois-Fontanelle J.-G. Théâtre et oeuvres philosophiques... Londres; Paris, 1785 (см.: Martin A. et al. Bibliographie du genre romanesque français. P.239. №81.16). Позднее эту притчу поместил в своем журнале П.П.Сумароков: Ардостан: Восточная повесть // Журнал приятного, любопытного и забавного чтения. 1803. Ч.3. №8. С.104—112.

[41] «Во время господствования мавров в Испании...» // Иртыш. 1790. Февр. С.28—30.

[42] Паша, дервиш и вдова // Зеркало света. 1786. Ч.1. №5, март 5. С.113—115. Подлинник: Meissner A.G. Die Witwe zu Zehra // Deutsches Museum. 1780. Bd 1. St.1, Jänner. S.56—60. Включалось во все издания его «Skizzen».

[43] Церская вдова // Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1791. Ч.1. С.211—219.

[44] Кулакова Л.И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века Л., 1968. С. 203.

[45] Иртыш. 1790. Янв. С.1—10. Вопрос об источнике нельзя считать решенным окончательно: свой перевод Матне де Морвиль перепечатала в первом томе изданного ею собрания: «Mes délassemens, ou Recueil choisi de contes moraux et historiques / Trad. de différentes langues par Mademoiselle M. de Morville. Paris; Rouen, 1771—1772. Pt. 1—3. Во втором томе

«К***», перевел это же произведение из английского журнала, не зная, очевидно, имени автора и во всяком случае не подозревая, что текст, который он держит перед собою, является переводом из «Mercure de France»[46]. В том же английском журнале внимание К*** привлекли афоризмы[47], которые ранее были переведены Н.Северяковым непосредственно из «Mercure de France»[48].

Стихотворная сказка П.Сумарокова «Способ воскрешать мертвых»[49] является поэтическим переложением одноименной притчи, опубликованной в посмертном сборнике аббата Ф.Бланше «Восточные апологи и повести» и перепечатанной рядом французских периодических изданий[50]. П.Сумароков прочел ее в «Journal encyclopédique», но русским читателям она стала известна несколькими годами ранее по переводу в «Растущем винограде»[51].

Перевод Н.Смирнова, упоминавшийся выше, возник под общим влиянием Юнга на русскую литературу тех лет.

Таким образом, интересы столичных и тобольских литераторов во многих случаях совпадали. В этом отношении «Иртыш» был провинциальным изданием лишь по месту выхода. Собранные библиографические сведения подтверждают тезис, согласно которому «литература Сибири даже при первых, робких шагах своих развивалась в русле литературы общерусской»[52]. Справедливость этого утверждения становит-

---

находится французский оригинал переведенной П.П.Сумароковым повести «Училище любви» (2-е изд., Тобольск, 1791), но нет полной уверенности, что именно это издание было в данном случае источником.

[46] Ночь: Пер. с аглин. // Чтение для вкуса... 1791. Ч.3. №68—69. С.268—280. Английский перевод: On Night // The Universal Magazine of Knowledge and Pleasure. 1771. Vol.49. August. P.64—66.

[47] [Кабур]. Рассуждения: Пер. с аглин. // Чтение для вкуса... 1791. Ч.3. №69. С.280—282. Английский перевод: Reflections // The Universal Magazine... 1771. Vol. 49. August. P. 71.

[48] Размышления // Иртыш. 1789. Окт. С. 59—61.

[49] Иртыш. 1791. Сент. С.25—44.

[50] Moyen de ressusciter les morts: Conte persan // Blanchet F. Apologues et contes orientaux. Paris, 1784. Выявленные перепечатки в журналах: JE. 1785. T.1. Pt.2, janvier 15. P.287—292; L'Esprit des journaux. 1785. T.9. Septembre. P.245—251. В качестве источника этой «сказки» Ф.Бланше указал «Гулистан» Саади. Однако критическое издание «Гулистана» подобной притчи не содержит (см.: Са'дӣ. Гулистан / Критич. текст, пер., предисл. и примеч. Р.М.Алиева. М., 1959). Очевидно, Ф. Бланше имел в виду притчу о Дарии и Демокрите, которая содержится в приложении к французскому переводу «Гулистана» (1704), включающему выдержки из сочинений разных восточных авторов (см.: Gulistan ou l'Empire des roses: Traité des moeurs des rois / Composé par Musladini Saadi, prince des poètes persiens. Trad. du Persan. Paris, 1704. P. 113—114).

[51] Средство оживлять из мертвых: Персидская сказка // Растущий виноград. 1785. Окт. С. 84—94.

ся совершенно очевидной при рассмотрении содержания и проблематики переводов в «Иртыше».

2

Стихотворение И.Бахтина «Юзбек»[53] поднимало важнейшую для крепостнической России тему обращения господина с рабом и перекликалось с его «Сатирой на жестокости некоторых дворян к их подданным», хотя в отличие от нее трактовало эту тему в абстрактно-нравственном плане. Определенные ассоциации несомненно должен был вызвать у читателей и уже упоминавшейся анекдот о бедной женщине, у которой калиф отобрал ее небольшой участок земли, чтобы построить себе роскошный дворец.

Во всех опубликованных в «Иртыше» выступлениях тобольских учителей на торжественных актах и в их оригинальных и переводных статьях настойчиво повторяется мысль о просвещении как о единственном пути, способном привести государство к расцвету, а людей к счастью и благосостоянию. Эта тема, естественно, диктовалась связью журнала с училищем, отвечая назидательно-педагогическим целям. Официальный этикет требовал, чтобы все надежды на просвещение и все успехи в этой области связывались с именем императрицы. Славословие в ее честь неизбежно текло на страницах журнала широкою рекою. При всей вынужденности этих парадных восхвалений сама мысль о том, что содействие просвещению со всеми его благотворными последствиями должно исходить прежде всего от монархов, не вызывала у тобольских литераторов сомнения. В этом убеждении их укрепил авторитет французского просветителя Ж.-А. Кондорсе, чья речь, произнесенная в Парижской академии наук перед наследником русского престола, будущим императором Павлом I, была переведена Т.Воскресенским из «Journal encyclopédique»[54].

Речь Кондорсе открывалась и заканчивалась панегириком в честь Петра Великого, который «первый восчувствовал, что наивеличайшее благодеяние государя к своим подданным состоит в попечении о просвещении оных»[55]. Исторический

---

[52] Постнов Ю. С. Русская литература Сибири первой половины XIX в. Новосибирск, 1970. С. 39.

[53] Иртыш. 1789. Нояб. С. 26—27. Вольный перевод стихотворения Сотеро де Беллево «Господин и раб» (Sautereau de Bellevaud. «Le maître et l'esclave») на сюжет притчи «Деспот» из «Восточных басен» Ж.-Ф. де Сен-Ламбера, восходящий к притче в «Гулистане» Саади.

[54] Иртыш. 1790. Февр. С. 45—59.

[55] Там же. С. 58.

урок из деятельности русского императора, восхваляемого и за то, что почести он принимал не ранее, чем заслужил их собственными трудами, сводится, по мнению Кондорсе, к тому, что «государь должен почитать истинное покровительство наук за мудрую политику, основанную на собственной его пользе, и за непременную свою должность; потому что их успехи суть источники государственного благополучия и благоденствия народа»[56]. Именно с Петра I, говорится далее, началась эпоха расцвета знания в Европе, так как короли, ранее покровительствовавшие наукам лишь из тщеславия или личного пристрастия, убедились в необходимости делать это по государственным соображениям.

«Величайшее благодеяние государей касательно наук, — утверждал Кондорсе, — было сделать их независимыми от своего могущества»[57]. Но и без покровительства свыше они не смогут развиваться. Для того чтобы раскрыть тайны многообразной природы и тем самым восторжествовать над нею, нужны объединенные усилия ученых всех стран и многих поколений, и именно государи, которым следует «уметь измерять свои предприятия не по долготе жизни одного человека, но по существованию царств»[58], обязаны поощрять научные исследования, даже если от них нет непосредственной выгоды. «Государи, коих приобретенные знания и цветущее состояние наук в их областях, кажется, увольняют от искания вспоможения в просвещении у иностранных, неусыпно пекутся не призывать их к себе, но их искать, и поставляют себе за славу переносить сии сокровища в свои земли; они одни могут их разделить, не отнимая ничего у владеющих оными. Государи поспешают испровергнуть преграды, сооружаемые в народе сими, так называемыми, государственными выгодами, призраки, выдуманные любостяжанием и невежеством, и те, кои всякого рода предрассуждения полагают между их подданными. Наконец, известно, что все люди составляют только одно семейство, и имеют одинокие выгоды; имя человечества, его чувствования, общаго всем людям во всех землях и во все времена, находится в устах государей равно как и философов; и, кажется, соединяет между собою тех, кои честолюбие полагают в просвещении людей, с теми, коих должность есть бдеть о их благополучии и защищать их права»[59].

---

[56] Там же. С. 47.

[57] Там же. С. 48.

[58] Там же. С. 56.

[59] Там же. С. 57—58.

Перевод Т.Воскресенского рассматривался в Тобольске, видимо, как программное сочинение. Сам Т.Воскресенский в «Речи, говоренной <...> 1791 года Июня 30 дня» напомнил слушателям основные положения Кондорсе[60], но еще раньше был напечатан перевод, в котором применительно к литературе и гуманитарным наукам развивалась мысль, созвучная с главным положением Кондорсе. «Полезные науки, — говорилось в этой статье, — во всякой земле поддерживаются, где око власти на оное взирает, и каждый при работе своей довольное пропитание находит. Но изящные свободные науки требуют преимущественного одобрения, поелику люди только тонкого вкуса цену их знают; а таковых немного и еще менее таких, кои бы хотели несколько иждивения на то употребить, чтоб их поддерживать. По причине чего никогда оные в цветущее состояние не могут придти, разве что сам государь и мужи изящного вкуса, имеющие на то власть, попечение на себя восприимут оные поддерживать и ободрять. Изящные свободные науки ту пользу имеют, что они исправляют нравы, просвещают разум и всегда приятным упражнением бывают...»[61]

Получила в «Иртыше» развитие и просветительская мысль о всеобщем братстве людей. В.Я.Прутковский в статье, излагающей теорию общественного договора, указывал: «Естественному состоянию человека предполагается и с оным непосредственно как бы сопряжен мир. К сохранению его всякий человек так, как человек, обязан, пока твердит ему совесть, что чрез старание о единственном своем благоденствии может в бедственное состояние низринуть других»[62]. Возможно, не без влияния речи Кондорсе И.Лафинов перевел из «Mercure de France» оду Анри Габриэля Гайяра (Gaillard) «Огнедышащие горы», в которой презрение к людям, навеянное воспоминанием о грабежах во время Лиссабонского землетрясения, сменяется настроениями человеколюбия: «Ах! нет! да не клянем ближних и собратий наших; наипаче да оплачем буйство свойственное душам иноплеменных. Нет, несчастливцы, я не могу ненавидеть вас; но перестаньте разорять самих себя и наводить страх самим себе. Позвольте мне возлюбить вас, вас утешать и сострадать вам. Позвольте мне оказывать вам услуги. Потщитесь, чтобы общие наши нужды, общие наши бедствия

---

[60] Там же. 1791. Июль. С.25.

[61] Там же. 1791. Май. С.22—23.

[62] Нечто к состоянию людей относящееся // Там же. Апр. С.36. Возможно, это переводное сочинение.

нас вящще между собою сопрягали; потщитесь, чтобы любовь и мир все оживотворяли: обяжемся клятвенно, воображая наши несчастия, нашу общую гибель, быть вечно благосклонными и мирными, обяжемся клятвенно любить друг друга»[63].

Просветительский идеал добродетельного и справедливого государя, «друга притесненных», проповедовался в переводной притче «Ардостан». Аналогичные повести о благодетельных правителях были в изобилии представлены в русской литературе 1780—1790-х годов[64].

Пропагандой идеи просвещенного абсолютизма было вызвано появление в тобольских изданиях нескольких оригинальных и переводных сочинений об австрийском императоре Иосифе II, который в Европе повсеместно признавался живым воплощением просвещенного монарха-благодетеля. Легенда, создававшаяся на глазах современников, в значительной мере усилиями просветителей, складывалась, в частности, из многочисленных журнальных заметок, в которых сообщалось о милостивых деяниях Иосифа II по отношению даже к самым низким его подданным. Подобные анекдоты, бравшие начало, по-видимому, в официальной пропаганде венского двора, очень широко распространились во всех европейских странах, переходя из одного периодического издания в другое, попадая в различные сборники и детские книги. Их популяризации немало содействовал и «Journal encyclopédique». Многие из них неоднократно переводились на русский язык, а один из самых известных — о благодеянии, оказанном бедной дочери погибшего на войне армейского капитана, — содержится в «Историческом журнале» Д.В.Корнильева[65].

---

[63] Там же. 1790. Май. С. 64.

[64] Некоторые из них разобраны в статье: Кубачева В.Н. «Восточная» повесть... С.304—307. В дополнение можно указать повесть А.Г.Мейснера «Сади», переведенную в журнале «Покоящийся трудолюбец» (1784. Ч.1. С.201—203) и перепечатанную позднее в «Прохладных часах» (1793. Ч.2. Август. С.127—130); подлинник: Meissner A.G. Sadi // Deutsches Museum. 1777. Bd 2. S.401—403 (перепечатывалось в собрании «Skizzen» А.Г. Мейснера, откуда, вероятно, и было переведено на русский язык). Еще одна повесть на эту тему: Бильдербек Л.Б. фон. Благодетельный государь: Нравоучительная повесть // Приятное и полезное препровождение времени. 1795. Ч.6. С.271—283 (из его книги: Bagatelles littéraires. Lausanne, 1788).

[65] Корнильев Д. Историческoй журнал, или Собрание из разных книг любопытных известий, увеселительных повестей и анекдотов. Тобольск, 1790. Ч.1. С.84—85. Перепечатано из журнала «Детское чтение для сердца и разума» (1785. Ч.7. №31. С.110—111). Самые ранние выявленные публикации этого анекдота: The Universal Magazine of Knowledge and Pleasure. 1770. Vol.46. The Supplement. P.368—369; JE, 1772. T.1. Pt.1,

Разумеется, не все верили легенде. А.Н.Радищев, например, относился к ней скептически. Сообщая А.Р.Воронцову о новых иностранных книгах, он писал 4 июня 1787 г.: «„Joseph II“, может быть, то, что в книге сей писано, и не лживо, но должно хвалить царей по смерти, ибо хвала тогда будет беспристрастна»[66]. П.Сумарокову, очевидно, легенда представлялась реальной, и потому в «Сонете на случай кончины его императорского величества Иосифа II» он восклицал:

О! Мудрый царь, герой, отец тебе подвластных,
Екатерины друг, бог сирых и злосчастных!
Я тщусь достойную хвалу тебе воздать:
Но можно ли кому успехом в том ласкаться!..
Так что ж осталося? — Царей таких желать,
И в горестном тебе молчанье удивляться[67].

Нельзя видеть в этом слабом с поэтической точки зрения сонете лишь официальное стихотворение, написанное потому, что Иосиф II был союзником Екатерины II и, следовательно, скорбь по поводу его смерти была выражением верноподданического образа мыслей. Перечисление добродетелей покойного австрийского монарха было не только условностью жанра, но и формулировало положительную программу. В противном случае непонятно, зачем год спустя «Иртыш» еще раз вернулся к этой теме, напечатав переводной некролог-панегирик, в котором добродетели Иосифа II были конкретизированы, причем упоминание некоторых из них не могло не вызвать контрастных ассоциаций с российской действительностью. «Он попечительно старался всякого рода благосостоянию людей в своем государстве помогать. Государственные чины им были к деятельности и правоте возбуждаемы, их жалованье умножено, он подавал благородству пример простой жизни и хотел чрез то вдохнуть в них послушную подданническую к себе обязанность, он назидал всякие для граждан рукоделия и фабрики и хотел народ свой покорить произвольно трудолюбию, мудрой оной государства владычице. Он воздвиг храм свободному исповеданию веры, дабы сердца германцев соединенными силами благу общества споспешествовали. Он уничтожил монастыри, кои ему излишни и недеятельны казались, соорудил церкви и для священнослужителей в деревнях домы, кои от своего духовного паства были удалены. Он крестьян искупил от

---

janvier. P.117—199.

[66] Радищев А.Н. Полн. собр. соч. Т.3. С.329.

[67] Иртыш. 1790. Март. С. 53—54.

рабства, сего несчастного помещичьих уделов остатка, и наказывал преступления без всякого лицеприятия <...> В откровенном своем сердце без начал Махиавелевых дозволял созерцать права политического правления <...> Более состоянию простого народа, нежели дворянству благоприятствовал <...> Его дворец не был надменно пышен, и (Иосиф II — *В.Р.*) почти походил во всем на простого гражданина <...> Пиявицы не могли сосать соков государства»[68].

Во второй половине XVIII в., когда представление о просвещенном государе, разработанное просветителями, настолько укоренилось в умах, что даже царствующие особы для укрепления своего международного авторитета были вынуждены внешне с ним считаться, похвала в адрес монарха не была бы достаточной, если бы не представляла его именно в таком свете. Поэтому в панегирике Иосифу II так скрупулезно и конкретно перечислены заслуги, долженствовавшие, по мнению автора, закрепить в памяти потомства образ просвещенного благодетеля народного. Эта конкретность давала возможность использовать некролог в целях просветительской пропаганды, что и было сделано в «Иртыше».

Иллюзорная надежда на просвещенного государя неизбежно заставляла тех просветителей, которые ее разделяли, предавать широкой огласке в печати монаршии благодеяния и содействовать тем самым сотворению легенды. Каждый подобный факт был для них чрезвычайно ценен как подтверждение того, что их учение реализуется в жизни и что зло медленно, но неуклонно отступает под лучами разума. Публикации соответствующих анекдотов и панегириков должны были убедить в том и читателей. В этом аспекте и следует оценивать напечатанные в «Иртыше» и «Историческом журнале» похвалы в адрес Иосифа II.

Рассмотренные переводные статьи свидетельствуют об умеренности политической программы «Иртыша». Существенно, что многие из них принадлежали учителям Тобольского училища, в которых М.А.Алпатов увидел разночинцев-демократов и которых противопоставил якобы консерватору и зубоскалу П.Сумарокову[69]. Оснований для этого противопоставления нет. «Иртыш» был действительно современником французской революции и пропагандировал просветительские идеи; однако нельзя игнорировать тот факт, что большое

---

[68] Из «Политического вестника» 1790 года февраля 19 дня // Иртыш. 1791. Апр. С. 49—51.

[69] Алпатов М.А. Сибирский журнал... С.110—112.

влияние на тобольских литераторов оказал Кондорсе, примыкавший в годы революционных событий к жирондистам.

Особо следует остановиться на тезисе М.А.Алпатова, согласно которому переводы в «Иртыше» использовались для распространения идей, недопустимых в оригинальных сочинениях по цензурным соображениям. Методологическая слабость этого тезиса состоит в том, что он предполагает, будто в переводах можно было высказывать любые мысли. Цензурная история XVIII в. свидетельствует об обратном. И вряд ли тобольская цензура не усматривала в журнале предосудительных идей лишь по своей недогадливости или, как считает М.А.Алпатов, под нажимом А.В.Алябьева[70].

Из переводных статей в «Иртыше» можно извлечь некоторое количество радикальных для того времени мыслей. Смело, например, звучит в некрологе, посвященном Иосифу II, пункт об «искуплении крестьян». С ним перекликается следующий отрывок из сочинений лорда Киймза: «Строгое рабство и чрезмерная работа суть также препятствиями размножению народа, ибо бедный поселянин, который, не имея времени для своих работ, и больше помещику своему работать должен, теряет напоследок всю охоту и силу свою и приходит в изнеможение и нерадение о себе»[71]. В статье В. Прутковского говорится: «...что касается до природы, то она всех произвела вольными. Хотя же она, раздавая разум и другие совершенства душевные, некоторых и назначает к рабству, но в сем повеления ее мало действительны, поелику часто как бы на зло ей сие идет наизворот»[72]. Число подобных примеров можно было бы умножить, но не очень значительно.

Наличие в «Иртыше» высказываний такого рода, несомненно, дает основание полагать, что взгляды сотрудников журнала, по крайней мере по отдельным вопросам, были смелее тех мыслей, которые систематически излагались на его страницах. Однако «вольнодумные» заявления, производящие большое впечатление, когда они собраны воедино, появлялись в «Иртыше» лишь спорадически; концентрация их весьма незначительна. Нет никаких свидетельств того, что произведения для перевода отбирались специально по содержанию в них подобных рассуждений. Не заметно и попыток как-то выделить или оттенить эти места в переводе. Более того, в отдельных случаях наличествует стремление

---

[70] Там же. С.110, 112, 114.

[71] Иртыш. 1791. Июль. С.10.

[72] Иртыш. 1791 Апр. С. 44; ср. примеч. 62.

смягчить остроту высказывания. Например, в том месте, где лорд Кеймз говорит о благотворном влиянии свободы и внутреннего мира в стране на развитие искусства, ремесел и науки, примеры, приводимые автором из истории Древней Греции, Рима и графства Тосканского, сопровождаются верноподданническим добавлением: «В новейшие времена имеем мы ясный пример того ж в императоре Петре Великом, пекущемся в свое время о введении наук и художеств в Россию; а ныне при кротком царствовании премудрой самодержицы Екатерины II с величайшим успехом процветают науки и художества, не только в обеих ее столицах, но оные распространяются и в отдаленнейшие города обширного ее государства»[73].

Если на основании отдельных смелых мыслей в «Иртыше» и можно говорить об известной радикальности взглядов тобольских литераторов, то нельзя не учитывать, что проявлялся этот радикализм крайне осторожно и приглушенно. Видеть в переводных статьях последовательную его линию было бы слишком большим преувеличением, и все декларации исследователей о крайнем вольнодумстве сотрудников «Иртыша» зиждутся на весьма узком и переходящем из одной научной работы в другую наборе цитат «крамольного», как представляется этим исследователям, содержания, но в действительности выражавших общие места эпохи Просвещения[74].

Проблема государя затрагивалась в «Иртыше» и в негативном плане. Переводной анекдот о прусском короле Фридрихе II легко можно было истолковать как иллюстрацию того, что в условиях абсолютизма монаршая милость может обернуться бедой и несправедливостью[75]. Некогда, проезжая по своим владениям, король заметил высокую девушку. «Великие люди обыкновенно бывают сострадательны, — не без иронии пишет автор. — Король думал, что чета таковой величины отменного роста детей производить может»[76]. Ничего не объясняя девушке и не спрашивая у нее согласия, король вручил ей для передачи полковнику гвардии записку,

---

[73] Иртыш. 1791. Март. С. 16—17.

[74] Алпатов М.А. Сибирский журнал... С.109—123; Утков В.Г. Радищев и тобольские вольнодумцы // Утков В.Г. Книги и судьбы: Очерки. Изд. 2-е, доп. М., 1981. С.7—43; Трусова З.Н. Общественно-политические тенденции журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». С.14—30.

[75] Иртыш. 1791. Февр. С.24—26. Самая ранняя из установленных публикаций этого анекдота содержится в кн.: L'espion americain en Europe... P.271—272.

[76] Там же. Февр. С.24.

подательницу которой было велено обвенчать с самым рослым гренадером. Не подозревавшая подобного о себе попечения девушка передала ее через знакомую старуху, которую удивленный, но не смеющий ослушаться приказа полковник тут же выдал замуж за гвардейца. Хотя анекдот оканчивается «поднятием к небу взора и благодарением за толь неожиданное благодеяние, которое удалось ей (старухе — *В.Р.*) получить»[77], трудно представить, чтобы читатели не увидели в нем осуждения крепостнических порядков, а восприняли бы его просто как забавный случай, подтверждающий неисповедимость путей господних.

Отрицательный образ государя рисуется в «Повести о султане Тогрул-Бек Арсламе»[78], который, предавшись «лености, роскоши, всякого рода невоздержанностям, особливо же пьянству», и увлекшись сочинением стихов, постепенно забросил дела державы. Беспорядки в стране росли, а «султан отнюдь о том не заботился и к отвращению оных ничего не предпринимал, а выдавал только указы в стихах, сатиры и песни своего сочинения». Потеряв здравость мысли, твердость духа и крепость руки, он был сражен на поле боя и умер, «горько оплакиваемый всеми пьяницами и стихотворцами своего государства»[79]. О другом султане-пьянице — Мурате IV — рассказывается в «Были»[80], восходящей через «Словарь анекдотов» Лакомба де Презеля, а до него через журнал аббата А.-Ф.Прево «Le Pour et Contre» (1740) к «Истории возвышения и падения Оттоманской империи» Д.Кантемира, изданной на английском языке (1734). В небольшой повести «Действие ревнивости», переведенной из «Mercure de France», рассказывается о том, как неумеренная любовь правителя к женщинам и вызванная ею вражда в

---

[77] Там же. С.26.

[78] Там же. 1790. Март. С.60—64. Через перепечатку в JE (1785. T.3. Pt. 1, avril 1. P.148—150) из книги Ф.Бланше «Apologues et contes orientaux» до «Иртыша» дошла статья из кн.: d'Herbelot de Molainville B. Bibliothèque orientale, ou dictionaire universel, contenant généralement tout ce qui regarde le connoissance de peuples d'Orient. Paris, 1697 (переиздания).

[79] На европейском материале аналогичная проблематика была затронута годом ранее в переводном рассказе о лапландском короле Гахо, который, отведав единожды меда, возлюбил негу и роскошь и в итоге потерял и царство, и жизнь. См.: Гахо, король Лапландской // Полезное упражнение юношества... М., 1789. С.91—94. Подлинник: The Idler. 1760. February 16. №9 (автор: Th. Warton); фр. перевод: [La Place P.-A. de]. Tradition lappone // MF. 1763. Décembre. P.64—69; перепечатано в кн.: La Place P.-A. de. Lettres à Milady*** et autres oeuvres... Bruxelles, 1773. T.1. P.34—39.

[80] Иртыш. 1790. Июнь. С.30—34.

серале послужили причиною страшного пожара, опустошившего Каир[81].

Злободневность в царствование Екатерины II повестей о невоздержанных государях В.Н.Кубачева видит в том, что они намекали на нравы русского двора[82]. Подобное их восприятие было вполне возможным и закономерным; но просветительский смысл указанных трех повестей в «Иртыше» заключался, по-видимому, не столько в этих довольно абстрактных намеках, сколько в том, что они иллюстрировали руссоистскую мысль о пагубных последствиях роскоши и дурных привычек, рожденных цивилизацией. В таком толковании они приобретали большее, общевоспитательное значение, чрезвычайно важное для «Иртыша».

Нравственное воспитание, как уже говорилось выше, было важным пунктом в программе училища и, следовательно, журнала, на страницах которого осуждение пороков и восхваление частных добродетелей занимало много места.

Пороки в притчах поставляя,
Даешь ты людям ясно зреть:
Прав честности не наблюдая,
Никто не может то иметь,
Что нашу жизнь всегда покоит;
Но лучше может путь устроить
Ко своему блаженству тот,
Кто добродетель почитает,
И сходно с нею поступает:
Тому отворен к счастью вход, —

писал Трунин в «Оде „Иртышу, превращающемуся в Ипокрену“»[83].

Нравоучительные «притчи» в «Иртыше» разнообразны. К их числу относятся и переводы нескольких писем Плиния, и «Речь македонского царя Филиппа II»[84], и рассказы и стихотворения из «Mercure de France», а также других источников. Рассказ Ф.-Т.-М. де Бакюлара д'Арно «Салли или английская любовь»[85] представлял «плачевные следствия сей страсти, когда она не поправляема была разумом или должностью». «Письмо Ватсона из его уединения к сыну»[86]

---

[81] Там же. Янв. С.13—16. Рассказ об этом пожаре, напечатанный в «The Universal Magazine of Knowledge and Pleasure» (1756. Vol.18. February. P.89—90), послуживший источником и для MF, ранее переводился в «Добром намерении» (1764. Май. С. 225—228).

[82] Кубачева В.Н. «Восточная» повесть... С.308.

[83] Иртыш. 1790. Янв. С. 38.

[84] Там же. Апр. С.12—21.

[85] Там же. Март. С.55—60.

[86] Там же. Авг. С.53—63. Автор: F.-J. Willemain d'Abancour.

раскрывало «пагубные следствия неистовой ревности». Рассказы «Караибская любовь»[87] и «Акмон и Солина»[88] проповедовали руссоистскую мысль о нравственном и духовном превосходстве человека, воспитанного и живущего в патриархальных условиях, над людьми, впитавшими с цивилизацией многочисленные ее пороки. Примеры героической добродетели приведены в «исторических» анекдотах Арно «Антонио и Рожер»[89] и «Иаков»[90].

Анекдоту «Иаков» предпослано важное теоретическое вступление, в котором автор излагает причины, побудившие его отдать предпочтение сюжетам подобного рода. По его убеждению, описание зла, возбуждая вредное любопытство, всегда производит на читателей большее впечатление, чем картины добродетельной жизни. В силу этого исторические сочинения скорее оказывают дурное влияние на нравы, нежели способствуют их исправлению. «В самом действии, — пишет Арно, — какие картины дают нам летописи рода человеческого? — Преступления, почти всегда увенчанные счастливым последствием, добродетель, униженную и попранную ногами, невинность, воздыхающую без подпоры и протягивающую выю свою под меч несправедливости, поддерживаемый силой»[91]. В воспитательных целях гораздо полезнее «превосходные сочинения нравоучений и мудрые сказки, в коих бы человек описан был не так, каков он есть, но каков он быть должен»[92] Если же и обращаться к истории, продолжает Арно, то лишь с тем, чтобы извлекать из нее деяния «благодетелей человечества». Но примеры из жизни высокопоставленных особ будут для рядовых людей малополезны, «поколику высший дух сравнения не приближается к ним»; следовательно, нужно «собрать и сочинить разные книги исторические, относящиеся к разным званиям людей; например: для нижнего состояния — собрание историческое, которое бы заключало в себе изящные действия, учиненные некоторыми из подобных им»[93].

Перевод этого предисловия, которое затрагивало вопросы, бывшие предметом непрекращавшихся дискуссий в течение всего XVIII в., вряд ли подразумевался в полном смысле

---

[87] Там же. 1789. Нояб. С.32—42. Автор: J.-L. Araignon.
[88] Там же. 1791. Янв. С. 45—58.
[89] Там же. 1790. Июль. С. 36—48.
[90] Там же. 1791. Июнь. С. 24—35.
[91] Там же. С. 26.
[92] Там же. С. 27.
[93] Там же. С. 29.

программным. Ни ранее, ни позже тобольские литераторы не следовали буквально сформулированным в нем принципам. Но точка зрения французского писателя, неоднократно выдвигавшаяся на протяжении века и, в частности, разделявшаяся сентименталистами, не могла не быть созвучной мыслям сотрудников «Иртыша» в той части, где говорилось о большом воспитательном значении примеров добродетели, взятых из жизни простых людей. Очевидно, с целью акцентировать это положение и было переведено предисловие Арно, чьи рассказы в те же годы активно переводились и печатались в обеих столицах, но особенно в Москве[94].

Сентименталистский конфликт между добродетельным человеком и обществом и мотив уединения на лоне природы нашли отражение в переводной притче П. Сумарокова «Кедр»[95] и стихотворении И. Лафинова «Размышление пустынника»[96]. Тема природы, рожденная сентиментальными настроениями и занимавшая в русской литературе тех лет большое место, представлена в «Иртыше» также «Ночью» Геснера[97], итальянской пасторалью «Пастушеская жалоба»[98] и стихотворением И.А.Набережнина «Природа»[99]. Наряду с ними были напечатаны переводы двух статей из гамбургского журнала «Врач» («Der Arzt»): «Весна»[100] и «Зима»[101]. Эти популярные нравоучительно-медицинские очерки содержали основную мысль о благотворном воздействии природы на

---

[94] Большое число переводов из Арно напечатано в альманахах московского Благородного пансиона «Распускающийся цветок» (М., 1787; здесь, в частности, переведен рассказ «Салли») и «Полезное упражнение юношества» (М., 1789), в журнале «Чтение для вкуса, разума и чувствований» (1791—1793. Ч.1—2, 5, 11—12). Многочисленные переводы, изданные в эти годы книгами, отражены в СК. Рассказ «Антонио и Рожер» переводился еще по крайней мере три раза (через посредство «Lectures pour les enfans»): Мужество дружелюбия // Детское чтение или Отборные небольшие повести. СПб., 1779. С. 73—82; Пример истиной дружбы // Детское чтение для сердца и разума. 1785. Ч.2. №17. С.49—56; Отважность дружбы // Виноградский И.Н. Картина нравов... М., 1789. Ч.1. С.1—14 (перевод перепечатан в кн.: Беранже Л.-П., Гибо Э. Нравоучение, представленное на самом деле... М., 1790. Ч.2. С. 124—135). Рассказ «Иаков» переводился еще два раза: Сила чувствования // Беранже Л.-П., Гибо Э. Нравоучение... Ч.2. С.88—91; Бедной Яков // Нравственные картины. М., 1800. С.1—7.

[95] Иртыш. 1790. Янв. С. 54—56. Автор — некий Панно-сын (Panneau-fils), переложивший в стихи притчу «Чинара» («Le Platane») из «Fables orientales» Ж.-Ф. де Сен-Ламбера.

[96] Иртыш. 1790. Авг. С. 25—30.

[97] Там же. Янв. С. 1—10.

[98] Там же. 1789. Нояб. С. 1—9. Автор: Clement Bondi.

[99] Там же. 1790. Май. С. 46—48.

[100] Там же. 1791. Май. С. 49—66.

[101] Там же. Дек. С. 1—26.

человеческий организм и, следовательно, на нравственно-духовное состояние человека. Подкрепляемые ссылками на литературные произведения и цитатами из них, очерки позволяли воспринимать их содержание расширительно, в одном плане с художественными произведениями, отражавшими, настроения, навеваемые природой.

Задачам нравственного воспитания отвечали и афористические жанры. Правда, большинство максим, сентенций и нравоучительных цитат было напечатано в «Библиотеке», где соответствующие подборки публиковались из номера в номер. «Иртыш» обращался к этим жанрам от случая к случаю, но в нем были помещены важные в образовательном плане статьи, объяснявшие их воспитательное значение.

Анонимный автор «Нравственного уложения»[102], переведенного Т.Воскресенским из «Mercure de France», с сожалением отмечал, что лишь немногие люди руководствуются в поведении правилами нравственного учения. Он объяснял это тем, что подобные правила теряются в тексте объемистых книг и потому недостаточно обращают на себя внимание. В связи с этим он считал, что «весьма было бы выгодно представить оные пред очи их (людей — *В.Р.*) ни с чем не смешанными, дабы могли оставить в сердцах их глубокие впечатления к произведению великих успехов, без сомнения полезных для общества». По его мнению, в видных местах каждого города необходимо поместить краткие нравоучительные изречения знаменитых авторов. «Сии надписи, — указывал он, — начертанные золотыми буквами на черной мраморной доске, возвышенные и единообразные некоторым украшениям, представляют предмет не только весьма полезный, но и самый приятный»[103]. Для того чтобы придать своему предложению убедительность, автор ссылался на ставший ему известным из достоверного, по его словам, источника пример того, как некий пресытившийся жизнью богач, прочитав на фронтоне здания одно из таких изречений, занялся благотворительностью и обрел истинное счастье.

Убеждение сотрудников журнала в воспитательных возможностях нравоучительных афоризмов объясняет, почему в «Иртыше», который не преследовал информационно-библиографических целей и не печатал отзывов даже на новые книги, был опубликован перевод анонимной рецензии на книгу более чем шестилетней давности — сборник изречений древнегреческих философов и моралистов, изданный в Па-

---

[102] Там же. 1791. Нояб. С.42—49.

[103] Там же. С. 42—43.

риже бывшим преподавателем изящной словесности в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе Пьером Шарлем Левеком[104]. К моменту опубликования в «Иртыше» рецензия, заимствованная из «Journal encyclopédique», уже, несомненно, утратила свое информационное значение, но привлекла внимание Т.Воскресенского, по-видимому, тем, что в ней кратко объяснялись литературные и нравоучительные достоинства вошедших в сборник изречений, а также приводились обширные выдержки из книги.

Кроме этих двух статей, в «Иртыше» были переведены «Размышления» некоего Кабура[105]. К афористическому жанру принадлежали и стихотворные переводы И.Бахтина из Вольтера. Неясно, однако, сделал ли Бахтин извлечения сам непосредственно из «Речей о человеке» или же пользовался каким-нибудь сборником стихотворных цитат.

Предоставляя читателям разнообразную пищу для ума и воображения в виде художественных произведений в стихах и прозе, «Иртыш» успешно выполнял свои воспитательные, эстетические и развлекательные цели. Столь же последовательно исполнялись и продиктованные связью журнала с училищем образовательные функции. Открыв свой ученый отдел переводом главы из вольтеровских «Основ философии Ньютона», «Иртыш» и в дальнейшем освещал в популярном изложении важные, с просветительской точки зрения, научно-философские проблемы.

Один из замыслов тобольских литераторов состоял в том, чтобы в кратком виде обозреть комплекс вопросов, касавшихся, по терминологии XVIII в., «истории человека», то есть рассмотреть психическую организацию человека, в том числе зависимость характеров людей и народов от различных природных и социальных факторов; объяснить теоретические основы государственного устройства, а также причины расцвета и упадка отдельных государств; проследить зарождение и развитие ремесел, наук, искусства, литературы и определить их социальные функции. Для сотрудников «Иртыша» эти вопросы представлялись важными не только в познавательном плане. Освещая их, журнал возвращался к тем же мыслям, которые высказывались в напечатанных в нем стихотворениях и рассказах, выступлениях учителей на торжественных актах, речи Кондорсе.

---

[104] Собрание древних писателей нравоучения // Там же. 1789. Нояб. С. 17—25.

[105] Там же. Окт. С.59—61.

Первые две статьи были богословскими[106]. Отвечая на вопрос о времени сотворения мира, они предназначались для того, чтобы уточнить момент, с которого, согласно христианской легенде, началась «история человека».

С февраля по август 1790 г. печатался цикл переводных статей под длинным и многообещающим заглавием: «Краткие исторические известия о разных происшествиях древних и новых времен, касательно происхождения народов, их исповеданий, законов, обычаев, наук, нравоучений и прочих примечания достойных вещей»[107]. Переводчиком был председатель палаты уголовного суда Тобольского наместничества Георгий (Егор) Христофорович Фризе (Фриз), подписывавшийся в «Иртыше» криптонимами «Г.Ф.», «Г.Фр.» и «Геор... Фри...»[108]; а источником ему служил издававшийся в 1778 г. в Петербурге журнал «Английский еженедельный листок на немецком языке» («Das Englische Wochenblatt in deutsche Sprache»)[109]. Цикл, получивший свое заглавие в тобольском литературном кружке, может быть, от самого Г.Фризе, содержал беглый экскурс в политическую историю древних времен и средневековья, а также сведения о религиях разных народов. Эти популярные очерки представляли реферативно-компилятивное изложение трудов шотландского юриста и философа Генри Хоума лорда Кеймза (Henry Home Lord Kames, 1696—1782), шотландского же историка Уильяма Гатри (Guthrie, 1708—1770), одного из соавторов двенадцатитомной «Всеобщей истории от сотворения мира до нашего времени» («A General History of the World from the Creation to the Present Time», 1764—1767), а также ряда других авторов, чьи фамилии не были указаны.

По своим взглядам Кеймз и Гатри принадлежали к умеренному крылу Просвещения. В частности, Кеймз всту-

---

[106] Рассуждение о различии летоисчисления от сотворения мира до рождества Христова между восточною и западными церьквами и которое из них справедливее // Там же. Сент. С. 49—59; Окт. С. 1—14; Ответ на то, какое время года было тогда в раю и у нас, когда создан свет / Пер. с лат. В.П.[рутковский] // Там же. 1790. Янв. С. 41—43.

[107] Там же. Февр. С. 1—11; Март. С. 1—11; Апр. С. 1—11; Май, С. 1—12; Июнь. С. 1—21; Июль. С. 1—22; Авг. С. 1—19.

[108] Сенников Г.И., Рожкова Т.И. Загадка «Г.Ф.» С. 130; Роменская Т.А. Проблемы эстетики на страницах первого сибирского журнала // Развитие литературно-критической мысли в Сибири. Новосибирск, 1986. С. 55—56.

[109] Подробная библиография напечатанных в «Иртыше» переводов из «Das Englische Wochenblatt» и сведения об издателе петербургского журнала приведены в статье: Рак В.Д. Петер Хольстен, библиотекарь британской фактории, и цикл «Краткие исторические известия» в тобольском журнале// XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17. С.88—122.

пал в полемику с философской мыслью XVIII в. по ряду коренных вопросов. Например, исходя из существования врожденного нравственного чувства, он оспаривал теорию Монтескье о влиянии климата на психический склад человека. Он был противником теории «естественной религии». «Вечный мир», который просветители рассматривали как благо, он считал злом, утверждая, что время от времени нужны войны, так как они дают возможность проявить храбрость и прочие добродетели, поднимают нравственный дух нации, сокращают число «бездельников» и преступлений.

Издатель «Английского еженедельного листка», он же единственный автор, Петер Хольстен, задумал его как реферативный журнал, предназначенный для ознакомления германоязычного населения Петербурга, в первую очередь торгового люда, с последними достижениями английской мысли. С первого и до последнего номера он добросовестно и вдумчиво исполнял принятую на себя роль переводчика-компилятора, не претендуя ни в малейшей степени на какую-либо самостоятельность суждений или полемику с авторами реферируемых трудов.

В настоящее время еще не установлено, какие именно сочинения, в том числе Кеймза и Гатри, легли в основу первых реферативно-компилятивных статей, переведенных Г.Фризе из «Английского еженедельного листка» для «Иртыша». Но в том виде, как передал их содержание Хольстен, они вполне согласны со взглядами Кеймза — автора, чьим трудам в реферативном изложении тобольский журнал отдавал явное предпочтение перед всеми другими материалами своего немецкого источника. Так, во втором «члене» (разделе) «Кратких исторических известий»[110] большое внимание уделено рассуждениям о благотворности религии и защищается доктрина, согласно которой она родилась из откровения, а ее различные формы явились результатом забвения и неправильного истолкования первоначальных заповедей. Выбор именно таких статей из «Английского еженедельного листка» подтверждает данную выше характеристику позиции, которую занимал «Иртыш». Это необходимо подчеркнуть потому, что перевод первого раздела, если его рассматривать изолированно, производит впечатление чрезвычайно радикального по мысли.

Исторический очерк, составляющий этот «член» (№№27—29 немецкого источника), в большей своей части

---

[110] Иртыш. 1790. Июль—авг.; соответствует №№46 и 45 немецкого источника.

служит доказательством тезиса о том, что добродетель и свобода способствуют расцвету государства, а тирания, рабство и роскошь, ведущие к распущенности нравов, предрешают его гибель. Древние вавилоняне «приобыкли жить в великих городах, где более роскошь господствовала; и сие самое нравы их привело в нежность и распутство, так что наконец легкою добычею персов соделалися; а сей народ тогда только из варварства возникнул и храбро на воинские дела подвизался»[111]. Но когда персы двинулись на греков, «сердца их были обессилены роскошью и рабством; Афины же, напротив того, произвели великих людей, кои чрез получение вольности неустрашимыми воинами соделалися»[112]. И далее, прослеживая историю Древней Греции, а затем и Рима, автор отмечает ту же цикличность событий: возвышение — распущенность нравов — гибель[113].

Эти положения, ставшие к концу XVIII в. общим местом европейской философии, содержат тот же нравоучительный урок, что и повести о «невоздержанных» государях, а также рассказы, иллюстрировавшие добродетельную жизнь в патриархальных условиях. В цикле статей из «истории человека» «Иртыш» в июле 1791 г. еще раз вернется к вопросу о пагубном воздействии роскоши, причем на этот раз нравоучительный смысл и абстрактный политический намек, присутствовавшие в предшествующих рассуждениях подобного рода, окажутся тесно связанными с комплексом социально-экономических вопросов, касавшихся хозяйственного развития страны и роли в нем отдельных классов. Размышления о роскоши приведут к экскурсу в экономику. Будет установлено, что богатство и процветание государства зависят в первую очередь от состояния сельского хозяйства и положения крестьян[114]. Эта же проблема будет поднята в переведенной из неустановленного журнала статье с явно программным заглавием: «Государство без благословенного земли возделания подобно такой бесплодной лозе, которая изнемогающего ратая дотоль разит, дондеже падет, но царство, туком земли умащенное, сияет паче и жизнь дает благоденственную»[115]. Позиция «Иртыша» в экономических дискуссиях того времени требует особого исследования, которое

[111] Иртыш. 1790. Апр. С. 10—11.

[112] Там же. Май. С. 2.

[113] Там же. Май. С. 3; Июнь. С. 7—8.

[114] Продолжение кратких исторических известий: Заключение рассуждений лорда Каймеса... // Там же. 1791. Июль. С. 1—19. Соответствует № 26 немецкого источника.

[115] Там же. Июнь. С. 46—54.

станет возможным тогда, когда будут выявлены все источники, использованные тобольскими литераторами. Пока следует отметить, что постановка экономических вопросов на страницах первого сибирского журнала вызывалась не только интересом к ним в России, но и специфическими целями Тобольского главного народного училища, в котором, как говорил И.Лафинов, каждый юноша должен был узнать «правила, довольные к содеянию его добрым хозяином»[116].

Урок, извлеченный из исторического экскурса, подтверждал надежды тобольских литераторов на просвещенного монарха, пекущегося о нуждах своих подданных и готового защитить их права. Обозрение эпохи средневековья, а вместе с тем и весь очерк завершается указанием, что конец тьме и невежеству, порожденным произволом, насилием и междуусобицами, положили монархи, которые «смотрели долго с беспокойством на сию присвоенную власть дворянства, рассуждая, что человеки от природы свободны суть, и вознамерилися свободу их защитить», создав вольные города с самоуправлением. «Сия полученная свобода сделала такую счастливую перемену в состоянии человеческом, что они из сна недеятельности и глупости возбудилися и ободрилися, в который состоянием своим были погружены»[117].

После перерыва в издании «Иртыша», вызванного неизвестными причинами, «история человека» была продолжена. Из гамбургского журнала «Der Arzt» переводится психологическая статья[118]. В.Прутковский возвращается к начатому ранее разбору основных положений теории общественного договора[119]. В марте 1791 г. возобновляется рубрика «Краткие исторические известия», заполняемая переведенными Г.Фризе реферативными статьями Хольстена по «Очеркам истории человека» («Sketches of the History of Man». Vol.1—2. Edinburgh, 1774) Кеймза и по сочинению еще одного автора, который в «Английском еженедельном листке», а соответственно, и в «Иртыше» был читателям представлен как «лорд Гравинн».

«Очерки» были написаны как популярное сочинение, в котором рассматривался весь круг естественно-научных, философских, этических, религиозных, социально-экономических и других проблем, связанных в XVIII в. с понятием

---

[116] Там же. 1789. Сент. Предисл., С.[2].

[117] Там же. 1790. Июнь. С. 21.

[118] Златый образ разных блаженств или Как природа желания человеческие удовлетворяет // Там же. 1791. Янв. С.4—32.

[119] Нечто о человеке // Там же. 1790. Июль. С. 26—35; Нечто к состоянию людей относящееся // Там же. 1791. Апр. С.36—44.

«история человека». Немалое место было в этом комплексе отведено вопросам происхождения, развития, совершенствования и роли в жизни человека и общества наук, ремесел, литературы, искусств, эстетического вкуса. Соответствующие разделы труда Кеймза были изложены в нескольких номерах «Английского еженедельного листка» (№№4, 9—10), которыми в переводе Г. Фризе возобновился в «Иртыше» цикл «Кратких исторических известий»[120]. Эти статьи тобольский литератор счел уместным по тематическому родству предварить (не давая, однако, заглавия рубрики), переведенным из того же источника (№ 11). «Введением» к более раннему трактату Кеймза «Основания критики» («Elements of Criticism». Vol. 1—3. Edinburgh, 1762)[121], известному в истории английской эстетической мысли попыткой вывести эстетические принципы из особенностей человеческой природы и уточнить терминологию, употреблявшуюся в работах по литературе и искусству[122]. Эта публикация в «Иртыше» справедливо рассматривается как «опыт популярного изложения научного введения в эстетику»[123].

«Лорда Гравинна» сибирские исследователи отождествили с итальянским писателем и юристом Джованни Винченцо Гравиной (Gravina, 1664—1718), резко упрекнув некоего Н.(!)Левина за то, что он «почему-то вслед за „Г.Ф.“ причислил этого итальянского ученого, основоположника знаменитого литературного общества „Аркадия“ (1690 г.) к английской нации»[124]. Здесь одна нелепица нагромождается на другую. В статье Ю.Д.Левина, на которую ссылается исследовательница, не указывая страницу[125], национальная принадлежность лорда Гравинна не обсуждается, а он лишь упоминается в библиографическом описании, как это и требуется по правилам[126]. Еще более грубая ошибка произошла из-за того, что не было выполнено главное условие изучения переводной литературы: сличение перевода с пред-

---

120 Там же. 1791. Март. С.1—21; Апр. С.1—21; Май. С. 1—23.

121 Выписка из сочинений лорда Гома о изящных науках // Иртыш. 1791. Февр. С.38—51. Источник: Auszüge aus des Lord Home Schriften von den schönen Künsten // Das Englische Wochenblatt. 1778. №11. S.65—69.

122 Подробнее см.: Atkins J. W. H. English Literary Criticism: 17-th and 18-th Centuries. London, 1966. P.337—343: Нарский И. Эстетика Генри Хоума // Хоум Г. Основания критики / Вступ. ст. и общ. ред. И.С.Нарского; Пер. З.Е.Александровой; Коммент. Э.В.Леонтьевой. М., 1977. С.9—39.

123 Роменская Т.А. Указ. соч. С. 38.

124 Там же; Сенников Г.И., Рожкова Т.И. Загадка «Г.Ф.» С. 134.

125 Роменская Т.А. Указ. соч. С. 56. (примеч. 8).

126 Левин. Англ. журналистика. С. 76. (примеч. 221).

полагаемым источником и подлинником либо оригиналом. Будь оно проведено, то обнаружилось бы, что в сочинениях Гравины нет рассуждений, напечатанных в «Иртыше»! На самом деле статьи, автором которых назван в тобольском журнале «лорд Гравинн», являются извлечениями из популярного моралистического трактата французского писателя Пьера-Жозефа Будье де Вильмера «Друг женщин» (Boudier de Villemert P.-J., 1716—нач. XIX в. L'ami des femmes, 1758; переиздания). На французском языке эта книга издавалась анонимно, а на титульном листе английского перевода, которым и пользовался Хольстен, появилось странное и необъясненное указание фамилии автора: de Gravines[127], добросовестно воспроизведенное в «Английском еженедельном листке», где в нескольких номерах (№№23, 30, 31, 34) было представлено выдержками или пересказом, но с достаточно полной передачей содержания, девять из двенадцати глав (то есть три четверти) подлинника.

Статьи цикла «Краткие исторические известия», знакомившие с трудами Кеймза, Будье де Вильмера и других авторов, чьи фамилии, не указанные Хольстеном, еще предстоит установить[128], формулировали и доказывали большим фактическим материалом чрезвычайно важную, с точки зрения «Иртыша», мысль о постепенном движении человечества из мрака невежества в царство разума и необходимости для человека развивать свои интеллектуальные способности и эстетический вкус. «Понятие о истинном и ложном, — переводил Г.Фризе изложение мыслей Кеймза, — называем мы нравственным чувствованием; что же мы напротив того прекрасным или дурным и безобразным почитаем, то называем мы вообще вкусом. Совершенство нравственного чувствования показывает нам точнейшее различие правильного или неправильного; а совершенство во вкусе различает точно прекрасное или дурное и безобразное. С сими способностями мы все рождаемся; но оные требуют великого приспособления и исправления. В диких народах суть оные помрачены и заглушены; а в наши просвещенные времена потребно иметь доброе воспитание и много опытов в свете, чтоб уметь

---

127 The Ladies Friend, from the French of Monsieur de Gravines. London, 1766. См.: The British Library General Catalogue of Printed Books to 1975. London, 1982. Vol. 131. P.107.

128 В немецком источнике (№№14, 24) не указаны авторы, чьи сочинения положены в основу следующих переведенных в «Иртыше» компилятивных очерков Хольстена: О различных характерах человеческих // Иртыш. 1791. Авг. С. 1—21; О красоте вообще // Там же. Окт. С. 1—20.

различать современные виды правильного и неправильного, прекрасного и дурного»[129].

Дидактический смысл подобных рассуждений, обращенных непосредственно к ученикам Тобольского Главного народного училища, совершенно ясен. Однако статьи преследовали и более широкие цели. Панорама прогресса в области науки, ремесел, искусства, литературы и средств обеспечения жизни показывала, «сколь много потребно времени для изощрения человеческого разума к открытию истины и к изобретению полезных вещей»[130]. Она убеждала в том, что движение к лучшей жизни, организованной на разумных началах, медленно, но неотвратимо и что основная его пружина — распространение знания. Отсюда читатель мог легко сделать оптимистические прогнозы.

Все рассмотренные переводы характеризуют «Иртыш» как журнал, преследовавший общепросветительские цели. Очевидно, именно эта его особенность определила отсутствие в нем сугубо сибирских материалов. В данном случае это вряд ли можно считать недостатком. Тобольские литераторы видели назначение своего журнала в приобщении читателей, в том числе и главным образом жителей глухой сибирской провинции, к общечеловеческим проблемам, в приближении культуры Сибири к европейскому уровню[131]. Подобное понимание просветительских задач было более широким и плодотворным, чем если бы оно исходило лишь из местнических интересов. Но «Иртыш» не был оторван от местной жизни. Его связь с нею проявлялась в ориентировке на деятельность Тобольского Главного народного училища. Следует учитывать также, что журнал принимал участие и в общественной жизни Тобольска, правда, в соответствии со своим характером, в форме имперсонифицированной сатиры, адресат которой легко угадывался[132].

3

Все исследователи, обращавшиеся к циклу «Кратких исторических известий», попались, один за другим, включая и пишущего эти строки, в ловушки, подстерегающие во всех случаях, когда выносится суждение о переводном сочинении, путь которого от Пд до Ис не прослежен. В методологиче-

---

[129] Там же. Апр. С. 1—2.

[130] Там же. 1791. Март. С.18.

[131] Общепросветительский характер «Иртыша» (без подробного анализа переводов) отмечается в книге Г.Ф.Кунгурова «Сибирь и литература», с.65.

[132] Альтшуллер М.Г. Литературная жизнь Тобольска... С. 179—180.

ском отношении эта история очень поучительна и заслуживает того, чтобы на ней остановиться.

Первую оценку «Кратких исторических известий» вынес М.А.Алпатов, который, не располагая никакими сведениями ни об авторе, ни об источнике, ни о переводчике этих статей, заключил, что они представляли какой-то «немецкий хандбух», содержавший «мешанину из библейской традиции, крайнего идеализма и немецкого шовинизма» с вкрапленными «неожиданным образом» идеями Просвещения[133].

В.Д.Рак, сличив статьи в «Иртыше» с трактатами Кеймза на языке подлинника и с их немецкими переводами, пришел к выводу, что тобольский литератор, чей криптоним «Г.Ф.» в то время еще не был раскрыт, имел в своем распоряжении последние и составлял по ним конспективные пересказы избранных разделов, сознательно изменяя авторскую мысль, вводя многочисленные дополнения, делая купюры и произвольные перестановки, допуская грубые искажения и ошибки вследствие непонимания или небрежности[134]. Было отмечено, что сотрудники «Иртыша», по-видимому, далеко не во всем соглашались с Кеймзом. Если его рассуждения о роскоши и источниках богатства встретили у них сочувствие, то, например, утверждение о независимости характера от климата вызвало своеобразное возражение: приведя все факты, которыми оперировал Кеймз, переводчик от себя сделал вывод, противоположный авторскому.

Заблуждение относительно характера переводов Г.Фризе и степени его самостоятельности было, так сказать, объективным, поскольку в том, что касается рассуждений Кеймза, ничто не наводило на подозрение о существовании другого источника, который обнаружился случайно, а при другом стечении обстоятельств мог еще долго оставаться неизвестным или вообще погибнуть в трагическом пожаре Библиотеки Академии наук. Вместе с тем общий замысел и план цикла «Кратких исторических известий» были определены верно и выше изложены почти без изменений, лишь с минимальными уточнениями, по сравнению со статьей 1976 года, где они были впервые проанализированы. В дальнейших исследованиях развитие получили, однако, не эти наблюдения, но тезис о выражении через переводы самостоятельных мыслей Г.Фризе, нередко якобы расходившегося во мнениях с авторами конспективно пересказываемых на страницах «Иртыша» трудов.

---

[133] Алпатов М.А. Сибирский журнал... С.120.

[134] Рак В.Д. Переводы в первом сибирском журнале. С.55—56.

Т.А.Роменская отметила, что «„Г.Ф." допускал сокращения оригинального текста и вставки собственного, вводил новые нюансы, переставлял акценты <...>, поэтому в конечном счете его статьи предстают вариантами переводимых работ, свидетельствующими о наличии собственной концепционности и целевой направленности»[135]. Одну статью (из октябрьского номера за 1791 г.) исследовательница берет смелость приписать, с большой убежденностью, хотя и предположительно, самому Фризе[136], а все пять образуют, по ее мнению, «методически „выстроенный", популярно изложенный и в известной степени самостоятельно осмысленный курс элементарной эстетики и введения в теорию искусства»[137].

Если ошибки Т.А.Роменской были предопределены неполнотою библиографических сведений, собранных ее теперешним оппонентом, то сделанные на этой же основе построения Г.И.Сенникова и Т.А.Рожковой суть плод их собственной буйной фантазии, призванной на место трезвого анализа, чтобы подогнать сопротивляющийся материал к желаемым выводам. Своей исходной точкой они взяли ошибочное суждение М.А.Алпатова, приписав которое, по небрежности, Ю.Д.Левину и сославшись при этом на страницу известного сборника «Эпоха Просвещения» (Л., 1967), относящуюся к статье П.Р.Заборова, пошли дальше и выдвинули следующее предположение: «...не идеи Просвещения, имевшиеся в шовинистическом „гандбухе", заставили тоболяков обратиться к данному переводу, а общий исторический (хотя и мнимый) характер его. Идеи же Просвещения были внесены в него самим Георгием Фризе»[138]. Этот вывод, как заявлено в статье, имеет основою «внимательное изучение <...> перевода Георгия Фризе»[139], однако не показаны ни наблюдения, ни ход мыслей, так что приходится лишь удивляться, как можно было решиться на подобное заключение относительно иностранного источника, о котором ничего не было известно. Дальнейшая аргументация Г.И.Сенникова и Т.И.Рожковой выливается в попытку обнаружить свидетельства того, что радикально (как вытекает из предшествующих рассуждений) мысливший Г.Фризе активно общался с задержавшимся на семь месяцев в Тобольске автором «Путешествия из Петербурга в Москву» и, будучи его уже сформировавшимся

---

135 Роменская Т.А. Указ. соч. С.37.

136 Там же. С.38—39.

137 Там же. С.39.

138 Сенников Г.И., Рожкова Т.И. Загадка «Г.Ф.» С.131.

139 Там же.

единомышленником, не только впитывал в личных беседах его революционные идеи, но и пропагандировал их через «Иртыш».

Не установив никаких новых фактов, кроме имени и фамилии переводчика, Г.И.Сенников и Т.И.Рожкова не только связали продолжение издания «Иртыша» с января 1791 г. с прибытием Радищева[140], но также усмотрели «разительное» изменение объекта и содержания переводов Г.Фризе. Сопоставив его статьи, восходящие к «Очеркам истории человека» Креймза, с заведомо неполным современным переводом «Оснований критики»[141] и не найдя в нем «радищевских» по духу мыслей, наличествующих в «Иртыше», они категорически заявили: «Приведенный материал, несмотря на его доказательную скромность, дает, однако, право утверждать, что Радищев, в период своего семимесячного пребывания в Тобольске, активно общался с местными литераторами. Опальный писатель, едущий в десятилетнюю ссылку, не мог, естественно, сам печататься в „Иртыше". Но он помог в восстановлении журнала, в придании ему единого идейного и стилевого характера, в выборе переводимых материалов»[142]. Полная методологическая несостоятельность подобного изучения переводных сочинений очевидна и не нуждается в комментировании.

Ныне насильственному «втискиванию» «Кратких исторических известий» в рамки априорной ошибочной концепции не остается возможности, поскольку сличение всех этих статей с окончательно и бесспорно установленным источником не подтвердило той степени переосмысления освещаемых вопросов и проблем, какая приписывалась ранее переводам Г.Фризе. Вставки, сокращения, перестановки и другие отступления от исходного текста, в которых можно подозревать его корректировку с целью передачи собственной мысли, отличной от авторской, принадлежали Хольстену, чьи компиляции председатель Тобольской уголовной палаты перевел без каких-либо существенных смысловых изменений. Соответственно, и необходимыми для этих трансформаций разносторонними интересами и знаниями обладал не Г. Фризе, как это было сочтено, а библиотекарь британской фактории. Некоторые его компиляции были подступами к собственному

---

[140] Между тем документально подтверждено, что решение о возобновлении журнала после четырехмесячного перерыва в сентябре—декабре 1790 г. было принято до приезда в Тобольск Радищева. См.: Татаринцев А.Г. Радищев в Сибири. С.143.

[141] Хоум Г. Основания критики. М., 1977.

[142] Сенников Г.И., Рожкова Т.И. Загадка «Г.Ф.» С. 135.

авторству. Однако на самостоятельное сочинительство Хольстен так и не решился, ограничившись ролью компилятора[143]. Правда, он позволял себе отдельные вставки, но никогда они не имели программного, принципиального содержания, а в большинстве были простыми функциональными связками.

Самое значительное отступление Фризе от немецкого источника состояло в изменении последовательности отобранных для перевода статей. Оно диктовалось, возможно, желанием выстроить разбросанные по немецкому журналу материалы в связный, единый исторический очерк. Этот план разобран выше.

Все пассажи, в которых был усмотрен «радищевский» образ мысли Фризе либо влияние событий Французской революции, присутствовали изначально в «Английском еженедельном листке» и были точно переданы в сибирском журнале, то есть в России их опубликовал за 10 лет до революции и за 11 лет до «Путешествия из Петербурга в Москву» человек отнюдь не радикального склада, заимствовав их к тому же из трактата весьма консервативного, по меркам XVIII в., английского автора. Не обнаружилось ни единого случая, когда Фризе попытался бы заострить или актуализировать применительно к условиям крепостнического строя какую-нибудь мысль своего источника. Напротив, причиною некоторых девиаций от немецкого оригинала могло быть или намерение самого переводчика, или цензурное требование смягчить доводимый до читателя текст, обойдя, например, молчанием нежелательные имена или аллюзии (например, замена упоминания Вольтера ссылкою на «одного их новейших писателей», изъятие слов «бунты», «дух свободы» и др.). Правда, эти случаи немногочисленны и не все достаточно ярко выражены, так что при полном отсутствии каких-либо объективных свидетельств подобные заключения допустимы лишь предположительно и не могут считаться окончательным выводом. В большинстве же купюр (а Фризе часто сокращал свои переводы относительно их источника) не ощущается никакого идеологического мотива. Они могли быть вызваны необходимостью укладываться в заданный объем, непониманием отдельных деталей или пассажей, либо мнением об их второстепенной значимости, наконец, даже небрежностью. Временами они сильно затемняют общий

---

143 Примеры компиляций Хольстена см. в Приложении 4. Отклонения в переводах Г.Фризе от немецкого текста подробно анализируются в статье, опубликованной в семнадцатом сборнике «XVIII век» (см. примеч. 109), а здесь приводятся лишь основные выводы из сделанных наблюдений.

смысл, но нигде не придают нового, не заложенного в исходном тексте.

Не несут этой функции и немногочисленные дополнения, которые внесены в статьи, а также другие отступления от немецкого источника: замены малопонятных реалий более известными; некоторые уточнения, внесенные, как правило, или неумело, или без всяких к тому оснований, не останавливаясь перед грубыми, хотя и мелкими искажениями; многочисленные ошибки, вызванные главным образом нечетким пониманием иностранного текста; наконец, бесчисленные опечатки, превращающие нередко перевод в загадку. Ошибками и неточностями, в разной степени искажающими мысль немецкого источника, переводы Фризе изобилуют; но дело не только в их количестве, свидетельствующем о неглубоких познаниях в немецком языке и слабом, дилетантском владении переводческим искусством. Они обличают Фризе в малой культуре и узком кругозоре, вследствие которых он плохо понимал и неверно передавал множество реалий и воспроизводил буквально ошибки Хольстена.

При сплошном сличении русского и немецкого текстов на 284 страницах «Иртыша», восходящих к «Das Englische Wochenblatt», нашлись только два отступления от смысла последнего, которые, поскольку он не содержит никаких языковых сложностей, трудно объяснить плохим его пониманием (хотя это нельзя полностью исключить) и, следовательно, допустимо интерпретировать как выражение собственной точки зрения переводчика. Хольстен, вслед за Кеймзом, утверждал, что при тиранических режимах одни народы развращаются, в то время как другие облагораживаются[144]. В «Иртыше» вторая часть тезиса поддается истолкованию как верноподданическая похвала Екатерине II: «По великим переменам народов и государств ясно усматривается, что характеры некоторых народов чрез угнетение и тиранство совсем переменилися; напротив чего другие кротким правлением исправилися»[145]. В другом случае Фризе высказал недвусмысленное осуждение, в исторической перспективе, народовластия: «...управление народное не имело уже другого действия, кроме того, что они от часу тем распутнее и развратнее делалися»[146].

---

[144] «Nach grossen Hauptveränderungen der Völker und Staaten, siehet man die Charaktere gewisser Völker, durch die Unterdrückung und Barbarey, ganz verändert; so wie andere sich hingegen verbessern und emporschwingen» (Das Englische Wochenblatt. 1778. 2. Julius. №25. S.194).

[145] Иртыш. 1791. Июнь. С.5.

[146] Там же. 1790. Май. С.4. Немецкий текст: «...die Regierung über

Итак, если очень редко Фризе и «вносил идеи» в переводимое, они были далеки от радищевских, если даже не противоположны им, и от того комплекса представлений, которые Г.И.Сенников и Т.И.Рожкова связывают с понятием «идеи Просвещения». Столь же далек был сам реальный Г.Фризе от вымышленного широко образованного мыслителя, эрудита-просветителя и вольнодумца, каким его нарисовали сибирские исследователи.

4

Характеристика «Иртыша» под углом зрения напечатанных в нем переводов сочинений западноевропейских авторов не будет полной, если не сказать о произведениях, которые, будучи оригинальными, то есть написаны самими сотрудниками журнала, имели тем не менее свою отправную точку в иностранных книгах, обращавшихся в тобольском литературном кружке. Речь идет о многочисленных стихотворных «сказках» и притчах И.И.Бахтина, П.П.Сумарокова, И.Трунина.

Я некогда читал, и мне то полюбилось,
Что где-то слух прошел,
Что будто с золотым зубком дитя родилось[147].

Этими словами начинается сказка Бахтина «Золотой зуб», для которой сюжетом послужило знаменитое мошенничество, совершенное в конце XVI в. О полемике, вызванной этим событием, которое несколько лет будоражило ученых Германии, кратко рассказал французский писатель Бернар Ле Бовье де Фонтенель в книге «История оракулов» («Histoire des oracles», 1687).

«В 1593 году, — пишет он, — распространился слух, что после того как у одного семилетнего мальчика из Силезии выпали зубы, на месте одного из задних у него вырос золотой. Хорст, профессор медицины в Гельмштадском университете, написал в 1595 году об этом зубе трактат, в котором утверждал, что его происхождение было частично естественным, а частично чудесным и что Бог ниспослал его этому ребенку, чтобы утешить христианский мир, страдавший от турок[148]. Представьте себе, что это было за утешение

---

das Volk hatte keine andere Wirkung, als sie ausgelassener und verobener zu machen...» (Das Englische Wochenblatt. 1778. 23. Julius. №28. S. 222).

[147] Иртыш. 1789. Сент. С.13.

[148] Horst Jacob (1537—1600). De aureo dente maxillari pueri Silesii: primum, utrum naturalis ei generatio fuit necne: deinde, an digna eius interpretatio dari queat. Et de noctambulonum natura differentiis et causis eorumque tam praeservativa quam curativa. Lipsiae, 1595; нем. пер.: 1596.

и какое отношение этот зуб имел к христианам и туркам. В том же году (чтобы у зуба этого не было недостатка в историках) Руланд написал о нем еще один трактат[149]. Двумя годами позже другой ученый муж, Инголштеттер, пишет опровержение[150], на которое Руланд сразу же отвечает[151]. Еще один великий человек, Либавий[152], собирает все, что уже было сказано, и добавляет к этому свои собственные соображения. Всем этим солидным трудам не хватало одного: чтобы зуб действительно был золотым. Когда его осмотрел золотых дел мастер, он обнаружил на нем искусно наложенный листок золота»[153].

Силезская подделка задевала кардинальный для своего времени вопрос о возможности чудес и имела непосредственное отношение к ряду естественнонаучных проблем, которые дискутировались между представителями старой схоластической науки и сторонниками зарождавшейся экспериментальной науки нового времени, ставившей под сомнение средневековые представления и методы исследования. К тому, что рассказано в книге Фонтенеля, можно добавить, что отзвуки истории с золотым зубом встречаются в трудах XVII в. по химии и медицине и что в 1674 г. подобный же мошеннический трюк был проделан в Вильнюсе[154].

Сказка Бахтина довольно точно воспроизводит приведенный выше отрывок из «Истории оракулов» (опущены лишь имена и речь идет о ребенке, *родившемся* с золотым зубом), но вполне вероятно, что сюжет этот сибирский поэт взял не из книги Фонтенеля, а из вторых рук.

Забавная история, рассказанная Фонтенелем, стала в XVIII в. достоянием сборников анекдотов. В том числе она

---

[149] Ruland Martin, сын (1569—1611). Nova et in omni memoria omnita inaudita historia de aureo dente qui nuper in Silesia puero cuidam septenni succrevisse magna omnium admiratione animadversus est et eiusdem de eodem Judicium. Francofurti, 1595.

[150] Иоганн Инголштеттер (Johann Ingolstetter, 1563—1619) написал о золотом зубе три книги: De aureo dente Silesii pueri responsio, qua demonstratur neque dentem eius generationem esse naturalem. Lipsiae, 1596; Dissertatio de natura naturalium et non naturalium opposita demonstrationi judicii Martini Rulandi de aureo dente. Lipsiae, 1596; De natura occultorum et prodigiosorum dissertatio ad Jacobum Horstium qua respondetur ipsius libello de aureo qui putabatur dente. Lipsiae, 1597 (переизд.: 1598).

[151] Ruland M. Demonstratio judicii de dente aureo pueri Silesii adversus responsionem M. Ioh Ingolstetteri. Francofurti, 1597.

[152] Andreas Libau (Libavius) (1546—1616) — немецкий врач и химик.

[153] Fontenelle B. Oeuvres. Paris, 1818. T. 2. P. 98 (Histoire des oracles. Dissertation 1ère, ch. 4).

[154] Thorndike L. A History of Magic and Experimental Science. New York, 1958. Vol.7. P.345; Vol.8. P.135, 372—373.

была перепечатана в статье «Спор» («Dispute») «Словаря анекдотов» О.Лакомба де Презеля[155], где обнаруживаются параллели еще трем сказкам Бахтина. Рассказ, соответствующий стихотворению «Ученый и служанка», находится в статье «Дети» («Enfans») (СА I, 227). Сюжет сказки «Проповедь и ростовщик» совпадает с одним из анекдотов из статьи «Ростовщик» («Usurier») (СА II, 332), представляющим вольный перевод 130-й фацеции Поджо Браччолини, очень популярной в Европе[156]. В сказке «Муж с женою» рассказывается о том, как, успокаивая жену, испугавшуюся мыши, муж заявил, что и сам бы поддался страху, если бы то была лягушка. Этот сюжет мог быть заимствован Бахтиным из раздела «Смешные черты» («Ridicule»): «Некий князь пригласил на пир весь двор; ужин подали в зале, выходившей на садовую лужайку. В разгар ужина одной даме мерещится, что она видит паука; ее охватывает ужас, она издает крик, вскакивает из-за стола, бежит в сад и падает на траву. Падая, она слышит, что кто-то опускается рядом с нею. Это был первый министр. „Ах, сударь, как вы меня успокаиваете и как я вам благодарна! боюсь, что я сделала глупость". — „Сударыня, кто смог бы это вынести! — отвечает министр. — Но скажите, эта тварь была очень большой?" — „Ах, сударь, ужасная". — „Она пролетела рядом со мной?" — спросил министр. — „Что вы хотите сказать? Паук — и лететь?" — „Значит, всю эту суматоху вы подняли из-за паука, — сказал министр. — Вы безумны, сударыня; я-то ведь подумал, что это летучая мышь"» (СА II, 248—249).

Как и в случае с «Присовокуплением вторым» к «Письмовнику» Н.Г.Курганова, одно лишь наличие в «Словаре анекдотов» некоторого числа рассказов, на сюжеты которых написаны «сказки» Бахтина, не служит достаточным основанием для того, чтобы признать эту книгу источником его стихотворений, так как те же забавные историйки он мог встретить и во многих других изданиях. Из одного сборника в другой переходила, например, фацеция о недогадливом ученом и сообразительной девочке[157]. Мигрировала и фацеция

---

155 СА I, 214—215. Ранее этот отрывок был включен в кн.: [Gayot de Pitaval F.]. Bibliothèque de cour, de ville et de campagne. Nouv. éd. Paris, 1746. T.7. P.251—252.

156 Поджо Браччолини. Фацетии / Пер. с лат., коммент. и вступ. ст. А.К.Дживелегова; предисл. А.В.Луначарского. М.; Л., 1934. С.240.

157 Например: Ouville A. d'. L'élite des contes... Dernière éd., rev. et augm. Rouen, 1699. Pt. 2. P. 150; Bibliothèque amusante et instructive, contenant des anecdotes intéressantes et des histoires curieuses tirées des meilleurs auteurs. Paris. 1753. P. 93; Magazin récréatif, pour servir de

Поджо Браччолини о ростовщике, которую не только перепечатывали, но и перелагали в стихи[158]; в России она вошла под №263 в «Письмовник». Переводился на русский язык и анекдот о пугливой даме[159]. Кроме того, ряд «сказок» Бахтина, в которых ощущаются фацецийная и анекдотическая основы, не имеют параллелей в «Словаре анекдотов»: «Вор, похитивший часы», «Охотник биться об заклад», «Клад», «Парижанин в Риме», «Гасконец в Париже». Последние два заглавия четко указывают на существование французского источника. Анекдот, составляющий параллель «сказке» «Кольцо и жернова», встречается у И. В.Новикова[160] и в рукописном сборнике «Примеры и жарты» из собрания М.П.Погодина[161]. Не был «Словарь анекдотов» источником и для притч И.Трунина, в то время как аналогичные фацеции встречаются в различных других собраниях, печатных и рукописных. Так, сюжет притчи «Обманщик» совпадает с фацецией Г.Бебеля «Об одном обманщике»[162] и фацецией «О школьнике» из погодинской рукописи[163]. Стихотворение «Спесивая девица» представляет переложение часто встречающейся в разных сборниках фацеции «О девице, одетой в белое»[164].

Совершенно очевидно, что в Тобольске имели хождение какие-то пока не выявленные сборники фацеций и анекдотов и что некоторые, по крайней мере, из них побывали в руках И. И. Бахтина. В этих книгах могли быть совпадения со

---

ressource contre l'ennui; choix d'anecdotes curieuses et intéressantes et de bons mots. Nouv. éd., corr. et augm. Amsterdam; Paris, 1771. T.2. P.163; Das Englische Wochenblatt. 1778. 9. April. №13. S.[103—104]; Contes à rire, ou récréations françoises. Nouv. éd., corr. et augm. Lille, 1781. T.2. P.156. Ср. стихотворение Каталана (Catalan) «La petite fille et le savant» в кн.: Grand dictionnaire universel / Par P.Larousse. Paris, s.a. T.1. P.349.

158 Например, стихотворение Баратона (Baraton) «L'usurier» и эпиграмма А.-К. Ардуина (Harduin, 1718—1785) «Un orateur prêchait contre l'usure...» («Almanach des muses», 1780).

159 Санктпетербургский вестник. 1780. Ч.6. Июль. С.24—30.

160 О четырех науках, употребляемых у магометан // Новиков И.В. Разные повести и сказки, принадлежащие к Похождению Ивана Гостиного сына. СПб., 1786. Ч.2. С.98—103.

161 РО РНБ, Погодин 1777, фацеция N 197 «О министерском сыне». См. также: Clouston W.A. The Book of Noodles: Stories of Simpletons, or Fools and Their Follies. London, 1888. P.167—168.

162 Бебель Г. Фацеции / Изд. подгот. Ю.М.Каган. М., 1970. С.109 (кн. 2, №83).

163 РО РНБ, Погодин 1777, фацеция №180.

164 Le facétieux Réveille-Matin des esprits mélancoliques, ou remède preservatif contre les tristes. Rouen, 1673. P.394; Ouville A. d'. L'élite des contes... Pt.2. P.371; Contes à rire... T.3. P.178. На русском языке в кн.: [Николаи К.Ф.] Спутник и собеседник веселых людей. М., 1788. Ч.3. С.21; а также в рукописи Погодин 1777 (фацеция №113 «О спесивой девице») и рукописном сборнике Бунина, хранящемся в ИРЛИ.

«Словарем анекдотов», в том числе и каких-нибудь рассказов, послуживших источниками стихотворений Бахтина. Тем не менее почти не вызывает сомнений и то, что Бахтин обращался к двухтомному собранию О.Лакомба де Презеля, поскольку оно, как будет видно ниже, обильно использовалось П.П.Сумароковым при издании «Библиотеки» и, кроме того, подсказало ему, возможно, два сюжета[165].

Вопрос о том, какими книгами пользовался Бахтин, имеет прямое отношение к датировке его стихотворений. На закате жизни, подводя итоги своей отнюдь не интенсивной литературной деятельности, он говорил: «Я в молодости моей все писал, все писал... и прозою, и стихами; написал груду, и благодарение судьбе, что, хотя больше от беспечности, нежели от благоразумия, не напечатал тогда всего мною написанного; а то бы было что читать и что покритиковать. Повозмужавши, я увидел, что многие мои сочинения в стихах совсем никуда не годятся, что некоторые ни то, ни се, а малая часть из них такова, что, исправя в них ошибки, натяжки, несвойственные выражения и прочее тому подобное, можно напечатать. Я то и исполнил в одном журнале, называемом „Иртыш, превращающийся в Иппокрену", издаваемом... в Тобольске. Ныне, исправя их и еще по возможности, а также и прибавя некоторые, издаю особливою книжкою»[166]. Разобранные четыре «сказки» были напечатаны в 1789 г., когда Бахтину было 35 лет. Если верить его словам, написаны они были где-то ранее 1780 г. Однако то, что говорилось выше о «Словаре» Лакомба де Презеля в связи с творчеством тобольских литераторов и о сравнительно частом их обращении к фацетийно-анекдотическим сюжетам именно в первые месяцы издания журнала, позволяет отнести дату написания этих «сказок» на 1789 год. Это предположение, кстати говоря, косвенно подтверждается другим свидетельством самого Бахтина: публикуя в первых номерах «Иртыша» свои стихотворения, он только относительно трех из них сделал указание, что они были написаны

---

165 1) Быль («Приказывал жене, сбираясь некто в путь...»)// Иртыш. 1789. Сент. С.26. Соответствующий анекдот см.: CA II, 193, статья «Крестьянин» («Paysan»). На этот сюжет существует стихотворение Э.Бурсо (Boursault, 1638—1701); см.: Gayot de Pitaval F. Bibliothèque des gens de cour... T.4. P.26. 2) Искусный лекарь // Иртыш, 1789. Сент. С.27—33; на сюжет анекдота из статьи «Врачи» («Médecins) — CA II, 141—142. Очевидно, П.П.Сумароков знал и написанное на этот сюжет стихотворение: Les médecins de Bagdad: Conte / Par M. de M.-S. // MF. 1771 Janvier.T.2. P.5—7.

166 Бахтин И.И. И я автор, или Разные мелкие стихотворения Ивана Бахтина. СПб., 1816. С. [III—IV].

несколькими годами ранее; это были «Сон», «Стансы» и «Молитва», но не «сказки»[167].

5

В 1790 г., одновременно с «Иртышом», в Тобольске вышел «Исторической журнал, или Собрание из разных книг любопытных известий, увеселительных повестей и анекдотов». В «Обращении к А.В.Алябьеву», напечатанном в первой части, упоминается, что материал был подготовлен для нескольких частей этого издания, но точное их число не указывается. По свидетельству В.С.Сопикова, свет увидели две части[168]. Уже в начале XIX века «Исторический журнал» считался редкостью, а в XX в. совсем исчез из поля зрения библиографов и исследователей, так что даже высказывалось сомнение в том, что он действительно существовал[169]. Лишь в шестидесятые годы были обнаружены единичные экземпляры первой части[170]. Неизвестно, был ли задуман «Исторический журнал» как периодическое издание или как серия сборников. В пользу первого предположения говорит заглавие; тем не менее, за отсутствием иных данных, библиографы считают первую часть книгой, называя ее сборником[171].

Издателем «Исторического журнала» и его единственным автором (а точнее, составителем) был Д.Корнильев — этим именем подписано «Обращение», в котором сообщается, что

---

[167] «Сей сон, равно как и последующие стансы, были автором отосланы к напечатанию лет семь назад, но как в известных доселе периодических изданиях нигде не включены, то здесь и помещаются без опасения сделать повторение». — Иртыш. 1789. Сент. С.6. При стихотворении «Молитва» указано, что оно написано в 1780 г. — Там же. Дек. С. 40.

[168] Сопиков В. С. Опыт российской библиографии. СПб., 1904. Ч.3. С.47. №4103; ср.: Геннади Г. Русские книжные редкости: Библиографический список русских редких книг. СПб., 1872. С.60. №69.

[169] Семенников В. Дополнительные материалы для истории провинциальных типографий XVIII и начала XIX века и для библиографии книг, в них напечатанных//Русский библиофил. 1913. №7. С.69—70.

[170] СК 3145; Кошелев Я.Р. Русская фольклористика Сибири (XIX—начала XX вв.). Томск, 1962. С.16—18; Утков В.Г. Книги и судьбы: Очерки. М., 1967. С.35; Шинкарев Л. Тобольские граждане // Известия. 1970. 27 дек. Обе части имелись в библиотеке А.Е.Бурцева (см.: Бурцев А.Е. Обстоятельное библиографическое описание редких и замечательных книг... СПб., 1901. Т.2. С.469. №430).

[171] СК 3145. А.В.Блюм считает «Исторический журнал» периодическим изданием, не приводя, однако, каких-либо бесспорных доказательств (см.: Блюм А. «Исторический журнал...» Дмитрия Корнильева // Сибирские огни. 1966. №4. С.167). Упоминания «Исторического журнала» как периодического издания в работах по истории русской журналистики, вышедших ранее 1960-х гг. (например: Берков. Рус. журналистика. С.312), не могут считаться авторитетными, так как выводы делались исключительно на основании заглавия.

он занялся литературным трудом, «имея свободное время, будучи ничем иным, кроме коммерции, не занят»[172]. Этим лицом считается Дмитрий Васильевич Корнильев, сын владельца тобольской типографии В.Я.Корнильева[173]. Генезис «Исторического журнала» следует, очевидно, искать в присущей Д. В. Корнильеву, по всей вероятности, еще в молодости привычке, которую наблюдала у него на закате жизни его внучка Е.И.Капустина, сестра Д.И.Менделеева. «Каждый день, — писала она, — он ходил к обедне, потом в своей комнате занимался чтением и любил переписывать, что вздумается. Он складывал лист обыкновенной писчей бумаги в восьмушку, сшивал такую тетрадку и писал и прозу, и стихи, одним словом, что захочется; потом эти тетрадки сшивал в довольно толстые томики и укладывал их на полочку в своей комнате»[174].

Издавая «Исторический журнал», Д.В.Корнильев, по его словам, «за долг себе поставил выбрать из разных исторических и географических книг краткие, любопытство заслуживающие известия, как-то: о Сибири, Камчатке, Америке, Азиатских народах; о произрастании удивительных в Китае дерев; о разных родах зверей, рыб, птиц; о знатнейших городах, островах, берегах и о коммерции оных с приобщением увеселительных повестей и анекдотов»[175]. Источники и авторство большинства статей до последнего времени оставались не установленными. А.И.Дмитриев-Мамонов считал все статьи переводными[176]. После того как нашлась первая часть и стало известно ее содержание, была выдвинута иная точка зрения, согласно которой «переводы составляли лишь часть журнала»[177], ограничиваясь «увеселительными» материалами. Авторство всех статей, касающихся Сибири, было

---

[172] Историческое журнал... Тобольск, 1790. Ч.1. С. [3].

[173] СК 3145. Здесь атрибуция приводится в осторожной предположительной формулировке. А.В.Блюм принял это предположение безоговорочно, ничем его не подтверждая (Блюм А.В. «Исторический журнал...» С.165—166). Другие авторы, писавшие об этом издании, также не сомневаются в атрибуции его Д.В.Корнильеву (например: Утков В.Г. Сибирские первопечатники Василий и Дмитрий Корнильевы // Книга: Исследования и материалы. М., 1979. Сб. 38. С.89—92; Утков В.Г. Книгочий Дмитрий Корнильев и его журнал // Альманах библиофила. М., 1980. Вып. 9. С.103—117). М.Г.Альтшуллер (Литературная жизнь Тобольска... С.184—185) указал со ссылкою на В.С.Сопикова издателем «Исторического журнала» П.П.Сумарокова; это — явное недоразумение, так как в «Опыте российской библиографии» ничего не сообщается об издателе.

[174] Капустина-Губкина Н.Я. Семейная хроника в письмах матери, отца, брата, сестры, дяди Д.И.Менделеева. СПб., 1908. С.157—158

[175] Историческое журнал... Ч.1. С.[3].

[176] Дмитриев-Мамонов А.И. Начало печати в Сибири. С.45.

[177] Блюм А.В. «Исторический журнал...» С.166.

молчаливо и бездоказательно приписано самому Д.В.Корнильеву.[178]. Этот творившийся на наших глазах миф развеялся, так как ныне можно бесспорно указать книги, из которых делал свои краеведческие выписки Корнильев: «Сибирская история» И.Э.Фишера (СПб., 1774; СК 7800) и первая часть «Географического, исторического, хронологического, политического и физического описания Китайския империи и Татарии Китайския» Ж.-Б. Дю Гальда ([СПб], 1774; СК 2079).[179]

Сам сибиряк, Д.В.Корнильев адресовал «Исторический журнал» в первую очередь, по-видимому, своим землякам, видя задачу в том, чтобы расширить их знания о родном для них крае. Приблизительно половину первой части занимают небольшие статьи исторического, географического и этнографического содержания, посвященные Сибири: «О Сибири», «О качестве Сибири», «О бурятах и телеутах», «Известие о старинных татарских князьях в Сибири и о введении Кучумом в Сибири махометанской веры», «Описание прежде бывшей крепости Сибири», «О разности земли в Сибири, по сю и то ту сторону реки Енисея, и описание Барабинской степи» и др. Эти выписки были первыми в сибирской печати краеведческими статьями. Их публикация, возможно, означала скрытую полемику с «Иртышом», не уделявшим внимания подобной тематике. К сожалению, отсутствие сведений о взаимоотношениях Д.В.Корнильева с тобольскими литераторами, объединившимися вокруг «Иртыша», лишает возможности проверить это предположение.

Судя по приведенной выше цитате из «Обращения» и некоторым статьям в первой части (например, «О китайских деревьях, произносящих цветы», «О китайских деревьях, произносящих чай»), внимание Д.В.Корнильева, помимо Сибири, привлекали прежде всего соседние с нею земли и страны. В этом, по всей вероятности, сказывались интересы сибиряка-коммерсанта. Вместе с тем в «Историческом журнале» предполагались историко-географические экскурсы и в

---

[178] В указанных выше статьях В.Г.Уткова (см. примеч. 173) Д.В.Корнильев не называется прямо автором, но о всех материалах, помещенных в журнале, говорится так, как если бы он таковым являлся. Например: «Из-под пера Корнильева встают совсем иные картины, чем те, к которым привыкли в то время, говоря о Сибири. В понимании Корнильева Сибирь — суровая, но здоровая и красивая страна <...> В своих материалах Корнильев часто полемизирует с видными учеными и признанными авторитетами тех лет», и т. п. (Утков В.Г. Книгочий Дмитрий Корнильев и его журнал. С.108).

[179] Подробные сведения см.: Рак В.Д. Библиографические заметки // XVIII век. СПб., 1995. Сб.19. С.205—207.

другие районы земного шара; в первой части была напечатана одна такая заметка: «О французском городе Ренсе» (то есть Реймсе).

После каждой статьи Д.В.Корнильев помещал небольшой «увеселительный» рассказ, преимущественно нравоучительного характера («Пример братней любви», «Пример честности», «Великодушие в любви», «Люди последуют щастию» и др.). Высказывалось мнение, что в «Историческом журнале» эти рассказы представляли «инородное тело» и «были, как правило, невысокого качества»[180]. С этой оценкой нельзя согласиться. Сочетание научно-популярных статей, художественных произведений малых жанров и развлекательно-нравоучительных анекдотов, предлагавших вниманию читателя «примеры добродетелей», было общепринятой в XVIII в. практикой. Переводы в «Историческом журнале» были заимствованы из солидных периодических изданий и книг: Ланге И.П. Смеющийся Демокрит, или Поле честных увеселений с поруганием меланхолии. Пер. с лат. М., 1769; Праздное время в пользу употребленное. 1759. Ч.2; Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия. 1762. Ч.3; Детское чтение для сердца и разума. 1786. Ч.6—7. Произведения отбирались отнюдь не незначительные. В частности, были перепечатаны переводы двух рассказов английского писателя Р.Стиля из его сатирико-нравоучительного журнала «Болтун»: «О великодушии, кое два неприятеля друг другу оказали»[181] и «Великодушие в любви»[182]. Под заглавием «Любовь сына к отцу» напечатана в «Историческом журнале» идиллия С.Геснера «Миртил». Рассказ «Приключение пустынника» — тот самый, переводом которого И.Г.Рейхель полемизировал, наверное, с «Поэмой о гибели Лиссабона»[183]. «Баснь» о Дриопе, превращенной в дерево, принадлежит английскому поэту А.Попу и представляет переложение мифа, рассказанного Овидием в девятой книге «Метаморфоз»[184]. Другие рассказы и анекдоты, вошедшие в «Исторический журнал», тоже в большинстве своем были очень популярны в Европе и России и множество раз перепечатывались на разных языках во

---

[180] Блюм А.В. «Исторический журнал...» С.167.

[181] См. выше с.191, примеч. 149.

[182] Первоначально под тем же заглавием в журнале: Праздное время в пользу употребленное. 1759. [Ч. 2. №19]. Нояб. 6. С.293—298. Подлинник: The Tatler. 1709. August 23. №58.

[183] См. выше с.178—179.

[184] Перепечатано из журнала: Праздное время в пользу употребленное. 1759. [Ч.2. №12]. Сент. 18. С.184—188.

всевозможных периодических изданиях, сборниках, книжках для детского чтения и т. п.[185] Подбор произведений свидетельствует как об известной широте интересов Д. В. Корнильев, так и о том, что его просветительские намерения не были лишь краеведческими, но также предусматривали нравственное воспитание читателей и приобщение их к художественной литературе.

6

В 1793 г., через год после того, как был выпущен последний номер «Иртыша», в Тобольске начал выходить новый журнал. Оба эти события были взаимосвязаны, но причины, их вызвавшие, и обстоятельства, к ним относящиеся, сегодня во многом не ясны.

Почему было прекращено издание «Иртыша»? Предположение о цензурных затруднениях, с которыми оно могло столкнуться[186], является лишь догадкой, не подтвержденной фактами и построенной на преувеличенном представлении о вольнодумстве тобольских литераторов. Более вероятной причиной кажется равнодушие к просвещению и к первенцу сибирской журналистики тех, кто, по замыслу издателей, должен был бы составить его основную читательскую аудиторию — местных чиновников и купцов[187]. Может быть, малая популярность «Иртыша» убедила его сотрудников и тобольского наместника А.В.Алябьева в том, что в Сибири еще не созрели условия для издания журнала, и было решено сосредоточить просветительские усилия в стенах Тобольского главного народного училища с тем, чтобы эти условия подготовить, воспитав людей, имеющих привычку к чтению и потребность в нем? Однако замысел нового журнала родился где-то вскоре после выхода последнего номера «Иртыша» (первое объявление о подписке было опубликовано в «Санктпетербургских ведомостях» 27 августа 1792 г.), и проект, по-видимому, был одобрен местными властями, потому что «Библиотека», как и ее предшественник, издавалась на средства Тобольского приказа общественного призрения.

Как случилось, что П.П.Сумароков оказался и редактором, и едва ли не единственным автором «Библиотеки»?[188]

---

185 Ср. выше с.210.

186 Постнов Ю. С. Русская литература Сибири... С.39.

187 Там же. С.38.

188 В ряде работ говорится об издателях или сотрудниках «Библиотеки» (см.: Кунгуров Г.Ф. Сибирь и литература. С.85; Дмитриев-Мамонов А.И.

Почему от участия в ней устранились представители местной разночинной интеллигенции — педагоги Тобольского училища? Неужели они более не ощущали потребности в «свойственном званию их упражнении», то есть литературно-просветительской деятельности, для которой существование в Тобольске печатного органа открывало большие возможности?

Трудно представить, чтобы никто из бывших сотрудников «Иртыша», не раз выступавших с декларациями о великой преобразующей силе просвещения, не откликнулся на новую попытку распространения общеполезных знаний, тем более что план «Библиотеки» по сравнению с «Иртышом» был сильно изменен с целью, несомненно, придать ей больший интерес в глазах читателей. Может быть, они не устранились, а были кем-то по каким-нибудь причинам отстранены; но кем и почему? Их вольнодумство, как указывалось выше, преувеличивается исследователями, а оно кажется единственным веским основанием, которое могло бы побудить начальство, поддержавшее журнал, не допустить кого-либо на его страницы. Кроме того, если подобные репрессивные меры и осуществлялись, то они, наверное, должны были бы быть избирательными. Напрашивается также предположение о внутренних разногласиях между бывшими сотрудниками «Иртыша»; но о них до нашего времени не дошло никаких свидетельств. Если же какие-нибудь разногласия и существовали, то почему П.Сумароков остался в одиночестве и при этом именно он руководил журналом?

Не располагая сколько-нибудь убедительными ответами на эти и другие вопросы, можно попытаться лишь крайне приблизительно восстановить обстоятельства, вызвавшие к жизни второй сибирский журнал. В реконструируемой логической цепи многие звенья будут, естественно, отсутствовать.

Чем дольше продолжалось издание «Иртыша», тем отчетливее, видимо, осознавали его сотрудники и издатели, что

Начало печати в Сибири. С.48, 50), но не приводится никаких доказательств участия в ее издании кого-либо, кроме П.Сумарокова. Единственным свидетельством остаются подписи, которые имеются при следующих публикациях: одной статье Т.Воскресенского, трех стихотворениях И.Трунина, одном переводе И.Бахтина (перепечатан из «Иртыша», возможно, без его ведома), двух переводах Г.Фризе и одном переводе самого П.Сумарокова; одна песня была «прислана от неизвестного». Все остальные статьи, за неимением каких-либо свидетельств, можно приписать лишь П.Сумарокову. Характерно, что объявления о подписке, напечатанные в газетах и первых номерах «Библиотеки», где они подписаны литерами П.С. (то есть П.Сумароков), оставляют впечатление, что этот журнал был единоличным предприятием.

он не оправдывает надежд, которые первоначально на него возлагались. Факелом, озаряющим ярким светом темную Сибирь, он не стал, а был лишь огоньком, поддерживаемым усилиями нескольких энтузиастов. Пробить толщу мрака, окутывавшую умы местных чиновников и купцов, он не смог; тем более ему не хватало сил для того, чтобы выйти на всероссийскую арену. Однажды он уже едва не прекратил существование, а когда после четырехмесячного перерыва (сентябрь—декабрь 1790 г.) возродился — число подписчиков резко снизилось. После возобновления в нем не произошло никаких существенных изменений, которые могли бы в лучшую сторону повлиять на читательскую реакцию. Его будущее не сулило ничего, кроме все нараставших убытков. В этих условиях, даже независимо от каких-либо иных возможных обстоятельств, решение прекратить издание «Иртыша» было вполне естественным и закономерным.

Такой конец благородного просветительского предприятия не мог, очевидно, не вызвать разочарования в кругу тобольских литераторов. Вполне вероятно, что он породил и неверие в собственные силы. Однако этим настроениям, если они действительно существовали, поддались не все. Во всяком случае П. Сумароков по-прежнему был убежден в том, что Сибирь может и должна иметь свой журнал, который осуществлял бы просветительские цели, подготавливая тем самым почву для преобразования края. Эту мысль разделял, по-видимому, и А.В.Алябьев.

Двухлетний опыт «Иртыша» подвергался, конечно, анализу. Какие же выводы можно было сделать? Журнал, несомненно, содержал много интересных и важных, с просветительской точки зрения, статей, но они не привлекли к себе внимания читателей и, следовательно, не выполнили своего назначения. Главная просветительская задача — р а с п р о с т р а н е н и е знаний — не была решена. Местной косностью и равнодушием к просвещению можно было объяснить, но отнюдь не оправдать эту неудачу.

В XVIII в. проблема установления контакта с читателями стала очень остро, так как без него просветительская деятельность лишалась смысла, была просто невозможна. Чтобы успешно просвещать, нужно было завоевать умы не только единомышленников и сторонников (это была нетрудная задача), но также инакомыслящих, настроенных недоброжелательно или (в силу каких-либо причин) индифферентных к идеям автора. Нельзя было ожидать, что эти категории людей, особенно последняя, сами по себе станут активными читателями книг или журналов, которые и по содержанию

и по форме были им безразличны или враждебны их убеждениям. Поэтому ответственность за контакт с читателями должен был взять на себя автор: ему следовало обладать искусством завлекать и переубеждать.

Просветительская журналистика XVIII в. знала блестящие решения этой проблемы — в частности, в сатирико-нравоучительных периодических листках Дж.Аддисона и Р.Стиля, послуживших образцом для многих европейских писателей. П.Сумароков, много переводивший из «Зрителя», мог для себя отметить, например, следующий отрывок, в котором Дж.Аддисон объяснял свой главный тактический прием:

«Я могу разделить своих читателей на две основные группы: оживленных и мрачных. К первым относятся мои веселые ученики, которые требуют остроумных и забавных рассуждений; вторые — серьезнее и рассудительнее, им доставляют удовольствие лишь те листки, которые содержат нравоучения, исполненные здравого смысла. Первые называют все серьезное глупым, вторым все смешное представляется дерзким и неуместным. Если бы я всегда сохранял серьезность, от меня отшатнулась бы одна половина читателей; если бы я всегда был веселым, то потерял бы другую половину. Поэтому я стараюсь угодить обеим, и, может быть, это приносит как тем, так и другим больше пользы, чем если бы я всегда приноравливался к чьему-нибудь одному вкусу. Поскольку никто из них не знает, о чем я поведу речь, то бойкий читатель, беря мой листок в надежде позабавиться, очень часто незаметно для себя вовлекается в серьезные и нравоучительные размышления; глубокомысленный человек, наоборот, ожидая найти веские и обстоятельные рассуждения, очень часто невольно начинает смеяться»[189].

Переводы П.Сумарокова из «Зрителя» печатались начиная с первой книги «Библиотеки», причем открывались №215-м и затем следовали вперемежку. Это дает основание полагать, что П.Сумароков знал рассуждение Дж.Аддисона (№179) уже в то время (если даже не раньше), когда готовился к изданию нового журнала, и оно могло помочь ему утвердиться в мысли о необходимости учитывать психологические особенности, интересы и жизненный уклад людей, которых он предполагал просвещать печатным словом. Но и без ассоциаций, которые могло вызвать рассуждение Дж. Аддисона, должно было стать ясно, что первая попытка не увенчалась успехом в значительной мере вследствие неудач-

---

[189] The Spectator. 1711. September 25. №179.

ного построения «Иртыша». Основная ошибка была найдена, и это рождало надежды на будущее.

Как заинтересовать людей, погрязших в прозе будничной жизни, лишенных любознательности и высоких устремлений, не имевших ни привычки, ни потребности читать и расширять свой кругозор? По-видимому, в поисках ответа на этот вопрос рождался замысел второго тобольского журнала и велась подготовка к его изданию, занявшая, наверное, несколько месяцев (из первого объявления о подписке видно, что ко времени его публикации уже были подобраны все основные иностранные источники, из которых предполагалось переводить статьи для «Библиотеки»).

Все сказанное выше представляет, разумеется, лишь гипотезу, не имеющую документальных подтверждений. Однако известные основания для нее дает содержание и оформление «Библиотеки».

Прежде всего обращает на себя внимание четкое деление нового журнала на отделы, каждый из которых выделен полиграфически, а также указан и в оглавлении, и в названии журнала. Каждый выпуск содержал все пять отделов, располагавшихся в неизменной последовательности. По мнению П.Сумарокова, подобная композиционная стройность и единообразие обладали значительным преимуществом перед «Иртышом», который (как он, вероятно, заключил) отпугивал читателей своей хаотичностью. «Сия книга, — писал он в объявлении о подписке на „Библиотеку“, — будет состоять из двенадцати частей, в каждой из оных будет до трехсот печатных страниц; для избежания же многим неприятной смеси издатель разделил всякую часть на пять особых статей и каждой из оных дал наименование, соответствующее содержащимся в ней материалам»[190].

Кроме формального оглавления, не дававшего, естественно, пояснений о характере статей, в «Иртыше» не было никаких других указаний, которые помогли бы читателю ориентироваться в журнале. Ни в верстке, ни в тематическом подборе статей не соблюдалось стабильности. Беря в руки очередной номер, читатель не знал, есть ли в нем материалы, особо его интересующие, и если есть, то где они помещены. В иных условиях подобная пестрота могла себя оправдать, вынуждая читателя просмотреть весь номер и невольно познакомиться также с теми статьями, которые в противном случае он оставил бы без внимания. Но в отношении людей, которым адресовался «Иртыш», этот прием (как, очевидно, считал П.Сумароков) привел к противопо-

---

[190] СПб вед. 1792. Авг. 27. №69. С. 1333.

ложному результату: они были слишком не любопытны и умственно ленивы, чтобы утруждать себя просмотром журнала или тем более чтением его подряд. Им нужна была определенность — и создать ее должна была структура «Библиотеки».

Пять отделов «Библиотеки»: ученый, экономический, нравоучительный, исторический и увеселительный — позволяли осуществлять широкую просветительскую программу. Продолжая в этом смысле линию своего предшественника, «Библиотека» в то же время располагала бо́льшими потенциальными возможностями, так как по сравнению с «Иртышом» ее объем был увеличен настолько, что каждый ее отдел по величине был почти равен его целому номеру. В результате выпуск «Библиотеки» вмещал большее количество тематически родственных статей и допускал большее их разнообразие. Чаще, чем в «Иртыше», можно было печатать пространные статьи, продолжающиеся из номера в номер. Таким образом, по замыслу П.Сумарокова, «Библиотека» должна была лучше удовлетворять различные интересы и одновременно обстоятельнее раскрывать затронутые темы.

Свои просветительские цели П.Сумароков не мог считать достигнутыми, если бы каждый читатель уделял внимание лишь одному-двум интересующим его отделам «Библиотеки». Расчет, несомненно, строился на том, что привлеченный статьями на какую-нибудь определенную тему и одобривший их читатель пожелает проверить, не предоставит ли ему журнал также другой пищи для ума или развлечения, и, обнаружив ее, с еще большей охотой перейдет к другим материалам. Кругозор его будет постепенно расширяться, и, соответственно, появятся новые интересы; ум, пребывавший прежде в бездействии, станет активным и любознательным — а когда это будет достигнуто, то дальнейший контакт уже не составит трудности. Такими, по всей вероятности, рисовались П.Сумарокову перспективы, когда он замышлял издание «Библиотеки». Задача, вытекавшая из этого плана, была двоякой: с одной стороны, создать «приманку»; с другой — для всех отделов отобрать такой материал, чтобы он был занимательным и доступным даже тем, кто делал лишь первые шаги в области серьезного чтения. Но имея в виду прежде всего малообразованных людей, необходимо было учитывать интересы другой, более просвещенной аудитории, поскольку журнал был предназначен «для всякого звания читателей». Материал должен был удовлетворять одновременно различным запросам и вкусам, и это усложняло его отбор.

Опыт «Иртыша» не мог не подсказать П.Сумарокову, что литературные произведения — ни оригинальные, ни

переводные, ни поэтические, ни прозаические — не сыграли роль эффективной «приманки». Отсюда логически следовало, что интересы многих будущих читателей, чьим вниманием надеялся овладеть П.Сумароков, лежали за пределами художественной литературы, которую эти люди не понимали и, возможно, считали даже пустячной забавой. Поэтому, очевидно, основную надежду на популярность «Библиотеки» П.Сумароков связывал с ее «экономическим» отделом. Публиковавшиеся здесь небольшие заметки по различным вопросам, относившимся к домоводству и практической медицине, содержали сведения, полезные в быту любой семье. В совокупности они должны были составить своего рода небольшую домашнюю энциклопедию, которая облегчила бы проникновение «Библиотеки» в дома, где господствовали сугубо прозаические, житейские заботы и интересы. Играя роль «приманки», эти заметки одновременно были рассчитаны на то, чтобы помочь людям научиться разумному хозяйствованию, — этот пункт входил в просветительскую программу, сформулированную еще в «Иртыше».

Привлечению читателей должен был, безусловно, содействовать и «увеселительный» отдел. Его основу составляли переводные восточные и волшебные повести и сказки. Здесь были напечатаны две сказки мадам д'Онуа[191], арабская версия «Мучения семи отроков эфесских»[192], большой отрывок из романа Огюстена Надаля (1659—1741) «Путешествие Зюльмы в волшебный край»[193], «восточная» повесть Монтескье «Арзас и Исмения»[194], «китайская сказка» Джозефа Аддисона «Гюльпа и Шалюм»[195] и притча из «Восточной

---

[191] Баран // Библиотека. 1793. Ч.2. С.204—329; Сказка о прекрасной принцессе Розете и о царе павлинов // Там же. 1794. Ч.7. С.248—286. Подлинники: «Le mouton, conte» и «La princesse Rosette, conte» в кн.: d'Aulnoy M.-C. Contes des fées (1698; многочисленные переиздания).

[192] История о Дакианос и о семи спящих // Библиотека. 1793. Ч.3. С.264—314. Ч.4. С.253—277. Вопреки примечанию в конце текста, перевод был выполнен не по арабской рукописи, а с французского языка, на который эта повесть была переведена А.-К.-Ф. де Кейлюсом (Caylus)и напечатана в его сборнике «Contes orientaux tirés des manuscrits de la Bibliothèque du Roi de France» (T. 1—2. Paris, 1743; переиздания под заглавием «Nouveaux contes orientaux»).

[193] Аталида // Библиотека. 1793. Ч.6. С.229—271; 1794. Ч. 7. С. 215—248. Подлинник: Nadal A. Les voyages de Zulma dans les pays des fées. Amsterdam, 1734 (переиздания).

[194] Библиотека. 1794. Ч.9. С.185—237; Ч.10. С.177—215.

[195] Там же. 1793. Ч.5. С.217—228. Подлинник: The Spectator. 1714. August 23—24. №584—585.

смеси» Д.-Д.Кардона «Туфли Абу-Каземовы»[196]. Подобный подбор произведений был, конечно, не случайным. Он отражал, по всей вероятности, поиск компромисса между различными читательскими интересами, которые П. Сумарокову было необходимо сблизить для того, чтобы максимально расширить аудиторию «Библиотеки».

В последней четверти XVIII в. печатная сказка (как русская, так и переводная) выполняла важную просветительскую функцию, способствуя распространению грамотности, приобщая малообразованных читателей к светской книге и тем самым содействуя повышению их культурного уровня[197]. «Сказки могут к читанию произвести привычку», — отмечал, например, куратор Московского университета В.Е.Ададуров[198]. С этой точки зрения, произведения, отобранные П. Сумароковым, как нельзя лучше отвечали целям «Библиотеки». Правда, в строгом смысле слова, «Арзас и Исмения» не относится к сказочному жанру; однако восточный колорит, авантюрный сюжет, исключительная красота, духовное благородство, физическая сила и героизм главных персонажей, таинственные появления, исчезновения и превращения, которые на протяжении повествования представляются действием сверхъестественных сил и лишь в конце находят рационалистическое объяснение, — все это позволяло воспринимать повесть Монтескье в традициях сказки и галантно-героических жанров. Аналогичным образом легко переосмыслялась и «Гюльпа и Шалюм» Дж.Аддисона.

Если, с одной стороны, публикуя переводы этих произведений, П.Сумароков ориентировался на малограмотного читателя, то, с другой, положение, занимаемое в литературе XVIII в. книгами, из которых они были извлечены, давало все основания рассчитывать на то, что «увеселительный» отдел журнала будет отвечать и самому изысканному лите-

---

[196] Там же. 1794. Ч.8. С.219—228. В сибирский журнал притча пришла сложным путем. По одному из немецких переводов (см. выше с.184, примеч. 131—132), выполненных с французского языка, Л.-Б.-Ф. фон Бильдербек перевел ее обратно на французский язык под заглавием: «Les pantoufles d'Abu-Casem: Conte arabe». Перевод Бильдербека был напечатан в «Journal des gens du monde» в одном из номеров, входящих в Т.10 за 1785 г.; перепечатан в «L'Esprit des journaux» (1785. Т.12. Décembre. P.232—237) и в кн.: Bilderbeck L.-B. de. Bagatelles littéraires. Lausanne, 1788. P.137—144. Немецкий перевод и перевод Бильдербека отличаются большой точностью, так что перевод П.Сумарокова почти идентичен тексту в сборнике Д.-Д.Кардона; лишь несколько мелких деталей позволили восстановить этот путь.

[197] Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI—XVIII века) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.В.Новикова. Л., 1971. С. 20—21.

[198] Цит. по: Там же. С.19.

ратурному вкусу. Таким образом были соблюдены интересы обеих крайних сторон; тем более должны были быть удовлетворены читатели, представлявшие промежуточные между ними ступени.

Сходное со сказкой положение занимали в литературе XVIII в. анекдотические жанры. Поэтому, руководствуясь, очевидно, тем же принципом компромисса между читательскими интересами, П.Сумароков ввел в «увеселительном» отделе постоянную рубрику «Разные анекдоты и острые шутки», для которой материал он брал из какого-то французского сборника, вышедшего, по всей видимости, не ранее 1776 г.[199] Впрочем, он мог пользоваться и несколькими книгами. Кроме того, в двух первых выпусках была напечатана пространная статья «Любопытные анекдоты о лунатиках или снходцах»[200], являющаяся переводом статьи «Лунатики» («Somnambules») из «Словаря анекдотов» О. Лакомба де Презеля[201].

К анекдотическому жанру по своему характеру относятся и «Любопытные физические примечания на нравы животных», извлеченные из компилятивного сборника занимательных рассказов о животных, составленного Жаком Венсаном Делакруа по сочинениям Плутарха, Плиния, Элиана, Бюффона и других древних и новых авторов[202].

---

[199] Один анекдот начинается следующими словами: «Жан-Жак Руссо, опрокинутый в 1776 году большою датскою собакою...» — Библиотека. 1793. Ч.2. С.192. Он встретился в гл.39 «Картины Парижа» Л.-С.Мерсье (Mercier L.-S. Tableau de Paris. Nouv. éd., corr. et augm. Amsterdam, 1782. T.1. P.119; рус. пер.: Мерсье Л.-С. Картина Парижа. СПб., 1786. Т.1. С.106—107), а также в сборнике: [Lacombe J.]. Encyclopédiana, ou dictionnaire encyclopédique des ana. Paris, 1791. P.836 (Encyclopédie méthodique). Однако П.Сумароков пользовался другим источником.

[200] Библиотека. 1793. Ч.1. С.213—215; Ч.2. С. 81—186.

[201] СА II, 293—301. В свою очередь, статья в СА является сокращением статьи: Singularités étonnantes concernant les Somnabules // JE. 1762. T.5. Pt.1, juillet 1. P.80—91; Pt.2, juillet 15. P.18—34. Из этого же «Словаря», возможно, были переведены восемь первых анекдотов, напечатанных во второй части «Библиотеки» в подборке «Разные анекдоты и острые шутки»: «Два кардинала выговаривали славному живописцу Рафаэлю...» (СА II, 196); «Один крестьянин, слушав некогда толкование катехизиса...» (СА II, 195); «Один весьма плохой маляр...» (СА II, 197); «Один безобразный человек...» (СА II, 197); «Один молодой человек...» (СА II, 242); «Одна молодая женщина...» (СА II, 242); «Грек и итальянец...» (СА II, 242—243); «В одной беседе хвалили некоторых миссионеров...» (СА II, 210). Эти анекдоты находятся в статьях «Paysan», «Peintre», «Repartie».

[202] Библиотека. 1793. Ч.1. С.215—232; Ч.2. С.193—203; Ч.3. С.253—263; Ч.4. С.285—296; Ч.5. С.244—252; Ч.6. С.275—283; 1794. Ч.8. С.208—216; Ч.9. С.238—244; Ч.10. С.216—221; Ч.12. С.203—208. Подлинник: Delacroix J.-V. Le porte-feuille du physicien, ou recueil amusant et instructif des actions et des moeurs des animaux. Paris, 1780. Pt. 1—2; Paris, 1781.

Если сказкам и анекдотам отводилась в «Библиотеке» важная роль, то поэзия (по сравнению с тем, как это было в «Иртыше») занимала в ней ничтожное место. Из оригинальных поэтических произведений были напечатаны лишь три стихотворения И.Трунина («Случай», «Нравоучение: Подражание Лафонтену», «Сатира на самого себя»)[203] и одна анонимная песня[204]. Иностранная поэзия была представлена перепечаткой ранее опубликованного в «Иртыше» стихотворного перевода И.Бахтина из Вольтера[205] и двумя прозаическими переводами: отрывком из «Времен года» Дж.Томсона[206] и поэмой С.Геснера «Первый мореплаватель»[207].

В целом содержание «увеселительного» отдела отвечало его названию. Главная его роль была развлекательной, и соответственно подбирался для него материал. Но, будучи прежде всего «приманкой», он одновременно нес и более серьезную воспитательно-образовательную нагрузку. В сказках затрагивались различные нравственно-этические вопросы, а в «Арзасе и Исмении» нашла отражение важнейшая для XVIII в. проблема просвещенного государя. Не были лишены некоторой образовательной ценности и сугубо развлекательные анекдоты: традиционно они рассматривались как жанр, расширяющий кругозор, развивающий живость ума и совершенствующий искусство изящно вести беседу. Переводы из Томсона и Геснера подводили читателя к «высокой» литературе, развивали его эстетический вкус, знакомили с проблематикой и настроениями сентиментализма.

Основные просветительские и воспитательные функции в «Библиотеке» распределялись между тремя отделами: «ученым», «нравоучительным», «историческим». Дать оценку всем содержащимся в них статьям не представляется пока возможным, так как ряд источников, из которых они были заимствованы, еще не установлен[208]. В дальнейшем изложе-

---

203 Библиотека. 1794. Ч.8. С.204—207, 217—219, 228—235.

204 Там же. 1793. Ч.2. С.240.

205 Там же. С.95. Этот перевод напечатан в «нравоучительном» отделе.

206 Собирающая класы Лавиния: Из поэмы г. Томсона // Там же. 1793. Ч.5. С.228—238 («The Seasons»: «Autumn», lines 177—310). Перевод выполнен, очевидно, по какому-то французскому переводу этого отрывка. См.: Левин. Ю.Д. Восприятие английской литературы в России. С.219. №168.

207 Библиотека. 1794. Ч.11. С.163—195; Ч.12. С.175—202.

208 Оригинальными сочинениями в «Библиотеке» являются лишь «Слово о пользе физики» Т.Воскресенского (1794. Ч.8. С.15—37), упоминавшиеся выше анонимная песня и стихотворения И.Трунина, а также (предположительно) повесть «Постоянные любовники». Все остальные статьи были взяты из различных иностранных, преимущественно французских, источников. Подлинники многих из них установлены; переводной

нии будут привлекаться лишь те материалы, для которых имеются необходимые библиографические сведения. Тем не менее общая характеристика будет достаточно полной, так как определенность в результате разысканий источников обрели более трех четвертей состава журнала.

В объявлении о подписке П. Сумароков стремился создать у читателей впечатление о необычайной широте охвата материала в будущем периодическом издании. Он обещал, например, публиковать «примеры храбрости, постоянства, терпения, любви к отечеству и всех добродетелей, почерпнутые из бытописаний всех народов на земном шаре обитавших и обитающих». Из «новейших путешествий», по его словам, предполагалось извлечь статьи, посвященные описанию различных обрядов у разных народов. Наконец, в заключение подчеркивалось: «Материи, коими книга сия будет наполнена, выбраны более нежели из пятисот иностранных лучших и новейших книг. Издатель осмеливается уверить почтеннейшую публику, что сия книга будет не в числе таких, которые по прочтении ни к чему более не служат, как только к умножению библиотеки, но что оную всегда иметь и по часту употреблять весьма будет нужно всякому, какого бы он звания и чина ни был»[209].

Все здесь сильно преувеличено. П.Сумароков был неискренним со своими предполагаемыми читателями, более того — сознательно вводил их в заблуждение. Если восстановить все опущенные в «Библиотеке» фамилии авторов и названия сочинений, то число представленных в ней книг будет выражаться, конечно, внушительной трехзначной цифрой. Однако выборку в очень многих случаях П.Сумароков делал не непосредственно из них, а из вторичных, компилятивных источников, которые к тому же были отнюдь не новейшими. Количество действительно использованных им книг было, по-видимому, раз в десять меньше указанного в объявлении.

Тем не менее П.Сумароков не обманывал своих будущих читателей, заявляя о намерении издать такой журнал, который впоследствии мог бы служить разным людям своеобразным справочным пособием на всякие случаи жизни. Он ставил себе цель в кратком общедоступном, а также доста-

---

характер остальных подтверждается как их содержанием, так и свидетельством самого П.Сумарокова в объявлении о подписке (цитируется ниже). См. также с.11—12.

[209] СПб вед. 1792. 27 авг. №69. С.1334.

точно занимательном и изящном изложении дать квинтэссенцию сведений по различным вопросам соответственно тематике отделов. Не будучи, однако, должным образом эрудированным и не располагая в Тобольске настолько большим собранием книг, чтобы самостоятельно выполнить трудоемкую компилятивную работу, он справедливо заключил, что наибольшую пользу в ней ему могли оказать словари, справочники и энциклопедии, в которых основные задачи, стоявшие перед ним, должны уже быть решены. К подобным источникам он и обратился, найдя в них материал в готовом для перевода виде.

Первой среди этих изданий следует отметить «Энциклопедию» Ж.Д'Аламбера и Д.Дидро, из которой были полностью переведены две статьи: «О Алькоране» — в «историческом» отделе[210], «О Провидении» — в «ученом»[211]. Как и в случае с переводами из Вольтера, опубликованными в «Иртыше», подбор статей и их малочисленность не отражают, видимо, в полной мере влияния этого знаменитого памятника просветительской мысли на П. Сумарокова. Возможно, оно было более значительным, но осталось за пределами печатных выступлений. Как бы то ни было, но самый факт обращения к прославленной «Энциклопедии» в далекой сибирской провинции весьма примечателен, даже если в распоряжении П.Сумарокова находилось не само многотомное издание, а лишь какой-нибудь сборник извлеченных из него статей[212].

Одним из основных источников П.Сумарокову служил пятитомный «Словарь светских людей» французского компилятора Антуана Фабио Стикотти[213]. Из него были переведены 34 небольшие статьи «ученого» отдела и две — «исторического». Кроме того, большое число извлеченных из него афоризмов и максим вошло в рубрику «Избранные мысли

---

[210] Библиотека. 1793. Ч.2. С.129—139. Подлинник: Mallet E. Alcoran // Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de lettres. Paris, 1751. T.1. P.250--251.

[211] Библиотека. 1794. Ч.8. С.37—52; Ч.9. С.25—38; Ч.10. С.26—39; Ч.11. С.28—29. Анонимная статья в подлиннике: Providence // Encyclopédie... Neufschatel, 1765. T.13. P.511—517.

[212] Например, обе указанные статьи включены в собрание: L'Esprit de l'Encyclopédie, ou choix des articles le plus curieux, le plus agréables, le plus piquants, le plus philosophiques de ce grand Dictionnaire. Genève, 1768. T.1—5; Genève, 1769.

[213] Sticotti A.-F. Dictionnaire des gens du monde, historique, littéraire, critique, moral, physique, militaire, politique, caractèristique et social... Paris, 1770. T.1—5; Paris, 1771; Varsovie; Paris, 1773.

славнейших писателей о разных предметах» в «нравоучительном» отделе шестой—двенадцатой частей[214].

Словарь Стикотти адресовался светским людям, и этим определялась принятая в нем особая форма изложения, отличная от большинства других изданий энциклопедического типа. Светский человек должен был обладать разнообразными знаниями лишь с тем, чтобы уметь поддержать разговор, какой бы области тот ни касался, и блеснуть своей осведомленностью. Глубины не требовалось: важен был внешний блеск, находивший выражение в оригинальности, остроумии, к месту приведенном занимательном примере или ярком афоризме; ученость презирали и ставили в один ряд с педантизмом. Задумав пособие, из которого светский человек мог бы почерпнуть в нужном для него виде достаточный для этих целей запас сведений, Стикотти принял во внимание, что его читатели питали отвращение к обстоятельным, солидным трудам, предпочитая им легкие компиляции. В его задачу не входила ни полнота, ни систематичность освещения включенных в словарь тем. Каждая статья представляет подборку изречений разных авторов без связующего текста самого составителя. Некоторые цитаты весьма пространны, другие, напротив, очень кратки; соседствуя, они то логически дополняют друг друга, передавая тонкие нюансы, то контрастируют, меняя направление мысли. В ряде статей приводятся исключительно анекдоты и факты. Даже там, где содержатся пространные серьезные рассуждения, затрагиваются, как правило, отдельные вопросы, относящиеся к предмету, и понятие о нем создается отрывочное.

В предисловии Стикотти подробно объяснил преимущества подобного метода, рассчитанного специально на читателей, которым предназначался словарь. Светские люди, указывал он, предпочитают приобретать знания не из книг, а в живой беседе, когда кто-нибудь выскажет мысль, другой ее разовьет, третий приведет забавный пример, четвертый выдвинет возражение, пятый рассмешит компанию остротой или шуткой и т. д. Словарь должен был создать иллюзию такой обстановки: читая статью, составленную из цитат, принадлежащих разным авторам, различных по стилю и выделенных полиграфически, человек, по замыслу Стикотти,

---

214 Подробную библиографию переводов из «Словаря светских людей» см. в библиографическом приложении к статье: Рак В.Д. Тобольский журнал XVIII в. «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей» // Проблемы жанра в литературе Сибири. Новосибирск, 1977. С. 24—26.

как бы оказывался в кругу собеседников, обменивающихся мнениями и наблюдениями в манере, принятой в светских салонах. «История и мораль здесь часто представлены в картинах, — писал Стикотти в предисловии, — факты, определения и доказательства подаются здесь в приятной форме диалога. Вот размышляет великий человек; а вот герой ропщет на судьбу или ее благодарит; любуется собою щеголь; угрожает злобный человек; вздыхает жеманная притворщица; и т. п. Нравоучения и даже сама история подчиняются здесь разнообразным движениям души, и потому изложение не кажется длинным, а максимы сухими; читая, веришь, что перед тобою не ученая книга, а развлекательная; этот метод необходим для того, чтобы в сборниках такого рода значительно умерить назидательный, поучительный тон, от которого избавиться полностью почти невозможно...»[215]

Именно эти особенности «Словаря светских людей» вызвали интерес к нему со стороны П.Сумарокова. По своему уровню и характеру труд Стикотти подходил не только светским людям, но и всем читателям, на которых преимущественно ориентировалась «Библиотека». Требовалась лишь несложная обработка статей, чтобы привести их к виду, удобному для публикации в журнале. П.Сумароков отступил от алфавитного порядка их следования, многие из них сократил, а также опустил большинство подписей[216], поскольку эффект беседы ему не был нужен. В результате получились небольшие легкие заметки ученого содержания, относящиеся по форме к жанру свободного эссе; они сплошь состояли из цитат, но читатель «Библиотеки» этого не подозревал.

В «нравоучительном» отделе в подобных манипуляциях не возникло необходимости. Его основу составили переводы из другого источника: апробированного временем и всеевропейской славой сатирико-нравоучительного журнала Дж.Аддисона и Р.Стиля «Зритель», прочно утвердившегося в литературе XVIII в. в качестве классического пособия для целей нравственно-этического воспитания, полезного и пригодного людям любого возраста, пола и состояния[217]. Во всех

---

[215] Sticotti A.-F. Dictionnaire des gens du monde... Paris, 1770. T.I. P.VI. Ср. аналогичное рассуждение в «Уведомлении издателей» (Ibid. P.IV).

[216] В «Словаре светских людей» подписями сопровождаются также далеко не все цитаты.

[217] Переводы из «Зрителя» подробно проанализированы в кн.: Левин Ю.Д. Восприятие английской литературы в России. С.72—74, 88—90.

отношениях очерки этих двух английских моралистов наилучшим образом отвечали намерениям издателя «Библиотеки». На их фоне словарь Стикотти, естественно, отодвинулся на задний план, и П.Сумароков, как указывалось выше, ограничился лишь выборкой из него разнообразных нравоучительных изречений.

Рубрика «Избранные мысли славнейших писателей о разных предметах» наполнялась не только за счет «Словаря светских людей». Изречения, напечатанные в первых пяти частях «Библиотеки», были заимствованы из составленного Блезом Луи Пеле де Шенуто «Словаря изящных мыслей в стихах и прозе, извлеченных из сочинений лучших французских писателей»[218]. Три подборки были переведены из «Словаря анекдотов» О.Лакомба де Презеля[219].

В очерках из «Зрителя» рассматривались нравственно-этические вопросы в их повседневном приложении. Искусное чередование бытовых примеров и небольших нравоучительных рассуждений, составляющее сущность дидактического метода Дж.Аддисона и Р.Стиля, осторожно и постепенно приучало читателя размышлять над поступками и анализировать всевозможные жизненные ситуации. Рубрика «Избранные мысли славнейших писателей» удачно дополняла эти статьи, касаясь множества предметов, не получивших более подробного освещения, и тем самым значительно расширяя тематический диапазон отдела. Яркие, образные и, в силу своей краткости и оригинальности, легко запоминающиеся изречения должны были, по замыслу П.Сумарокова, закрепить в сознании читателей правила и принципы добродетельного, разумного поведения. Подобную же роль играла и введенная по образцу многих заграничных и русских журналов рубрика «Примеры добродетели», включавшая анекдоты, выбранные из книги О.Лакомба де Презеля[220]. В сово-

---

[218] Pelée de Chenouteau B.-L. Dictionnaire des pensées ingénieuses, tant en vers qu'en prose, tirées des meilleurs écrivains françois; ouvrage propre aux personnes de tout âge et de tout condition. Paris, 1773. T.1—2; Reval, 1777; переиздание под заглавием: Esprit de meilleurs écrivains françois; ou recueil de pensées le plus ingénieuses, tant en prose qu'en vers, tirées de leurs ouvrages et rangées par ordre alphabetique. Paris, 1777. T.1—2. Перечень переводов из этого источника см.: Рак В.Д. Тобольский журнал... С.26—27.

[219] Апофегмы, или нравоучительные достопамятные сказания древних философов // Библиотека. 1793. Ч.4. С.161—165; Ч.5. С.132—137 (из раздела «Apophtegme» — CA I, 65—72); Разные нравоучительные правила // Библиотека. 1793. Ч.6. С.147—150 (из статьи «Maxime» — CA II, 135—137); Избранные мысли славнейших писателей о разных предметах // Библиотека. 1794. Ч.7. С.138—141 (из статьи «Sentence» — CA II, 278—280).

[220] Список переводов см.: Рак В.Д. Тобольский журнал... С.26—27.

купности получалась своего рода небольшая энциклопедия практической морали, где каждая статья, даже состоявшая из одной краткой цитаты, имела отдельный заголовок, так что в любое время читатель мог легко найти интересующий его материал. Так П.Сумароков старался исполнить свои заверения в том, что «Библиотека» была рассчитана не на разовое прочтение, а не долговременное использование.

В «историческом» отделе центральное место занимала серия биографий исторических лиц, печатавшаяся из номера в номер под заглавием «Достопамятные деяния и сказания знаменитых людей новейшей истории»[221]. Разысканиями установлено, что эти статьи на французском языке входят в анонимный «Подручный словарь памятных деяний и изречений нового времени»[222]. Французские справочно-библиографические пособия не дают сведений об этом издании; но годом ранее в Париже вышла также анонимно книга Жана Франсуа де Ла Круа «Подручный словарь памятных деяний и изречений древнего и нового времени». Вполне вероятно, что льежский словарь является перепечаткой второго тома парижского (первый был посвящен античной истории)[223].

В первых трех выпусках «Библиотеки» переводилась буква «А». Ряд статей был опущен, некоторые сокращены и переставлены местами, но в целом Пд воспроизводился довольно последовательно. Однако даже если первоначально П.Сумароков и собирался перевести «Подручный словарь» почти полностью, то вскоре он свои планы изменил. Уже в третьем выпуске появилось предупреждение о том, что «читатель да не ожидает найти в сих сказаниях строгого азбучного порядка, ибо издатель намерен сообщать ему из оных одни только достойнейшие любопытства»[224]. В дальней-

---

[221] Библиотека. 1793. Ч.1. С.167—188; Ч.2. С.139—157; Ч.3. С.183—216; Ч.4. С.187—220; Ч.5. С.159—187; Ч.6. С.169—198; 1794. Ч.7. С.161—189; Ч.8. С.153—177; Ч.9. С.135—161; Ч.10. С.135—164; Ч.11. С.117—139; Ч.12. С.135—165.

[222] Dictionnaire portatif des faits et dits mémorables de l'histoire moderne. Liège, 1769. T.1—2.

[223] [La Croix J.-F. de]. Dictionnaire portatif des faits et dits mémorables de l'histoire ancienne et moderne. Paris, 1768. T.1—2. Не имея возможности проверить это предположение сличением изданий, исходим из следующих косвенных признаков: 1) почти полное тождество заглавий (незначительное расхождение было логически необходимо); 2) анонимность обоих изданий и небольшой разрыв между датами их выпуска, достаточный как раз для осуществления перепечатки; 3) приложенное к льежскому словарю цензурное разрешение выдано в Париже 14 января 1768 г.; 4) напечатанная там же «Привилегия» выдана в Париже 8 января 1768 г. на имя печатника, издавшего парижский словарь.

[224] Библиотека. 1793. Ч. 3. С. 195.

шем почти всю рубрику заняли пространные, хотя местами и сильно сокращенные по сравнению с подлинником жизнеописания папы Сикста V (ч. 4—5), английской авантюристки Молли Сиблис (ч. 7)[225], госпожи де Ментенон (ч. 8—10), шведского короля Карла XII (ч. 12).

По своему содержанию «Подручный словарь» был еще одним сборником анекдотов, закономерно попавшим в поле зрения П.Сумарокова. Объясняя свои цели, составитель в «Предуведомлении» указывал, что в его книге, сочетающей приятное с полезным, читатели найдут «факты и события, которые представят их взору столь же славные примеры добродетели, мудрости, храбрости и т. п., как греческая и римская история»[226]. Среди читателей, которым словарь окажется полезен и доставит удовольствие, он особо выделял молодых людей и военных, выражая одновременно надежду на то, что его труд понравится людям «обоего пола, любого возраста и состояния»[227]. Исторический материал, таким образом, выполнял тройную функцию: образовательную, воспитательную и развлекательную. Соответственно и в «Библиотеке» переводы из «Подручного словаря» имели в виду не только и даже не столько распространение исторических знаний как таковых, сколько в первую очередь были подчинены тем же задачам, что и рубрики «нравоучительного» и «увеселительного» отделов, состоявшие из анекдотов.

Итак, жанр анекдота, удобный для П.Сумарокова в плане маневрирования между читательскими интересами и запросами, оказывался чрезвычайно емким, обеспечивая одновременно как разнообразие, так и сходство материала и целей. Рубрика «Любопытные критические рассуждения о некоторых неимоверных деяниях и сказаниях всеобщей древней истории», печатавшаяся во всех двенадцати частях журнала, является еще одним подтверждением этого[228]. Подобранные

---

[225] Эта статья в «Подручном словаре» представляет дословную перепечатку рассказа А.-Ф. Прево д'Эквиля (1697—1763) «Histoire de Molly-Siblis, célèbre beauté d'Angeleterre» из его сборника «Contes, avantures et faits singuliers, etc.» (Londres; Paris, 1764. T.1. P.235—256). Первоначально рассказ был напечатан в журнале Прево «Le Pour et Contre: Ouvrage périodique d'un goût nouveau» (1734. T.4. №59. P.315—336). Непосредственно по сборнику этот рассказ переводился на русский язык ранее: История Молли-Сиблы, славной лондонской красавицы // Модное ежемесячное издание. 1779. Ч. 4. Окт. С. 39—57. По-видимому, и остальные пространные жизнеописания в «Подручном словаре» были подобными же заимствованиями, так что поиски Пд статей, напечатанных в «историческом» отделе «Библиотеки», нельзя считать оконченными.

[226] Dictionnaire portatif des faits et dits mémorables de l'histoire moderne. Liège, 1769. T. 1. P. [I].

[227] Ibid. P. [II].

в ней античные легенды были извлечены П.Сумароковым из французского перевода книги итальянского ученого XVII в. С.Ланчеллотти «Обманы древней истории»[229]. Тактическо-развлекательное назначение этих рассказов совершенно очевидно и подчеркнуто в заглавии словом «любопытные», но основным побудительным мотивом для их публикации в «Библиотеке» были небольшие критические рассуждения, которыми каждый из них сопровождался.

История, указывалось там, — это «картина жизни, школа людей всех возрастов и состояний»[230]. К ней обращаются для того, чтобы на примере событий прошлого понять совершающееся в настоящем, уяснить его причины и найти правильную линию поведения. Но руководствоваться следует лишь достоверными сведениями, в противном случае неизбежны самые печальные последствия. Однако сочинения историков «питают человеческий ум лишь предрассудками. Они предлагают ему лишь приукрашенные или воображаемые картины, обманчивые и неправдоподобные понятия, вводящие в заблуждение рассказы, искусно замаскированные или открыто утверждаемые нелепости...»[231] Отсюда берут начало варварские обычаи, неправильное законодательство, деспотизм и прочие виды общественного зла; отсюда же следуют и многочисленные ошибки и заблуждения молодежи. Поэтому, делают вывод издатели перевода, критическая оценка исторического материала, особенно сочинений древних авторов, имеет не узкий академический интерес, но большое гражданское и нравственно-воспитательное значение. В силу этого и было решено приспособить книгу Ланчеллотти к уровню широкой аудитории, сократив и упростив ученые рассуждения, а также внеся и другие необходимые изменения.

П.Сумароков не познакомил своих читателей с этим предисловием; но, поставив в заголовок слова «критические

---

[228] Библиотека, 1793. Ч.1. С.203—211; Ч.2. С.158—169; Ч.3. С.216—227; Ч.4. С.245—251; Ч.5. С.207—215; Ч.6. С.217—227; 1794. Ч.7. С.196—202; Ч.8. С.183—193; Ч.9 С.162—174; Ч.10. С.164—171; Ч.11. С.140—157; Ч.12. С.165—173.

[229] Lancellotti S. Farfalloni de gli antichi historici. Venetia, 1636; французский перевод: Les impostures de l'histoire ancienne et profane: Ouvrage nécessaire aux jeunes gens, aux instituteurs, et généralement à toutes les personnes qui veulent lire l'histoire aves fruit / [Trad. par l'abbé G.Oliva, revu par le président B.-G.Rolland d'Erceville et Charpentier]. Londres; Paris, 1770. Pt.1—2; Paris, 1774.

[230] [Lancellotti S.]. Les impostures de l'histoire ancienne et profane. Paris, 1770. Pt.1. P. V.

[231] Ibid. P.VII—VIII.

рассуждения», он четко обозначил, на что следует обратить внимание в данной рубрике. По-видимому, в его понимании, воспитательно-образовательная ценность книги Ланчеллотти выходила за рамки практического использования исторических сведений, которое акцентировалось во французском предисловии. Переводя отрывки, доказывавшие, что всевозможные «деяния и сказания» требуют тщательной проверки логикой и разумом, П.Сумароков рассчитывал, очевидно, пробудить у читателей «Библиотеки» начатки критического мышления в широком смысле слова. Тем самым забавные рассказы приобретали серьезный просветительский смысл.

Все выявленные и описанные выше иностранные источники, из которых заполнялись «исторический» и «ученый» отделы, могут создать впечатление, что П.Сумароков искал для них только «легкие» и занимательные материалы, преимущественно анекдотического жанра и цитатного характера. В том, что редактор (и он же основной переводчик) «Библиотеки» проводил четкую и последовательную линию в этом направлении, нет никакого сомнения; но его журналистская политика и тактика не сводились к ней исключительно, а параллельно осуществлялись и на других уровнях. Из книжки в книжку, девять выпусков подряд, в «Библиотеке» печаталось обстоятельное и в то же время популярное «Краткое повествование о происхождении художеств»[232], дополненное позднее «Кратким историческим и хронологическим сказанием о главнейших изобретениях в науках и художествах»[233]. По сути своей эти обширные статьи продолжали «историю человека», начатую «Иртышом». Закончив «Повествование», П.Сумароков со следующего же номера начал другую пространную статью — «О драматическом стихотворстве»[234], которую в последнем выпуске сопроводил небольшим эссе «О вкусе»[235]. В двух частях публиковалась переводная статья острого аболиционистского содержания о торговле неграми, написанная неким англичанином, занимавшимся в свое время этим гнусным промыслом, но затем

---

232 Библиотека. 1793. Ч.1. С.5—23; Ч.2. С.3—12; Ч.3. С.5—28; Ч.4. С.5—24; Ч. 5. С.5—20; Ч.6. С.3—16; 1794. Ч.7. С. 3—16; Ч.8. С.3—14; Ч.9. С.3—14. «Под именем художеств разумеется всякое изобретение, приносящее какую-либо выгоду обществу. Следовательно, мы должны почитать художеством все то, что руководствует нам к какому-нибудь деянию, клонящемуся к народному благу» (Там же. Ч.1. С.5).

233 Там же. 1794. Ч.7. С.203—213; Ч.8. С.193—200; Ч.9. С.175—184; Ч.10. С.172—176; Ч.11. С.158—161.

234 Там же. 1794. Ч.10. С.3—25; Ч.11. С.3—28; Ч.12. С.3—23. О подлиннике см. с.11, примеч. 16.

235 Там же. 1794. Ч.12. С.24—30.

осознавшим всю его мерзость и решившим раскрыть глаза своим соотечественникам[236]. В условиях крепостнической России подобная тематика не могла не вызвать, по всей видимости, определенных ассоциаций.

В целом же по принципам своего составления и по характеру отобранного материала «Библиотека» была изданием того же типа, что и «Письмовник» Курганова, отличаясь от него объемом и величиною статей. Общность материала во многих разделах этих двух книг[237] (вспомним, что «Библиотеку» П.Сумароков называл в своих объявлениях именно «книгой») вытекала из единства просветительских намерений.

В работах советских исследователей были высказаны разноречивые мнения о «Библиотеке». М.А.Алпатов, как уже отмечалось выше, отказал ей в праве быть причисленной к просветительским журналам на том основании, что она, по его мнению, была лишь «кладезем всяких занятных сведений»[238]. Г.Ф.Кунгуров, напротив, считал, что в ней «издатели

---

[236] Историческое известие о вывозе из Африки негров на Вест-Индские острова: Пер. с аглин. // Там же. 1793. Ч.5. С.188—206; Ч.6. С.199—217. На французском языке под заглавием «Sur la traite des nègres: Fragmens traduits de l'anglois» эта статья встретилась в сборнике: Chef-d'oeuvres politiques et littéraires de la fin du dix-huitième siècle, ou Choix des productions les plus piquantes que les lumières et le ridicule, la philosophie et la gaîté, la raison et la bisarrerie ont fait éclorre dans cette époque intéressante. S.l., 1788. T.3. P.3—25. В этом трехтомнике, включающем, вероятно, перепечатки из каких-то периодических изданий на французском языке, находятся еще два небольшие сочинения, переведенные в тобольском журнале: 1) Прожекты: Нравоучительная повесть, переведенная с аглинского // Библиотека. 1793. Ч.4. С.155—157; оригинал: Projet: Conte moral traduit de l'Anglois // Chef-d'oeuvres... T.1. P.274—275; ср. другой перевод на русский язык: Суетность человеческих расположений // Дворяшев С.А. Веселая книжка для путешествующих людей... М., 1790. С. 66—69. 2) Мнения // Библиотека. 1794. Ч. 12. С. 30—42; оригинал: Les opinions // Chef-d'oeuvres... T. 3. P. 63—70. Хотя в «Библиотеке» содержатся три статьи, имеющиеся в этом французском собрании, причем две из одного его тома, а печатаются в тобольском журнале в трех книжках подряд (ч. 4—6), признать «Chef-d'oeuvres» источником нет достаточных оснований, тем более что заглавия статьи о неграх на французском языке и в русском переводе расходятся. Если же в руках П.Сумарокова были именно эти тома, то в них мог он прочитать немало материалов, относящихся к напряженным событиям, непосредственно предшествовавшим Французской революции, например: Lettre ou Mémoire historique sur les troubles populaires de Paris; en Août et Septembre 1788 / Par M. Charon // Chef-d'oeuvres... T.3. P.99—131; Aux parlemens après leur retour à leurs fonctions en 1788 // Ibid. P.239—243; Sur la petition proposée aux Parisiens: Décembre 1788 // Ibid. P.275—282; и др.

[237] В частности, из «Письмовника» заимствована статья: Признаки о будущих погодах, взятые из достоверных примечаний // Библиотека. 1794. Ч.12. С.80—88. Ср.: Курганов Н.Г. Письмовник... 4-е изд. СПб., 1790. Ч.2. С.158—162.

[238] Алпатов М.А. Сибирский журнал... С.111.

по-прежнему четко проводят линию гуманизма и просветительства, по-прежнему от многих статей веет смелостью и вольнодумством». Он справедливо указал, что в условиях Сибири того времени даже самые незначительные, на первый взгляд, по содержанию переводы приобретали ценность в силу своего светского характера и «бросали вызов местничеству, церковно-семинарской ограниченности, которая царила в Сибири»[239] Подобной точки зрения придерживался и Ю.С.Постнов: «При всей отвлеченности содержания многих материалов, опубликованных в „Библиотеке", — писал он, — здесь были и такие статьи, которые приобщали сибирского читателя к передовой западноевропейской культуре».[240]

Все эти суждения были вынесены без учета источников, которыми пользовался П.Сумароков, и, естественно, страдают неполнотою и неточностью. Сейчас, когда эти источники в основном известны, не будет преувеличением сказать, что «Библиотека» была интересным просветительским журналом. Замысел П.Сумарокова отличался логичностью и последовательностью. Материал в свете этого замысла выглядит отнюдь не столь уж отвлеченным, как это кажется на первый взгляд; во всяком случае, он не заслуживает пренебрежительного к себе отношения.

Большой популярности, в отличие от «Письмовника», «Библиотека» не приобрела, но географическая сфера ее распространения была шире, чем у «Иртыша»; об этом свидетельствует список подписчиков, помещенный в последнем номере. Наименьший интерес к ней был проявлен именно в Сибири, для которой, очевидно, она предназначалась, по замыслу, в первую очередь. Несомненно, что одной из причин этой неудачи было отсутствие в журнале специфических местных материалов; но было бы неправильно на этом основании видеть в П.Сумарокове чужеродного пришельца, не интересовавшегося местной жизнью. Подобно «Иртышу», «Библиотека» предназначалась для того, чтобы, содействуя пробуждению Сибири от умственной спячки, приблизить ее культуру к уровню общеевропейскому, ввести читателя в круг общепросветительских проблем. С просветительской точки зрения, это было наивысшей услугой, которую писатель мог и должен был оказать людям, среди которых он жил.

---

239 Кунгуров Г.Ф. Сибирь и литература. С.69, 85.

240 Постнов Ю.С. Русская литература Сибири... С.48.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В дискуссиях прошедших десятилетий, когда началось энергичное вторжение математики и кибернетики в гуманитарные сферы, был остро поставлен вопрос о точности в литературоведении. Споры и раздумья привели к выводу о том, что оно имеет свою, определяемую его собственными задачами точность, для достижения которой ему, кроме некоторых частных, специфических его областей, нет необходимости заимствовать методы и понятия других наук[1]. Вместе с тем справедливо указывалось, что критерии этой точности, будучи категориями историческими, непрерывно развиваются, дополняются и корректируются: то, что представлялось точным какое-то время тому назад, может, с общим движением литературоведческой науки и овладением ею новыми горизонтами, перестать удовлетворять ее потребности.

В подобной переходной стадии находится, видимо, сейчас изучение переводной литературы XVIII в.

С одной стороны, исследования, в которых прослеживается восприятие в России творчества в целом и отдельных сочинений писателей, занимавших ключевые, вершинные места в западноевропейском литературном процессе эпохи Просвещения (Вольтер, Свифт, Дж.Аддисон и Р.Стиль, Лессинг, Виланд и др.), раскрыли сложное взаимодействие в каждый момент, а во временной перспективе — и непрерывную смену разнообразных факторов, определявших вхождение в русскую среду и «вживание» в нее или отторжение ею названных авторов, представленных либо какими-то избранными произведениями, либо всей их совокупностью, либо пользовавшимся европейскою известностью именем и комплексом определенных идей, с ним ассоциировавшихся. В этих работах представлены и объяснены тонкие, изменчивые нюансы восприятия, чуткие к малейшим колебаниям общественного мнения по самому широкому спектру вопро-

[1] Бушмин А.С. Методологические вопросы литературоведческих исследований. Л., 1969. С.79—84; Лихачев Д.С. О точности литературоведения // Литературные направления и стили. М., 1976. С.14—17; Он же. Еще раз о точности литературоведения: (Заметки и соображения) // Рус. лит. 1981. №1. С.84—88.

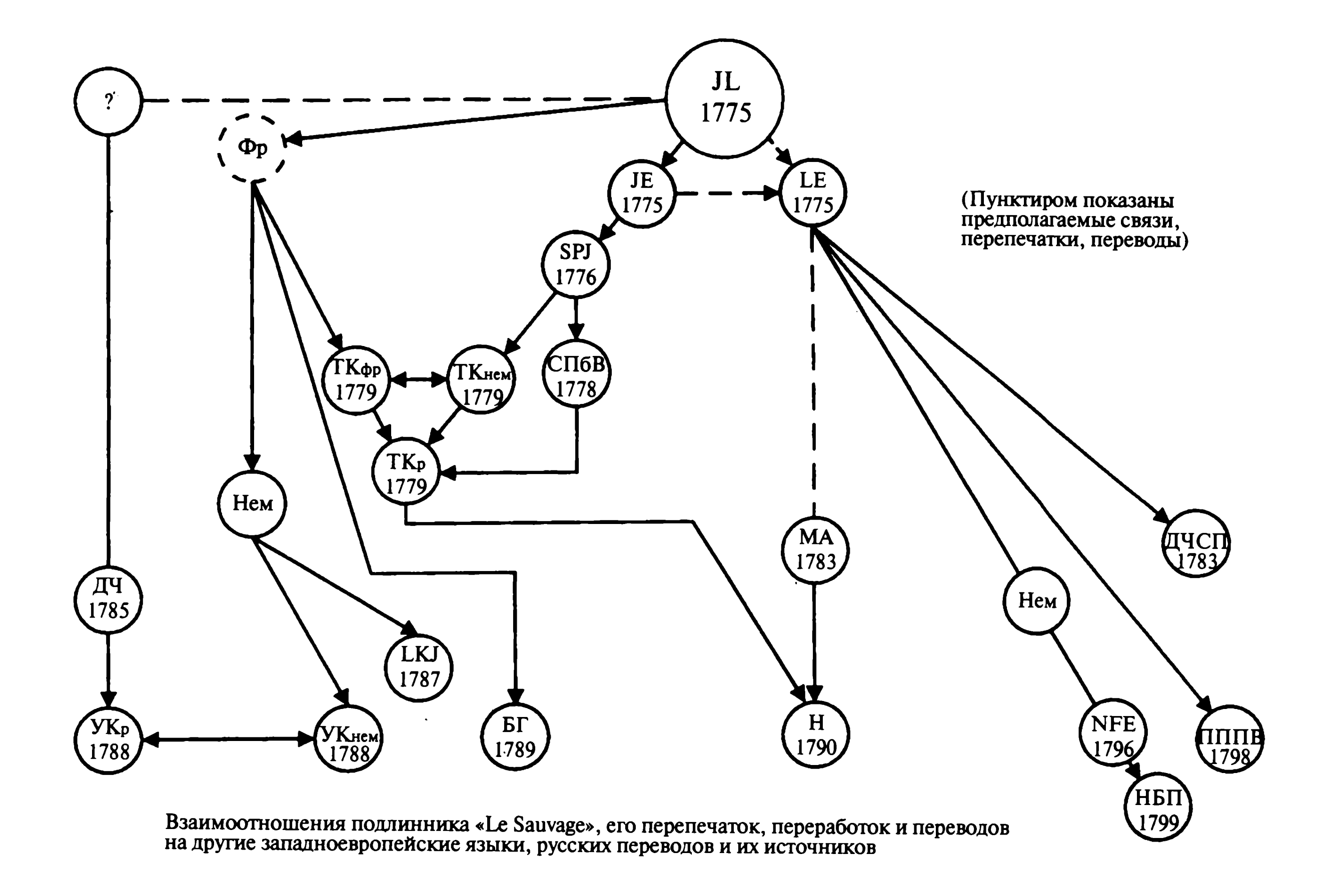
сов и событий, подчас весьма далеких от собственно литературных дел.

С другой стороны, подобным трудам, обогащающим современные представления о переводной литературе в русском контексте XVIII в. и прокладывающим дальнейшие пути более глубокого, с каждым последовательным шагом, ее изучения, резкий контраст являют немалочисленные пока еще, к сожалению, монографии и статьи, в которых повторяются старые, «замшелые» и выносятся новые суждения о тех или иных переводных произведениях, соответствующие критериям точности едва ли не середины прошлого века. Питательной средой для этих оценок служит, как уже говорилось, огромный массив принадлежавших ныне малоизвестным либо вообще забытым авторам сочинений, доходивших до русского читателя по преимуществу анонимными и до сих пор ими остающихся.

Детальный анализ любого отдельного участка или течения в широком потоке переводной литературы второй половины XVIII в. раскрывает очень сложную картину. *Закономерная* актуальность вовлеченных в него зарубежных сочинений, вытекавшая из основных условий общественной жизни и борьбы идей на определенном временном отрезке, осложнялась неизменно множеством замысловато между собою переплетенных окказиональных обстоятельств. В потоке формировались прямые и обратные, поверхностные и глубинные течения разной силы; он разделялся на большие и малые рукава, имел он и слепые ответвления, и старицы, свои мели, перекаты и неожиданные повороты. Без подробной лоции невозможно двигаться по этому лабиринту, а между тем сплошь и рядом, как можно было убедиться, положение в нем определяют и путь прокладывают лишь по компасу, если даже не по звездам или солнцу.

Нельзя ожидать, что исходные сведения для этой лоции предоставят ученым в готовом виде профессиональные библиографы. То, что находится в пределах их возможностей и компетенции, они на сегодняшний день уже выполнили, отразив в «Сводном каталоге» собранные из имевшихся на время его составления библиографий, справочников и научных трудов данные об авторах, Пд и Ор большого числа переводных книг. Продолжить свою работу библиографы смогут лишь после того, как будет накоплен достаточно репрезентативный и объемный фонд новой информации, особенно в отношении нескольких тысяч переводных художественных произведений и статей разнообразного содержания, напечатанных в журналах, альманахах и сборниках.

Тогда, в частности, можно будет приступить к составлению долгожданной и все еще остающейся призрачною мечтою росписи содержания русских журналов XVIII в., которой надлежит сменить превосходное, но безнадежно устаревшее «Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1693—1802 гг.» А.Н.Неустроева. Дальнейшие выявление, сбор и систематизация сведений об авторах, Пд, Тр, Ор, Ис применительно к переводной художественной литературе возможны лишь в рамках научного литературоведческого поиска, осуществляемого специалистами по международным связям русской литературы XVIII в. Разумеется, не чистая библиографическая справка о каждом из переводных сочинений является конечной целью этих исследований, а привлечение всей суммы открывающейся информации для более глубокого и подробного объяснения того, как, почему и зачем вовлекались в национальную литературную, культурную и общественную жизнь России разнообразные явления древних, новых и новейших зарубежных литератур. Автор этой монографии смеет надеяться, что и его скромные труды будут небесполезны для решения этих вопросов.

Взаимоотношения подлинника «Le Sauvage», его перепечаток, переработок и переводов на другие западноевропейские языки, русских переводов и их источников

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ИСТОЧНИКИ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ РАССКАЗА «LE SAUVAGE»

Пояснения к схеме

БГ — Дикий человек // Беседующий гражданин. 1789. Ч. 3. Окт. С. 141—149.

ДЧ — Дикой американец // Детское чтение для сердца и разума. 1785. Ч.4. №42. С. 46—48.

ДЧСП — Есть везде добрые люди, и между дикими // Детское чтение или Собрание повестей и других сочинений способных к забаве и наставлению детей. СПб., 1783. С. 7—9.

Н — Дикой // [Беранже Л.-П., Гибо Э.]. Нравоучение, представленное на самом деле, или Собрание достопамятных деяний и нравоучительных анекдотов / Пер. М. В[ышеслав-цев]. М., 1790. Ч.1. С.163—165.

НБП — Люди добрые находятся везде, даже и между дикими // Новые басни и повести... / Пер. с нем. яз. Марья Базилевичева. М., 1799. Ч.2. С.111—114.

ПППВ — И между дикими есть добрые люди / С франц. Кн[яжн]а Н[ата]лья Об[оленск]ая // Приятное и полезное препровождение времени. 1798. Ч.18. №31. С. 74—76.

СПбВ — Дикарь: Повесть («Journal de lecture») // Санктпетербургский вестник. 1778. Ч.1. Янв. С.37—38.

ТК$_{нем}$ — Der Wilde, eine Erzälung aus dem «Journal de lecture» // [Арндт Б.Ф.]. Треязычная книга; в пользу российского и иностранного юношества, обучающегося российскому, немецкому и французскому языкам. СПб., 1779. С. 46—48.

ТК$_{р}$ — Дикий, повесть из «Journal de lecture» // Там же. С. 46—48.

ТК$_{фр}$.— Le Sauvage, conte tiré du «Journal de lecture» // Там же. С.46—48.

УК$_{нем}$ — Der Wilde // Учебная книга для юношества, начинающего учиться немецкому языку. М., 1788. С.93—94.

УК$_{р}$ — Дикой // Там же. С.92, 95.

JE — Le Sauvage, conte tiré du «Journal de lecture». Tome

1-er, partie 3-me // Journal encyclopédique ou universel. 1775. T.8 Pt.2, 1er décembre. P.320—321.

JL — Le Sauvage // Journal de lecture. 1775. T.1. Pt.3.

LE — On trouve par-tout de bonnes gens, même parmi les sauvages // [Berquin A.]. Lectures pour les enfans... Paris, 1775 (переизд.).

LKJ — Der Wilde // Lektüre für die kleine Jugend, zum Unterricht, Vergnügen und Veredlung des Herzens. Giessen, 1787. Th. 6. S. 273—275.

MA — предполагаемая перепечатка в кн.: [Berenger L.-P., Guibaud E.]. La morale en action, ou Élite de faits mémorables et d'anecdotes instructives, propres à faire aimer la vertu et à former les jeunes gens dans l'art de la narration. Lyon, 1783.

NFE — предполагаемый перевод или перепечатка более раннего перевода в кн.: [Simon E.H.]. Neue Fabeln und Erzälungen zum Unterricht und Vergnügen: Ein Geschenk für die Jugend edler Erziehung. Heilbronn, 1796.

SPJ — Der Wilde: Eine Erzählung aus dem Journal de Lectüre // St. Petersburgisches Journal. 1776. Februar. S. 47—49.

Схема не претендует на полноту, так как могли быть учтены лишь те публикации, которые удалось выявить в фондах РНБ и БАН.

Полных переводов на русском языке было два (СПбВ и БГ), на немецком — один (SPJ).

Переводы текста Беркена легко опознаются по характерному заглавию и вставленному замечанию рассказчика о том, что он говорил с дикарем на туземном наречии: «...хотя я говорил с ним его языком, выученным в мои поездки» (ДЧСП); «...хотя я говорил ему на отечественном его языке, которому научиться удалось мне во время моих путешествий» (ПППВ); «...несмотря на то, что я говорил на его собственном языке, которому я еще в молодых летах научился»(НБП). Составляя свою хрестоматию, французский компилятор обращался к разным изданиям. Обильно черпал он в том числе из «Mercure de France», но несколько произведений взял, кажется, из «Journal encyclopédique». Поэтому вполне вероятно, что именно отсюда он заимствовал и рассказ о добродетельном дикаре, хотя полной уверенности в этом быть не может.

Не вызывает сомнений, что немецкий перевод в SPJ имел своим источником непосредственно JE, поскольку в мартов-

ском номере петербургского журнала были напечатаны сообщения об изобретениях, опубликованные в одном томе с «Le Sauvage», только в следующем выпуске[1]. Русский перевод в СПбВ воспроизводит все мелкие отклонения от французского оригинала, появившиеся в SPJ.

«Треязычная книга» Б.Ф.Арндта содержала в русской части немало перепечаток из «Санктпетербургского вестника», а сама, в свою очередь, была использована М.М.Вышеславцевым при переводе детского нравоучительного сборника Л.-П.Беранже и Э.Гибо. «Учебная книга для юношества, начинающего учиться немецкому языку», содержала ряд перепечаток из журнала «Детское чтение». Поэтому не чем иным, как прямым заимствованием, объясняются текстуальные совпадения между СПбВ, $ТК_р$ и Н, а также между ДЧ и УК. Расхождения вызваны редакторской правкой, которая мотивировалась стилистическими соображениями каждого переводчика, а в хрестоматиях en regard также согласованием с иностранным текстом, печатавшимся параллельно.

Для решения вопроса об источниках нескольких переводов важное значение приобретает одно разночтение, по которому тексты распадаются на две группы:

I

а) ...quand cet étranger ou ses descendans ou ses amis voyageront... (JE 321)

б) ...quand cet étranger, ou ses enfans, ou ses amis voyageront... (LE 128)

в) ...wenn dieser gute Fremde, oder seine Kinder, oder seine Freunde reisen werden... (SPJ 49)

г) ...если сей честный незнакомец, или дети его, или друзья путешествовать будут...(СПбВ 38)

д) ...когда он, или его дети, или его ближние путешествовать будут... (ДЧСП 8)

е) ...когда этому иностранцу, или детям его, либо друзьям, случиться быть в дороге... (ДЧ 47)

ж) ...ежели он сам, или его дети, или друзья будут когда-нибудь странствовать... (ПППВ 76)

з) ...когда сей иностранец, или его дети и родственники, или друзья его будут путешествовать...(НБП 113)

[1] JE. 1775. T.8. Pt.3, 15me décembre. P.539—540. Ср.: SPJ. 1776. März. S.46.

II

а) ...quand cet étranger, ou ses amis, ou ses descendans voyageront... (ТК$_{фр}$ 48)

б) ...wenn dieser Fremde, oder seine Freunde, oder seine Kinder reisen werden... (ТК$_{нем}$ 48)

в) ...wenn dieser Fremde, oder wenn seine Freunde, oder seine Nachkommen reisen... (LKJ 274 = УК$_{нем}$ 94)

г) ... если сей незнакомец, или друзья, или дети его путешествовать будут...(ТК$_{р}$ 48)

д) ...когда этому незнакомцу, либо друзьям его, либо детям, случится быти в дороге... (УК$_{р}$ 95)

е) ...когда чужестранец сей, или друзья его, или потомки его путешествовать будут... (БГ 149)

Обратный по отношению к первой группе порядок упоминания «друзья-дети» не был в текстах второй группы случайно совпавшей перестановкой, произведенной каждым переводчиком самостоятельно. Нельзя найти никакой логически или как-либо иначе объяснимой причины, которая типологически однообразно подталкивала бы разных людей, обращавшихся к этому рассказу, к одному и тому же отступлению от подлинника. Скорее наоборот, эта перестановка вносила в повествование некоторый, пусть слабый, оттенок алогичности, так как гораздо естественнее было бы упомянуть в молитве после самого благодетеля сначала его детей, а уж потом друзей. Тем не менее Б. Ф. Арндт вносит эту поправку во взятый из СПбВ русский текст и учитывает ее также в немецком переводе, который берет из SPJ. Он это мог сделать, конечно, лишь в том случае, если у него было веское основание, а им в этой ситуации могло быть только наличие такой перестановки во французском источнике, которым он пользовался и текст которого перепечатал в своей хрестоматии, согласовав с ним в подробностях, обязательных для учебных целей, заимствованные русский и немецкий переводы. Точно такие же, без сомнения, обстоятельства продиктовали составителю «Учебной книги» отступить в этом месте от ДЧ. Наконец, крайне важен тот факт, что эта перестановка есть в БГ, который почти во всех других отношениях очень точно следует полному французскому тексту. Поскольку, таким образом, совпадение в этом пункте не было случайным, то, следовательно, все тексты

второй группы, независимо от языка, восходят к одному французскому источнику, который был иным, чем JE[2], но представлял полную редакцию. Отсюда вытекают две альтернативы, определяющие направление дальнейших поисков: или JE неточно воспроизвел в этом месте JL, и тогда вторая группа ведет происхождение непосредственно от последнего[3]; или, если в JE не допущено отступления, то между JL и текстами второй группы была еще одна перепечатка.

---

[2] В БГ есть еще одно расхождение с JE, которое, если оно не было вставкой русского переводчика, свидетельствует о существовании такого источника; это фраза, которой заканчивается первый абзац вступительной части рассказа: Du reste, je les exhorte en tout occasion à aimer Dieux et leur prochain... (JE 319) // Впрочем же я наставляю их во всяком случае любить Бога и ближнего. Следуя точно сим советам, они никогда не впадут в заблуждение, и со всеми мирно жить будут (БГ 146). Никаких других подозрений на наличие вставок переводчика БГ не вызывает, так что и в этом случае наиболее вероятно, что последняя фраза присутствовала в источнике.

[3] Название «Journal de lecture» фигурирует в заглавии рассказа в хрестоматии Арндта, но было бы опасно делать на этом основании какие-нибудь выводы, так как оно могло быть указано во французском источнике, которым он пользовался,и, во всяком случае, упоминалось в SPJ и СПбВ.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Источники «Кратких замысловатых повестей»

Источники повестей и параллели к повестям представлены в следующей ниже таблице, где в графах указываются:

№ — номера повестей в «Присовокуплении втором» (повести, изъятые из второго и всех последующих прижизненных изданий «Письмовника», отмечены значком *; особо оговаривается их положение в первом издании, если оно отличается от положения в таблице; в четвертом издании две повести имели № 320, поэтому второй из них — «Повести о трех подругах» — присвоен в таблице индекс «а»).

Источник —книга, из которой переведена или заимствована повесть.

П, НФГ, ТРЗ, ГдП, Ув, СА — наличие соответствующего рассказа (параллели) в других книгах, которыми пользовался Курганов (если существует вероятность того, что данный рассказ мог послужить Курганову источником, он помечается вопросительным знаком).

Примечания — наличие соответствующего рассказа (параллели) в других обследованных книгах, которые обозначены номерами, присвоенными им в «Списке сборников и учебных пособий конца XVII—XVIII вв.» (см. с.283).

№	Источник	П	НФГ	ТРЗ	ГдП	Ув	СА	Примечания
1	П 1				II,281			2,26
2	П 2			II,177—178	II,308			2,7,24,25,26,40
3	П 110							6,32
4	П 107			II,45—46				24,32 Ср. №344
5	П 141		89	II,65				6,8,24,40
6	П 181							24,40
7	П 167		95					39
8	П 151						II,140	12,24,32,34,36,38,43
9	П 145							8,20,33
10								28,43
11								
12								6,33,40

№	Источник	П	НФГ	ТРЗ	ГдП	Ув	СА	Примечания
13								6
14								
15								
16				II,61—62				3,9
17								
18								
19			91?					33
20	П 5				III, 469			
21	П 7			II,43—44			I,265	2,8,9,18,26,38
22	П 16							18,26,33
23	П 14			I,73	IV, 192			3,26
24	П 21			II,89			I,118	6,9,10,11,26,33,36,38, 40,43
25	П 32							26,28
26	П 42							
27				I,84			II,25	2,8,26,29,39,42,43
28	М 122							
29	М 179							
30	М 185—186							
31								
32								
33								6
34				II,61				6,9
35								
36								
37								6
38								5,6,11,24,35,37
39	НФГ 105	103						27,32
40	НФГ 101							2,7,14,24,25,33,38
41	НФГ 103							2,3,14,33
42	НФГ 2	12						17,26,32
43	НФГ 8					I,58—59		6,32,36,46
44	НФГ 9	57						2,12,14,17
45	НФГ 10							6,28
46	НФГ 12			II,79—80				1,11,13,17,23,27, 35,36,43,45
47	НФГ 15						II,241	20
48	НФГ 17							26
49	НФГ 22	64		I,84—85	III, 443			3,9,24,26,38
50	НФГ 25			I,169—170	V,259		I,235	2,6,8,14,24,25,29,32, 33,36,37,38,40
51	НФГ 102							2,14,24,38

№	Источник	П	НФГ	ТРЗ	ГдП	Ув	СА	Примечания
52	НФГ 109			II,164—165	II, 24			2,7,33,42
53	НФГ 24				IV,226		I,134	2,10,14,33,42
54	НФГ 39	192					II,163	13,23,28,32,38
55	НФГ 56	55		II,39			I,114	1,2,9,24,26,29,31,32,33,38,40,43
56	НФГ 66							6,28
57	НФГ 67							28
58	НФГ 69							18,40
59	НФГ 72	95		II,167—168				13,32
60	НФГ 80	111						6,17
61	НФГ 93	23						26,39
62		117?						10,33
63		3?						26,39
64		18?		II,6	II,111		I,12	1,3,7,9,12,16,26,33
65				II,7—8	II,190	II,91—92	II,211	1,9,11,12,13,16,24,25,31,35,38,40,46
66				II,12				1,6,8,9,17,24,34
67				II,15—16	II,265	I,51	I,250	1,5,9,11,12,13,23,27,28,29,31,35,36,38,43,45,46
68				II,35				1,9,24
69				II,49—50				1,6,9,11
70				II,50				1,3,4,8,9,10,11,13,23,24,25,31,33,35,36,37,38,40,43
71		77		II,56—57		I,117—118	II,33	1,2,9,12,17,24,29,31,35,42,46
72				II,58		III,170	I,301	1,2,3,5,6,7,9,11,21,24,25,28,34,36,38,43,46
73				II,74—75				1,6,9,20,29,31
74				II,90—91				1,9,31
75				II,81—82		I,10		1,9,11,12,13,23,27,36,43,45,46
76	П 104							32
77	П 100						I,118	32
78	П 96		74					32
79	П 89							32
80	П 86			I,161—162		I,19	II,190	11,17,24,25,27,32,35,36,38,40,43,46
81	П 85				IV,226			2,24,32,37,43
82	П 83			II,52	II,151		I,217	2,9,38,42

№	Источник	П	НФГ	ТРЗ	ГдП	Ув	СА	Примечания
83	П 28				II,470		II,305	2,26
84				II,108				1,13,36,45
85			2 нем ?	II,82				1,13,23,27,43,45
86			3 нем ?	II,84				1,13,23,32,43,45
87				II,86—87				1,3,11,12,13,23, 27,43,45
88							II,165	1,11,24,25,35, 36,38,40,45
89	П 213		32				I,111—112	2,14,29
90	П 201		41					6,13,23,28,44
91	П 189							
92	П 185							39
93	П 183							39
94		29.	31?					2,6,9,12,14,16
95					II,463		I,239	2,7,9,14,24
96					I,527—528			2,14,38
97				II,94—95				1,11,13,23,27, 36,43,45,46
98		4?		I,81	IV,91			26
99		82?					II,164	2,24,37,42
100		195?	97?	II,111—112	IV,308	II,19	I,300—301	13,23,28,43,46
101		205?		II,79			I,177	8,9,13,23,32
102			16?	II,169—170	II,465			2,7,14 Ср. 345
103		108	79?	II,45				6,9,32
104			92?					2,7,14
105					IV,417			2,7,8,14,29
106								2,7,10,14,33,40
107				I,58	IV,411			2,9,14
108			84?		I,465			2,7,14,40,43
109								2,11,14,24,25, 32,35,36,38,43
110					III,499			2,7,14
111				I,115				2,3,7,14
112					II,465?			2,14
113					II,206		II,242	2,11,14,43
114								2,14,20,43
115								2,8,14
116			60?					2,3,14,24,25
117								2,14,33,40
118				I,52	III,200			2,9,10,14,40
119				I,59	IV,117			9
120								1,36,45
121				II,95	I,115			9,14,29

№	Источник	П	НФГ	ТРЗ	ГдП	Ув	СА	Примечания
122								14
123			82?	I,80—81	III,493—494			2,3,5,6,9,14,24,25
124	П 200							
125	П 207							
126	П 94		98	II,160—161				13,17,28,31,32
127	П 199							
128	П 78			II,5—6				2,6,9,16
129	П 34			I,165—166				26,39
130*						I, 63-66		43
130		26?						
131		150?			I,461—462			12,25,29,38,39,40
132		27?	61?		IV,418		I,248	2,26,33
133								20
134		46?	35?		IV,112—113			8,13,26,29,40
135	ТРЗ I,103							
136	ТРЗ I,103—104							
137	ТРЗ I,109							
138	ТРЗ I,110—111				IV,414			2,3,9,11,14,24,33,40,43
139	ТРЗ I,115							9
140	П 47 частично; ТРЗ I,116							9
141								
142	ТРЗ I,117				III,488			9
143	ТРЗ I,118—119							9
144	ТРЗ I,119							9
145	ТРЗ I,119							5,9,17,36,37
146	ТРЗ I,120							9
147	ТРЗ I,123							3
148	ТРЗ I,129—130							9
149	ТРЗ I,131—132				II,268		II,274	2,7,24,25,29,40,44
150					I,12			2,7,12,38
151		109					II,190	2,12,24,29,32,38,40
152								2,4,24,41

№	Источник	П	НФГ	ТРЗ	ГдП	Ув	СА	Примечания
153				II,10			II,114	3,5,12,17,34,38, 43
154*								В первом издании находится между №№ 152 и 153
154							I,257	2,12,29
155								17
156								17,24
157						III, 161		2,7,11,12,24,29, 36,43,46
158	ТРЗ I,11—12		6 нем		III,488			9,12,17
159	ТРЗ I,26				III,185			3,9,12
160	ТРЗ I,36				IV,481			9
161	ТРЗ I,39							8,9,18
162	ТРЗ I,52							9
163	ТРЗ I,56							9,20
164	ТРЗ I,64				II,68		II,242	3,32,36,43
165	ТРЗ I,64				III,193			9
166	ТРЗ I,68							3,43
167	ТРЗ I,74				III,170			
168	ТРЗ I,80				III,186			6,9
169	ТРЗ I,85	65	54		III,448			2,7,9,10,14,26, 33,40
170	ТРЗ I,92—93							
171	ТРЗ I,98							40,43
172	ТРЗ I,101							
173	ТРЗ I,136							3,40
174	ТРЗ I,139							2,7,14,36
175	ТРЗ I,139							18
176	ТРЗ I,140							
177	ТРЗ I,147							18
178	ТРЗ I,149,152							2,5,14,18,33,39, 43
179	ТРЗ I,153							5,20
180	ТРЗ I,155							18
181	ТРЗ I,155							41
182	ТРЗ I,162,167							
183	ТРЗ I,175							3,12,17,43
184	ТРЗ I,184						I,110	3,24
185	ТРЗ I,186—187							
186	ТРЗ II,14—15							9,18
187	ТРЗ II,17							3
188	ТРЗ II,19				I,16—17			9,12
189	ТРЗ II,24							9,12
190	ТРЗ II,25							9

№	Источник	П	НФГ	ТРЗ	ГдП	Ув	СА	Примечания
191	ТРЗ II,29							9
192	ТРЗ II,30	9			III,499—500		II,131	2,7,12,26,38
193	ТРЗ II,31—32				V,250			9,24
194	ТРЗ II,34		96					2,9,12,14,41,46
195	ТРЗ II,35				I,7			9,33,40
196	ТРЗ II,46							
197	ТРЗ II,47						I,254	38,43
198	П 97							8,18,32,40
199	П 98							32
200	П 60		65	II,43				2,9,12,18,26,33
201	П 63		64	I,75	III,73—74			3,9,26
202	П 133							8,24
203	П 153							39
204	П 154							
205	П 156							39
206	П 177							
207	П 67			I,42—43	III,192			2,9,12,14,26,40
208	П 49							39
209					II,87—88?		I,83	2,34
210		17		II,72				2,9,12,24,26,29,33,40
211								17,29
212				I,9	IV,426		II,247	2,5,9,24,25,33,35,36,40,46
213								2,7,38
214					I,81			41
215								2
216							II,241	2,12,33,40
217	ТРЗ II,49						II,140	3,9,12,33,38,40
218	ТРЗ II,60							9
219	ТРЗ II,60							
220	ТРЗ II,80—81							11,35,46
221	ТРЗ II,96-97				I,447			6,11,35,36,37,38,41,43,45,46
222	ТРЗ II,107—108							13,23,24,38
223	ТРЗ II,113—114				I,477—478			9
224	ТРЗ II,118—119							11,12,13,43
225	ТРЗ II,115—116							4,13,18,35,36

№	Источник	П	НФГ	ТРЗ	ГдП	Ув	СА	Примечания
226	ТРЗ II,130		4 нем		V,247	I,24		4,13,23
227	ГдП II,506							9,37,38
228	ТРЗ II,133—134					I,10—11		11,12,13,24,32, 35,36,38,43,46
229	ТРЗ II,136—137					I,18		9,11,12,24,35,36,38, 46
230	ТРЗ II,154							2,7,21,29,33,34
231	ТРЗ II,175—176					II,138—142	I,248	2,7,14,20,35,43,46
232	ГдП II,162						II,331	29,40
233	ТРЗ II,183—184							7,43
234	ТРЗ II,93—94							13,23,45
235	ГдП II,365						I,252	2,14,38
236	ГдП II,365							
237								
238								
239								
240								6
241								3,4,18,19
242								
243					II,367?	III,98—99	II,22	34,37,46
244*								
244	ГдП II,364							2,33
245	ГдП II,72							11
246	ГдП II,93							8,37,38
247	ГдП II,447—448						II,197	3,30,40
248	ГдП II,379—380						II,192	29,38
249	ГдП II,389			I,162				3
250	ГдП II,389—390			I,75				2,9
251								
252	ГдП II,332							
253	ГдП II,444—445							38
254	ГдП II,247							
255	ГдП II,247							
256	ГдП II,205—206							
257								
258	ТРЗ II,27—28							9
259	ГдП II,400						II,333	
260	ТРЗ II,34							2,9,14

№	Источник	П	НФГ	ТРЗ	ГдП	Ув	СА	Примечания
261	ГдП II,453			II,187—188				7,41
262	ГдП II,456						II,100	24,40
263	ГдП II,453—454						II,332	30,41
264	ГдП II,445							29,30,35,46
265	ГдП II,400—401							6,38
266	ТРЗ I,197—198							3
267				I,141?				
268					II,475?			2,8,24,38,42
269					III,470			
270					III,495			
271				I,159	III,41			1,13,23,36,38,45
272								24,40
273								
274								
275								
276					III,449			
277								
278					II,402?			2,8,24,33
279	ТРЗ II,3—4						I,34	2,9,17,24,38
280	ТРЗ II,8—9						II,173	2,9,16,17,24,38,42
281	ТРЗ II,39						I,22	2,9,12,20,33,38
282	ТРЗ II,42		40		I,1		II,182	2,8,9,14,24,38,40,42
283	ТРЗ II,46—47							18,19,24
284	ТРЗ II,73—74						I,246	6,9,24,38
285	ТРЗ II,78					I,62—63	II,195	9,35
286	ТРЗ II,83							9,11,36
287	ТРЗ II,98—99				IV,238		II,23—24	8,11,13,23,35,38
288	ТРЗ II,133				IV,127—128			2,11,13,23,33,35
289	ТРЗ II,137—138				IV,36		I,111	2,42,43
290								
291	П 8							26
292	П 13		19	II,35—36				26,39
293	П 194							
294	П 99							32
295	П 84						I,118	2,12,20,32,38

№	Источник	П	НФГ	ТРЗ	ГдП	Ув	СА	Примечания
296	П 137							8
297	П 66		75	I,67—68				2,3,8,9,14,18,26, 43
298	П 24							26
299	П 45							6,26
300	П 51			II,1—2				2,7,9,12,16,18, 26
301	П 171							
302	П 173			II, 117—118			II,200	13,23,39
303	П 163		94	II, 68—69				39
304	П 129							
305	П 105			II,48				32
306	П 74							
307	П 164							
308	П 186							
309	ТРЗ II,146—147							
310	ТРЗ II,153—154				III,233			2,7,32
311	ТРЗ II,154—155							6,7
312	ТРЗ II,164				II,481			7,24
313	ТРЗ II,178							2,14,33
314					II,471—472?		II,242	2,7,8,24,29,33, 38,40,42,43
315								
316					II,457?			12,40
317								
318								
319								
320								
320а	Ув. III,1—51							46
321								
322	СА I,318							
323	Ув. III,52—61							46
324	Ув. I,145—146							43,46
325	Ув. I,121—130							11,43,46
326	Ув. I,130—134							11,43,46
327	Ув. I,134—136							46
328								
329	СА I,40—41							
330								11,35,40,43,46
331								
332								
333								
334	СА II,325							
335								
336	СА II,47—49							12,24,34,37,38
337								12,18,19
338	СА I,42—43							12
339	СА I,163—164							38
340	СА I,333—335							
341	СА I,302				V,148			38

№	Источник	П	НФГ	ТРЗ	ГдП	Ув	СА	Примечания
342	CA II,321							
343	CA I,264							
344	CA I,118							Ср. №4
345	CA I,38—39							10,33,38 Ср. №102
346	CA I,163							38
347	CA I,43							24,38
348	CA I,49—50							24
349	CA I,162	131			II,25—26			8,34,37,38
350	CA I,50,235							38
351	CA II,123				I,456			29,38
352	CA I,111							18
353					III,496			2,14,40

Список сборников и учебных пособий конца XVII—XVIII вв., просмотренных для установления источников «Присовокупления второго»

Учебные пособия включались в список лишь в том случае, если они содержат подборки рассказов, анекдотов и изречений. Не зарегистрированы многочисленные грамматики, не имеющие подобных разделов.

После библиографического описания книги указываются номера повестей (по четвертому изданию «Письмовника»), для которых в данной книге есть точное соответствие, вариант или параллель. В скобках после номера повести приводится порядковый номер, под которым напечатан соответствующий рассказ, или том/часть (римской цифрой) и страницы (арабскими цифрами с буквой «с»).

1. Rogissard de. Novelle méthode pour aprendre facilement les langues françoise et angloise. La Haye, 1718.

46 (19); 55 (7); 64 (1); 65 (2); 66 (3); 67 (4); 68 (6); 69 (9); 70 (10); 71 (12); 72 (13); 73 (15); 74 (18); 75 (20); 84 (21); 85 (24); 86 (25); 87 (26); 88 (30); 97 (31); 120 (22); 271 (28).

2. Élite des bons mots, et des pensées choisies, recueillies avec soin des plus célèbres auteurs, et principalement des livres en ana. Amsterdam, 1726. P.1—2.

1 (II, с. 175); 2 (II, с. 192—193); 21 (II, с.86); 27 (II, с.171); 40 (I, с.330); 41 (I, с. 331—332); 44 (I, с.39); 50 (I, с.10); 51 (I, с. 331); 52 (II, с.3); 53 (I, с. 9); 55 (II, с.26); 71 (II, с.63—64); 72 (II, с.34); 81 (II, с.27); 82 (II, с.167); 83 (II, с.23—24); 89 (I, с.33); 94 (I, с.32); 95 (I, с.123); 96 (I, с.203); 99 (II, с.166); 102 (I, с.297—298); 104 (I, с.298); 105 (I, с.218); 106 (I, с.311); 107 (I, с.322); 108 (I, с.226); 109 (I, с.227); 110 (I, с.291); 111 (I, с.292); 112 (I, с.295); 113 (I, с.296); 114 (I, с.336); 115 (I, с.299); 116 (I, с.159); 117 (I, с.164); 118 (I, с.297); 123 (I, с.222); 128 (II, с.64); 132 (II, с.23); 138 (I, с.89—90); 149 (II, с.30—31); 150 (II. с.82); 151 (II, с.87); 152 (II, с.90); 154 (II, с.147); 157 (II, с.212—213); 169 (I, с.126); 174 (I, с.329); 178 (I, с.10); 192 (II, с.86); 194 (I, с.303); 200 (II, с.55); 207 (I, с.200); 209 (II, с.18); 210 (II, с.28); 212 (II, с.55);

213 (II, с.60—61); 215 (II, с.66); 216 (II, с.81); 230 (II, с.77—78); 231 (I, с.331); 235 (I, с.160; II, с.26); 244 (II, с.223); 250 (I, с.94); 260 (I, с.196); 268 (II, с.177); 278 (II, с.10); 279 (II, с.85—86); 280 (II, с.24—25); 281 (I, с.38); 282 (I, с.62—63); 288 (II, с.93—94); 289 (II, с.84); 295 (I, с. 295); 297 (I, с.162—163); 300 (II, с.189—190); 310 (II, с.87); 313 (I, с.87); 314 (II, с.146); 353 (I, с.226).

3. [Ланге И.П.]. Смеющийся Демокрит, или Поле честных увеселений с поруганием меланхолии. Переведено с латинского языка. [М.], 1769.

16 (с.28); 23 (с.117); 41 (с.67); 49 (с.105); 64 (с.5); 70 (с.97); 72 (с.57); 87 (с.158—159); 111 (с.139); 116 (с.6); 123 (с.21); 138 (с.15); 147 (с.22); 153 (с.1); 159 (с.18); 164 (с.98); 166 (с.99); 173 (с.166); 183 (с.8); 184 (с.85); 187 (с.2); 201 (с.19); 217 (с.123—124); 241 (с.54); 247 (с.3); 249 (с.160); 266 (с.11); 297 (с.17).

4. Новая италианская грамматика / Собрана из разных авторов и переведена на российской язык Московского Имп. университета студентом Егором Булатницким. [М.], 1759.

70 (с.247); 152 (с.254); 225 (с.249—251); 226 (с.243); 241 (с.251—253).

5. Державина О.А. Фацеции: Переводная новелла в русской литературе XVII века. М., 1962.

38 (46); 67 (58); 72 (32); 123 (56); 145 (23); 153 (9); 178 (19); 179 (18); 212 (30).

6. И то и сио / [Изд. М.Д.Чулков]. Неделя 1—52. СПб., 1769.

В скобках указывается номер журнала. Помета «стих» рядом с номером журнала означает, что повести Курганова у Чулкова соответствует стихотворение.

3 (25 стих); 5 (39); 12 (21 стих); 13 (25 стих); 24 (21 стих); 33 (21 стих); 34 (21 стих); 37 (21 стих); 38 (21 стих); 43 (21 стих); 45 (21 стих); 50 (25); 56 (46); 60 (46); 66 (21 стих); 69 (25 стих); 72 (21 стих); 73 (39); 90 (39), 94 (32); 103 (32); 123 (51/52); 128 (51/52); 168 (51/52); 221 (25 стих); 240 (Заключение); 265 (39); 284 (39); 299 (32); 311 (39).

7. Amusemens sérieux et comiques; ou nouveau recueil de

bon-mots, de railleries fines, de pensées ingénieuses et delicates, de bons contes, et d'avantures plaisantes. La Haye, 1719.

2 (73); 40 (91); 52 (108); 64 (134); 72 (137); 95 (117); 102 (99); 104 (44); 105 (161); 106 (72); 108 (42); 110 (43); 111 (147); 149 (66); 150 (102); 157 (58); 169 (97); 174 (45); 192 (50); 213 (48); 230 (49); 231 (146); 233 (169); 261 (172); 300 (57); 310 (25); 311 (11); 312 (16); 314 (64).

8. ANA, ou collection des bons mots, contes, pensées detachées, traits d'histoire et anecdotes des hommes célèbres, depuis la renaissance des lettres jusqu'à nos jours; suivis d'un choix de propos joyeux, mots plaisans, réparties fines et contes à rire, tirés de différens recueils / [Publ. par Ch.-G.-T. Garnier]. Première partie, contenant les ana. T. 1—10. Amsterdam; Paris, 1789.

T. 1. Furetériana: 246 (c. 182—183). Poggiana... suivis des bons mots d'Aeneas Sylvius. Cp. №41. T.2—4. Ménagiana: 5 (II, c.447); 9 (III, c.68); 70 (III, c.405—406); 101 (IV, c.22); 115 (III, c.240); 134 (II, c.114); 202 (II, c.322); 268 (II, c.332); 278 (III, c.403): 296 (II, c. 362); 314 (II, c.306); 349 (II, c.307). T.5—6. Vigneul-Marvilliana. T.7. Carpenteriana: 50 (c.17—18). Valesiana: 21 (c.361—362). T.8. Huétiana. T.9. Chevraeana: 27 (c.84); 66 (c.153); 105 (c.255—256); 161 (c.281—282); 198 (c.113—114); 282 (c.194); 287 (c.199); 297 (c.412—413); T.10. Sevigniana. Bolaeana.

9. Boyer A. Le compagnon sage et ingénieux anglois et françois. Ou recueil de l'esprit des personnes illustres, tant anciennes que modernes: contenant leurs sentences, pensées nobles, généreux sentimens, reparties fines, bons mots, et avantures agréables. 3-me éd., corr., augm., etc. A l'usage des écoles françoises. Londres, 1707.

Тит. л. и текст парал. на англ. и франц. яз.

16 (II, c.99); 21 (II, c.78); 24 (II, c.127); 34 (II, c.97); 49 (I, c.156); 55 (II, c.68): 64 (II, c.8); 65 (II, c.10); 66 (II, c.18); 67 (II, c.25); 68 (II, c.63); 69 (II, c.82); 70 (II, c.83); 71 (II, c.90); 72 (II, c.92); 73 (II, c.108); 74 (II, c.129); 75 (II, c.119); 82 (II, c.86); 94 (I, c.47); 95 (I, c.128); 101 (II, c.117); 103 (II, c.80); 107 (I, c.102); 118 (I, c.87); 119 (I, c.105); 121 (II, c.132); 123 (I, c.150); 128 (II, c.7); 138 (I, c.168); 139 (I, c.173); 140 (I, c.177); 142 (I, c.176); 143 (I, c.180); 144 (I, c.181); 145 (I, c.182); 146 (I, c.184); 148 (I, c.189);

158 (I, c.20); 159 (I, c.43); 160 (I, c.64); 161 (I, c.70); 162 (I, c.88); 163 (I, c.97); 165 (I, c.112); 168 (I, c.149); 169 (I, c.157); 186 (II, c.23); 188 (II, c.31); 189 (II, c.42); 190 (II, c.44); 191 (II, c.51); 193 (II, c.55); 194 (II, c.60): 195 (II, c.62); 200 (II, c.77); 201 (I, c.139); 207 (I, c.75); 210 (II, c.105); 212 (II, c.16); 217 (II, c.81); 218 (II, c.95); 223 (II, c.139); 227 (II, c.96); 229 (II, c.124); 250 (I, c.138); 258 (II, c.50); 260 (II, c.61); 279 (II, c.4); 280 (II, c.11); 281 (II, c.69); 282 (II, c.75); 284 (II, c.107); 285 (II, c.114); 286 (II, c.120); 297 (I, c.118—119); 300 (II, c.1).

10. [Choffin D.-É.]. Nouvelle grammaire à l'usage des dames, et d'autres personnes qui ne savent pas de latin. = Neue französishe Grammatik zum Besten des Frauenzimmers,und anderer Personen die das latein nicht verstehen. Berlin, 1755. T.1—2.
24 (20); 53 (52); 62 (42); 70 (33); 106 (30); 118 (80); 169 (37); 345 (46).

11. Contes à rire et aventures plaisantes ou récréations françaises / Nouv. éd., rev. et corr., avec preface par A. Chassant. Paris, 1881.
24 (c.303); 38 (c.162); 46 (c.240—241); 65 (c.125—126); 67 (c.351—352); 69 (c.354); 70 (c.195; cp. c.218—219); 72 (c.341); 75 (c.366); 80 (c.365—366); 87 (c.350); 88 (c.295—296); 97 (c.259—260); 109 (c.217); 113 (c.186); 138 (c.152); 157 (c.107—108); 220 (c.381); 221 (c.243); 224 (c.270); 228 (c.206—207); 229 (c.365); 245 (c.218); 286 (c.251); 287 (c. 377—378); 288 (c.387—388); 325 (c.92—105); 326 (c.111—116); 330 (c.231—234).

12. [Ducry S.-J.]. Amusement curieux et divertissant, propre à égayer l'esprit. Ou fleurs de bons mots, contes à rire, valeur héroïque, etc., le tout sans obscénité, afin que les personnes de tout état puissent en faire leurs récréations / Recueilli par D**** jadis imprimeur de l'Escadre du Roi à l'expédition de Minorque. Florence [Marseille], 1766. P.1—2.
8 (I, c.124); 44 (II, c.384); 64 (II, c.293); 65 (II, c.163—164); 67 (I, c.205—206); 71 (II, c.273); 75 (II, c.253—254); 87 (I, c.127); 94 (II, c.221); 131 (I, c.57—58); 150 (I, c.45); 151 (II, c.263); 153 (I, c.163); 154 (I, c.165); 157 (I, c.35); 158 (II, c.281); 159 (I, c.100); 183 (I, c.52); 188 (I, c.44); 189 (I, c.143): 192 (II,

c.259); 194 (I, c.114); 200 (II, c.222); 207 (II, c.285); 210 (I, c.55); 216 (I, c.31); 217 (I, c.2); 224 (I, c.128); 228 (II, c.254—255); 229 (II, c.255); 281 (II, c.395); 295 (II, c.419); 300 (II, c.273); 316 (I, c.16); 336 (II, c.244); 337 (II, c.237); 338 (II, c.425—426).

13. Du Grain J. Gründliche und leichteste Anweisung zur Französischen Sprache durch ein Collegium Gallicum von hundert Lectionen... Halle in Magdeburgischen, 1720. T.1—2.

46 (I, c.308); 54 (I, c.429); 59 (II, c. 201); 65 (II, c.18—19); 67 (I, c.336): 70 (I, c.429); 75 (I, c.308); 84 (I, c.401); 85 (I, c.308); 86 (I, c.308); 87 (I, c.323); 90 (I, c.429); 97 (I, c.348—349); 100 (I, c.429); 101 (I, c.429; II, c.180—181); 126 (II, c.138—139); 134 (II, c.18); 222 (I, c.388); 224 (II, c.27); 225 (I, c.454—455); 226 (I, c.294); 228 (II, c.67); 234 (I, c.336); 271 (I, c.336); 287 (I, c.349, 484); 288 (II, c.57); 302 (I, c.469—470).

14. Élite de bons mots et de pensées choisies, tant en prose qu'en vers. T. 2. [Середина XVIII в., экземпляр РНБ без тит. л., шифр: 36.80.10.47].

40 (c.503); 41 (c.505); 44 (c.162); 50 (c.110—111); 51 (c.505); 53 (c.109—110); 89 (c.150); 94 (c.150); 95 (c.290); 96 (c.410); 102 (c.458); 104 (c.459); 105 (c.430); 106 (c.476); 107 (c.492); 108 (c.441); 109 (c.443); 110 (c.447); 111 (c.449); 112 (c.454); 113 (c.455); 114 (c.511); 115 (c.85—86); 116 (c.349); 117 (c.359—360); 118 (c.458); 121 (c.140); 122 (c.142); 123 (c.436); 138 (c.238); 169 (c.294—295); 174 (c.502); 178 (c.111); 194 (c.467); 207 (c.406—407); 231 (c.504—505); 235 (c.350); 260 (c.401); 282 (c.197); 297 (c.357—358); 313 (c.235); 353 (c.440—441).

15. Nouveau choix de bons mots, de bons contes et de plaisanteries. Plaisance, 1711. T.1—2.

По составу совпадает с №2, отличаясь порядком томов.

16. Gallimard J.-E. Alphabet raisonné pour la prompte et facile instruction des enfans de l'un, et de l'autre sexe... Paris, 1757.

64 (1); 65 (3); 94 (5); 128 (14); 280 (6); 300 (12).

17. Gayot de Pitaval F. L'art d'orner l'esprit en l'amusant,

ou nouveau choix de traits vifs, saillans et legers, soit en vers, soit en prose. Paris, 1728. P.1—2.

42 (II, c.183); 44 (I, c.291); 46 (II, c.1); 60 (I, c.223—224); 66 (I, c.241—242); 71 (I, c.201—202); 80 (I, c.242); 126 (I, c.267); 145 (I, c.222); 153 (I, c.238); 155 (I, c.143); 156 (II, c.53); 158 (II, c.38); 183 (I, c.239—240); 211 (I, c.42); 279 (I, c.234); 280 (I, c.199).

18. Gayot de Pitaval F. Bibliothèque de cour, de ville et de campagne, contenant les bons mots de plusieurs rois, princes, seigneurs de la cour, et autres personnes illustres, avec un choix des meilleurs pièces de poësies des poëtes célèbres, latin et françois, tant anciens que modernes; de pensées ingénieuses propres à orner l'esprit; d'anecdotes singulières et de remarques critiques sur différens ouvrages. On y trouve aussi un assemblage de traits naïfs, gascons et comiques; des traits d'histoire les plus curieux et une collection exacte des bons mots et des apophtegmes des anciens / Nouv. éd. considérablement augm. [par G.-L. Perau]. Paris. 1746. T.1—7.

По составу рассказов, соответствующих повестям Курганова, совпадает в основном с ГдП; ниже указаны соответствия, отсутствующие в ГдП.

21 (III, c.65); 22 (VII, c.325); 58 (VII, c.260); 161 (VII, c.415); 175 (II, c.94); 177 (VII, c.360); 178 (VII, c.399); 180 (VII, c.402); 186 (I, c.11); 198 (IV, c.145); 200 (IV, c.77); 225 (V, c.171—172); 241 (VII, c.144); 283 (VII, c.157); 297 (VII, c.365); 300 (IV, c.23—24); 337 (VII, c.183—184); 352 (IV, c.353).

19. Gayot de Pitaval F. Esprit des conversations agréables, ou nouveau mélange de pensées choisies, en vers et en prose, sérieuses et enjoüées, et de plusieurs traits d'histoire curieux, intéressans, d'anecdotes singulières, d'historiettes instructives, et de remarques critiques sur plusieurs ouvrages l'esprit. T. 2—3. Paris, 1731.

241 (III, c.211); 283 (III, c.230); 337 (III, c.263—265).

20. Gayot de Pitaval F. Saillies d'esprit, ou choix curieux de traits utiles et agréables pour la conversation, entrelassés d'histoires singulières, d'anecdotes intéressantes, de réflexions critiques, morales, de jugemens sur plusieurs poëtes modernes, et de l'élite de leurs poësies. Nouv. éd., augm., rev. et corr. Paris, 1740. T.1—2.

9 (I, c.220); 47 (I, c.139—140); 73 (I, c.234); 114 (I,

c.95—96); 133 (I, c.294); 163 (II, c.125); 179 (II, c.136); 231 (I, c.66—70); 281 (I, c.291); 295 (I, c.280).

21. Gottsched J.C. La grammaire allemande de M. le Profess. Gottsched, mise en François par G. Quand. 4ᵉ éd., rev. et corr. Vienne, 1772.

72 (c.267); 230 (c.265).

22. Günther J.-J. Amusemens historiques et moraux en prose et en vers tirés des meilleurs auteurs, avec un vocabulaire françois-allemand... à l'usage de ceux qui veulent apprendre l'une ou l'autre des deux langues. Francfort-Colmar, s. a.

Авторское предисловие подписано 24 марта 1762 г.

23. Lacombe J.-F. (псевд.: Ferrari). Introduction à la langue françoise, Das ist: Einleitung zu der Französischen Sprache... / Dermahlen aufs neu verbessert und... vermehrt... durch P. Surleau. Frankfurt am Mayn, 1755.

46 (c.333—334); 54 (c.349); 67 (c.341); 70 (c.350); 75 (c.338); 85 (c.338); 86 (c.334); 87 (c.334); 90 (c.335; c.348); 97 (c.341); 100 (c.348); 101 (c.347—348); 222 (c.345—346); 226 (c.333); 234 (c.340—341); 271 (c.340); 287 (c.351—352); 288 (c.333); 302 (c.351).

24. [La Porte J. de]. Magazin récréatif, pour servir de ressource contre l'ennui: Choix d'anecdotes curieuses, et intéressantes, et de bons mots. Nouv. éd., corr. et augm. Amsterdam; Paris, 1771. T.1—2.

2 (I, c.103); 4 (II, c.56); 5 (II, c.33—34); 6 (I, c.34—35); 8 (II, c.153); 38 (I, c.316); 40 (I, c.7); 49 (I, c.337); 50 (I, c.15—16); 51 (II, c.128); 55 (II, c.150); 65 (I, c.28—29); 66 (II, c.73); 68 (I, c.6); 70 (II, c.150—151); 71 (II, c.64—65); 72 (II, c. 162); 80 (I, c.3); 81 (I, c.286); 88 (I, c.36—37); 95 (I, c.96); 99 (II, c.169); 109 (II, c.170—171); 116 (I, c.80); 123 (I, c.315—316; II, c.185—186); 138 (II, c.74—75); 149 (II, c.1); 151 (II, c.68—69); 152 (II, c.71); 156 (II, c.159); 157 (II, c.160); 184 (II, c.56); 193 (I, c.178); 202 (II, c.33); 210 (I, c.24); 212 (I, c.68); 222 (II, c.72); 229 (II, c.157); 262 (I, c.309; II, c.179); 268 (II, c.146—147); 272 (I, c.138—139); 278 (II, c.32); 279 (I, c.351; II, c.84); 280 (I, c.218); 282 (II, c.68); 283 (II, c.171); 284 (II, c.60); 312 (II, c.159); 314 (II, c.151); 336 (II, c.285—287); 347 (II, c.54—55); 348 (II, 327—328).

25. [La Porte J. de]. Ressource contre l'ennui, ou l'art de briller dans le conversation. La Haye; Paris, 1766. T. 1—2.
2 (I, c.183); 40 (I, c.30); 50 (I, c.71); 65 (I, c.92—93); 70 (I, c.2); 72 (I, c.22); 80 (I, c.2—3); 88 (I, c.105); 109 (I, c.33); 116 (I, c.156); 123 (I, c.61); 131 (I, c.60—61); 149 (I, c.1—2); 212 (I, c.142).

26. La Roche. Nouvelle méthode pour traiter la grammaire françoise, Das ist Neue Methode die Französische Grammatic zu tractiren... 25. Aufl. Leipzig, 1764.
1 (33); 2 (57); 21 (31); 22 (23); 23 (25); 24 (20); 25 (49); 27 (44); 42 (27); 48 (2); 49 (5); 55 (11); 61 (53); 63 (29); 64 (21); 83 (60); 98 (28); 129 (48); 132 (51); 134 (14); 169 (4); 192 (34); 200 (8); 201 (6); 207 (37); 210 (22); 291 (32); 292 (26); 297 (38); 298 (52); 299 (15); 300 (43).

27. La Roche. La pierre de touche, ou le secret de délier la langue, Das ist Probier-Stein, oder Die Kunst, die Zunge aufzulösen, vermittelst kurzer, leichter und galanter Gespräche... Leipzig, 1764.
39 (33); 46 (26); 67 (30); 75 (27); 80 (17); 85 (28); 87 (29); 97 (31).

28. Lermite P. (псевд.: Du Buisson). Neue Grammatica die Französische Sprache sehr leicht und gründlich zu lernen... Von neuen übersehen, verbessert und vermehret. 5. Ed. Hamburg, 1696.
10 (c.45); 25 (c.47); 45 (c.29—30); 54 (c.38); 56 (c.34); 57 (c.32—33); 67 (c.48); 72 (c.30); 90 (c.39—40); 100 (c.40); 126 (c.52—53).

29. Magazin récréatif ou recueil choisi de bons mots, de traits naïfs, gascons et plaisants, de diverses petites pièces curieuses en vers et en prose, d'epigrammes, enigmes, fables, anagrammes, etc. ... Amsterdam, 1767.
27 (c.51); 50 (c.121); 55 (c.113); 67 (c.28); 71 (c.144); 73 (c.156); 89 (c.122); 105 (c.171); 121 (c.7); 131 (c.43): 134 (c.39); 149 (c.28); 151 (c.105); 154 (c.69); 157 (c.100—101); 210 (c.113); 211 (c.113); 230 (c.104); 232 (c.27); 248 (c.30); 264 (c.43); 314 (c.101); 351 (c.43).

30. Le maître de la langue allemande ou nouvelle grammaire allemande méthodique et raisonnée, composée sur le modèle

des meilleurs auteurs de nos jours, et principalement sur celui de Mr le Prof. Gottsched. 8e éd. Strasbourg, 1778.
247 (c.587); 263 (C.588—589); 264 (c.587).

31. Malard M. The True French Grammar, With a French Rudiment... London, 1716.
55 (3); 65 (7); 67 (9); 70 (15); 71 (18); 73 (20); 74 (23); 126 (14).

32. Menudier J. Le secret d'apprendre la langue françoise en riant... Jena, 1693.
3 (145); 4 (141); 8 (47); 39 (62); 42 (57, 121); 43 (148); 50 (84); 54 (5); 55 (104); 59 (110); 76 (172); 77 (81); 78 (118); 79 (66); 80 (55); 81 (41); 86 (153); 101 (176); 103 (140); 109 (136); 126 (102); 151 (131); 164 (36); 198 (119); 199 (126); 228 (26); 294 (139); 295 (38); 305 (168); 310 (40).

33. Monchan M. Histoires plaisantes et récréatives, contenant un recueil des sentimens nobles et heroïques, des bons mots, des belles pensées, et des repliques ungénieuses... Le tout tiré des meilleurs auteurs, tant anciens que modernes, et traduit en allemand en faveur de ceux qui souhaitent d'apprendre la langue françoise.... [Hannover?], 1716.
9 (286); 12 (153); 19 (160); 22 (229); 24 (86); 40 (206); 41 (249); 50 (253); 52 (162); 53 (291); 55 (164); 62 (210); 64 (278); 70 (154); 106 (133); 117 (53); 132 (246); 138 (113); 169 (188); 178 (175); 195 (12); 200 (232); 210 (38); 212 (252); 216 (172); 217 (118); 230 (280); (244 (241); 278 (163); 281 (165); 288 (262); 313 (226); 314 (248); 345 (242).

34. [Niceron J.-P., Duport du Tertre F.-J.]. Bibliothèque amusante et instructive, contenant des anecdotes intéressantes, et des histoires curieuses tirées des meilleurs auteurs. Paris, 1753. [T.1].
8 (c.321); 66 (c.49); 72 (c.275); 153 (c.294—295); 209 (c.332); 230 (c.144); 243 (c.97—98); 336 (c.270-272); 349 (c.239).

35. Nouveaux contes à rire, et avantures plaisantes de ce tems, ou récréations françoises. Nouv. éd. augm. et corr. Cologne, 1709.
38 (c.135—137); 47 (c.110—111); 65 (c.50—51); 67 (c.235); 70 (c.335—336); 71 (c.302—303); 80 (c.184);

88 (c.143—144); 109 (c.103); 212 (c.144); 220 (c.197—198); 221 (c.111); 225 (c.312—313); 228 (c.166—167); 229 (c.183—184); 231 (c.320—327); 264 (c.213—215); 285 (c.198—199); 287 (c.192—193); 288 (c.194); 330 (c.300—302).

36. d'Ouville A. Les contes aux heures perdues du S [ieur] D'Ouville, ou le recueil de tous les bons mots, reparties, equivoques, brocards, simplicitez, naïfuetez, gasconnades, et autres contes facecieux, non encore imprimez. Paris, 1651. P.1.

8 (I, c.519—520); 24 (I, c.466); 43 (I, c.492); 46 (I, c.45—46); 50 (I, c.363—364); 67 (I, c.312); 70 (I, c.135—136); 72 (I, c.528); 75 (I, c.98); 80 (I, c.138); 84 (I, c.104—105); 88 (I, c.236—237); 97 (I, c.242—243); 109 (I, c.37—38); 120 (I, c.136—137); 145 (I, c.530); 157 (I, c.468—469); 164 (I, c.474—475); 174 (I, c.311); 212 (I, c.246—247); 221 (I, c.46—47, 64); 225 (I, c.365—366); 228 (I, c.35—36); 229 (I, c.137); 271 (I, c.194); 286 (I, c.167).

37. [Panckouke A.-J.]. L'art de désoppiler la rate, sive de modo C. prudenter. En prenant chaque feuillet pour se T. le D. Entremêlé de quelques bonnes choses. A Gallipoli de Calabre, l'an des folies 175887 [1757].

38 (c.87); 50 (c.106); 70 (c.108—109); 81 (c.138); 99 (c.160); 145 (c.158); 221 (c.82); 227 (c.68); 243 (c.90); 246 (c.146); 336 (c.92—93); 349 (c.131—132).

38. [Panckouke A.-J.]. L'art de désopiler la rate, sive de modo C.... prudenter. En prenant chaque feuillet pour se T...... le D....... Entremêlé de quelques bonnes choses. Nouv. éd., rev. et augm. Venise, 178873 [1773]. P.1—2.

8 (II, c.295); 21 (I, c.308); 24 (I, c.29); 40 (II, c.227—228); 49 (II, c.165—166); 50 (II, c.147—148); 51 (II, c.284); 54 (I, c.352); 55 (I, c.268; II, c.286—287); 65 (I, c.329); 67 (I, c.238); 70 (II, c.170); 72 (I, c.316); 80 (II, c.226—227); 82 (I, c.230); 88 (I, c.354); 96 (II, c.153); 109 (I, c.219); 131 (I, c.280); 150 (II, c.13); 151 (I, c.74); 153 (I, c.299—300); 192 (I, c.7); 197 (I, c.306—307); 213 (I, c.8); 217 (I, c.331); 221 (I, c.278—279); 222 (II, c.326); 227 (II, c.201); 229 (II, c.296); 235 (I, c.247); 246 (I, c.227—228); 248 (I, c.328); 253 (I, c.288); 265 (II, c.187); 268 (I, c.76); 271 (I, c.136); 279 (I, c.271); 280 (I, c.105); 281 (I, c.79); 282 (II, c.325); 284

(I, c.260); 287 (I, c.254); 295 (II, c.316—317); 314 (I, c.27); 336 (II, c.232); 339 (I, c.282); 341 (I, c.317); 345 (II, c.305); 347 (I, c.215—216); 349 (I, c.281); 350 (II, c.311); 351 (I, c.300).

39. Les paroles remarquables, les bons mots et les maximes des orientaux / [Trad. par A. Galland] // Cardonne D.-D.Mélanges de littérature orientale, traduits de différens manuscripts, turcs, arabes, et persans de la Bibliothèque du roi. La Haye, 1788.

Первое издание «Les paroles remarquables...»: 1694.

7 (c.402—403); 27 (c.362—363); 61 (c.357); 63 (c.346); 92 (c.425); 93 (c.418); 129 (c.359); 131 (c.368); 178 (c.419); 203 (c.372); 205 (c.375—376); 208 (c.363—364); 292 (c.356—357); 302 (c.412); 303 (c.389—390).

40. Le passe-tems agréable, ou nouveau choix de bons mots, de pensées ingénieuses, de rencontres plaisantes, dont une partie n'avoit pas encore été mise au jour. Enrichi d'une élite des plus vives gasconnades, qui ne sont point dans le Gasconiana, et de quelques nouvelles histoires galantes. Le tout avec des réflexions. 2e éd., augm. de plus du double. Rotterdam, 1711.

2 (c.85); 5 (c.311); 6 (c.138); 12 (c.2—3); 24 (c.310); 50 (c.64—65); 55 (c.85); 58 (c.410); 65 (c.18—19); 70 (c.3); 80 (c.5); 88 (c.50—51); 106 (c.402); 108 (c.384); 117 (c.194, 284—285); 118 (c.90—91); 131 (c.86—87); 134 (c.210, 216); 138 (c.341); 149 (c.335—336); 151 (c.8); 169 (c.269); 171 (c.275); 173 (c.388); 195 (c.357); 198 (c.127—128); 207 (c.89—90); 210 (c.142—143); 212 (c.80—81); 216 (c.84—85); 217 (c.344); 232 (c.63—64); 247 (c.28—29); 262 (c.322); 272 (c.97—98); 282 (c.91—92); 314 (c.139); 316 (c.332—333); 330 (c.19—20); 353 (c.402).

41. Poggio Bracciolini G.-F. Die Schwanke und Schnurren / Übersetzung, Einleitung und Anmerkungen von A.Semerau. Leipzig, 1905 (Romanische Meistererzähler / Hrsg. von F.S.Krauss. Bd 4).

152 (211); 181 (40); 194 (13); 214 (21); 221 (230); 261 (36); 263 (158).

42. Rädlein J. Vollkommenen Französischen Sprach-Meister. Leipzig, 1709. T.1—2.

27 (II, c.114); 52 (II, c.104); 53 (II, c.117); 71 (II,

c.109); 82 (II, c.115); 99 (II, c.108); 268 (II, c.103); 280 (II, c.109); 282 (II, c.102—103); 289 (II, c.108); 314 (II, c.117).

43. [Roquelaure A.-G.-J.-B. de ?]. Roger Bontems en belle humeur: Donnant aux tristes et aux affligés le moyen de chasser leurs ennuis, et aux joyeux le secret de vivre toujours content. Par M***. Nouv. éd., augm. considérablement. Cologne, 1734. T.1—2.

8 (I, c.22); 10 (I, c.164); 24 (I, c.137); 27 (II, c.53); 46 (I, c.194—198); 55 (II, c.2); 67 (I, c.149—151); 70 (I, c.98—99); 72 (I, c.145); 75 (I, c.153—154); 80 (I, c.158—159); 81 (II, c.137); 85 (II, c.40); 86 (II, c.102); 87 (I, c.169); 97 (I, c. 116—117); 100 (II, c.50); 108 (II, c.9); 109 (II, c.142); 113 (I, c.96); 114 (II, c.137—138); 130* (II, 57—59); 138 (I, c.78); 153 (II, c.64); 157 (I, c.56); 164 (II, c.105); 166 (I, c.186); 171 (I, c.234); 178 (II, c.44); 183 (II, c.129); 197 (II, c.133); 221 (I, c.117—118); 224 (I, c.119); 228 (I, c.100—101); 231 (I, c.227—233); 233 (II, c.135—136); 289 (II, c.9—10); 297 (II, c.129); 314 (II, c.10); 324 (I, c.165—168); 325 (I, c.44—56); 326 (I, c.56—61); 330 (I, 105—107, 73—75).

44. [Soulas d'Allainval L.-J.-C.]. ......ANA, ou bigarrures calotines. Paris 1730—1733. P.1—4.

90 (III, c.42—43); 149 (III, c.39—40).

45. Sturm J.J. Kurze Anweisung der allerbesten und leichtesten Manier die Französiche Sprache in weniger zeit aus dem Fundament zu lehren und zu erlernen... Coburg, 1710.

46 (c.276—277); 67 (c.297); 75 (c.276); 84 (c.282); 85 (c.290); 86 (c.291); 87 (c.291—292); 88 (c.301—302); 97 (c.304—305); 120 (c.283); 221 (c.278—279); 234 (c.302); 271 (c.296—297).

46. d'Ouville A. L'élite des contes du Sieur D'Ouville. Augm. en cette édition. Rouen, 1699. P.1—2.

43 (I, c.131—132); 65 (II, c.53—55); 67 (I, c.119); 71 (I, c.187—189); 72 (II, c.359); 75 (I, c.53—54); 80 (I, c.66—67); 97 (I, c.95—96); 100 (I, c.313—314); 157 (II, c.343—344); 194 (I, c.419); 212 (I, c.394—395); 220 (I, c.79—80); 221 (II, c.330—331); 228 (I, c.54—55); 229 (I, c.65); 231 (II, c.127—134); 243 (I, c.408—409); 264 (I, c.110—111); 320a (II, c.191—273); 323 (II, c.273—292); 324 (I, c.234—237); 325 (I, c.194—208); 326 (I, c.210—216); 327 (I, c.216—220); 330 (I, c.372—375).

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Из содержания журнала «Детское чтение для сердца и разума» (к иллюстрации «гнездового» расположения переводных материалов)

Условные сокращения:

Kf — Der Kinderfreund / Hrsg. von Ch. F. Weisse. 1775—1781. Указывается часть (римская цифра) и номер (арабская цифра).

LKJ — Lektüre für die kleine Jugend, zum Unterricht, Vergnügen und Veredlung des Herzens. Giessen, 1779—1787. T.1—6. Указывается часть (римская цифра) и страницы (арабские цифры). Ознакомиться с первой частью de visu не представилось возможности.

Цифра перед русским заглавием обозначает номер, под которым напечатана статья в «Детском чтении».

1786, ч. 7

7. О некотором ядовитом дереве, находящемся на острове Яве, в Ост-Индии. (№31. С.101—109). — Erzählung von einem merkwürdigen Giftbaum auf der Insel Java in Ostindien // LKJ V, 32—41.

8. Анекдот («Иосиф II, нынешний римский Император, прогуливаясь некогда в вечеру...»). (№31. С.110—111). —Edelmuth // LKJ V, 84—85.

10. О огнедышущей горе Везувии: (Из письма одного путешествовавшего англичанина). (№32. С.113—116). — Der feuerspeisende Vesuv: In einem Brief beschrieben von einem Engländer // LKJ V, 339—342.

11. Достопамятная повесть о некотором шотландце, жившем несколько лет на пустом острове. (№32, с.116—121). — Alexander Selkirk // LKJ V, 159—165.

12. Анекдот («Один стихотворец написал сатиру...»). (№32. С.122). — Abt Voisenon // LKJ V, 85—86.

13. Жадность к корысти и неблагодарность: Восточная сказка. (№32. С.123—128). — Geiz und Undank: Ein Morgenländisches Märchen // LKJ V, 178—184. Ср.: Geiz und Undank // [Gavrilov M.]. Deutsches Lesebuch. Moskau, 1792.

S.54—61. Др. пер.: Скупость и неблагодарность // Новые басни и повести, с присовокуплением нравоучительных примечаний, служащих приятным и полезным препровождением времени: Подарок благородно воспитывающемуся юношеству / Пер. с нем. яз. девица Марья Базилевичева. М., 1799. Ч. 2. С. 128—137.

14. Плачевные следствия пристрастия к игре. (№33. С.129—137). — Die traurigen Folgen der Spielsucht // LKJ V, 165—175.

15. Добродетельный сын (№33—34. С.137—149). — Einige Lebensumstände eines grossmüthigen Irrländers // LKJ V, 254—266.

16. Разговор («В один прекрасный день во время жатвы...»). (№34. С.149—159). — Kf VIII, 111—112.

17. Сова и другие птицы: Басня. (№34. С.159—160). — Die Eule und die Gesangvögel // Kf VIII, 107.

18. Путешествие Васко де-Гамы в Ост-Индию. (№35—37. С.161—200; продолж.: Ч.8, №38—39. С.3—30). — Vasco de Gama Reise nach Ostindien, die erste welche von den Portugiesen um Africa herum vollfuhrt wurde // Campe J. H. Sammlung interessanter und durchgängig zweckmässig abgefasster Reisebeschreibungen für die Jugend. Hamburg. 1785. T.1. S.153—224 (Kleine Kinderbibliothek. Bd 13).

19. Добродетельное семейство. (№37. С.200—204). — [Tressan L.-E.]. Fleuriot, eine lothringische Familie // LKJ V, 2—8. Отрывок из кн.: Hirzel H.K. Die Wirtschaft eines philosophischen Bauers. Zürich, 1761; 1774. Др. пер.: Описание поколения Флориотов, известных в Лотарингии под наименованием Валдаинов // Гирцель Г.К. Сельской Сократ, или Описание экономических и нравственных правил жизни философа-земледельца. М., 1789. Ч.1. С.334—353; Письмо графа Т***, касающееся до фамилии Флорио, известной в Лотарингии под именем Вальдажу // [Беранже Л.-П., Гибо Э.]. Нравоучение, представленное на самом деле... М., 1790. Ч.1. С.218—225.

20. Пчела и муравей: Басня. (№37. С.204—206). — Die Biene und die Ameise // Kf VIII, 107.

Другие вероятные переводы из хрестоматии LKJ

1785, Ч.4

23. Достопамятное происшествие в натуре. (№49. С.145—149). — Neu entstandene Insel // LKJ IV, 71—73.

24. Анекдот («В Париже была некогда чрезвычайная

дороговизна в хлебе...»). (№49. С.150—153). — Der wohlthätige Prinz // LKJ IV, 62—65.

26. Ганс Егеде. (№50—51. С.161—182). — Hans Egede // LKJ IV, 111—129.

29. Награжденный великодушный поступок. (№51. С.190—192). — Belohnung einer edlen That // LKJ IV, 147—149.

1786, ч. 5

5. Анекдот из древней Римской истории. (№1. С.13—16). — Der verschwiegene Knabe // LKJ IV, 75—77.

1786, ч. 6

3. Потерянной сын. (№2 [15]. С.25—30). — Das verlohrne Kind // LKJ II, 312—317. Ср.: Das verlorne Kind // [Gavrilov M.]. Deutsches Lesebuch. Moskau, 1792. S. 27—32. Др. пер.: Потерянное дитя // Детская книга, или Собрание нравоучительных повестей, переведенных из лучших французских сочинителей. М., 1796. С. 46—55; Потерянный сын // Новые басни и повести... / Пер. с нем. яз. девица Марья Базилевичева. Ч. 2. С. 30—37.

1786, ч. 8

10. Хитрость одного Американца. (№43. С.95—96). — List einer Amerikaners // LKJ IV, 296—297.

17. Анекдот. (№46. С.144) — Auch ein Anekdötchen von einem schlechten Maler // LKJ IV, 55—56.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Примеры компиляций П. Хольстена, переведенных в «Иртыше, превращающемся в Ипокрену»

Содержание реферируемых в «Английском еженедельном листке» трудов Хольстен передавал, как правило, не собственным изложением, но преимущественно выборочным переводом отрывков разной протяженности (от нескольких страниц, абзацев, предложений до отдельных фраз и даже их фрагментов), подогнанных друг к другу таким образом, чтобы составлялось непрерывное смысловое целое. Иногда это получалось очень удачно, иногда — с немалыми потерями аргументации и доказательности, о чем, однако, читатели не догадывались, так как эти нарушения видны, как правило, только при сличении с английским подлинником. При подобном обращении с исходным текстом ослабевали его исконные внутренние связи, деформировалась авторская логика, теснимая логикой рассуждений компилятора, у которого появлялась необходимость в отступлении от последовательности выбранных отрывков.

Хольстен сплошь и рядом прибегал к перекомбинации. В простейших случаях переставлялись соседние и близко расположенные фрагменты. В таком виде, например, попали в «Иртыш» рассуждения Кеймза «О влиянии климатов, средств пищи, правления, нравов и обычаев на национальные характеры человеческие»[1]:

Die verschiedenen Himmelsstriche <...> die schönsten Länder der der Welt ... (193—195). = Разные положения неба <...> в прекраснейших странах света (1—6).

Н. у.

---

[1] Продолжение кратких исторических известий. О влиянии климатов, средств пищи, правления, нравов и обычаев на национальные характеры человеческие / Из сочинения лорда Каймеса // Иртыш. 1791. Июнь. С.1—21. Источник: Vom Einflusse des Klimat, der Nahrungsmittel, Regierung, Sitten und Gewohnheiten auf die Nationalcharaktere der Menschen / Aus dem Engl. des Lord Kaimes // Das Englische Wochenblatt. 1778. №25. S.193—200. В тексте указываются страницы: русских фрагментов — по «Иртышу», немецких — по «Das Englische Wochenblatt», английских соответствий — по изд.: [Kames, H. Home]. Sketches of the History of Man. Edinburgh, 1774. Vol.1—2. (сокращено: Kames, том римской цифрой, страницы — арабскими). Сокращением «н.у.» обозначается неустановленный источник.

Das nicht alle Klimata <...> die nöthige stärkere Nahrung giebt (195). = Искусство научает <...> крепкую пищу дают (6—8).

Kames I, 10—12.

Die erste Nahrung <...> Fleisch der Thiere (195—197). = Первая пища человеческая <...> до звериного мяса (9—14).

Kames I, 44—54.

Die Verschiedenheit der Statur <...> Was hilft das Klima hier? (197—200). = Различность видов <...> тут помогает климат (14—21).

Kames I, 12—19.

Иногда перетасовкой мелких фрагментов, извлеченных с удаленных друг от друга страниц, создавался мозаичный текст, в котором происходили уже значительные нарушения авторского изложения, например: материал, иллюстрирующий определенный аргумент, привлекался для пояснения другой мысли[2].

Повсеместно применял Хольстен контаминацию по признаку тематического единства или близости фрагментов из сочинений разных авторов. Так, описания исторических достопримечательностей Рима, заимствованные из путевых писем французской писательницы Мари-Анны Дюбокаж (Du Bocage, 1710—1802) (№21—22), дополняются сведениями из «Истории упадка и разрушения Римской империи» Эдварда Гиббона, первый том которой вышел в 1776 г. (№22); рассуждения лорда Креймза о независимости национального характера от климата и пищи — мыслями и примерами неустановленного автора[3]:

---

2 Номера «Английского еженедельного листка», в которых отмечено это явление, не были переведены в «Иртыше», и поэтому иллюстративные примеры в рамках данной работы не требуются. Они приведены в кн.: XIII век. СПб., 1991. Сб. 17. С.117—118.

3 Продолжение кратких исторических известий. Заключение рассуждений Лорда Каймеса о влиянии климатов на физический и нравственный характер человеков, тож некоторые примечания о последствиях изобилия и недостатка средств пищи, также богатства и роскоши в разных народах // Иртыш. 1791. Июль. С.1—19. Источник: Fortsetzung der Betrachtungen des Lord Kaims, über den Einfluss des Klima auf den physischen und moralischen Charakter der Menschen; Imgleichen desselben Bemerkungen, über die Folgen des Ueberflusses oder Mangels der Nahrungsmittel, des Geldes und des Luxus bei verschiedenen Völkern // Das Englische Wochenblatt. 1778. №26. S.201—207.

Da wir aber auch in allen Himmelsgegenden <...> in die grösste Unwissenheit gerathen sind (201—203). = Понеже как под разными полосами неба <...> в великое невежество впали (1—6).

Kames I, 19—26, 30—31, 38—43.

Das die Vermehrung der Menschen <..> von 5 bis 600 Morgen Landes verzehren (203). = Что ж умножение человеческого рода <...> находящуюся на оных впадает (6—8).

Kames I, 54—55.

Der Haase vermehrt sich <...> den Vergleich zu treffen (203). = Заяц мечет <...> и примирения (8).

Н. у.

Die Einwohner eines Landes <...> Lust und Stärke (203—204). = Жители такой земли <...> в нерадение о себе (8—10).

Kames I, 55, 58—60.

Ein Volk bei dem der Luxus <...> dem Hange zu Moden hingerissen zu werden (204—205). = Народ, в коем роскошь усилится <...> наблюдая домашнюю свою экономию» (10—15).

Н. у.

Eine gar zu grosse Zirkulazion <...> andere Nahrung suchen (206). = Чрезвычайно великое кругообращение денег <...> ищут инде своего пропитания (15).

Kames I, 60.

Das Mein und Dein <...> in allen schönen Künsten hervorgebracht (206). = Сии два слова <...> во всех науках и художествах (15—17).

Kames I, 61—65.

Freilich streben wir <...> beobachtet werden (206). = Правда мы стремимся <...> ненужных для нас вещей (17). Фраза: «и чтоб более продавать чужеземцам, нежели покупать от них совсем иногда ненужных для нас вещей» — вставка Г.Фризе.

Н. у.

Ehe das Geld <...> schöne Sachen zu besitzen; <...> (206). = Ибо прежде <...> прельщающих их предметов; <...> (17—18).

Kames I, 65.

<...> so dass die besten Leute <...> und straffälligen Betragen greifen (206). = <...> так что наилучшие люди <...> наказания достойным ухваткам (18—19).

Н. у.

Die Beispiele sind bekannt <...> voll des todtenden Giftes (206—207). = Из истории известно <...> смертоносным ядом (19).

Kames I, 65—67.

Иногда в компиляцию вовлекались несколько источников, и получались очень сложные композиции. Таким вышел, например, №34, где Хольстен соединил выдержки из «Ковент-Гарденского журнала» Г.Фильдинга, «Друга женщин» Будье де Вильмера, «Очерков истории человека» Креймза и романа немецкого писателя Кристофа Фридриха Николаи (Nicolai, 1733—1811) «Жизнь и мнения господина магистра Зебальдуса Нотанкера» (1773—1776); к этому он добавил собственные небольшие вставки, а Г.Фризе внес от себя три коротеньких фразы. В результате сложилась следующая картина[4]:

Man hat angemerkt <...> in der Stadt ausmachen (265—268). = От давних времен примечено <...> градского воспитания многих благородных девиц (1—12).

The Covent-Garden Journal. 1752. July 18. №55; July 25. №56.

[4] Продолжение кратких исторических известий. О странном и непристойном поведении и о воспитании людей, яко главной причине оного / Из сочинений лорда Гравинна // Иртыш. 1791. Сентябрь. С.1—24. Источник: Von dem seltsamen und ungezogenen Verhalten der Menschen, und der Erziehung als dessen Ursache / Aus dem Englischen der Herren Fielding und Gravinnes // Das Englische Wochenblatt. 1778. №34. S.265—272. Страницы фрагментов из романа К.Ф.Николаи указаны по изд.: Nicolai F. Leben und Meinungen des Herrn Magisters Sebaldus Nothanker. Berlin, 1960 (сокращенно: Nothanker). Английский перевод книги Будье де Вильмера (сокращенно: The Ladies Friend) остался недоступным для сверки, поэтому страницы указываются по французскому подлиннику: L'ami des femmes. Hambourg, 1759.

Есть еще род воспитания, о коем мы здесь со стороны токмо упомянем <...> (12)

Вставка Г. Фризе.

Eine Mutter, die ihr ganzes Leben <...> wenig oder gar nicht in Betrachtung (268—270). = <...> мать, которая всю свою жизнь <...> столько трудов, как образование души (12—17).

The Ladies Friend, ch. 10 (L'Ami des femmes. P.155—157, 146—154).

Hieher gehören die Anmerkungen <...> studirt werden; zu E. <...> (270). = К сему весьма прилично <...> вытверживать название оных, как то напр.: <...> (17)

Nothanker, Buch 3, Abschnitt 1—2 (резюме).

<...> ein Bonnet à demi ajusté <...> frisiert sein muss (270). = Боннет а деми, а жюсте <...> причесана должна быть; <...> (17).

Nothanker. S. 151, Fussnote 1.

Comete aux Zephyrs <...> im Winter weheten (270). = <...> Комет о Зефир <...> и зимою веяли (17).

Nothanker. S.148—149, Fussnote 1.

Assasin ist <...> veranlasset (270). = Постильон д'Амур <...> почтение возбуждает; <...> (17—18).

Nothanker. S. 151, Fussnote 1.

Da kommt <...> verbergen (270). = <...> ибо к такой даме подходит <...> скрывающихся! (18).

Nothanker. S. 152.

Sie würde finden <...> rekommandiert ihr die Bücher <...> (270). = <...> простите мне, государыня моя <...> выхвалять книги: <...> (18).

Вставка Хольстена.

<...> d'affaire du coeur <...> portugaise, <...> (270). = <...> дю фер дю кер <...> портюгес; <...> (18)

Nothanker. S. 138.

<...> den l'Ami <...> Pièces fugitives, etc. (270). = <...> л'ами де се <...> коих всех описать не можно (18—19).

Nothanker. S. 146.

Das ist der *bon ton* <...> heutiger Zeiten (270). = Вот весь *бон тон* нынешних петиметров и щеголих (19).

Вставка Хольстена.

Das Verstand weis von keinem Geschlechte <...> erheben können (270—271). = Разум не разбирает пола <...> познаний, как оные (19).

Н. у.

Zum Verwundern würden <...> ein Ansehen in der Welt zu machen (271). = Но удивление было бы <...> бессмертное имя (19—21).

Kames I, 217—218.

Wie viele dergleichen <...> eine öffentliche Person (271—272). = Но много ли видим мы <...> Вот изрядная вывеска (21—24). Предложения: «Сие ныне очень приличным образом названо: убивать время» и «Вот изрядная вывеска» — вставки Г.Фризе.

Н. у.

Список статей автора, содержащих материалы к библиографии русской переводной литературы XVIII в.

1. Библиография анонимных переводов XVIII века (итоги и задачи) // Материалы к научно-методической конференции кафедры иностранных языков (13—14 июня 1968) / Ленингр. ин-т сов. торговли им. Ф.Энгельса. Л., 1969. С.65—70.

2. Испанские и псевдоиспанские повести в русских переводах XVIII века // Там же. С. 76—81.

3. Библиографические заметки о переводных книгах XVIII века // Тр. Гос. биб-ки СССР им. В.И.Ленина. 1969. Т.11. С.145—156.

4. [Уточнения: 96 записей о переводных книгах XVIII века] // Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, 1725—1800: Дополнения; Разыскиваемые издания; Уточнения. М., 1975.

Кроме указанных новых 96 записей, в разделе «Уточнения» отражены материалы, опубликованные в №3.

5. Переводные анонимные произведения в «Городской и деревенской библиотеке» // Н.И.Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976. С.125—130. (XVIII век. Сб. 11).

6. Переводы в первом сибирском журнале // Очерки литературы и критики Сибири (XVII—XX вв.). Новосибирск, 1976. С.31—66.

7. «Товарищ разумной и замысловатой» (1764) и его источник // Сравнительное изучение литератур. Л., 1976. С.223—288.

8. «Присовокупление второе» в «Письмовнике» Н.Г.Курганова // А.Н.Радищев и литература его времени. Л., 1977. С. 199—224. (XVIII век. Сб. 12).

9. Об одной ошибочной атрибуции // Там же. С.251—253.

10. Тобольский журнал XVIII века «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей» // Проблемы жанра в литературе Сибири. Новосибирск, 1977. С. 5—28.

11. Переводческая деятельность И.Г.Рахманинова и жур-

нал «Утренние часы» // Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. Л., 1980. С.83—126.

12. Переводчик В.А.Приклонский: (материалы к истории тверского «культурного гнезда» в 1770—1780-е годы) // Проблемы историзма в русской литературе: Конец XVIII — начало XIX в. Л., 1981. С.244—261. (XVIII век. Сб. 13).

13. Загадки «Ключа коммерции» // Бухгалтерский учет. 1983. №11. с.45—47.

14. Русские переводы из «Опыта нравоучительных повестей» Пфейля // Взаимосвязи русской и зарубежных литератур. Л., 1983. С.73—99.

15. «Часы правителей» в русских переводах XVIII века // Сервантесовские чтения. Л., 1985. С. 15—19.

16. «Адская почта» и ее французский источник // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 169—197. (XVIII век. Сб. 15).

17. Гипотезы об издателе журнала «Смесь» // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С.76—103. (XVIII век. Сб. 16).

18. Перевод из «Китайского шпиона» А. Гудара в рукописном сборнике конца XVIII в. // Книга в России XVIII — середины XIX в.: Из истории Библиотеки Академии наук. Л., 1989. С. 155—163.

19. К 200-летию редкого сибирского издания из фондов БАН СССР: («Училище любви». Тобольск, 1791) // Книга в России XVI — середины XIX в.: Материалы и исследования. Л., 1990. С. 154—168.

20. Петер Хольстен, библиотекарь британской фактории, и цикл «Краткие исторические известия» в тобольском журнале // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17. С. 88—122.

21. Переводы в журнале «Чтение для вкуса, разума и чувствований» // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 230—261.

22. Об одном раннем переводе Фонвизина // Там же. С. 398—399.

23. Переводная литература в периодических изданиях // История русской переводной художественной литературы / Отв. ред. Ю. Д. Левин. СПб., 1995. Т. 1. Проза. С.280—295.

24. Библиографические заметки // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С.187—222.

25. Библиографические заметки // XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20. С. 169—203.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ЗАГЛАВИЙ[1]

---

[1] В указатель включены фамилии авторов и реальных лиц, имена монархов, криптонимы, названия периодических изданий, заглавия литературных сборников и анонимных книг, а также журнальных публикаций (без указания авторства, о котором сведения приводятся в тексте или сносках на соответствующих страницах).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Рак В. Д.
Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века: (Иностранные источники, состав, техника компиляции). — СПб.: Академический проект, 1998. — 336 с.
ISBN 5-7331-0125-3

В монографии подытоживаются многолетние разыскания и исследования автора в области русской переводной литературы второй половины XVIII в. Определены ключевые в изучении переводной литературы термины «подлинник», «трансформация», «оригинал», «источник». В научный оборот вводятся сведения о подлинниках, трансформациях, оригиналах, источниках большого числа переводных художественных произведений, дошедших до русского читателя анонимными, с измененными названиями, без указания языка, с которого выполнен перевод, в виде отрывков, переделок, подражаний и пр. Разработана и проверена на большом материале методика определения источников переводных произведений малых жанров. Разыскания привели к существенной корректировке, частичному или кардинальному пересмотру, либо вообще полному опровержению как полемических, дискуссионных, так и прочно устоявшихся суждений и точек зрения, которыми обросли отдельные переводные сочинения и некоторые периодические издания XVIII в.

Рак Вадим Дмитриевич

Русские литературные сборники
и периодические издания
второй половины XVIII века

Корректор *О. Э. Карпеева*
Компьютерная верстка *Н. Н. Гребещенко*

ЛР № 062679 от 02.06.93

Подписано в печать 07.08.98 г. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1478.
Гуманитарное агентство "Академический проект".
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

multiprint
ПОЛИГРАФИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
"Полиграфический центр "MULTIPRINT"
190000, г. Санкт-Петербург, Прачечный пер., 6
Тел./факс 812 315 33 10